

МИФЫ, ПРЕДАНИЯ, СКАЗКИ КЕТОВ

**МИФЫ
ПРЕДАНИЯ
СКАЗКИ
КЕТОВ**

Российская академия наук
Отделение истории
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)

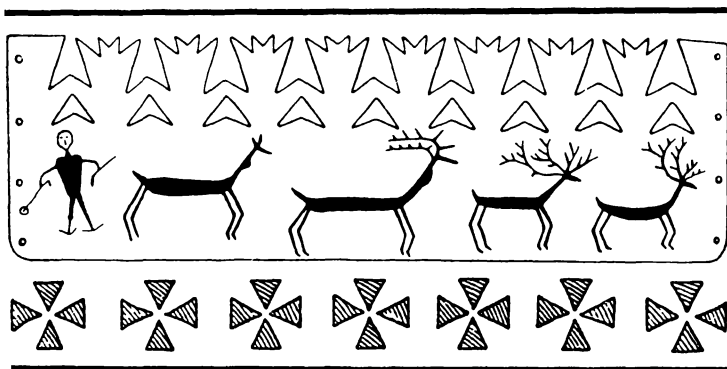

**СКАЗКИ
И
МИФЫ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 1964 г.

МИФЫ ПРЕДАНИЯ СКАЗКИ КЕТОВ

Москва
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
2001

УДК 398+82/821
ББК 82.3(2Рос)
М68

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 00-04-16042*

Редколлегия

Е.М.МЕЛЕТинский (председатель), С.Ю.НЕКлюдов
(ответственный секретарь), С.М.АНИКеева, Е.С.Новик,
Б.Л.РИФтин, О.Б.ХРИСТОФорова

Составление, предисловие, комментарии
и глоссарий Е.А.АЛЕКСееНКО

Под общей редакцией
Е.С.Новик

Редактор издательства
Н.Г.МИХАЙЛОВА

Мифы, предания, сказки кетов. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 343 с. (Сказки и мифы народов Востока).
ISBN 5-02-018238-9

Кеты — немногочисленный коренной народ Енисейского Севера, исконные рыболовы и охотники, последние носители живого языка енисейской лингвистической семьи.

Очередной выпуск издающейся с 1964 г. серии содержит первую наиболее полную публикацию кетского повествовательного фольклора на русском языке. В нее вошли образцы устного творчества, собранные лингвистами и этнографами преимущественно во второй половине XX в. во всех диалектно-этнографических группах кетов.

ББК 82.3(2Рос)

© Е.А.АлексееНко, составление, предисловие,
комментарии и глоссарий, 2001

© Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 2001

ТП-2001-II-141
ISBN 5-02-018238-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

1

Среди коренных народов Енисейского Севера Сибири есть один, с которым связано много научных проблем. Народ этот — кеты. Более двух столетий они привлекают внимание лингвистов, этнологов, антропологов. Но многие вопросы их исторической судьбы, языка и культуры остаются открытыми; решать их предстоит исследователям наступившего нового века¹.

Численность кетов, документально известная с начала XVII в., не превышала 1,5 тыс. человек. По последней официальной переписи (1989 г.), их было 1113 человек. Способность столь малочисленной популяции воспроизводить себя, а членов ее — долгое время сохранять этническое самосознание даже в условиях преобладающего инонационального и иноязычного окружения (представители других народов Севера, русские и др.) — одна из проблем, связанных с кетами. Изучение ее предполагает выявление традиционных культурных и социальных механизмов, которыми до определенного времени (в целом до последней трети XX в.) поддерживалась относительная стабильность этноса.

Кеты — преимущественно сельские жители, хотя к 1989 г. уже 17,8% их жили в городах. Они являются национальным меньшинством в Туруханском и Байkitском (Эвенкийский автономный округ) районах Красноярского края России. В Туруханском районе сосредоточено более половины всех кетов. Они составляют три компактные группы на левобережных притоках Енисея: елогуйскую (национальный центр — пос. Келлог на р. Елогуй), сургутихинскую (пос. Сургутиха на одноименной реке) и пакулихинскую (пос. Бакланиха на Енисее; до переселения сюда эти кеты жили на р. Пакулиха). Четвертая группа — курейская (пос. Серково на р. Курейка и пос. Мадуйка на оз. Мундуйское). Соседями кетов везде являются селькупы, эвенки, а также русские и представители иных национальностей. Отдельные семьи проживают во многих русских туруханских поселках (Ворогово, Сумароково, Бахта, Верхне-Имбатское, Канготово, Верещагино, Горошиха, Туруханск). К Байkitскому району Эвенкии с 1960-х годов отнесена пятая компактная группа кетов — подкаменнотунгусская (пос. Суломая на р. Подкаменная Тунгуска). Кроме русских их соседями здесь являются эвенки. Отдельные кетские семьи сейчас встречаются и в других эвенкийских поселках (Байkit, Полигус). Наконец, единичные семьи живут в Енисейском (пос. Ярцево, Сым) и Игарском районах Красноярского края.

Кеты обитают в высоких широтах; на Курейке и в Игарском районе они живут уже за Полярным кругом. Климатические условия здесь нелегкие: зимы, тянущиеся более шести месяцев за счет ранних осенних и поздних весенних холодов

(полностью безморозным бывает лишь июль); морозы, достигающие 40–50°, снеговые заносы, короткий световой день. Но природе свойственна гармония, и она компенсирует суровость Севера перламутровыми белыми ночами. Не понятно только, зачем ей понадобилась «ложка дегтя» в виде мириадом кровососущих, в лучшее время года терроризирующих все живое. Не случайно в фольклоре кетов и других северян комары и мошкара ведут свое происхождение от самых злокозненных персонажей.

Прекрасен в своем величии Енисей — главная артерия региона. С одним из живописнейших его мест — Осиновскими порогами у кетов связано много мифологических сюжетов, можно даже сказать, что отсюда начинается их мифологическое пространство: в легендарное время герой Альба, прорубив здесь горный кряж, дал начало самому Енисею и открыл людям реку-дорогу на Север.

Енисей делит территорию региона на две части: низменную в левобережье, где кончается Западно-Сибирская низменность, и возвышенную (500–600 м над уровнем моря) правобережную, где начинается Средне-Сибирское плоскогорье. Наиболее крупные правобережные притоки — Нижняя и Подкаменная Тунгуски (с последней связаны гипотезы о тунгусском метеорите), а также Курейка, Сухая Тунгуска, Бахта. Они порожисты и быстротечны. Левобережные Сым, Дубчес, Елогуй, Сургутиха, Пакулиха, Турухан, наоборот, спокойные, извилистые, с большим числом великолепных береговых плесов.

Большую часть региона занимает хвойная тайга, хотя береза, осина, ольха и другие лиственные деревья и кустарники встречаются повсеместно. На севере тайга уступает место лесотундре и тундре. В системах Сыма, Дубчеса и Елогуя преобладают боры из кедра, сосны, ели. В районе Курейки леса низкорослы, часто разреженные; более всего здесь распространена лиственница, но есть ельнички и березняки. Для этого района характерна и горная тундра с кустарником, карликовой березой, стелющимся кедром. Повсеместно, особенно на левобережье, много озер и заболоченных участков (местные жители называют их тундрочками). Сосновые боры левобережья богаты ягелем, основным кормом оленей, на правобережье ягельники встречаются только на реках Курейка и Бахта.

Природная близость левобережных речных долин составляет интригу распространенного мифологического сюжета: сын легендарного шамана Дога, спущенный в образе гагары с неба на землю, вместо родины отца — Елогуя (или его притока Келлога) попадает на Сым, где живут чужие люди, и погибает².

Тайга и тундра кормят и укрывают многих зверей и пернатых. В их числе — лось (местн. «сохатый»), олень (местн. «дикий»), а также медведь, россомаха, лисица, волк, соболь, белка, колонок. В тайге водится боровая дичь — глухари, тетерева, рябчики. Озера привлекают перелетных водоплавающих — гусей, лебедей, уток разных пород. Весной воздух круглые сутки буквально звенит от криков смеющихся одна другую птичьих стай.

Местная фауна неоднократно претерпевала изменения из-за деятельности людей. К концу XVIII в. исчез в результате хищнического истребления прежде изобиловавший здесь соболь, а через полтора столетия появился вновь, завезенный из баргузинской тайги. Сохранился этот ценный пушной зверек только благодаря длительному запрету на отстрел и устройству заказников. В течение XVII–XVIII вв. были истреблены бобры. А когда-то их было столько, что, по преданиям, кеты предпочитали обтягивать лыжи не оленьим камусом (шкура с ног), а бобровой шкурой. Из-за лесных пожаров и вырубок неоднократно покидала свои гнез-

довья белка. Зато прижилась и распространилась по всему региону завезенная сюда неприхотливая ондатра.

Реки и озера Туруханского края издавна славились рыбными запасами. Старожилы разделяют рыбу на красную, белую и черную. К красной (в смысле — самой лучшей) относят осетра, стерлядь. Белая рыба включает лососевых: нельму, муксуна, чира, сига, пелядь, хариуса, ряпушку, тугуна. Черной называют всех частиковых — щуку, окуня, язя, налима и пользующегося особой популярностью ельца (его ласково называют ельчик-момчик).

Природные условия способствовали промысловой направленности хозяйствования в Туруханском регионе в далеком прошлом и до настоящего времени. Рыболовство и охота, подсобное (транспортное) оленеводство были исконными занятиями кетов, селькупов, эвенков (у последних оленеводство было более развито), и они обусловили особенности образа жизни людей, их бытовой культуры и мировосприятия. Многие из культурного опыта коренных северян усвоили переселенцы, и это помогло им легче адаптироваться в местных условиях. В фольклоре природные условия Енисейского Севера составляют яркий ландшафтный контекст развертывающихся сюжетов

Слово «кеты» не является самоназванием народа. Оно введено «сверху» в 1920-х годах; в основу его, как и для других аборигенов Севера, положено слово «человек» (*кет/кэт*). До того кеты были известны как «остяки», «енисейские остяки», «енисейцы» (в научной литературе последнее название распространяется и на другие, ныне уже не существующие народы с родственными кетскому языками). «Остяками» кетов назвали продвинувшиеся в начале XVII в. с Оби на Енисей русские казаки по аналогии с уже известными им обско-угорскими остяками — хантами и самодийскоязычными селькупками (старое название — «остяко-самоеды»). За общим для разноязычных народов названием «остяки» стояла подмеченная русскими землепроходцами внешняя близость культурного облика и хозяйствования коренных обитателей приречных долин — рыболовов и охотников.

Сами же кеты в то время и позже различали себя по родовой принадлежности (сородичей объединяло общее для них родовое самоназвание) и месту проживания той или иной группы, главным образом по названию рек: *сымденг* («сымские люди»), *елукденг* («елогуйские люди») и т.д. Отсутствие общего самоназвания (но, может быть, им когда-то было слово *денг* — «люди») обуславливалось уровнем этнического состояния кетов, когда кровнородственные (родовые) объединения составляли одновременно территориальную и социальную единицу. Устойчивость родственных связей обеспечила сохранение родовых этнонимов вплоть до середины XX в. Вместе с тем осуществленное русской администрацией объединение коренных обитателей в составе уездов (Мангазейского, Енисейского), а затем волостей, расширение контактов между отдельными группами для выполнения ясачной повинности способствовали развитию представления об общности и распространению названия «остяки» в качестве единого самоназвания в кетоязычной среде. Необходимость замены этого наименования стала очевидной уже в первые годы практической работы на Севере после установления советской власти. Остяками продолжали называть хантов, с которыми кеты еще имели контакты в верховьях Таза — на западной периферии огромного Туруханского региона, а также непосредственных их соседей — селькупов. Применение одного этнического термина к трем разным народам подчас вызывало путаницу. Название «кеты» легко вошло в жизнь в качестве общего самоназвания народа: оно восходило к слову

родного языка, к тому же наименование «остяки» со временем стало восприниматься многими людьми как устаревшее и уничижительное. Однако с некоторых пор в Туруханском районе стихийно распространилось и постепенно возобладавало в официальной сфере и народной среде название *кетó*. По своему происхождению это зательная форма слова «человек»: так у кетов мужчина обращается к мужчине.

Язык кетов считается своего рода лингвистическим феноменом, так как обладает строем, не находящим соответствия в соседних языках. Условно его относили к палеоазиатской (палеосибирской) группе, включающей структурно разнотипные и генетически различные языки — эскимосско-алеутские (эскимосы, алеуты), чукотские (чукчи, коряки, ительмены), юагирский и изолированный нивхский. Общее название «палеоазиатские» эти языки получили в связи с гипотезой Л.И.Шренка о древнем аборигенном происхождении их носителей.

Кетский — ныне последний живой язык большой енисейской семьи, включавшей также котский, ассанский, аринский, пумпокольский и другие языки и окончательно переставшей существовать к середине XIX в. Знаменитый финский исследователь и путешественник М.А.Кастрен встретил тогда на р. Агул (приток Кана) несколько последних енисейцев-коттов, помнивших свой язык.

С середины XIX в. известны два диалекта кетского: имбатский и сымский, но сымский ныне признается самостоятельным языком енисейской семьи. По самоназванию его носителей — остяков-югов — его чаще называют югским. Югский был вторым дошедшим до нас живым языком енисейской семьи (вместе с кетским их выделяют как североенисейские). Последних носителей югского — нескольких жителей приенисейских поселков Ярцево и Ворогово — не стало в последней трети XX в., а их потомки языком не владеют. В имбатском диалекте, на котором говорят современные кеты, лингвисты выделяют несколько говоров в зависимости от места проживания группы: елогуйский, сургутихинский, курейский и т.д. (этим обстоятельством объясняется, в частности, различие фонетических вариантов имен, этнонимов и других реалий в публикуемых текстах). Со второй половины XX в. интенсифицировалось смешение говоров внутри территориальных групп.

Деятельность М.А.Кастрена открывается енисейское языкознание, а XX век, особенно его вторая половина, стал временем активного накопления материала и фронтального изучения собственно кетского и некоторых енисейских языков — котского, югского, пумпокольского (А.П.Дульзон, Е.А.Крейнович, Г.К.Вернер, В.Н.Топоров, Вяч.Вс.Иванов, М.Н.Валл, Э.И.Белимов, М.М.Костяков, Т.И.Порова, Г.Т.Поленова и др.).

Енисейские факты использовались и используются ныне в исторической компаративистике. Высказан ряд на первый взгляд парадоксальных гипотез, например о принадлежности енисейских языков к некогда существовавшей древней семье, остатки которой обнаруживаются на огромном пространстве от Пиринеев до Берингова пролива и Северной Америки. Эти языки связывали с баскским, северокавказскими (абхазо-адыгскими), бурушаски, сино-тибетскими и индейскими (атабаскими и родственными им языками, в которых слово «человек» представлено формой *дене*) языками. Дене-енисейская гипотеза в настоящее время получает дополнительные обоснования выявленными параллелями в глагольной морфологии (Э.Вайда); другие известные гипотезы основывались преимущественно на словарных сопоставлениях. Доказательство генетической лингвистической связи Старого и Нового Света на енисейском материале стало бы открытием наступив-

шего века. Что же касается установления наиболее раннего состояния енисейского этноса, то главным здесь остается реконструкция языка-основы (С.А. Старостин). Выявляемый при этом лексический фонд дает важную информацию о енисейцах в период, предшествующий этнолингвистическому разделению общности.

Значение накопления новых данных о бесписьменном языке очевидно, и оригинальные нарративные тексты едва ли не главный их источник. 1950–1970-е годы были еще временем существования живой фольклорной традиции (об этом, в частности, свидетельствует возрастное разнообразие информантов, от которых были записаны и представленные в настоящем издании тексты). Ее поле резко сократилось к концу 1980-х годов с уходом из жизни старшего поколения и произошедшими кардинальными изменениями в культурно-бытовом укладе людей. Знакоков-исполнителей среди кетов ныне насчитываются единицы. Нарушилась устойчивость оригинальной устной традиции. Вместе с тем наметилась новация, когда современный грамотный информант предлагает своего рода «вторую редакцию» произведения, ставшего ему известным по публикации, так как собиратели 1950–1970-х годов, как правило, отправляли на места результаты своей работы.

Сокращается число владеющих своим языком. Уже при переписи 1989 г. почти половина кетов (49,4%) родным назвали русский, а свободно говорящих pocketsки оказалось только 5,5%. В 1991–1992 гг. число лиц, считающих свой язык родным, составляло 32,0%. Лингвисты отмечают определенную деградацию кетского: сокращение объема глагольных форм и некоторых форм множественного числа, общего лексического фонда (О.А. Казакевич [57]). Единственному оставшемуся языку енисейской семьи, языку-феномену, ныне также грозит исчезновение. Осуществляемое в начальных классах преподавание кетского в качестве отдельного предмета не может кардинально изменить общей тенденции. Дальнейшая судьба языка зависит от того, будет ли он языком бытового общения детей и подростков. Но пока что прогнозы здесь неблагоприятные, так как их родители в большинстве своем относятся уже к поколению, ориентированному на русский язык, русского партнера в браке, культуру городского типа.

Своеобразие внешнего облика части кетов также давало повод говорить об их отличии от сибирских соседей и сходстве с аборигенами Нового Света. Действительно, они менее монголоидны, чем эвенки, их волосы темнее, чем у хантов и селькупов, а отдельные лица как бы соответствуют хрестоматийному образу американского индейца. Но современная антропология пока не склонна принять эти заманчивые предположения. В целом кетов характеризуют уральские черты, сближающие их с самодийскоязычными (селькупы, энцы, ненцы) и угорскими (ханты, манси) народами. Уральские признаки обнаруживают коренные левобережные жители (например, елогуйские) или выходцы из этих групп. Уроженцев Подкаменной Тунгуски, наоборот, отличает тяготение к некоторым южносибирским тюркоязычным народам — хакасам и др. (И.И. Гохман). И уральские, и южносибирские признаки в антропологическом типе современных кетов находят объяснение в конкретной истории этноса в течение нескольких последних столетий. Не исключено, однако, что более далекие их предки имели иной антропологический облик, и это тоже одна из проблем будущей науки. Но антропологи XXI в. столкнутся и с результатом интенсивного смешения кетов — более всего с русскими, а также с представителями иных некоренных народов. Процесс смешения, неизбежный для малочисленного этноса, живущего в инонациональном окружении, идет давно, но до середины XX в. в общем, постоянно увеличиваю-

щемся числе национально-смешанных браков преобладали браки, заключавшиеся в среде коренных северян, — кетско-селькупские и кетско-эвенкийские (реже).

Общим ассимиляционным этническим и языковым процессам (В.П.Кривоногов [63]) соответствует и современное состояние народной культуры. Самобытные вещи, еще в 1950-е годы составлявшие живое окружение людей, сохраняются только как музейные памятники, а в музее любой предмет, будь то меховая парка или мешочек из ровдуги, расшитый подшейным волосом оленя, роговая пластина для защиты руки от удара тетивы лука или шаманский бубен, остаются памятником творческого опыта народа, его знаний об окружающем мире. К счастью, музейная судьба оказалась благосклонной — вещи кетов хранятся во многих музеях, и не только российских (в Красноярске, Санкт-Петербурге, Томске, Новосибирске, Енисейске, Казани), но и зарубежных (в Германии, Финляндии, Японии). К ним обращаются ученые, художники и просто люди, которым интересно разнообразие человеческих культур. Это важно и для самих кетов, о многих сторонах традиционной культуры которых ныне приходится говорить уже в прошедшем времени.

Енисейская общность, частью которой являются кеты, включала аринов, коттов, ассанов, пумпоколов и др. Немногочисленные группы этих енисейцев жили на Среднем Енисее от рек Чулым, Кеть на западе до Кана и Бирюсы на востоке. К началу XVIII в. большинство их находилось в долготелетней зависимости от тюрко- и иноязычных соседей. Отдаленное прошлое енисейской общности скрыто от нас. Какая была культура древних енисейцев и где они жили в период формирования своего языкового единства? Какова была их судьба до расселения в Сибири и с какими археологическими культурами уже на этой территории их следует связывать? Археологи предполагают, что енисейцев можно искать среди культур бронзового века в хакасско-минусинском регионе. Более уверенно южносибирское обитание енисейцев и собственно предков кетов доводят до гунского времени (последние века до нашей эры — начало нашей эры). Наиболее близкие к нам этапы исторической судьбы енисейцев отмечены дроблением на мелкие группы, слиянием с иноязычным окружением — тюркским, русским, селькупским, эвенкийским. Южносибирские енисейцы перестали существовать как самостоятельные этносы, но память о них сохраняется в географических названиях на местах их прежнего жительства.

Собственно кетоязычные группы на рубеже нашей эры жили далеко от территории своего нынешнего расселения — в горно-таежных районах, где берут начало Иртыш, Томь, Абакан и сама Енисей. Какая-то часть их спустилась вниз по Иртышу и по его притокам перешла на обский приток Васюган, а потом через Обь, Тым и Сым в верховья Елогуя. Свойственное Обь-Енисейскому междуречью обилие рек и широтное направление их течения, а также близкое расположение стекающих с водоразделов притоков создавали благоприятные ландшафтные условия для продвижения людей (не случайно образ реки-дороги столь характерен для устного творчества кетов). Эти пути, отмеченные кетскими гидронимами (выявление и анализ енисейской и собственно кетской топонимики принадлежит А.П.Дульзону), долгое время оставались действующими. Некоторыми из них пользовались в своем продвижении на восток русские казаки, а затем торговцы, деловой люд. С Обь-Енисейским междуречьем связано начало этнических и культурных контактов кетов, хантов и селькупов; они продолжались и далее уже в условиях Туруханского края. Отмечаемая близость сюжетов и мотивов в фольклорных традициях этих народов, несомненно, связана с их контактами.

Кетоязычные выходцы с западных территорий, достигшие левобережья Енисея, составили в XVII в. на Елогуе и в низовьях Имбака группу *инбаков*, потомки которых далее известны под родовым этнонимом *Кэнтаан* (*Кэньтан*). Есть основание полагать, что в формировании этой группы приняли участие самодийцы, родственные современным энцам. Другая часть кетоязычных переселенцев проделала путь с верховий Томи и Абакана. Их потомками стали так называемые *земшаки* в низовье Подкаменной Тунгуски и *богденцы* в устье Бахты; в дальнейшем они известны под родовым названием *Бокдаденг* (*Богдеденг*, *Богдэдэнг*). Упомянутые группы начала XVII в. и составили ядро, из которого сформировался кетский народ. Население этих трех групп и их потомки условно выделяются как северные кеты. Южными именуют очень немногочисленные группы сымских кетов, расселившихся в бассейне Сыма и Дубчеса. Западными соседями кетов в XVII в. были северные селькупы и восточные ханты, а также отдельные вкрапления эвенков, северными — предки тундровых и лесных энцев, северо-западными — ненцы, восточными — эвенки.

К началу XVII в. относится освоение Енисея и прилегающих к нему земель русскими. В числе других групп предков современного коренного населения Енисейского Севера они встретили и кетоязычных остяков, которые также были обложены поставками пушнины и включены в состав Мангазейского и Енисейского уездов. Составляя списки новоявленных плательщиков ясака в государеву казну, русские служилые люди не подозревали, что создают базу данных для истории бесписьменного народа. Ветхие архивные документы донесли до нас, что в трех группах северных кетов начала XVII в. насчитывалось немногим более 600 человек, что каждая из групп объединяла семьи, связанные родством по отцовской линии, а некоторые из семей, большие, включали родственников трех, реже — четырех поколений и достигали 25–30 человек. При этом земшаки и богденцы вместе составляли одну родовую половину предков кетов, а инбаки — противостоящую ей другую. Обе части кетского социума XVII в. были экзогамны, т.е. браки заключались только между членами разных половин, но не внутри каждой. Мужчины-инбаки поэтому вынуждены были искать себе невест среди земшаков и богденцев и наоборот (поездка с целью сватовства с Елогуя на Подкаменную Тунгуску — распространенный фольклорный мотив).

В XVIII в. происходило переселение отдельных семей из перечисленных кровнородственных групп вниз по Енисею и образование новых, уже смешанных территориальных групп. С юга на север это были: шайхинская (позднее она называлась подкаменнотунгусской), бахтинская, елогуйская, фиганская (по Енисею в районе русских деревень Кангатово-Зыряново), кангатовская, нижнеинбатская, черноостровская группы. В некоторых из них уже в XVIII в. кеты оказались в непосредственном соседстве с селькупам. Так, в районе Черного острова на Енисее и устьев Пакулихи, Сургутихи смешавшиеся с кетами селькупы в конце XVIII в. составили группу около 100 человек. Смешанные (в основном кетско-селькупские) группы образовались и в северной части Туруханского района. На Турухане и его притоках в результате слияния кетов и энцев с селькупам сложилось селькупоязычное население, получившее название байшенских и карасинских селькупов. На Курейке в численном превосходстве оказались кеты (переселение их на Курейку началось в XVIII в. и продолжалось в XIX в.), и здесь к середине XIX в. возобладали кетский язык. Немногим ранее первых кетских переселенцев на Курейке появились эвенки, которые в течение двух столетий были соседями курейских кетов и селькупов, но к концу XIX в. большая часть их перешла в верховья Турухана.

В южной части Туруханского региона также сложилась смешанная группа, состоявшая из потомков сымских кетов и селькупов. В непосредственном соседстве с ними жили эвенки, перешедшие в бассейн Дубчеса и Сыма с Подкаменной Тунгуски, а затем расселившиеся и среди левобережного кетско-селькупского населения более северных групп. Самой обособленной в этническом отношении оказалась группа подкаменнотунгусских кетов: в течение XIX в. сюда только переселялись семьи из других кетских групп, иноплеменников же в близком соседстве практически не было.

В хозяйственном освоении Туруханского Севера основную роль сыграли русские Поморья, которые к началу XVIII в. уже значительно превосходили по численности коренных жителей Мангазейского уезда. В северных районах края обособились выходцы из северных районов Поморья, и здесь они продолжали вести промысловое хозяйство, основными отраслями которого были охота и рыболовство. Уроженцы центральных областей Поморья составили сельскохозяйственное население на территории к югу от г. Енисейска. В районах, где складывалось земледельческое хозяйство, процесс образования русского оседлого населения протекал быстрее, чем в северных, промысловых районах; в последних не возникало и крупных населенных пунктов. Кроме деревень на месте прежних казачьих зимовий, на расстоянии 20–30 км друг от друга появлялись только почтовые станции (станки), состоящие из одной-двух изб. Постепенно вокруг них селились русские промысловики, но до конца XIX в., за исключением нескольких деревень (Ворогово, Верхне-Имбатское, Туруханск), енисейские станки были очень малочисленны. Контакты с русскими прежде всего возникали у кетов, постоянно живших вблизи деревень (обычно это были обнищавшие семьи, не имевшие кормильцев-охотников) и подражавших там на любые временные работы — сенокос, заготовку дров, неводьбу.

Одновременно со служилыми людьми и промысловиками в населенных пунктах появилось духовенство и торговцы — мангазейские, тобольские и енисейские купцы. Часть добытой пушнины северяне сдавали в качестве ясачной повинности, другую — отдавали торгующим в обмен на продукты, огнеприпасы и прочие товары. Выплата ясака до начала XX в. оставалась натуральной.

С конца XVII в. все коренное население русская администрация объединяла в волости (управы): северные кеты составили Подкаменно-Тунгусскую, Верхнеинбатскую и Нижнеинбатскую волости, южные кеты вошли в состав Сымско-Касской волости. Эти волости, вместе с образованной позднее кетско-селькупской по происхождению Карасинской волостью, просуществовали до начала 1920-х годов. В официальных документах и научной литературе волости (управы) обычно именуется родами, а главы ее — родовыми старостами, старшинами, князьями. В действительности каждая из волостей была территориально-административной единицей и объединяла семьи из разных родовых групп и даже соседей-иноплеменников. Старшина волости назначался русской администрацией (главным условием было хотя бы минимальное знание русского языка), но формально соблюдалась видимость выборности, для чего устраивались общие сходки (сугланы), приурочивавшиеся обычно к весеннему ярмаркам. Основной обязанностью избранного на три года старшины был сбор ясака и долгов в казну за взятые из казенных магазинов продукты и огнеприпасы; в случае невыплаты долг раскладывался на всех членов волости по принципу круговой поруки.

Русское окружение постепенно оказывало влияние на культуру коренных народов Туруханского региона, сказалось оно, в частности, на мировоззрении и фольк-

лоре кетов. Связанные с промысловым образом жизни народные верования русских обеспечили необходимую точку соприкосновения.

Спецификой, отличительной и долго сохранявшейся чертой кетского социума следует признать большую роль родственных (родовых) связей и экзогамии. Общая родовая принадлежность (ее удостоверяло единое самоназвание) давала право на взаимопомощь, совместное пользование охотничьими и рыболовными угодьями, коллективными ловушками, на участие в распределении добытой рыбы и мяса. Эти права защищали — давали кров, пищу, тепло бездетным старикам, оставшимся без кормильцев детям, одиноким и больным людям. В полной мере они проявлялись еще в годы Отечественной войны 1941–1945 гг. и послевоенное лихолетье. Устойчивыми оказались и обусловленные родовыми отношениями идеологические представления. Все Кэнтаан и Богдэдэнг, независимо от того, жили они на Подкаменной Тунгуске или Курейке, знали о своих реальных и мифологических предках, деяниях легендарных героев и шаманов, духах-покровителях сородичей. Фольклор служил непосредственным средством межпоколенной трансляции этих знаний. В целом они поддерживали чувство солидарности и служили исторической памяти бесписьменного народа о себе. В закрепленных обычным правом нормативах родового коллектива, в экзогамии, служившей средством биологической защиты от инбридинга, проявляется адаптационный потенциал малочисленного этноса, позволявший ему длительное время воспроизводить себя не только этнически, но и физически.

Выжить в суровых природных условиях людям помогала и самобытная культура, и образ жизни, приспособленный к местным экологическим реалиям.

Для традиционной культуры кетов в целом характерно преобладание показательной хозяйственно-культурного комплекса пеших рыболовов и охотников таежной зоны. Основу их хозяйствования до прихода русских на Енисей составляли рыболовство (с особым значением летнего массового лова), а также охота на крупных копытных (лось, дикий олень) и линяющую водоплавающую дичь.

Именно эти занятия в равной степени обеспечивали пищей не только непосредственно после добычи, но и в течение года благодаря заготовленным впрок продуктам (сухая рыба и мясо, рыбий жир и т. д.).

Орудия охоты и рыболовства, используемые на промысле, отличались разнообразием и универсальностью применения. На все виды животных и птиц охотились с помощью лука и стрел; крупных животных, линяющую птицу добывали однотипными по устройству ловчими ямами. Сети и плетенные из прутьев ловушки (так называемые морды) использовались в рыболовстве и при охоте на линяющую дичь. Кетам было известно и ночное лучение рыбы острогой.

С приходом русских и установлением ясачной повинности главным занятием становится охота, точнее — собственно пушной промысел. Потребительская охота на крупных животных и дичь отступает на второй план; рыболовство еще длительное время сохраняет натуральный характер. Товарное развитие пушной охоты, а также влияние промысловой культуры русских обусловили распространение огнестрельного оружия, новых видов ловушек, рыболовных снастей и т. д.

Третья отрасль хозяйства — оленеводство — для кетов всегда имела подсобное значение. Оленеводство у них появилось поздно и не изменило традиционного уклада, так как основой его оставались рыболовство и охота. Олени использовались исключительно как транспортное средство при перекочевках во время зимнего охотничьего промысла, в остальное время они вольно паслись в тайге. Количе-

ство оленей всегда было невелико, их зачастую не хватало для переезда семьи, поэтому приходилось пользоваться дополнительно ручной нартой и волокушей из шкуры лося. Полностью отсутствовали олени у подкаменнотунгусских кетов.

Для домашних занятий кетов характерно рациональное использование местного материала — шкур таежных животных, птиц, рыб, а также дерева, кости, рога, бересты. Из бересты, например, изготавливали разнообразные легкие и гигиеничные предметы домашней утвари, необходимые в условиях промыслового быта: покрывала (*тиски*) для чума и временных укрытий, подстилки, колыбели для новорожденных, своеобразные пеленки, стельки на лыжи и многое другое. Заготовка и обработка бересты были одним из главных женских занятий, поэтому умение выделывать тиски являлось условием, при котором девушка могла быть просватана. Мужским занятием традиционно были обработка дерева (изготовление нарт, лодок, лыж, луков, деревянной посуды), рога, а также кузнечество (изготовление ножей, наконечников остроги, стрел, различных орудий труда, предметов культа и т.д.).

Кузнечество принесло кетам заслуженную славу у других народов Енисейского Севера. Предметом обмена были кетские скребки для обработки шкур (в преданиях «остяцкий скребок» — вожденная добыча врага), ножи, служившие универсальным орудием труда. Искусна и выразительна культовая пластика — изображения духов-помощников шаманов, некоторые их атрибуты и элементы облачения. Особенно это заметно в сравнении с культовой деревянной скульптурой. Традиции кузнечного мастерства кетов связывают обычно с южносибирским периодом истории их предков.

До начала XX в. основу пищи кетов составляли продукты натурального хозяйства. Зимой это было мясо копытных (лося, оленя), боровой дичи, большинства добываемых пушных животных. Главным покупным продуктом была мука. Из нее в особых печах или раскаленном песке (золе) костра выпекали пресные лепешки — *нянь*. В течение лета питались почти исключительно рыбой, только в конце его в рацион входила водоплавающая дичь. Пища кетов разнообразием не отличалась: мясо и рыбу варили, жарили на рожнях, ели в мороженом и сухом виде.

Основные заготовки продуктов были из рыбы. Из летнего массового улова котцом (загородка из жердочек с плетеной ловушкой «мордой») готовили порсу, юколу, «варку», рыбий жир. При успешной добыче копытных излишки мяса сушили или замораживали. Немаловажное, хотя и подсобное значение имела растительная пища (ягоды, клубни сараны, черемша, сушеные листья различных растений). В голодные периоды, особенно весной, когда кончалась купленная у торговцев мука, пекли лепешки из порсы, смешанной с толченой еловой корой; чай заменяли отвары трав. Низкий жизненный уровень не способствовал широкому проникновению покупных продуктов, а стихийность промысловой удачи и особенно наличие длительных «пустых» межпромысловых периодов (например, весной, когда отсутствие наста не позволяло охотиться, а до вскрытия рек оставалось еще много времени) вызвали частую нехватку пищи, вели к полуголодному существованию. Показательно, что в промысловых верованиях особую живучесть получила идея возрождения добытого животного, рыбы, а также обрядовые действия, обеспечивающие стабильность промыслового успеха. Той же цели служили определенные поведенческие нормативы, народный этикет. В произведениях фольклора эти сюжеты широко представлены, как и сама тема голода.

Природная среда и потребности промыслового быта обусловили особенности годового хозяйственно-бытового уклада. Его отражает народный календарь, включавший тринадцать названий.

До интенсификации пушной охоты — для выплаты ясака, торговли — все холодное время, т.е. восемь-девять месяцев, семь жили в землянках. Кетская землянка (*банзусь* — букв. «земляной чум») была четырехугольной, с трапециевидным углублением-входом. Каркасом для покрытия из досок и дерна служили вкопанные в землю стропила. В средней части располагался очаг, а для обогрева существовал особый чувал из реек, обмазанных глиной. Не трудно представить, каково было людям в землянке, стены которой постоянно покрыты изморозью, а свет едва проникает сквозь отверстие, закрытое льдом или слюдой. Сходные землянки встречались у хантов и селькупов. Можно предполагать, что этот тип жилища был характерен для исконных рыбацких и охотничьих кетов. Кеты перестали пользоваться землянками только к концу первого послевоенного десятилетия, когда повсеместно стали возникать поселки — центральные усадьбы колхозов, в которых постепенно возобладали типовые постройки (единичные дома появились еще до войны у ярцевских югов и суломайских кетов).

Обычно две-три землянки располагались рядом на высоко незатопляемом берегу или речном мысу в верховьях рек. В начале периода «замерзания земли» люди переправлялись сюда с мест легкой рыбалки на больших, с крытой жилой частью лодках-илимках, служивших в пути и для ночевки. Против течения их тащили бечевой с помощью собак. До образования толстого льда добывали рыбу небольшими котцами. Мужчины по мелкому снегу уходили на охоту с одной-двумя ночевками (в народном календаре кетов охота неподалеку от жилья называлась «пешей», а в речи русских старожилов — «малой ходьбой»). Брали с собой мальчиков, чтобы те учились находить и понимать следы зверей, метко стрелять из ружья, различать по лаю собаки, кого та преследует (например, белку или кедровку) и надо ли торопиться к ней. Будущему таежнику необходимо было овладеть целым комплексом знаний и практических навыков. Это и умение ориентироваться во времени и пространстве, и способность предвидеть непогоду, чтобы успеть сделать заслон или вырыть яму в снегу, не растеряться, оказавшись один на один с полной таинственных звуков темнотой... Могло нехстати порваться ремешок крепления или срочного ремонта требовала ручная нарта. Недаром символом трудовой роли мужчины был обычай прикреплять к поясу ровдужный мешочек с его пуповиной рядом с ножом, кisetом, пороховницей.

Каждодневный трудовой ритм в это время нарушался только праздником по случаю добычи медведя. У кетов он был особенным, поскольку в добытом медведе видели умершего родственника, явившегося из инобытия к «своим» людям в гости. О том, кто именно пришел, узнавали по приметам (вспоминали, например, у кого, как и у добытого медведя, был кривой глаз, преждевременная проседь, соответствующая «седой холке» зверя, и т.п.) и гадая отрубленной лапой. По «желанию» лесного гостя люди оставались дома несколько дней, а затем провожали олицетворявшее его изображение в лесной мир, снабдив ценностями человеческого коллектива: рыбьим клеєм, медью, средствами добывания огня.

«Малая ходьба» прекращалась с наступлением периода «коротких дней» (кеты и селькупы называли его еще «палец на рукавице», так как за день женщины едва успевали сшить палец на меховой рукавице) — самого темного, холодного и опасного времени года. Обычай предписывал заниматься в это время только неотложными каждодневными делами и реже покидать обжитый, человеческий, мир — жилище, стойбище, — дабы не стать добычей окружающих людей вредоносных существ — *литысь*, *кэлбэсам* и др. Те всегда действуют в интересах *Хоседам*

(отрицательное начало, олицетворение севера, хозяйка мира мертвых). Враждебные шаманы выжуживают для нее *ульвей* (двойник человека, душа), закинув свою удочку в дымовое отверстие. Так кеты объясняли неожиданный обморок человека. Окружающие стремились спасти его, размахивая в воздухе ножами, чтобы перерезать невидимую леску. Боясь привлечь внимание злокозненных существ, взрослые вечерами не повышали голоса и не позволяли детям шуметь, пресекали их шалости (мотив, присутствующий во многих сказках). Да и сами они чувствовали себя спокойнее, собираясь вместе в одной из землянок. Слушали предания и сказки, некоторые из них, как считалось, обладали магическим зарядом — могли, например, прекратить пургу, вызвать потепление (но только в том случае, если рассказчиком был человек, родившийся в теплое время года).

Зимний солнцеворот знаменовал новый этап в образе жизни людей. Теперь уже вся семья (или несколько родственных семей) покидала землянку и отправлялась в долгое, до весны, кочевье по охотничьим угольям — «дорогам». В народном календаре это было начало периода «больших», «длинных дней» («большой ходьбы»). Покидая обжитое стойбище, совершали ритуал умилоствления («дорожной старухи» (см. [62]), хозяйки лесных угодий, а шаман или старший в группе особым обрядом переводил души всех отправлявшихся в кочевье людей с Берега в Лес и закреплял их в ячеях своей невидимой сети, чтобы те постоянно находились под его присмотром.

В *аргише* безоленной семьи (таковые повсеместно преобладали, а подкаменно-тунгусские кеты оленей не имели никогда) все, кроме малолетних детей и больных, шли след в след на широких, гибких, с камусной подволокой лыжах. Мужчинам доставалось самое трудное — прокладывать лыжню, утаптывая глубокий рыхлый снег. Взрослые тащили ручные нарты, часто подпрягая в помощь собаку. Нарту хозяйки семьи выделяло резное изображение вселенной на спинке-заднике³.

Оленный аргиш составляли несколько ездовых и грузовых санок в упряжках из двух оленей. Устройство санок, упряжи, а также народные предания позволяют говорить о позднем, не ранее середины XVII в., заимствовании кетами транспортного оленеводства у соседей-самодийцев. В последней трети XX в. оно прекратило свое существование. Легкие и подвижные ручные нарты, лыжи кетского образца получили широкое распространение, и у промысловиков региона они бытуют до сих пор.

На расстоянии дневного перехода (одна из народных мер протяженности) располагались стойбищем на три-четыре дня. Мужчины за это время успевали освоить окрестные охотничьи уголья, а женщины — перетащить оставшийся на предыдущей стоянке груз. Жилищем семьи теперь на долгое время становился чум (*хусь*) — коническое сооружение из шестов, крытых берестяными покрывками — тисками. Детали устройства чума, а также их названия позволяют связывать его происхождение с периодом южносибирского обитания предков кетов и контактов с кочевниками. Чум у кетов сохранялся долее, чем землянка; еще в 1970-е годы его местами использовали в качестве временного жилища на промысле.

Ставить чум на новом месте начинали с оборудования места для очага — главного символа человеческого жилья и обжитого пространства. Поленья в отгороженном бревнами кострище укладывали всегда наискосок, чтобы они не причинили вред Матери-Огню, застряв, подобно кости, у нее в горле. Огонь непременно угощали — бросали жир, хлебные крошки, брызгали чаем. Представления и правда, связанные с очагом (огнем), жилищем, выражали главные идеи народной

мифологии. Идеей профанного (обыденного) и сакрального пространства определялось размещение людей и вещей. В «чистой», «передней» части (против входа за очагом) были места старших членов семьи — стариков и старух (социальный статус последних приравнивался к мужскому), взрослых неженатых мужчин и мальчиков-подростков. Здесь находились оружие и предметы культа (но одни из них, например старухи-аллэлы и другие изображения семейных охранителей, помещались внизу, а другие, связанные с верхним шаманским миром, непременно подвешивались). На особых планках, прикрепленных к шестам, на оставленных на них сучках «в воздух» поднимались части мужского одеяния (из женского подвешенным мог быть только платок). Ближняя ко входу часть жилища называлась «задней». Здесь держали домашнюю утварь, привязывали собак и выделяли спальное место для женщин в особые для них периоды (после родов, во время месячных). Центральная часть жилища занимала нейтральное положение; там обычно располагались незамужние дочери, а также супруги (младший сын с женой; старшие сыновья, женившись, отделялись) с маленькими детьми, но место женщины в супружеском пологе всегда было ближе ко входу. Знаком благополучия и стабильности считалось вертикальное расположение основных опорных шестов. Повреждение их, тем более падение, предвещало несчастье. В фольклоре упавшие шесты и рожни, на которых люди жарили себе рыбу, погасшие огни очагов были символом разорения стойбища, гибели людей.

К концу следующего за «длинными днями» месяца «сохатого» (название отражает главный вид охоты в это время) семья проходила уже большую часть своего лесного маршрута. Устраивали длительную, на весь следующий период «орла» (на свои гнездовья возвращались орлы) стоянку. Нередко сюда подтягивались и кочевавшие поблизости другие семьи. Охота на копытных тогда приобретала коллективный характер.

Удачную добычу отмечали обрядом благодарения и ритуальным захоронением костей скелета для последующего возрождения добытых животных (тот же обычай существовал и в отношении медведя). Чтобы не нарушить необходимую для возрождения целостность, кости скелета не разрубали, а расчленили по суставам. Считалось, что возрождение животных могло обеспечить и качание на особых, разных для мужчин и женщин, качелях (семантику рождения-возрождения имеет и фольклорный мотив качания). В каждом чуме поочередно устраивалось угощение вареной лосятиной. Однако появление бурундуков после зимней спячки (в календаре — период «бурундука») означало, что наст вот-вот перестанет держаться и надо торопиться выходить из леса, где снег особенно глубок. Чтобы не быть застигнутыми распутицей, в это время шли дотемна; останавливались только для ночевки, наскоро сооружая так называемые «получумы». К этому времени обычно кончались запасы муки и заготовленные впрок рыбные продукты, и потому любая задержка в пути грозила голодом.

Возвратившись на берег, с нетерпением ждали первых пропарин на мелких речках и озерах, чтобы поставить сеть-пушальню или подстеречь пролетающих уток (в народом календаре это был месяц «щуки»). Ждали возвращения с юга лебедей (их кеты не убивали) и, заслышав птичий крик, выходили приветствовать, ставили за чумом посуду с угощением (в мифологических сюжетах в образе лебедя с юга — страны Томам — возвращался легендарный шаман Дог). Но более всего ждали первой подвижки льда и образования трещин. В воду тогда бросали подарки Матери-Реке (бисер, пистоны), угощали ее табаком, хлебом, просили быстрее освободиться ото льда, чтобы люди смогли покинуть уединенные стойбища.

Илимки спускались с верховьев по течению сразу вслед за льдом. Минуя чье-то стойбище, давали приветственный ружейный залп. Ответные выстрелы были знаком благополучной зимовки. Но иногда берег молчал или сама илимка тихо скользила мимо. Народный этикет таким образом предупреждал о случившемся несчастье и тем самым облегчал стресс, вызываемый неожиданным известием.

После зимовки в тайге оставались одинокие захоронения с находящимися рядом вещами умершего: ручной нартой, одеждой, посудой — всем, что потребуется человеку в его посмертной жизни. Младенцев до появления зубов хоронили в дуплах кедров на уровне груди человека. Нишу с ребенком закрывали отделенной частью пня, обвязав прутьями ольхи. Зияющие пустые ниши в стволах старых деревьев (останки после отпадения крышки не сохранялись) оставались свидетельством высокой детской смертности. Из десяти и более детей в некоторых семьях вырастали лишь несколько или даже не выживал никто.

Но весной люди жили предстоящей встречей с сородичами. Они обязательно соберутся в дни летнего солнцестояния на своих родовых мольбищах (*хотлай/хольий*), перед тем как снова разойтись для лова рыбы (по некоторым данным, с этим временем кеты когда-то связывали начало нового года).

Предстоящий летний лов рыбы был основным в традиционном хозяйственно-бытовом годовом цикле кетов, так как позволял заготовить рыбные продукты на зиму. В народном календаре этот период именуется «котцовым».

Но еще до начала его на енисейских песках вблизи крупных русских деревень — Подкаменной, Верхне-Имбатского, Туруханска начинали шуметь ярмарки, на которые собирались кеты, селькупы, эвенки из разных волостей. Возле берега тогда выстраивалась целая армада илимок. Кетские лодки выделяли флюгеры на высоких мачтах. Для благополучия семьи в их устройстве использовали части шаманского жезла, но в оформлении могли присутствовать и христианские символы — крест, изображения церкви.

Многолюдье само по себе воспринималось коренными северянами как ценность. Но ярмарка была не только праздником, обеспечивающим необходимую разрядку после долгих месяцев уединения. Она создавала условия для реализации социальных, культовых и экономических функций сообществ. В это время проводились сходки — сугланы, на которых мужчины — главы семей избирали волостных «князцов», решали накопившиеся спорные вопросы и помогали русской администрации собирать недоимки. Ярмарками пользовались местные торговцы: первосортная пушнина с лихвой окупала взятые у них в долг еще осенью продукты и товары. Сомнения по поводу правильности расчета снимались водкой, а то и прямым рукоприкладством. На ярмарках всегда присутствовали представители духовенства. Массовый выход «туземцев» давал им возможность осуществить (часто заочно или *post factum*) основные требы — крещение, венчание, отпевание. Новообращенным это не мешало практически одновременно участвовать в шаманских камланиях. Как правило, в это время те проводились не с обычной практической целью (лечение, гадание и т.д.), а отличались особой торжественностью обряда, поскольку шаман обращался к верховным духам-покровителям и самому Есю (бог, олицетворенное небо). Раз в три года на таких камланиях шаман повышался в ранге и «оживлял» соответствующие своему возросшему статусу новые атрибуты и облачение. На ярмарках решались и семейные дела: родственники договаривались о совместном лове рыбы и зимнем кочевании, а родители присматривали невест своим сыновьям, сговаривались о сватовстве, месте и сроке свадебного обряда.

Названия летних месяцев — «котцовый», «нельмы», «линьки уток» — отражают основные занятия людей в это время. Вблизи больших котцов собирались до десяти и более семей и общими усилиями поочередно обеспечивали всех рыбой. По реке то и дело сновали изготовленные из осины верткие лодки-однодеревки (так называемые «ветки»; они до сих пор распространены в регионе), а на берегу допоздна люди обрабатывали улов — пластали рыбу на юколу, крошили подсушенную и подкопченную мелочь на порсу, вываривали жир. Из чешуи и плавательных пузырей приготавливали клей, пользовавшийся большим спросом и служивший предметом обмена. Все от мала до велика были заняты на берегу. Лишь некоторые юноши и мужчины на время уходили на таежные озера охотиться на линяющую водоплавающую дичь. Их добыча распределялась поровну между занятыми рыбной ловлей семьями. До 1930-х годов при этой охоте кеты использовали луки и стрелы.

С прекращением массовой заготовки рыбы женщины и подростки целыми днями пропадали в ягодниках, собирали лекарственные и нужные в хозяйстве травы, кору. Но подходил период «опадания листьев», и мужчины приступали к починке и изготовлению новых нарт, лыж, а женщины все более задумывались, каждый ли в семье обеспечен одеждой и обувью к предстоящим холодам.

Конкретных сведений о том, какой была одежда кетов к моменту их встречи с русскими, т.е. наиболее ранние ее виды, нет. Нижней одежды в нашем понимании предки кетов не знали совсем. Мужской рубахе из покупной ткани и женскому платью (та же рубаха, надставленная по подолу) предшествовала, а затем существовала с ними нательная одежда из ровдуги: одинаковый по покрою для мужчин и женщин (характерная черта всей одежды кетов) распашной халат *хэлтам*, мужские и женские штаны. Некоторые детали покроя и названия позволяют связывать нательную одежду кетов с одеждой их предков — южносибирских скотоводов и кочевников. Последние экземпляры одежды из ровдуги попали в музей в предвоенные годы.

В традиционной верхней одежде выделяются две группы, появление каждой из них связано с особенностями образа жизни кетов. Первая группа включала распашную парку из шкуры одного оленя (*кат, хагат*), обувь с камусной головкой и суконными голенищами (*тесинг*), халатообразные суконный *котлям* и стеганный *бесям* (*бесем*) с матерчатым верхом и подкладкой из заячьих (когда-то и беличьих) шкур. Вне конкретных условий эта одежда выглядит не соответствующей климату Приполярья и вызывает много вопросов. В качестве одежды какого сезона следует, например, оценить суконный котлям и стеганный бесям? Непонятно и отсутствие своего головного убора: у мужчин и женщин это был платок, завязывающийся под подбородком. Кроме того, мужчины использовали налобник из нанизанных на ремешок беличьих хвостов, защищавший лоб и уши от ветра, а глаза от блеска снега весной.

Происхождение верхней одежды, как и нательной, связано с иным, нежели известной с начала XVII в., ареалом распространения кетов в пределах Туруханского Севера. Длительность бытования одежды объясняется образом жизни людей. Охотнику в меховой парке приходилось преодолевать на лыжах десятки километров снежной целины, преследуя добычу или протаптывая дорогу идущему вслед аргишу. Меховая парка обеспечивала тепло и вместе с тем исключала перегрев, неизбежный при длительных физических нагрузках. Запах позволял легко освободить грудь, короткие полы не мешали движению среди кустарника, валежника.

Бесям был одеждой стариков, женщин и детей. Недостаточные ее защитные качества для холодного времени года компенсировались тем, что в относительном покое в бесьях и котлях люди находились только внутри жилища. Пребывание вне его для всех трудоспособных было связано с активной физической работой: заготовкой дров, разгребанием снега, перетаскиванием груза, передвижением на лыжах и т.д. В платке ценилась возможность улавливать малейшие звуки: незамеченным не оставался даже шелест чешуек шишки, которой где-то на дереве лакомилась белка. Некоторые охотники и сейчас ситцевый платок предпочитают шапке-ушанке. Но у курейских (оленных) кетов все же получили распространение меховые капорообразные головные уборы, как у эвенков, так как обойтись одним платком в Заполярье было невозможно. Требованиям пешего таежного быта отвечала и специфика зимней обуви. Плотный ворс камуса обеспечивал влагоустойчивость и не давал налипнуть снегу. Обтягивающие ногу голенища защищали от попадания снега внутрь. Стопе было комфортно от гигроскопичных и легких стелек-портянок из высушенной осоки. Соответствие легкой и мягкой обуви используемым таежниками лыжам также было одной из причин ее широкого распространения. Аналогичная обувь известна у селькупов, эвенков; ею широко пользовались русские промысловики.

Специфика второй группы одежды, проникшей в культуру кетов вместе с оленеводством, была обусловлена образом жизни, включавшим зимние передвижения на оленьих санках. Предназначением ее была защита человека, длительное время неподвижно сидевшего на санках. Этому соответствовал сшитый из нескольких оленьих шкур длинный (до щиколоток) и широкий (надевался поверх парки), глухой, с капюшоном мужской *сокуй*. Женщины при переездах пользовались длинной паркой.

Одежда, обусловленная транспортным оленеводством, была утрачена вместе с самой этой отраслью к 1970-м годам. Чуть ранее перестал встречаться суконный котлям, а бесьям в это время шили уже только детям. Дольше сохранялись мужская парка, используемая преимущественно на промысле, и обувь с камусной головкой.

Утрата самобытной одежды сопровождалась разрушением пласта уникальных знаний и навыков. Он включал искусные приемы обработки шкур, применение натуральных красителей, дубильных средств, оригинальную технику шитья. В системе народных ценностей этому опыту отводилось важное место. Недаром брачный возраст девушки связывался с ее умением шить (и выделывать берестяные покрышки чума). Символом главной трудовой роли женщины служил игольник, в который принято было зашивать пуповину родившейся девочки (в фольклоре женщина, отправляясь в мир не-людей, обязательно стремится захватить свой игольник).

Особые правила касались женской одежды — ее длины (не менее чем до щиколоток), глубокого запаха пол (не допускалось, чтобы оголялись ноги, грудь). Замужние женщины в присутствии мужчин всегда закрывали голову платком.

Прическа и украшения были знаком возрастного и социального положения человека. Дети обоего пола носили волосы распущенными. Подростки, юноши и девушки заплетали их в одну косу и вплетали одинаковые украшения — косоплетку, три свободных конца которой с нанизанными бусами свисали на спину. Мужчины продолжали носить такую же прическу, а девушки меняли ее при замужестве — заплетали волосы в две косы и надевали особое женское украшение. Широкая, расшитая бисером часть его приходилось на затылок, а два длинных конца

вплетались в косы и соединялись внизу перемычкой (универсалия: чет — женское, нечет — мужское). Когда-то орнамент на женском украшении удостоверял родовую принадлежность семьи, в которую женщина входила.

Запасов одежды, равно как и специфически праздничных ее вариантов, у кетов не было. Починкой женщины занимались в любое время, а изготовление новой обычно заканчивалось с наступлением месяца «замерзания земли».

Имущество и припасенные продукты грузились на илимки, и люди отправлялись в верховья рек, где находились землянки и начинались их охотничьи дороги. Годовой хозяйственный цикл завершался.

2

Материалы об устройстве мироздания кетов, которыми мы ныне располагаем, можно считать осколками некогда существовавшей мифологической системы (или нескольких систем). Для выявления ее особенностей еще должны быть продолжены реконструкции с использованием всех сфер и частей традиционной культуры, каждая из которых своими средствами и своим языком реализовывала мировоззрение народа. Следует сказать и о синкретическом характере имеющихся сведений, за которым стоит не только одновременность формирования мифологических пластов, но и воздействие разных культур.

Общими чертами кетской мировоззренческой традиции, как и многих иных, является восприятие всех частей окружающего мира живыми, его дуализм (положительное или отрицательное по отношению к человеку начало), а также органичное сочетание вертикальной (земля—небо) и горизонтальной (нижнее течение — верхнее течение реки) систем размещения антагонистических миров [53; 82].

Народные представления об этих мирах многозначны. Положительный (верхний) мир выступает: 1) как южная часть земли вообще, земля в верхнем течении Енисея или любой конкретной реки (точнее — выше данной точки отсчета, принимаемой за центр, например, конкретного стойбища, поселения); 2) как пространство над землей, собственно семислойное небо и мир выше «нашего» (т.е. видимого с земли) неба. Соответственно нижний мир проявляется: 1) как северо-запад, низовья Енисея или любой конкретной реки (а в их течении — ниже точки отсчета); 2) как неопределенный подземный мир. При этом понятие «верхний мир» (юго-восток, верховья реки, небо) противостоит такого же уровня понятию «нижний мир» (северо-запад, низовья реки). Семантическим критерием является активное положительное (верхний мир) или отрицательное (нижний мир) начало по отношению к человеку. В шаманстве эти представления нашли более четкое оформление, что выразилось в выделении особого сакрального верхнего мира, отмеченного признаками высшего начала и доступного только шаманам определенных категорий. Эти основные мифологические установки проявляются и в актуальных верованиях кетов.

В мифологических представлениях о времени существования мира можно условно выделить два этапа. Первый этап — собственно возникновение мира, появление земли и ее ландшафта, первых людей, животных. Второй этап охватывает прошлое, настоящее и будущее уже созданного мира. Временное членение последнего обусловлено его циклическим исчезновением в результате наводнения (потопа) и последующим возрождением, причем количество циклов неопределен-

но. В период «до последнего потоп» предполагалось существование мира по подобию настоящего, но сколько-нибудь конкретные представления связаны со временем «после последнего потоп», где реальное выступает органическим продолжением мифологического прошлого⁴.

Существующий мир, по представлениям кетов, должен прекратить свое существование в результате очередного наводнения. Земля вновь утонет, погибнет все живое. Центром очередного мироздания снова станут топкие места, где на всплывших сухих кочках, покрытых лесом, оживут несколько человек. В будущем должны восстать из небытия и мифологические герои [28, с. 70].

В комплексе имеющихся данных общая схема устройства мира в кетской мировоззренческой традиции реконструируется следующим образом. Земля (плоский диск), окруженная водным пространством («семью морями»), плавает в нем (ср. представления о кочке, всплывающей после потоп) или поддерживается «ногой» («большим кротом», «большой птицей»). Над землей семь параллельных ей слоев (кругов, мысов) образуют небо; седьмой из них — небосвод. Между краями земли и неба остается свободное пространство. Под землей, по данным В.И.Анучина, расположены семь подземелий (пещер) [37, с. 13–14]. В контексте всех достаточно расплывчатых данных об этом подземном мире можно считать, что речь идет скорее о сфере ниже поверхности (наружного слоя) земли.

На земле обитают люди — *кыныренг* (букв. «светлые, чистые люди»), реальные («земляные») звери и птицы, не улетающие на зиму. «Среди людей» размещались и духи-охранители семьи, сородичей (старухи-*аллэлы*, заместители умерших — *дангóльс*), а также многочисленные хозяева мест и промысловых объектов — Кайгусь, Ульгусь, Холай и др. Все они имели материализованное — рукотворное или нерукотворное — выражение (скульптурные изображения, камни, шкуры), по отношению к ним совершались обрядовые действия. Эти персонажи выступают как доброе или нейтральное начало. Вредоносные существа (Хоседам, злые дотэт, литысь, кэлбэсам) имеют свой особый мир на северо-западе (= в низовьях реки). Здесь же отводится место миру мертвых. Следует сказать, что общая идея размещения антагонистических миров на земле всегда реализуется в конкретном контексте: ниже каждого реального поселения, стойбища размещался мир мертвых и вредоносных существ, в верховьях каждой реки обитает ведающий охотничьим счастьем *кайгусь* и т.д.

На небе, согласно представлениям кетов, обитают переселившиеся туда с земли люди и животные; их можно наблюдать в виде светил (солнце, месяц, ряд созвездий). На небе (= на юге, в верхнем течении реки) зимуют перелетные птицы. Иная группа обитателей неба — невидимые рядовым людям существа. Большинство их своим происхождением восходят к олицетворению (отождествлению) природных явлений. Прежде всего это олицетворение собственно неба (*есь*) в образе одноименного верховного начала Еся и других персонажей высокого мифологического уровня: Усесь — Теплое небо, Биссымдесь — Западное небо, Хылесь — Ясное небо, Боксейдесь — Место огня небо и др.⁵. В мифологических образах персонажированы заря, гром, северное сияние и т.д. Известно также о сонме «небесных людей» (*есьденг*), которые составляют специфический арсенал духов-помощников шамана.

Что касается неопределенной подземной сферы, то с ней связываются такие реальные объекты, как крот, землеройка, летучая мышь, а также недифференцированные «земляные люди» (*бангоденг*), с которыми кроме шаманов имеют дело особые специалисты — *бангóс*.

В отличие от неба — мужского начала — такие стихии, как земля, вода, огонь, в кетской традиции персонифицированы в образе матерей.

Женское, порождающее начало Земли-Матери (*Бангам*) выражает компонент *ам* — «мать». Смысл нередко усилен удвоением этого компонента, что характерно и для других персонифицированных образов, — Вода-Мать (*Улемам*), Томам бам (имя мифической хозяйки юга; *бам* — «старуха»). Земля-Мать выступает как прародительница людей, зверей, птиц (неперелетных), растительности, других реалий природы и воображаемых насельников окружающего человека мира *ильбанг* (букв. «дышащая земля»; компонент *иль* выражает принадлежность к земле и миру, где живут люди). Эта идея сосуществовала с другими версиями их происхождения, в том числе соотносилась с деятельностью различных демиургов (см. ниже); сами кеты противоречия в этом не видели. В разных контекстах образы бангам и ильбанг могут совпадать по семантике и функциям.

Символом первородной связи с землей считался неперемный для всех порожденных ею объектов пупок (*тыль*): подобно пуповине, соединяющей мать и плод, все они незримыми нитями соединены с центром земли (равно — с центром мира ильбанг). Этот центр персонифицирован в образе Пупка земли — *Бангтыль*. Пупок земли — женское существо и в некоторых контекстах может представлять как ипостась самой земли. Пупку земли соответствует расположенный над ним Пупок неба (видимая в зените Полярная звезда).

От Земли как прародительницы промысловых животных ждали помощи в охотничьих занятиях. В коллективных и индивидуальных умиловительных обращениях, которыми сопровождался обряды кормления и одаривания земли, ее называли *Кайгусьнам* — Мать кайгусей.

Но земля в кетской традиции реконструируется не только как прародительница, но и причина смерти человека, хотя в этой функции более известна Хоседам — отрицательное начало кетского пантеона, хозяйка мира мертвых. Выражение «светлые люди от земли пупок имеют (через пупок к земле привязаны)» осмыслось как русское «землей рожденные в землю уйдут».

О новорожденном мать извещала: «Землей-Матерью данные мне ровдужные завязки», а при смерти ребенка говорила: «Земля-Мать съела мои завязки». Слово «завязки» является эвфемистической заменой значений «ребенок», «дети» (примеры выражают связь: материнское, порождающее начало — соединяющая нить — новорожденный). По этнографическим данным, известен обычай спарывать с одежды умершей женщины ровдужные завязки. Они предназначались для первого появившегося потом в этой семье или у близких родственников новорожденного. В свой черед, эти завязки пришивали к первой одежде ребенка (*бэсям*, используемый сначала как верхнее одеяло), и ей отводилось особое место в представлениях о жизненной субстанции («душе»). Синонимом слова *бэсям* служил термин *атней*, самостоятельно употреблявшийся как одно из названий жизненной субстанции.

Причастность земли к жизни порожденных ею людей отражают сведения об особом, «от самой земли» огне [7, с. 159, 167]. Для бытовых нужд этот огонь не использовался, его зажигали только в случае болезни кого-то. Получали его трением дерева о дерево (береза) при помощи особого приспособления, действовавшего по принципу лукового сверла.

Для лечения больного к земле обращались шаманы, провидцы-бангос и рядовые люди. Землю просили оставить человека в живых, предлагая взамен подарок

(жертву) — *коксь*. Наполненный шкурками белок медный котел переворачивали с наговором: «Матери-Земле котел опрокидываю вместо человека». В роли *коксь* могли быть животные — собака или домашний олень черной масти. Земле предназначались лоскуты черной ткани, подвешенные к молодому кедру. Эти действия осуществлялись без специального указания шамана или бангос.

Порождающее начало земли непосредственно выражает имя широко известного мифологического персонажа. Это родившийся «от земли в колодине» *Бангрэхын/Бангдэхын* — Сын земли. Он олицетворял связь между землей и небом. Значимость медиативной функции персонажа нашла отражение в его иконографии [51, рис. 85, 88–90, 92]. Считавшийся первым кузнецом, Сын земли стал покровителем шаманов, достигших в своем становлении возможности действовать в верхнем мире, и наделял их соответствующими знаками этого мира. К ним относились: железный головной убор («корона»), бубен, набор железных подвесок на нагруднике, парке. Железо отсутствовало в атрибутике шаманов, не достигших соответствующего уровня и практиковавших только в пределах земного мира. Детали их облачения были из ровдуги и именовались уже упоминавшимся названием «завязки». Считалось, что начинающий шаман получал эти первые знаки от своей символической матери или матери своей символической жены («затылочный дух», «походная жена»), т.е. от Хоседам. Обращаясь к ней, шаман называл ее Большая мать и Мать-Земля.

Семеричное устройство земного мира в шаманском бубне символизировала сетка из ровдужных ремешков, предшествовавшая железным перекладинам, выражавшим доступность шаману верхнего мира (мифологический образ семеричного земного мира — семь речных мысов).

Кеты — исконные приречные жители, и это нашло свое отражение в их бытовой и символической культуре. Наиболее ярко представление о реке и берегу как обжитом пространстве проявляется в их противопоставлении лесу.

Осенний переход на лесные охотничьи дороги знаменовался обрядом, целью которого был сбор ульвей (невидимый двойник человека, «душа») всех объединившихся для промысла людей. В благоприятное для человека летнее время ульвей пользовались свободой и даже могли находиться на значительном расстоянии от самого человека, а осенью шаман или старший в группе опытный человек поочередно «переводил» всех ульвей в новое, лесное пространство. Чтобы ульвей находились постоянно под присмотром, шаман «закреплял» их в ячейках своей невидимой шаманской сети (характерно, что в обряде, связанном с лесным периодом жизни, присутствует речной символ — сеть). Второй частью этого сезонного ритуала были умиловительные действия в отношении лесных духов-хозяев и конкретно — хозяйки охотничьей дороги — *кангробам* [62, с. 236–241].

В дни летнего солнцестояния перед началом рыболовного сезона на родовых (семейных) священных местах совершали ритуал «развязывания» сети, и ульвей получали долгожданную свободу: летом злокозненные силы менее опасны. «Закрепленными» шаман оставлял только особо бойкие души, постоянно убегавшие и попадавшие во всякие неблагоприятные ситуации. Они, например, могли повиснуть где-нибудь, зацепившись за сук, завязнуть в болоте, стать добычей злых духов. Человек, оставшийся надолго без души, заболел, и шаману все равно пришлось бы разыскивать ее, чтобы соединить обе половины — человека и его невидимого двойника.

Ценностями береговой жизни — клеєм из плавательных рыбьих пузырей, угощением из рыбных продуктов люди старались угодить явившемуся навестить их

в образе добытого медведя гостя-родственника во время медвежьего праздника. Согласно традиции, в образе убитого медведя в гости к людям по своему желанию является умерший родственник того, кто нашел берлогу. Обнаруживая себя, свою берлогу, медведь давал знак о своем желании посетить людей. Обрядовые действия несли двойную смысловую нагрузку: обеспечить возрождение добытого животного и сделать приятным пребывание гостя у людей, чтобы он потом рекомендовал другим медведям «сходить на берег» (к людям). Оба этапа медвежьей церемонии символически были разделены во времени. Провожая после окончания церемонии изображение медведя, уговаривали его послать «на берег» других медведей. Так, если люди добыли медведицу, к ней обращались со словами: «Бабушка, скажи, что у людей клея, латуни много. Попрошайки просить будут, скажи: „Сами, сами, сами на берег сходите. У людей <...> всевозможное все есть. Я вам дорогу сделала. Дорогу вам просторную на берег я проложила“. Дорога на берег лежит, человеческим ногтем даже землю не возьмешь <...> К берегу твою дорогу не допускай загромождать. Твою дорогу обновляй (омолаживай) <...> какой-либо плохой дух, бабушка, в сторону сдувай <...> Мусор вокруг очага хорошо в лес выметай» [61, с. 21].

«Речная» семантика прослеживается и в родовых ритуалах на священном месте, целью которых было обеспечить удачный котцовый лов рыбы. Хозяйке места *Холой* (ее олицетворяла фигура из лиственницы, личина на лиственнице или само дерево, выдающееся своими размерами) несли котел с ухой и выливали ее у комеля дерева. Уходя, ей оставляли маленькие рожни и тлеющие угольки, чтобы она могла жарить себе рыбу.

На священных местах кетов всегда находились характерные остроголовые фигуры из дерева с семью парами косых ребер-насечек и лицом, образованным сколами. Их называли досями (кет. *досьн*) и считали сыновьями духа-хозяйки священного места. К реке они имели самое непосредственное отношение — могли способствовать долгожданному ледоходу, раскалывая льдины острой головой. Число досей при ежегодных посещениях места сородичами увеличивалось; их одаривали лентами из цветной и белой ткани. Последнее большое родовое молище кетов было в низовьях Сургутихи.

Кроме коллективных сезонных ритуалов, связанных с рекой и приречным образом жизни людей, известны многочисленные обрядовые действия, осуществившиеся и индивидуально: кормление реки при первой подвижке льда, при прохождении порогов; омовение лица перед спуском лодки на воду и др.

К реке (она считалась существом женского начала; большая река воспринималась матерью менее крупных) обращались с просьбой «быстрее опростаться» (т.е. освободиться ото льда), чтобы семья могла снарядить илимку, покинуть безлюдные верховья, где начинались охотничьи угодья, и спуститься к большой реке. Там их ждала ярмарка, встречи с родственниками и надежда на покупку продуктов и товаров после расчета за добытую пушнину.

Отношением к верхнему или нижнему течению реки определялось и расположение стойбищ, а в них — жилищ шамана или наиболее уважаемой семьи. Их чумы и лодки всегда находились выше по течению. Наоборот, места захоронений могли быть только ниже по течению по отношению к стойбищу; умершего никогда не везли в лодке вверх по течению и т.п.

Топография поселений, кладбищ, расположения священных мест и т.д. мотивировалась общей картиной горизонтального мира — реки с его антагонистическими (положительной и отрицательной) частями. Конкретным выражением ее

был сам Енисей, в низовье которого отводилось место отрицательному началу — хозяйке мира мертвых Хоседам, а верховье признавалось стороной другого женского персонажа второго высшего уровня — Томам.

Шаманство кетов отличает сложная, но четкая система представлений — понятие о наследуемом в кровнородственной среде даре, 21-летний (семикратный) цикл становления шамана, полисемантическая олицетворяемых в ходе обряда образов, пантеон, выделение особого сакрального верхнего мира и т.д., а также развитая символика выражения этих представлений (в мифологических стереотипах, атрибутике и облачении, иконографии и др.). Известно несколько семантических категорий шаманов, функции которых были однотипны и обычно не выходили за пределы утилитарной практики: общие вспомогательные и охранительные действия — борьба со всем вредоносным, лечение, гадания, предсказания и т.д. Разница заключалась в том, что сферой одних считалась только земля и нижний мир (шаманы, олицетворявшие в своем действе медведя или медведеподобное существо), а за другими, кроме того, признавалась способность достигать неба и верхнего мира (шаманы, олицетворявшие собой важеньку), но для ее реализации требовался определенный уровень становления. Шаманы этой категории были достаточно широко распространены

В народе сохранялась память и об особой категории шаманов, действия которых скорее носили характер культового обряда, а высокий ранг и престижность определялись тем, что они были связаны исключительно с особым сакральным миром, а их духи-покровители занимали верховное положение в пантеоне. С реальными лицами эта категория не связывается, о них известно из преданий, где они предстают как «великие» (таков был легендарный Дог) в отличие от просто «больших» шаманов. Последними признавались лица, прошедшие все семь этапов становления.

Внешним показателем уровня становления было наличие у шамана определенной группы инсигний — облачения и атрибутов: полагающийся ему при конкретной камлании их частичный или полный комплект, число «обновлений» последнего. В инсигниях материализовалась вся информация о возможностях шамана — доступности ему только одного, земного, или обоих миров — и, соответственно, о характере, уровне (и количестве) покровителей, помощников, которыми он мог располагать.

Развитость и системность идеологических представлений и их материальных знаков на первый взгляд трудно соотносятся с реальным уровнем социального и культурно-бытового состояния таежных рыболовов и охотников кетов, для которых еще и в XX в. были характерны устойчивые патриархально-семейные и родовые связи. При этом аналогии выявляются в шаманстве народов более высокого общественно-экономического и культурного уровня — бурят, тувинцев и т.д. [31; 33].

Шаманское действие (лечение, гадания, обряды, сопровождавшие получение шаманом новых инсигний или их очередное обновление) допускало многочисленность участников (население одного или нескольких стойбищ). Индивидуальная обрядность более всего была связана с промысловыми и семейными культурами [28; 31].

Коллективными были такие календарные ритуалы, как встреча и проводы перелетных птиц, кормление открывшейся весной реки всеми жителями стойбища, обряд «дорожной старухи» перед началом охотничьего сезона, посещение священного места (холай) перед массовым котцовым ловом рыбы и т.д. Особое место

здесь занимает медвежий праздник — обрядовые действия по случаю добычи медведя, целью которых было обеспечить возрождение убитого животного и покровительство умерших родственников.

Култ медведя в целом и конкретно медвежий праздник, т.е. ритуал, которым сопровождалась добыча почитаемого животного, широко известен у таежных аборигенов Старого и Нового Света. У кетов он, несомненно, должен быть признан одной из самых ярких страниц их традиционной культуры. У многих сибирских народов — ближних соседей кетов (например, у хантов, селькупов, эвенков и др.) и жителей отдаленных от них регионов — медведь выделяется в зверином мире как особое существо, близкое человеку, или даже как преобразенный человек. За ним признавалась способность мыслить, понимать язык и действия людей, соответствующе на них реагировать. В то же время в медведе видели хозяина промысловых животных, который повелевал ими и таким образом мог оказывать воздействие на исход охотничьего промысла людей.

Сказанное полностью относится и к кетам, но их духовная связь с этим животным кажется более глубокой и интимной. Может быть, в этом кроется причина живучести народных представлений о медведе, широкое распространение фольклорных сюжетов о нем, а также особо эмоциональное — очень личное — отношение к обрядовым действиям при добыче животного.

По представлениям кетов, человек после смерти продолжал существовать в инобытии, и связь живых с умершим не прерывалась раз и навсегда. Она продолжалась в различных формах (институт заместителей умерших, особые камлания в темном чуме и т.д.), и одной из форм этой связи был медвежий праздник. Медведь воспринимался как посмертная живая ипостась человека, в которой тот по своему желанию продолжает контакты с живущими, прежде всего со своими родственниками.

Ситуация, когда происходила встреча с близким, незабытым человеком (о том, кто именно пришел в облике медведя, выясняли по приметам, а также общаясь с ним при гадании с помощью отрубленной лапы), отличалась особым эмоциональным настроением. Но и в тех случаях, когда среди участников обряда отсутствовали лично знавшие гостя (явившийся мог быть давно умершим, память о котором сохранялась лишь в его имени), ему оказывались все полагающиеся этикетом знаки внимания.

Общее число возможных встреч с каждым умершим неопределенно, но не более семи раз, а первая должна состояться не ранее чем через семь лет после смерти человека (более ранний визит — нарушение правил и дурной знак). Исключения составляли дети, умершие до семилетнего возраста. Такой ребенок мог явиться медвежонком уже через 2–3 года. Здесь, видимо, следует искать связь с представлениями кетов об особой жизненной субстанции (ульвей), которая выражает полную индивидуализацию с определенного возраста.

Умерший может семикратно навестить своих родственников всякий раз в одном и том же или в разном возрасте — подростком, зрелым человеком или стариком, но всегда в пределах реально прожитого им жизненного срока. Человек, покинувший этот мир молодым, в образе старого медведя не придет, старик же мог после смерти предстать в пожилом возрасте или, как бы повернув свое время вспять (последнее, конечно, в нашем понимании), мальчиком, юношей, мужчиной в расцвете лет. Более того, иной раз он мог навестить родных не один, а захватив с собой детей, племянников (в берлоге тогда находили медвежат); в реальности

эти люди, возможно, умерли взрослыми и позже своего отца (деда). К З.Н.Дибиковой (Верещагино, 1987 г.), обнаружившей берлогу с медведицей, в образе той явилась мать, еще будучи бездетной, т.е. из времени до рождения информантки.

За сложными для нас, но естественными для миропонимания кетов образами и представлениями прослеживается специфическое восприятие течения времени, в частности периодов, соответствующих нашим понятиям «прошлое», «настоящее», «будущее». В контексте представлений о жизненном цикле, выявившихся на материале по культуре медведя, возможна такая реконструкция. У каждого индивида в какой-то временной точке его бытия есть прошлое, настоящее и может быть будущее в пределах бытия, а также будущее в инобытии (после смерти), которое одновременно является прошлым, настоящим и будущим его бытия — как полное повторение того. В период инобытия у человека есть прошлое в самом инобытии и в таком же значении — все бытие, а также настоящее и будущее. Таким образом, категории прошлого и будущего для человека, воспринимающего бытие и инобытие как непрерывное существование, оказывались более растянутыми во времени, чем настоящее (реальное и в иллюзорном бытии). Может быть, именно в этом следует искать истоки идеи особой ценности прошлого и будущего времени. Мифология, ритуальная и социальная сферы дают тому достаточно примеров. Мифологические герои (Альба, Ольгит и др.) жили среди людей в прошлом и оживут в будущем, а в настоящем времени они существуют в преображенном виде, превратившись в каменную гряду, речные пороги и острова и т.д. Высокий («мужской») социальный статус обретали у кетов женщины старшего возраста: их длительное «прошлое» существенно сказывалось на нормативах их обыденного и ритуального поведения.

Связь с умершим родственником составляла смысловое содержание второго этапа медвежьего праздника. Другой семантический этап (в ходе церемонии он был первым) моделировал промыслово-магические действия людей с целью воскрешения убитых животных и последующей охотничьей удачи. Содержательная и временная самостоятельность этапов маркировалась особыми разделительными символами, выражающими свойственную кетской традиции общую идею изменения во времени как результата циклических «обновлений».

Таковым было ритуальное мытье головы принимающих участие в церемонии. Мытье означало обособленность второго этапа, непричастность людей, принимающих гостя-родственника, ко всему, что было связано с охотой на медведя. Знаток своих обычаев и языка кетка О.В.Тыганова так откомментировала эти действия: «Свои головы отмыли, новыми людьми сделались (в новых людей превратились)» [61, с. 20]. «Обновлению» подлежало и жилище: «В том промежутке времени, когда люди были в своих чумах (т.е. после коллективного поедания мужчинами сваренной головы медведя. — Е.А.), хвою вокруг очага расстилаю, новый чум делаю...» [там же]. На празднике, в котором собирателю довелось участвовать в 1971 г. на р. Елогуй, этой цели служило мытье пола в комнате, где осуществлялась церемония.

Мотив обновления в традиции кетов всегда связан с временной семантикой (см. сюжеты о членении мира как чередующихся его исчезновениях и возникновениях в обновленном состоянии, кстати — после того, как землю «сполощет» водой). Циклические наводнения, разделяющие существование мира на временные этапы, — характерный мотив космологических текстов (№ 1, 2).

Таковы в самом общем виде мифологические представления, составлявшие традиционную картину мира и определявшие актуальные верования кетов, извле-

ченные из этнографических данных. Более полную картину создают мифы и другие жанры повествовательного фольклора кетов.

3

Кетский фольклор долгое время оставался неизвестным и пребывал вне поля зрения специалистов из-за ряда обстоятельств. Одна из причин заключается в том, что его поздно начали собирать: первые, крайне немногочисленные и фрагментарные материалы стали известны лишь с первого десятилетия XX в. Интерес к устному творчеству кетов на всем протяжении его фиксации вплоть до настоящего времени определялся преимущественно прикладной целью: тексты требовались для изучения языка. Соответственно собирателями были в основном лингвисты, меньше — этнографы, а фольклористов в их рядах не было совсем. Сказанным, с одной стороны, объясняется достоверность и высокое качество большинства записей, а с другой — разрозненность их публикаций, включенных в качестве приложений к лингвистическим работам и, наконец, поздние попытки классификации материала и его комментирования [58, с. 3–15; 64, с. 132–143].

Наиболее ранние записи кетского фольклора, в том числе фонограммы песен и камланий, были осуществлены зачинателем кетской этнографии В.И.Анучиным во время его поездок в Туруханский край в 1905–1908 гг. Они были организованы Императорской Академией наук для комплексного изучения енисейских остяков (кетов) — их языка, антропологии, этнографии — и сбора материала для музейных коллекций. Значительная часть фольклорного материала была получена им от лиц, говоривших по-русски, но ряд текстов, в том числе загадки, были зафиксированы в транскрипции. Изложение мифологических сюжетов (о сотворении земли и потопе, о происхождении людей и всего живого мира и т.д.) включены в известную монографию В.И.Анучина, посвященную кетскому шаманству [37]. Следует сказать, что и другая информация, содержащаяся в этой работе, в значительной степени также является пересказом мифов. Она важна уже одним свидетельством существования их в кетской фольклорной традиции, поскольку сами памятники остались незафиксированными. Из архивного наследия В.И.Анучина [19] до сих пор был переведен и опубликован А.П.Дульзоном лишь вариант широко распространенного сюжета о Колбасам и Хунь [7, с. 198–201].

В.И.Анучин дал старт интенсивной собирательской деятельности у кетов в первые два десятилетия XX в. К 1911–1913 гг. относится поездка на Енисей известного финского лингвиста К.Доннера, собравшего значительный материал по языку и этнографии кетов и туруханских селькупов. Записанные им кетские фольклорные произведения — несколько сказок, рассказов и 34 загадки — были опубликованы А.Йоки в транскрипции и в переводе на немецкий язык в приложениях к кетскому словарю К.Доннера [15, с. 115–119; 15а, с. 27–35]. В это издание включены также две версии «военного» предания, записанные в 1927–1928 гг. немецким этнографом Х.Финдейзенем, в обработке Э.Леви и А.Йоки [15, с. 127–135]. В русском переводе и собственной транскрипции они были затем опубликованы А.П.Дульзоном [7, с. 194–198], а более полный вариант сюжета записал и опубликовал Е.А.Крейнович [60, с. 231–235]⁶.

Пересказы некоторых мифов и сказок содержатся в книге К.Доннера, подготовленной им по информации и рисункам студента Института народов Севера (Ленинград) И Ф.Дибикова, которые дополнены полевыми сведениями автора [89].

Несколько сказок в середине 1920-х годов были записаны Г.Н. и Е.Д. Прокофьевыми, работавшими на р. Турухан (пос. Янов Стан) среди селькупов, соседящих с кетами. Отдельные тексты позднее были опубликованы в литературной обработке Е.Д.Прокофьевой [12, с. 174–176].

В конце 1920-х годов у кетов работал Н.К.Каргер — автор первого букваря (на латинице)⁷ и очерка по грамматике, собиратель ценной этнографической коллекции для МАЭ. Он сделал также записи кетского фольклора, но опубликованными оказались только два текста [1, с. 108; 8, с. 238]. Н.К.Каргер заявил о себе как талантливый, перспективный исследователь, но в конце 1930-х годов он был репрессирован. Собранный им фольклорный материал не сохранился.

В 1938 г. к кетам выезжали молодые, но уже известные ученые — Г.Н.Вербов, специалист по самодийским языкам, и Г.М.Корсаков, занимавшийся палеоазиатскими языками. Их жизнь прервала война. Г.М.Корсаков написал этнографический очерк «Кеты Подкаменной Тунгуски», в который включил пересказы нескольких фольклорных сюжетов. Статья вышла в 1941 г. в сигнальном экземпляре журнала «Советский Север» и осталась недоступной широкому читателю. В 1950-е годы были опубликованы в русском переводе две сказки (одна из них — дважды), записанные Г.М.Корсаковым в предвоенный год со слов студента Института народов Севера Тетерина [11, с. 155–156; 12, с. 173]. Большая часть материала Г.М.Корсакова утрачена, но остались тексты, использовавшиеся для обучения кетскому языку его аспиранткой Н.А.Серкиной. Ныне они находятся в архиве РАН, в Санкт-Петербурге, и, по данным З.Н.Куприяновой, составляют фонд, включающий 22 текста с подстрочным переводом. Большинство из них — рассказы бытового характера, несколько сказок, героическое предание, мифологический сюжет. В фонд входят также 27 загадок [64, с. 126–128].

Планомерное и интенсивное собирание кетского фольклора началось только с конца 1950-х годов и связано с деятельностью известного лингвиста А.П.Дульзона и его школы, давшей видных специалистов в области кетского (и енисейского в целом) языковедения, прекрасных собирателей (Г.К.Вернер, М.Н.Вaal, Э.И.Белимов, В.С.Бибикова, Т.И.Поротова, В.Г.Шабаев и др.). Цепочка эта не прерывается до настоящего времени. В результате удалось зафиксировать теперь, видимо, уже последний этап функционирования кетской прозаической фольклорной традиции⁸.

Накоплен обширный, разнообразный в сюжете и жанровом отношении материал, собранный практически во всех местах расселения кетов, осуществлены многочисленные публикации, в том числе в виде отдельных, преимущественно томских, изданий [2; 3; 4; 5; 6; 7; 9; 13; 14]. В них сохранена авторская транскрипция и подстрочные переводы, в большинстве случаев сообщаются сведения об исполнителях, времени и месте записи. Многие тексты, включенные в настоящий том, впервые увидели свет именно в этих изданиях.

Четырехкратные длительные поездки к подкаменнотунгусским и вороговским (сымским) кетам для изучения их языка осуществил в конце 1950-х — начале 1960-х годов Е.А.Крейнович — признанный специалист по палеоазиатским (нивхскому, юагирскому) языкам. Им сделаны записи более двадцати крупных текстов — рассказы, предания, сказки. Большую часть своего материала Е.А.Крейнович опубликовать не успел, но то, что увидело свет, прежде всего тексты с ком-

ментарием, относящиеся к промысловой обрядности — медвежьему празднику и кормлению «дорожной старухи» [61, с. 6–112; 62, с. 236–241], — уникальны как памятники народного мировоззрения. Такими их делает присущая Е.А.Крейновичу исключительная тщательность фиксации и перевода текстов. Е.А.Крейновичем был записан и опубликован (также с комментарием) текст «военного» предания [60, с. 231–235] и самый большой из известных до него корпус кетских загадок [59, с. 227–230].

Ряд текстов в транскрипции с подстрочным переводом — песни, рассказы информантов о событиях своей жизни — опубликованы участниками состоявшейся в 1962 г. экспедиции им. Кастрена (Вяч.Вс.Иванов, Т.Н.Молошная, Д.М.Сегал, В.Н.Топоров, Б.А.Успенский, Т.В.Цивьян [54, с. 213–226]). С начала 1960-х годов разворачивается и интенсивное изучение мифологии кетов Вяч.Вс.Ивановым и В.Н.Топоровым. Предметом их внимания стали ее структура, знаковая система, типологические и ареальные внешние связи. Были выявлены историко-генетические параллели: собственно сибирские (угорские, самодийские, тюркские) и более широкие — евразийские, американские [52, с. 146–149; 53, с. 148–166; 55, с. 132–143; 82, с. 126–147; 83, с. 146–162; 84, с. 145–150 и др.].

Фольклорный материал всегда привлекал внимание этнографов, работавших среди кетов со второй половины 1950-х годов. За небольшим исключением он самостоятельно не публиковался, а привлекался для характеристики традиционной культуры [26, с. 137–139; 28, с. 90–104; 31, с. 67–104] и этноисторических реконструкций (Р.В.Николаев [70, с. 145–154; 71]). В настоящее издание вошли, в частности, тексты, записанные составителем по-русски и в транскрипции с подстрочным переводом у еллогуйских, подкаменнотунгусских, курейских, сургутинских и других кетов во время многократных экспедиций, организованных в 1960–1980-е годы Институтом этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР и Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (материал хранится в архиве МАЭ).

Особняком среди публикаций завершившегося XX в. стоят два издания, которые, возможно, дадут новое направление в использовании кетского фольклора. Первая — литературно-художественное собрание сказок для детей (введение, 22 текста, словарь, список рассказчиков), подготовленное Г.Х.Николаевой, автором школьных учебников на кетском языке [10]. Г.Х.Николаева родилась на Елогуе, из ее семьи вышли такие известные информанты, как Х.П.Бальдин, К.Х.Бальдина, Т.Х.Бурова. Записанные от них в разные годы тексты представлены и в настоящем томе.

Вторая публикация — единственная в своем роде. Это большая эпическая поэма, созданная по мотивам кетских песен, преданий, сказок и личным впечатлениям ее автора — Г.К.Вернера [42]. Г.К.Вернер — признанный и ныне ведущий специалист по енисейским языкам, создатель нового кетского алфавита и словаря для школ [40; 41].

Обе книги имеют параллельные тексты на кетском и русском, авторов отличает ярко проявляющаяся личностная позиция: интерес к самобытной культуре народа и боль за его судьбу. Став достоянием кетов, эти издания, несомненно, скажутся на их общественном сознании, перспективе фольклорной и, не исключено, будущей литературной традиции.

Итоги собирательской деятельности и изучения кетского фольклора на начало 1970-х годов наиболее полно подведены З.Н.Куприяновой [64], специалистом в области самодийской фольклористики. Ею учтен практически весь доступный

к тому времени опубликованный и рукописный материал, дана характеристика жанрово-сюжетного состава прозаических текстов. Опубликованный позднее материал [13; 14] в целом не меняет общую классификацию, хотя в условиях поздней фиксации памятников, при интенсивном сокращении функционирования фольклора, жанровом синкретизме и трансформации сюжетов любая классификация не может не быть весьма условной.

Следует учитывать также, что становление жанров происходило медленно и по-разному в различных исторических условиях. Кроме того, тот или иной известный нам сюжетный блок в разное время мог использоваться в совершенно различных функциях: предание могло превращаться в мифологическое повествование и, наоборот, миф приобретал форму предания об исторических событиях или сказки. Важно отметить, что дошедшие до нас материалы являются, в сущности, осколками почти утраченной традиции, многие звенья ее развития остались неизвестными, а в формировании жанров превалировали процессы смешения и синтеза.

В связи с вопросом о научной классификации следует сказать о том, какие виды своего устного творчества выделяет сам народ. Самым широким является термин *асыкт* (*асык'т*), который кеты объясняют русским соответствием «сказка» [59, с. 227; 41, с. 19]; в таком же значении термин обычно употребляется и в научной литературе. Между тем сами кеты под этим названием объединяли разные в сюжетном и жанровом отношении тексты, существенно различающиеся по художественной структуре, функциям и форме исполнения (повествовательной, речитативной, песенной). Например, знаток родного языка и фольклора О.В.Тыганова в 1986 г. назвала «сказкой» свое изложение наговора, сопровождавшего ритуальное действие при добыче соболя (см. № 27 настоящего издания). За этим, видимо, стоят процессы жанровой нивелировки, которые, несомненно, уже проходили ко времени первых записей кетского фольклора, а тем более — в поздний основной период его фиксации, отмеченный резким сокращением пространства фольклорной традиции и ее роли в народной культуре. Какие-то дефиниции, возможно, существовали, но были забыты или заменены русскими соответствиями.

Еще в 1980-е годы некоторые рассказчики выделяли особую категорию фольклорных произведений под внешне близким слову *асыкт*, но самостоятельным названием — *асыка* (*аска*). Собиратели, зафиксировавшие эту форму, были едины, определяя ее как «предание», «рассказ», «сказание» [59, с. 227; 41, с. 19; 14, с. 43]. Е.А.Крейнович перечислил несколько сюжетов мифологического характера, относящихся к легендарному прошлому, поименованных кетами словом *асыка*: о мифическом Альбе, прорубившем Осиновские пороги на Енисее, о великом шамане Доге, попавшем на небо и воевавшем там с громами, о богатыре Бальне [59, с. 227]. Е.А.Крейнович работал со знающими свой язык и культуру информантами с Подкаменной Тунгуски — Т.Г.Толстых, О.В.Тыгановой, П.Н.Каменских, которые и могли сообщить ему столь ценный факт. Конфликт с эвенками составляет содержание текстов под уточненным названием «военный рассказ» (*каль асыка; каль* — «война»). Эти примеры кетских *асыка* объединяет включенность в мифологический сюжет топонимических, этнических, генеалогических, социальных и других реалий. По-видимому, именно эта черта обеспечила долгую востребованность жанра *асыка*, служившего исторической памяти народа о себе и сохранению национального самосознания.

Еще один особый термин — *асага* (ср. *асаньй* — «говорить») в отношении текстов, выражающих промысловую (охотничью) этику и нормативы, зафиксиро-

ван А.П.Дульзоном [6, с. 56, № 20 и с. 58, № 21]. Наконец, следует упомянуть, что ряд аналогичных текстов-поучений, связанных с бытовыми предписаниями (например, в обращении людей с огнем, олицетворявшимся в женском образе, — см. № 82 настоящего издания), суломайский кет П.Н.Каменских в 1972 г. выделил русским словом «говёр», подчеркивая этим особенность и достоверность сюжета по сравнению со сказками — *аськет*.

Этимология кетских *аськет*, *аська*, *асага* пока не выяснена; необходим лингвистический анализ терминов. В целом можно сказать, что они все вместе противостоят лексеме *сытак* (*ситак*), обозначающей особый вид устного творчества — загадки [59, с. 227].

Народная терминология должна учитываться при выделении жанров кетского фольклора, но она не отражает всего разнообразия повествовательных форм, поэтому предлагаемая в сборнике классификация более дифференцирована, хотя, повторим, и достаточно условна. Во избежание путаницы мы отказались от включения переводов кетских терминов в названия публикуемых текстов, поместив в комментариях указания на то, какая лексема содержится в опубликованных оригиналах.

Ниже в общей форме характеризуются публикуемые кетские мифы и другие тексты мифологического происхождения, легенды, бытовые рассказы и поучения, героические и исторические предания, а также сказки — фантастические, бытовые, о животных и т.д. Как уже отмечалось, для кетского фольклора это разделение достаточно условно.

Кетские мифы, предания и рассказы не обнаруживают специфичной для каждого из этих жанров художественной структуры — особой композиции, начала и концовки, общих мест [64, с. 139]. В них могут присутствовать одни и те же свободно сочетающиеся эпизоды, мотивы, те же персонажи. Признаком сказки З.Н.Куприянова считает характерный зачин с глаголом «жил-живет» [64, с. 140]. Различные тексты имеют свои художественные особенности: героические произведения выделяет наличие гипербол, повторений, характерных общих мест. Для сказок свойственно одухотворение и оживотворение предметов, мотив оборотничества, участие волшебных помощников. Рассказы часто напоминают бытовые сказки, но отличаются особой лаконичностью изложения.

Мифы и тексты мифологического содержания принято относить к наиболее архаичным видам фольклора, видеть в свойственных этому жанру художественно-обобщенных образах присущие культуре представления об окружающем мире и одновременно средство его познания и передачи восходящим поколениям ценностных ориентаций, социальных нормативов. Тематика кетских мифов, мифологических рассказов, преданий, сказок с мифологическими сюжетами — мироздание и устройство вселенной, появление человека на земле и его окультуривание, многообразный мир реальных и мифических существ и т.д. Художественными средствами в них выражаются такие главные мировоззренческие понятия и категории, как живой-мертвый, положительный-отрицательный, верхний-нижний, мужской-женский и т.д. Свое место в них нашли все основные персонажи кетского пантеона.

В целом мифологические произведения более всего выражают специфическую культуру народа и сами являются ее символом. Для кетов они были и в определенной степени остаются до сих пор этнообъединяющим началом, средством выражения национального самосознания. Это значение сохранялось, несмотря на то

что в процессе жанровых трансформаций происходили изменения в мифологической матрице, которые, впрочем, не меняли существа наиболее важных для культуры признаков. Последнее условие — совпадение моделирующих признаков, — видимо, было главным и для процесса включения в кетский фонд и адаптации в нем элементов других фольклорных традиций.

Особенность дошедших до нас кетских мифологических текстов — превалирование их утилитарных функций (познавательной, установочной) над эстетическими. Еще недавно зафиксированы представления о способности магического воздействия некоторых сюжетов, регламентации их исполнения (см. № 40, 41). Этнографические информации (в том числе и современные) зачастую представляют собой запечатленный в обычае миф. Вместе с тем полученные в разное время мифологические тексты отразили изменения, происходящие в народном сознании. Общая десакрализация могла выразиться в нарушении запрета на упоминание имени персонажа высокого мифологического статуса, в возможности замещения его объектами более низкого ранга и т.д. Новые тенденции особенно заметны при сравнении разновременных версий одного и того же сюжета. Молодой современный исполнитель может даже опустить часть текста, где выражена основная идея, если последняя не является для него актуальной, не соответствует его ценностным ориентирам. Но трансформационные процессы происходили и в далеком прошлом. Об этом свидетельствуют блестяще реконструируемые В.Н.Топоровым ранние трансформации и древние корни некоторых мифологических образов [83; 84].

4

Включенные в настоящее издание тексты сгруппированы в целом по жанровому и сюжетно-тематическому принципу (основная роль здесь принадлежит Е.С.Новик).

В первый раздел помещены мифы и тексты мифологического характера. Космологическая тема в них представлена сюжетами о потопе, о происхождении земли и всего на ней существующего, о светилах (солнце и месяце) и созвездиях. Сюда же можно отнести и повествования, объясняющие тот или иной общественный обычай, например обрядность захоронения (№ 15).

Общность относящихся к перечисленным сюжетам персонажей высокого ранга, их связи и функции свидетельствуют о возможном существовании некогда в кетской традиции единого космогонического цикла. Действующими лицами являются верховное начало — Есь (персонифицированное небо), его жена Хоседам, ставшая на земле отрицательной альтернативой Еся, Бангрэхып (Сын земли), играющий роль связующего звена между землей и небом, мифический демиург Альба, легендарный шаман Дог и др. В некоторых поздних версиях произошло замещение этих лиц персонажами значительно более низкого уровня. Например, один из основных мифологических сюжетов — о ссоре Еся с Хоседам, определяющий соответствующие (небесное или земное) ведомства антагонистических начал. начинается словами: «Старик со своей старухой жили, у них сын был» (№ 9)⁹.

Сюжеты о самом акте возникновения мира представлены очень немногочисленными мифологическими фрагментами, записанными не ранее начала XX в. Дополнить эти сведения помогает этнографическая информация, по сути являющаяся пересказом мифологического сюжета или его части.

Возникновение мира из небытия в кетской традиции выглядит всегда как появление собственно земли, а вода (окружающие землю «семь морей») и воздух (небо) выступают как бы извечными. «Мать-земля родилась (возникла) с ладонь, в большую землю расширилась (выросла)». Этот пример отражает представления об исходном внутреннем саморазвитии земли (думается, это наиболее ранний мотив), но кетской мифологии присуща и идея демиурга (чаще в единстве двух — положительного и отрицательного — начал).

Открывается сборник фрагментом мифа о потопе, записанном в начале XX в. В.И.Анучиным (№ 1). В нем говорится, что земля всплыла после потопа на поверхность воды в виде зыбунов и торфяников, на которых спаслись люди, звери и птицы; стриж начал носить глину для гнезда, царь привязал к его ноге нить и таким образом люди открыли «костяцкую землю». Русское слово «потоп», используемое самими кетами как соответствие своему *кяуль* («наводнение», «большая вода»), может быть связано с библейским влиянием.

Действительно, мифологические сюжеты о всемирном потопе, о сотворении мира и человека более других могут показаться сходными с библейскими легендами. Воздействие это, несомненно, имело место. Но сознанию кетов могли стать доступны лишь те идеи христианства и та часть его обрядности, которые обнаруживали (в силу своей сути, как сложившиеся сами на основе языческих верований или удачного приспособления их миссионерами) определенную внешнюю близость, имели точки соприкосновения, общие черты с их традиционными представлениями, культами, мифологией. Следует учитывать также универсальность и даже глобальность распространения близких мифологем. Представления о появлении земли среди водного пространства могли послужить точкой соприкосновения традиционной и иных мифологий и обеспечить устойчивость сюжетов о потопе.

Архаичный мотив о борьбе двух начал при возникновении земли сопровождался трансформацией образов под воздействием народных верований русских, библейской мифологии, а также появлением конкретно-исторических реалий в сюжете. Конструктивные деяния приписываются здесь Есю — верховному персонажу кетского пантеона, а противостоит ему персонаж, не соответствующий его высокому рангу, — *дотэт* (*доотэт*), который часто интерпретируется современными кетами как «чёрт».

В кратком рассказе о создании земли, образно и с юмором поведенном П.Н.Каменских (№ 2), трудолюбивому Есю противостоит персонаж, которому информант не смог подобрать кетского соответствия и назвал «чёртом». Действие происходит среди водного пространства («Сначала земли не было. Была одна вода»). Ныряя, Есь захватывает за щеки тину и, выдув ее, создает землю, лиственный и кедровый лес, а потом наводит порядок — собирает насекомых («всякую ерунду, что ползает») в яму и затыкает ее столбом. Чёрт, как ему и полагается («чёрт он чёрт и есть»), ничего полезного не совершил, а, наоборот, выпустил часть ползающих наружу («по лесу их много бегает»).

Дуализм творцов присущ еще одному, также поздней фиксации (1971 г.), фрагменту мифа (записан составителем от Е.С.Сутлина, 1921 г. рожд., в пос. Алинское Туруханского р-на), в котором землю делают Есь и дотэт [28, с. 72]. Текст отличается очень конкретным восприятием рассказчиком мифологического сюжета: оба демиурга начали «делать землю» от ее центра, причем рассказчик назвал таковым место своего рождения и жительства — поселок Алинское на Енисее. Есь взялся создавать часть земли выше (по течению Енисея) поселка, дотэт — ниже

(ср. представления кетов о положительной стороне в верховьях реки и отрицательной — в низовьях). Есь сделал все тщательно, поверхность у него получилась ровной. Дотэт смошенничал — спрятал часть земли за щеки, поверхность у него вышла несколько наклонной из-за нехватки припрятанной земли («поэтому Енисей и течет в ту сторону»). Есь догадался, отобрал излишки земли и, разбросав, сотворил яры, холмы, кряжи; дальше они росли сами. Закончив дело с землей, оба взялись за реки и озера. В течение семи дней каждый закончил равный участок: Есь к югу от Алинского, включая р. Дубчес, дотэт создал территорию к северу от Алинского, включая Нижнюю Тунгуску. Созданная в таких масштабах первоначальная земля далее «росла самостоятельно», потом уже на ней стали жить люди¹⁰.

При создании разных пород животных и рыб все полезное для человека было сотворено Есем; дотэт и здесь постоянно стремился помешать (например, пытался оставить на своей половине всю ценную промысловую рыбу) и, в свою очередь, создал все вредное и бесполезное (среди «бесполезных» животных Е.С.Сутлин назвал окуня и ерша, а также волка и «некетских» животных — корову и свинью, мясо которых отдельные пожилые люди предпочитают не есть и в наши дни).

Мотив сотворения земли демиургом среди водного пространства присутствует и в сюжете, записанном В.И.Анучиным [37, с. 14]. В нем действует легендарный шаман Дог, который с помощью гагары, доставшей со дна моря кусочек тины, образовал остров. В.И.Анучин отмечает, что в данном фрагменте произошло смещение персонажей и Дог заменил кого-то другого, а по существу речь идет о сотворении мира. Это вполне оправданно, так как Дог действовал уже в мифологическое время на существующей земле; но данный фрагмент можно осмыслить как сюжет сотворения не земли вообще, а какого-то острова на существующей уже земле в результате действия героя (см. ниже об Альбе и Ольгите).

Астральную тему представляют сюжеты о небесных светилах — солнце, месяце (луне), звездах и созвездиях (№ 3–11). Солнце и месяц персонифицированы в женском и мужском образах соответственно. В.И.Анучин пересказал мифологический рассказ об уходе к месяцу жены Еся, за что она и была изгнана на землю, а месяц наказан вечной обязанностью служить человеку — указывать путь и предсказывать погоду [37, с. 3–4]. В большинстве сюжетов месяц фигурирует как муж солнца (№ 3–6). Их союз по существу является космическим, так как месяц — это родившийся в колодине без матери и отца Сын земли — Бангдэхып. В его превращении роковую роль сыграла Хоседам¹¹. Соперницы разорвали его пополам, причем жене досталась половина мужа без сердца. Она пыталась сделать сердце из угля (в варианте — качала, пытаясь оживить), но бесполезно: «Днем он как человек, а ночью — только половина». Месяц «крутится сзади жены-солнца» и светит ночью своей половиной.

Мотив разорванного пополам месяца и сюжет появления пятен на луне известны в ряде сибирских традиций (угорской, селькупской, тюркско-чулымской). Согласно В.И.Анучину, пятна на луне — это следы пребывания там Хоседам [37, с. 4]. В других вариантах — это женщина, дразнившая месяц и наказанная тем, что была утащена к нему вместе с ведром (туесом) и корягой, за которую она уцепилась (№ 7).

Сюжет об убывании месяца зафиксирован только в виде этнографической информации, которая по своей сути является пересказом мифа: месяц не убывает, просто ему с каждым днем все более не хватает времени показаться целиком (то на охоте стегнул веткой глаз и должен был уйти, то гостил у трех своих невесток,

каждая из которых задерживала его все дольше и дольше, так как из-за своей нерадивости и скупости не приготовили угощения заранее и вынуждены были заниматься этим при госте).

Сын неба (Естьэхып) фигурирует в двух мифологических сюжетах. Один — космогонического характера (№ 8), разъясняющий происхождение Млечного Пути (в других версиях он связан с легендарным Догом). Сын не послушал советов отца, Еся, теплее одеться, идя на охоту, и замерз на западной стороне неба. Его след там обозначился в виде Млечного Пути: «Лыжня сына неба наверху на небосводе виднеется» [7, с. 104]. Этот же сюжет связан и с появлением на земле отрицательного начала кетского пантеона — Хоседам. Впрочем, об этом имеется и самостоятельный текст — № 9: она была женой Еся, но не простила мужу, что он так жестоко наказал их сына за непослушание, и в гневе ушла от него на землю, пообещав стать там равной ему злой богиней [7, с. 104]. В другом сюжете (№ 15) с Сыном бога связана утрата людьми изначально свойственного им бессмертия и появления у них прежде отсутствовавшей собаки. Посланный Есем на землю сын, когда там впервые умер человек, обманул людей и велел зарыть умершего на семь сажень в землю вместо того, чтобы держать его на лабазе высотой в семь сажень в течение семи дней. Бог рассердился на сына и превратил его в собаку. С тех пор люди стали умирать. В.Н.Топоров усматривает аналогии кетскому Сыну неба в древнеалтайской (древнетюркской) традиции, в свою очередь восходящие к китайской антропонимии. Через тюркское посредничество с антропонимом Сын неба могли познакомиться и енисейцы [84, с. 155].

О появлении (создании) людей известно несколько сюжетов. В некоторых из них явно чувствуется влияние ветхозаветных легенд. Один из фрагментов опубликован В.И.Анучиным: «Есь долго мял в руках землю, потом бросил. Из правой руки брошенное влево был мужик, из левой брошенное вправо — вот стоит баба» [37, с. 9]. Другой вариант, записанный составителем в 1972 г. от О.В.Тыгановой, выглядит еще более близким библейскому: «Сначала одних мужиков бог сделал. Смотрит сверху — одни мужики ходят, шить, еду варить не умеют. Бог из правого нижнего ребра первую женщину сделал, спустил. Мужик один ее в жены взял, дети пошли».

В публикуемом кратком тексте (№ 12) сам мотив создания Есем человека отсутствует. Он «пускает» на землю сначала мужчину, а потом, видя, что «ничего не получается», — бабу. «Смотрит — справляются. Бабы брюхатые ходят, все делать умеют». Первичности мужчины на земле противоречит мифологический сюжет о первоначальном женском населении земли [37, с. 9] или о первой женщине.

Библейское влияние сказалось и в этногонических мифах. Тема «разделения народов» присутствует в мифе о потопе: «Во время потопа была великая буря, которая разбила всплывшую землю на несколько кусков. Люди, разделившиеся таким образом на части, и образовали народы» (№ 1); ср. также полевую этнографическую информацию начала 1970-х годов: «Сначала жили кучей, потом разнесло в разные стороны, с тех пор разбросанно живут». Более самобытны этногонические мотивы в немногочисленных текстах, где говорится о происхождении родовых этнонимов. Речь идет прежде всего о широко известном и в других сибирских мифологических традициях сюжете о небесной охоте, объясняющем происхождение созвездия Большая Медведица (№ 10, 11). Это созвездие считали «своим» кеты экзогамной (родовой) половины Богденг. Возможно, здесь мы имеем фрагмент мифа, включавшего когда-то и сюжет об упавшем с неба лосе. Он за-

фиксирован как самостоятельная версия о происхождении этнонима Богдедент (№ 14).

Сюжет о небесной охоте занимает особое место среди астральных мифов и в других сибирских традициях (у угров, селькупов, эвенков, бурят, северных алтайцев и др.). «Сохатым» (*кай*) кеты называют Большую Медведицу. По поводу происхождения названия и самой конфигурации созвездия зафиксированы несколько различающихся несущественными деталями версий. Все они повествуют о том, как несколько человек разной национальности вместе преследовали сохатого. В двух текстах, включенных в сборник (№ 10, 11), действие происходит «на Сургутихе» (оба рассказчика родом оттуда), участвуют в охоте кет, селькуп, эвенк, русский (№ 10) или большое число охотников — «семьдесят и еще семь человек», «русские там есть, тунгусы, остяки — все есть» (№ 11) Охота была долгой, продолжалась днем и ночью, и незаметно для себя все участники, убив сохатого (в вариантах — только ранив его), оказались на небе.

Отличающиеся великолепной зрительной памятью, кеты легко воспроизводят в рисунке разные положения Большой Медведицы на ночном небе и объясняют, в каком образе им представляется та или иная звезда. Четыре звезды ковша — ноги сохатого; левая передняя (подбитая) несколько отодвинута в сторону. Три звезды впереди — нос и уши сохатого. Звезды, составляющие ручку ковша, — селькуп, догоняющий его кет и замыкающий группу эвенк. Кет сначала бежал первым, но отстал, потому что пришлось возвращаться за забытым на привале котлом (в отличие от эвенка, кет и селькуп сырое мясо не ели, только вареное), тем не менее именно его стрела попала в ногу (лопатку) животного. Точка возле средней звезды — возвращенный котел. Кроме того, кеты выделяли еще шесть звезд, в которых видели стрелы селькупа и кета (три из них находятся за пределами созвездия Большой Медведицы).

Приведенные данные извлечены из этнографической информации. Что касается публикуемых текстов, то обоих исполнителей привлекают собственно действие охоты, факт незаметного перемещения с земли на небо, возможность проявить национальное самосознание и личную причастность к событию («Значит, мы, семьдесят и еще семь человек, сохатого гнали...»), «Когда мы сохатого убили, на небе, наверху, сохатый и образовался» — № 11). Личное восприятие может быть обусловлено связью мифологемы с родовой этнонимикой. По одной из полевых информаций, в мифической охоте принимал участие кет, который был «первый Богдейгет» [28, с. 85]. Его сородичи считают Большую Медведицу «своей». Представители другой экзогамной (родовой) половины кетов — Кэнтаан «своей» называют Малую Медведицу. Ее тоже называют Кай, и с ней связан аналогичный сюжет об охоте, но считалось, что она происходила раньше. Большую Медведицу кеты Кэнтаан называли «неправильным сохатым». Противостояние родовой идеологии здесь несомненно, но причиной могло быть и восприятие созвездия Малой Медведицы как более надежного ориентира в пути, возможно из-за расположения в нем Полярной звезды («Мать звезд», «Пупок звезд», «Середины неба пупок»), обеспечивавшей эту роль.

Этнографические данные свидетельствуют о существовании астральных мифов, сохранившихся в виде краткого пересказа фабулы или только названия. Со временем мифологической охоты на лося связывалось появление главного созвездия южной части неба — Лисицы (Орион) [89, с. 80]. По другим данным, это был олень Альбы, с которым тот ушел на небо, а созвездие именовалось «Олень голо-

ва» [37, с. 16]. К периоду, «когда земля росла», относится переход на небо семи (в вариантах — множества) кузнецов, которые делали нож и, как охотники, неожиданно оказались на небе, образовав там созвездие, именуемое «кузнецы» (Кассиопея?). С именем распространенного фольклорно-мифологического персонажа — героя архаичных сюжетов Каськета связано название созвездия «Пушальни Каськета» (Плеяды?); в тот период, «когда земля росла», Каськет добывал эти-ми сетями карасей.

С происхождением названия одной экзогамной (родовой) половины кетского общества связан сюжет об упавшем с неба грома. В разных версиях этого сюжета гром персонифицирован в образе копытного животного — лося, лошади. В предании, где легендарный Дог погибает, сожженный Матерью громов за то, что убил шестерых ее детей и питался их мясом, природное явление характеризуется так: «громы — звери; у них копыта есть, крылья, а шея и голова лебединые» [3, с. 193, 195]. В публикуемом тексте (№ 14) гром-лошадь упала с неба в то время, когда живших «одной ордой» людей постиг страшный голод. Найденную в лесу лошадь они разделили и съели, отчего все — мужчины и женщины — забеременели. Евшие гром — это и есть кеты Бокдэдэнг («огня люди»), или Еккадэнг («громов люди»). Мужчины умерли, а родившиеся у женщин дети «уже Конэнг стали» (родовое подразделение кетов Бокдэдэнг).

В одной из полевых информаций упоминается, что у зверя-грома суставы были медные (медь — семиотический знак верхнего мира в кетской мифологической традиции). Сходный мотив обнаруживает упомянутый сюжет о Доге: погибая от огня, он успел спустить с неба в образе гагары сына. Гагара упала на Сым, где ее съели сымские люди. Все евшие гагару погибли (в вариантах — погибли только забеременевшие мужчины). Характерно, что внутренность гагары была из меди (железа). Можно также добавить, что в снятой чулком шкуре гагары кеты хранили *когонь* — круглые медные подвески (солярные символы) с облачения шамана-предка. Считалось также, что когонь можно найти в гнезде змеи, но брать их оттуда запрещалось [41, с. 54]. Имеется полевая информация, что змеи пробивали головой отверстия в одежде человека, пытавшегося закрыть ею вход в убежище. Мифологема грома в кетской традиции представлена значительным числом этнографических примеров по сравнению с другими природными явлениями [28, с. 91–93]. Запечатленные в мифах некоторые черты образа сигнализируют о воздействии каких-то иных (переднеазиатских?) традиций.

Уникальным образцом сюжета о культурном герое и примером мифологических и мировоззренческих контаминаций является едва ли не самое крупное в кетском фольклоре повествование «Откуда жизнь вперед пошла» (№ 13). В нем присутствует мотив всеведущего творца, образ которого отмечен чертами христианского бога. Рассказчица по-кетски назвала его «отец», «большой отец». Однако тот только указывает путь к очеловечению созданных им, но «сделавшихся» зверями людей и подсказывает герою — Дилтаку, где взять огонь — первое условие превращения в людей. Весь остальной путь — от освобождения от шерсти и перехода к прямохождению до изготовления орудий труда из камня, а потом из железа — люди осуществляют сами, ведомые своим младшим братом — Дилтаком.

Возможно, здесь имеет место редкий случай фольклорного авторства: талантливая, пытливая сказительница (В.С. Дорожкина), используя свой жизненный опыт, национальные и сходные с ними эпические традиции (мотив огня, с помощью которого творец — Торум спасает замерзающих людей и очеловечивает их,

присутствует в хантыйской мифологии). творчески переработала ставшую ей доступной популярную информацию о первобытности, создав в целом единственное в своем роде устное произведение.

Этиологическое содержание более всего присуще сюжетам о появлении на земле первых животных, птиц или происхождении особенностей их внешнего вида и образа жизни.

В роли основного демиурга и культурного героя, приобщившего людей к первым жизненным благам, социальным нормам, ритуалу, выступает Есь. Он посылает на землю первого дикого оленя, первого зайца, первого медведя и предопределяет их потребительскую роль для человека. Но виноваты в своей судьбе оказываются все-таки сами посланцы. Олень стал добычей людей потому, что лизнул свою ногу по шерсти, отчего образовался гладкий камус; люди стали использовать его в качестве подволоки лыж: «Если бы первый олень против шерсти свою ногу лизнул, люди не могли бы лыжи делать. Без лыж гонять бы оленя не могли» (№ 16). Заяц был предупрежден человеком и не собирался попадать в сооруженную им ловушку, но Есь знал, что людям будут нужны его мясо и шкура, и сделал так, что голодный заяц не вытерпел, поддался на приманку (№ 17). Медведя Есь лишил длинных зубов-клыков и предупредил, что люди сделают железный лук, чтобы добывать его (№ 18).

О рябчике публикуется самостоятельный этиологический миф, объясняющий его малую величину. Изначально он был огромным, как мифическая птица Даг, и, вылетая, пугал людей поднимаемым при этом шумом (действительно, «фырканье» вспархивающего рябчика всегда неожиданно, так как он подпускает человека очень близко). Однажды рябчик испугал Еся, и тот сделал его маленьким, чтобы помешался «в ладони руки». А мясо рябчика он разделил между всеми существами на белом свете зверями и рыбами (№ 19).

Воля Еся присутствует и в упоминавшемся сюжете о появлении на земле собаки. Но здесь Есю, хотя он и верховное начало, удалось не все: при первом случае смерти среди прежде бессмертных людей он хотел обучить их «правильному» ритуалу, при котором умерший через семь дней оживал бы, но его подвел собственный сын и люди стали умирать; за это бог оставил сына на земле собакой (№ 15).

В животное может превратиться и сам человек, порывающий с обидевшим его человеческим сообществом. Таково происхождение белки. В тексте № 21 женщина, убегая от собравшегося погубить ее мужа, лезет на дерево и превращается в белку. В другой версии (№ 20) присутствует мотив воли творца — Есь решил помочь голодающим людям и из девки сделал первую белку; у белки от человека только большой палец остался и под мышками — кусочек белого мяса.

Первый глухарь мог бы вместе с другими птицами улететь зимовать на юг («вверх»), но Есь велел ему остаться, чтобы люди зимой не голодали. Перелетные птицы — гуси, утки — пытались утянуть его силой, накинули петлю; зацепив за грудную кость (оттого у каждого глухаря там есть дыра, а перышки «у бровей» красные от слез — № 22), но им противостояла воля Еся, и глухарь остался. В близких версиях (№ 23–24) о происхождении красных глаз и отверстия в грудной кости у глухаря и косача (тетерева) обе птицы послушали уток и прилетели на юг, но им там было жарко и нечего есть. Они плакали до тех пор, пока их глаза не покраснели. Назад на север их транспортировал на поводке ястреб, исполнив их желание и к тому же обеспечив себя пищей (№ 24). Широко распространенный

в сибирских традициях сюжет о превращении в кукушку матери непослушных детей свойственен и кетам (№ 25, 26).

Сочетанием этиологического мифологического начала и наговора, отражающего актуальные верования, интересен текст № 27. «До русских» соболь был человеком, но превратился в зверька, обидевшись на неверную жену. С тех пор люди «виноваты перед сободем» и должны соблюдать умиловительные и магические действия при охоте на него.

Кроме Еся в роли культурного героя, создающего неизвестную дичи (глухарю, зайцу), но необходимую людям для промысла ловушку, выступает Каськет с верховьев Подкаменной Тунгуски, обладающий магической силой, которая «притягивает» зайца и глухаря. Обретя печальный опыт пребывания в ловушке, глухарь избрал лиственный лес, а заяц — берег с тальниковыми кустами; выбор оказался верным: они «до сих пор живут» (№ 28).

Магическими, точнее, шаманскими способностями наделен и герой этиологического рассказа о происхождении черных кончиков ушей у зайцев: шаман ударил их палочкой по ушам, когда они осмеяли его камлание (№ 29), а в мифе № 30 из-за ошибок и гибели одного из двух шаманов, улетевших в южные земли, все его люди превратились в лебедей (ср. № 45 о Доге и Укволе).

Итак, деяниями культурного героя (творца) — Еся, Каськета, шаманов и других «мудреных людей» — обеспечивается место на земле необходимых человеку для промысла диких животных, особенности их внешнего вида, мест обитания или поведения. В других случаях их появление находит объяснение в конкретных жизненных ситуациях самих этих персонажей. Про орла, например, говорится, что когда-то он жил вверху (на юге), в теплой стороне Томам, хозяйки этой стороны. Он первый «открыл Сибирь» и, увидев, что там есть чем питаться («зайцы есть, рыбы есть»), позвал туда жить свою жену. «С тех пор здесь живут. Орел — большой человек, все понимает. Рыбы много добывает; большую рыбу из воды таскает. Раньше орла люди не били; перья для стрел из орлят вынимали. Такое оперение не промокает» (№ 31). Подобные тексты часто переходят в сказки о животных, где этиологические мотивы превращаются в орнаментальные этиологические финалы (ср. № 143: пять темных полос на спине бурундука — след от когтей погладившего его друга медведя).

Мифология и народная историческая память синкретизированы в сюжете о возникновении домашнего оленеводства. В соответствии с мифологическим стереотипом с неба неожиданно стали падать семь оленей. Остяки подставили новую берестяную тиску, но олени пробили ее копытами насквозь и не задержались у них. «Низовские люди» (северные самодийцы — ненцы, энцы) воспользовались прочной ровдугой, поэтому олени остались у них. Остяки пытались заполучить оленей, выиграв в споре: тянули коленную кость, но и здесь их постигла неудача. Чтобы у них появились олени, их пришлось отбивать у низовских: «Остяки низовских разбили, оленей себе забрали... У низовских видели, чем и как запрягать надо оленей... как на оленях ездят» (№ 32).

Мифологизированное отношение людей к жизнеобеспечивающим ресурсам отражает текст «Деревь». По воле человека, отправившегося в лес за дровами, прежде во всем подобные людям деревья должны были лишиться голоса, стать безмолвными: иначе слышавшие их мольбу и плач люди не могли рубить деревья для своих нужд (№ 33).

Такие особенности ландшафта, как впечатляющие своим внешним видом скалы, недоступные кражи, труднопроходимые речные пороги и иные значительные

объекты природы, объяснялись деятельностью или превращением мифических героев. Ушел на восточную сторону и стал там каменистым краем богатырь Альба [37, с. 4, 7]. Как творцы-антагонисты выступают богатырь Альба и Хоседам, изгнанная Есем на землю и ставшая там хозяйкой мира мертвых. С их противостоянием связывается происхождение Енисея, точнее — его части ниже устья Подкаменной Тунгуски, Осиновских порогов, прибрежных скал (шек) и скалистых островов в этом районе (№ 34, 35). Спасаясь от Альбы, Хоседам «прорыла» русло Енисея книзу от Осиновских порогов и стала первопричиной возникновения на Енисее непригодных для жительства низких, затопляемых «черных» (заросших тальником и другим чернолесьем) островов, кишаших гнусом. К этому сюжету более чем к какому-либо другому относится сказанное выше о мифологическом фольклоре как одном из проявлений национального самосознания. Большинству кетов в той или иной степени он был знаком еще недавно.

Мотив образования «каменистых россыпей» путем превращения в них мифологических персонажей характерен и для предания об Ольгите (№ 36). Последний текст имеет еще более выраженный топонимический и этногонический характер (Ольгыт — название одного из исторически известных на Курейке подразделений кетов Кэнтаан).

Дуализм соперничающих творцов имеет место и в тексте, где злокозненная кэлбэсам противодействует положительному женскому персонажу хунь в ее желании утвердить более легкие условия жизни людей (№ 37).

Помимо этиологических мифов в первый раздел сборника включена группа текстов, сюжеты которых строятся вокруг браков между мифологическими персонажами, персонифицирующими различные зоны мироздания. В первую очередь это тексты о сватовстве Сына земли — Бангрэхыпа к Дочери неба — Есьтехунь: Есь соглашается отдать дочь, но из-за происков злой колмасам жена уходит на небо в образе важенки (Бангсель — Земляной олень) и лишь после долгих уговоров соглашается вернуться к мужу на землю (№ 38, 39).

К космологической тематике восходит сюжет календарного мифа об Усесе (Усесь — Теплое небо, особая ипостась Еся: № 40, 41). Он особенно интересен своей непосредственно выраженной магической функцией: об Усесе можно было рассказывать лицам, родившимся в теплое время года, а от самого исполнительского акта ждали желаемого изменения погоды. Усесь предстает как существо, обладающее правом наказывать за нарушение морально-этических норм. В его власти обеспечить потепление (если из-за сильных холодов люди не могут осматривать подледные ловушки — котцы) или, наоборот, умеренный мороз, кладущий конец распутице. В текстах условием наступления тепла оказывается брак Усеся и земной девушки, путешествие которой к нему на небо происходит вдоль реки верхнего мира. Аналогичный сюжет встречается в других сибирских традициях, например у хантов и ненцев, однако магическая функция рассказывания этих текстов составляет кетскую специфику. Те же функции вершителя погоды осуществляет сказочный Эт (№ 142).

Путешествие по космической реке с целью оживить мужа, убитого его отцом, совершает и героиня космологического мифа Бангсель — один из основных персонажей кетского шаманства (№ 42, 43). Эти тексты, по существу, являются художественным отображением реального шаманского действия, включавшего мотив семикратного возрастания силы шамана, путешествие к Хоседам по реке и т.д.¹².

К мифологической тематике близок обширный цикл о легендарном шамане Доге (№ 44–51). Содержание текстов составляют путешествия Дога на зимовку

в верховья (на юг), в благодатную страну Томам, и в низовья (на север), к Хоседам. Известностью пользовалось и предание о том, как Дог увел часть «своих людей» (традиция связывает его с елогуйскими Кэнтаан) на небо в поисках лучших мест жительства. Из-за нерадивости сородичей и совершенного ими обмана Дог оказался там безоружным перед Матерью громов, и все земляне, кроме спущенного на Сым в образе гагары сына Дога, сгорели.

Сюжеты о Доге были составной частью собственно шаманской мифологии. Об этом имеются прямые свидетельства пожилых кетов. Согласно Х.П. Балдину, еще на его памяти «сказку» о путешествии Дога и Уквола (племянник первого, легендарный шаман из рода Бокдэенг) «пели шаманы». Многие образы и мотивы преданий о Доге находят прямые соответствия в реальном камлании кетских шаманов.

Второй раздел сборника — «Легенды, бытовые рассказы, поучения» — открывают четыре шаманские легенды (№ 52–55).

Первые две повествуют о контактах земных людей с жителями иных миров. В тексте № 52 упавшего с неба человека, который остается невидим для рядовых жителей земли, обнаружить и вернуть назад смог только большой кетский шаман Дог (судя по некоторым деталям, действие этой легенды происходит в эвенкийской среде, и обращение их шамана с просьбой о помощи к Догу призвано продемонстрировать превосходство и силу великого кетского шамана). Но и человек земли, упавший в нижний мир, тоже невидим для его обитателей. Они не понимают его речь — он просит еды, а им кажется, что как-то особенно трещит костер. Как и в первом случае, в свой мир он возвращается с помощью шамана (№ 53). Миры пришельцев в обоих сюжетах оказываются «верхними»: сакральность верхнего мира символизирует белый цвет оленя (оленьей шкуры), требуемого шаманом для возвращения чужака.

Оказавшийся на небе волей какого-то человека (судя по образу — это бог) тунгус не видит находящихся там людей (№ 54). Мотив воздаяния за плохое обращение с оленями и сентенция, касающаяся умеренности в еде, делают этот текст похожим на притчу.

В сборник вошел также рассказ о большом елогуйском шамане, успешно лечившем даже самых тяжелых больных (№ 55). Но случилась беда — в их места пришла «великая болезнь». Шаман увидел ее в женском облике, в сопровождении коной с колокольчиками. Образ свидетельствует, что скорее всего «великой болезнью» названа корь. Эпидемии ее неоднократно свирепствовали на Туруханском Севере, унося целые семьи. Известны изображения «русской болезни» — кори в виде тряпичной куклы в русской (юбке с кофтой) одежде. Шаман, может быть, и справился бы с болезнью, «поймал» ее, но жена не выполнила его наказа не открывать дверь на звук колокольчиков. Шаман умер, чум его засыпало песком. С тех пор в этом месте на ночевку никто не останавливался. Следует сказать, что практически на всей периферии расселения кетов встречаются такие запретные места или о них сохраняется память в топонимике.

Самостоятельный большой пласт в кетском фольклоре составляют сюжеты об отношениях человека и лесного существа, именуемого *кайгусь*. Тексты с подобным сюжетом часто содержат реальные фамилии, родовые названия и имена людей.

Образ кайгуса многозначен: это медведь (медведица), хозяин лесных зверей или женское существо — мать (хозяйка) белок, соболей, — способное принимать как зооморфный, так и антропоморфный вид. Общей является идея о непосредственном влиянии кайгуса на исход охотничьего промысла, а также мотив брачной

связи с человеком как условия промыслового успеха, жизненного благополучия. Кайгусь выступает и как законодатель своеобразной охотничьей этики, предписаний поведения человека по отношению к объектам промысла. Слово «кайгусь» в современном кетском употребляется в общем значении «удача», «волшебный» («мудреный») — например, по отношению к белке-трехцветке, шкурка которой сохранялась как «фарт», талисман.

Широко распространен был сюжет о Кайгусе верховья реки, которым осмыслились обрядовые действия по случаю добычи медведя (№ 56). Кайгусь, сын медведя и женщины, имеющий вид медведя, решает жениться на дочери старика. Лесные звери предостерегают и отговаривают его. Кайгусь не слушается и похищает девушку. Ее отец, как и предсказывали звери, устраивает погоню. Пытаясь откупиться от догоняющих его людей, кайгусь оставляет (как и при реальном обряде сватовства) «цену человека» — связки шкур пушных зверей, ценные вещи (платок, платье), но это не помогает. Предвидя свою скорую гибель, кайгусь отпускает девушку и наказывает ей исполнять все необходимые для его последующего возрождения действия, т. е. обучает всему ритуалу медвежьего праздника.

Кайгусь — мать (хозяйка) пушных зверей в своем мире сама имеет вид белки («двузубая») или соболя, но охотнику она является в виде женщины, одетой в беличью или соболиную шубку. Ситуация встречи с охотником традиционна: охотник находит необычные следы (женские и одновременно звериные или переходящие одни в другие), выслеживает и убивает необычную («в упряжке», «с завязками») белку или соболя. Вскоре ему является женщина, которая ищет «своего зверя» («свою собаку»). После любовной игры-состязания, признав мужчину победителем, кайгусь становится его женой (если он женат, то второй, наряду с реальной женщиной), и с этого момента ему постоянно сопутствует удача (№ 60–62). В тексте № 64 брачная тема предстает в форме любовного заговора, под действием которого кайгусь-женщина соглашается стать женой охотника из рода Кэнтаан.

Кайгусь-удача¹³ может покинуть человека, если он сам или его близкие не выполняют поставленных ею условий (№ 58, 59) или пытаются завладеть ею силой (№ 61–63). Охотник мог потерять свою кайгусь, если его реальная жена не совершает необходимых обрядов очищения (№ 81), и т. д.

Особняком стоит текст № 57, где речь идет о разделенных пространством двух семьях кайгусей верховьев (разных?) рек. Одна семья состоит из сестры и оживленного ею брата, другая — из брата и семи его сестер. Долгое путешествие первого брата в поисках жены по реке с помощью медведей и волков закончилось образованием новых, скрепленных уже брачными отношениями семей. Возможно, права Е.С.Новик (устное сообщение), и в мифологической подоснове этого текста лежит возникновение экзогамных норм.

Известны также сюжеты о девушке, отставшей в лесу от людей и взятой кайгусем-медведем в жены. Ее осиротевшие родители с этого момента перестают голодать, добывают много пушнины и дичи. Дочь является к ним через год, просит о ней не беспокоиться и заверяет, что впредь они всегда будут с добычей (№ 65). Аналогией этого сюжета является текст о девушке, попадающей к ульгусю — мифологическому хозяину водной стихии, рыб. Она становится его женой, а тоскующие родители начинают добывать много рыбы (№ 66–68). В варианте, записанном М.Н.Валл, удача распространяется при этом и на охотничий промысел (№ 67). Ульгусь (или его мать), как и кайгусь, наказывает людям впредь исполнять необходимые для воспроизводства улова правила (например, собирать и спускать

в воду кости рыб и т.д.). Эти правила соблюдались кетами и в реальной практике (ср. № 83).

Среди бытовых повествований особое место занимают популярные сюжеты о медведях, включающие как фольклорные стереотипы (в том числе известные и в других сибирских традициях), так и реальные ситуации, давшие начало рассказу. Примером может быть описание конкретного случая, сделанное со слов А.А.Максуновой В.Г.Шабаевым в 1979 г. (№ 69). Через десять лет мы записали от В.Ф.Максунова очень близкий текст, выглядевший как этнографическая информация биографического характера. Излюбленные кетами сюжеты о выращенных медведях имеют в своей основе реальную практику содержания животных¹⁴. Рассказы проникнуты симпатией к интересному, умному зверю, изобилуют реалистическими деталями.

Обычный сюжет — у бездетных стариков воспитывается медвежонок (*ысыкит*), которого они именуют «сыном», «дочкой». Он помогает им в тяжелой работе (например, таскает в чум дрова). Достигнув определенного возраста, ысыкит уходит в лес. На прощание ему на шею и лапы надевают медные доспехи-украшения. Впоследствии зверь может явиться к людям, чтобы заменить их, ставших тесными, на новые; обновление доспехов воспринималось как праздник, аналогичный ритуалу обновления шаманских атрибутов. Медные браслеты и ошейник служили знаком того, что медведь ручной (№ 70, 71).

Распространены рассказы, как воспитанник-медведь оказывает помощь человеку в тот момент, когда на него нападает дикий собрат. Звери схватились, а охотник получил время, чтобы выстрелить. Ручной медведь поднял лапу с браслетом, чтобы стрелявший не перепутал его с диким. Но бывают случаи, когда люди не догадываются и убивают товарища (№ 72).

Звери-выкормыши могут и сами прийти к людям за помощью, как, например, в рассказе о медведе, напугавшем женщин. Те отправились за реку собирать черемуху. Возвратившись к лодкам, они увидели в одной из них медведя. Чтобы их успокоить, медведь показал ладошку, в которую попала заноза. Женщины узнали в нем выращенного медвежонка и отвезли к старику, который вытащил занозу и залечил рану (№ 71).

В сказках медведь-выкормыш в трудную минуту помогает людям этой семьи или сиротам (№ 77, 78).

Частые персонажи бытовых текстов — обиженные сироты: одинокая старуха, у которой люди убили лисичку-помощницу (№ 75), девушка, ушедшая в лес из-за плохого обращения чужих людей (№ 76) или брошенная на произвол судьбы (№ 77), парень Тыней, за пропитание вынужденный исполнять самую тяжелую работу (№ 119), и т.д. Для этих текстов обычна назидательная сентенция или мотив мести жестоким людям.

В числе бытовых рассказов следует назвать и широко распространенные повествования-поучения. Содержание их различно, общей чертой является прозрачная сентенция, выражающая установки и нормативы, регулировавшие отношения индивида с коллективом, природой, символическим миром. Роль этих произведений в социализации молодого поколения особенно очевидна; характерно, что многие записи подобных текстов сделаны со слов молодежи.

Народную этику и правила семейной жизни выражает сюжет о молодой невестке, записанный от К.Х.Бальдиной (№ 81). Женщина, вошедшая в семью мужа, не выполняет необходимых бытовых предписаний, слушается «неправильных»

советов своих завистливых сестер, и муж ее из-за этого лишается кайгусь-удачи. Обретает он ее только после того, как жена исправляется, внемля наказам свекрови (бабушки мужа). Важность транслируемых в художественно-образной форме социальных нормативов рассказчица выразила словами: «Я своим детям эту сказку век буду повторять — пусть и впредь ее помнят».

Тема нерадивой невестки в сборнике представлена еще двумя текстами (№ 79, 80). Из-за своей лени молодая делает мужа посмешищем в глазах его трудолюбивых родственников и соседей. В наказание ее оставляют одну на покинутом стойбище. Возвращение к людям становится возможным только после того, как, пройдя ряд испытаний, женщина признает принятые в семейном сообществе правила.

Интересы другой стороны — самой невестки — выражает рассказ «Про старуху Кёгл» (№ 78). Текст отличают конкретные топонимические детали. Просватанная на Подкаменную Тунгуску дочь елогуйского старика Кырына после смерти мужа подвергается жестокому обращению со стороны его матери Кёгл. От верной гибели ее спасает и возвращает на Елогуй родителям выращенный ими когда-то медведь-кайгусь.

Содержанием поучений могут быть социальные, бытовые, психологические и поведенческие установления, призванные обеспечить гармонические отношения человека как в своем сообществе, так и с существами отличного от человеческого мира не-людей.

В отличие от Берега реки, Лес — это необжитое, чуждое, полное опасности пространство. Ночевки в зимнем лесу вдали от стойбища требовали от человека самообладания, рассудительности и смелости. «У страха глаза велики», и, приняв крик ночной птицы за голос злокозненного существа, охотник жертвует огню всех добытых соболей, прося о защите (№ 85, 86). Другой текст иллюстрирует тщетность усилий избежать встречи с медведем, если очень его боишься. Охотник долго думал и наконец избрал для ночевки остров, считая, что туда-то зверь не доберется. Но ночью он проснулся весь мокрый — медведь переплыл озеро и влез прямо на бедолагу. Понял человек, что медведя не надо пытаться обмануть, лучше просто не бояться (№ 73).

Для того, чтобы возместить урон, нанесенный природе удачной добычей рыбы, белки ли, и чтобы их число не уменьшалось, люди должны обязательно соблюдать необходимые правила (№ 83, 84). По своей сути эти два текста-поучения заключают в себе и транслируют мифологему умирания-воскрешения.

Мифологические корни имеет и поучение, как обращаться (вернее, как нельзя обращаться) с огнем очага. Один человек спорил с огнем, дразнил ее (огонь — женская персонификация), и та отомстила тем, что очаг его погас. Он не мог заимствовать огонь у соседей, так как при его появлении их огонь тоже гас. Человеку и его детям грозила голодная смерть, и он вынужден был искупить вину тяжелой жертвой. С тех пор он стал учить других, чтобы не дразнили огонь (№ 82).

Что касается взаимоотношений с «другим народом» — карликами, великанами, безголовыми и т.д., то в целом фольклорная традиция предлагает относиться к их «инакости» нейтрально или лояльно, доверять их словам (№ 87) и не нарушать своих обещаний (№ 88). При соблюдении этих условий возможны контакты, паритетные отношения (но не совместная жизнь — № 92); нарушение их грозит человеку гибелью.

На добро и помощь откликается даже злая доотам (№ 89), однако в отношении этих персонажей мира не-людей более характерно неприятие, насмешка или активная борьба (№ 90, 91, 93, 94).

Героические сказания и исторические предания составляют **третий раздел** сборника. Они представлены сюжетами о борьбе кетских героев с врагами-иноплеменниками. По поводу текстов героического цикла можно предположить, что они представляют собой осколки не сложившегося (или подвергшегося разрушению?) эпоса¹⁵.

Один из наиболее популярных героев этого цикла — богатырь Бальна и два его брата, Тогыт (Тоигыт) и Белегын (№ 96–101). Противником кетов в преданиях о Бальне выступают обычно превосходящие числом оленные эвенки, иногда — хораки (ненцы), а союзниками становятся такие же безоленные, как и они, селькупы, у которых есть свой герой — Пальна (единство цикла не вызывает сомнения).

Кетский Бальна наделен волшебной силой, его оружием может быть одна лишь черемуховая палица; от слова *бальн* — «черемуха» — производно и само имя героя. Предания о Бальне, как правило, топонимичны: действие может разворачиваться в устье Подкаменной Тунгуски, на Сургутихе, Пакулихе, «против Алинского» и т.д. В историческом сознании кетов Бальна занял место легендарного героя; елогуйские Бальдины (род Кэнтаан) считали его своим предком.

Открывается цикл текстом (№ 95), который занимает в нем особое место. Наличие у героя черемуховой палицы, борьба с юраками, военные доспехи — эти черты сближают его с Бальной, хотя в тексте он этим именем ни разу не назван, а именуется кайгусем. Подобное наименование актуализирует магические способности героя и его близость к сакральному миру природы. Он, глава стойбища из семи чумов (семей), предпочитал все время спать. Когда кончалась еда, родственники будили его ударом черемуховой колотушки по голове, он просыпался, отправлялся на берег и магической игрой на варгане привлекал к себе рыб, птиц, зверей; с помощью одной только черемуховой палицы легко добывал их и наделял каждую семью равной долей добычи, а потом снова ложился спать. Но ему пришлось не только кормить, но и защищать своих родственников от врагов — юраков, пришедших снизу (с севера), причем единственным его оружием был все тот же черемуховый посох. Потом он и его люди сделали плавильную печь, выковали железные доспехи, которые кайгусь, его жена и еще пять человек надели и стали «как один человек». Далее можно было бы ожидать продолжения военных действий, но рассказчица (В.С.Дорожкина) закончила свое повествование стереотипом, характерным для судьбы мифологического героя: совершив камлание, все они превратились в камни.

Существует несколько наиболее распространенных сюжетов о Бальне. Один повествует о том, как он с братьями, исполняя своего рода ритуал перед боем, пригласил к себе в особый «военный» чум предводителей эвенков и победил их своим хитроумием и ловкостью. Центральные мотивы этого сюжета включают запланированное Бальной угощение врагов, а также преследование безоружным младшим братом, Белегином, вооруженного рогатиной эвенка (№ 96, 97).

Другой сюжет (№ 98–100) раскрывает одну из причин конфликтных отношений с эвенками. Белегын женат на эвенкилке и живет в эвенкйском стойбище. Старшие братья отправляются навестить заболевшего Белегына. Родственники невестки вероломно нападают на них, ранят Бальну (в версиях — убивают его), и это порождает последующие столкновения кетов с эвенками. Место раненого в бою Бальны иногда занимает его жена (или воюют жены обоих братьев).

Особо выглядит рассказ о Бальне, где единое повествование составляют несколько сюжетов героического цикла (№ 101). Текст содержит реалистические

детали (трудности перехода эвенков на оленях по глубокому снегу в низовья Подкаменной Тунгуски, где Бальна «войну ведет») и свойственные героическим преданиям художественные стереотипы (например, потушенные огни очага — символ погибшей семьи, рода и т.д.). Вторая часть текста восходит к сюжетам о борьбе кетов с «низовскими людьми», в которых обычно действуют иные герои¹⁶.

«Низовские люди», т.е. юраки (ненцы), прежде чем напасть на стойбище кетов, посылают туда лазутчика, чтобы узнать, насколько оно многолюдно. Для преданий этой группы особенно характерно отражение в сюжетных коллизиях и мотивах осознания этнических отличий культуры кетов от культуры оленеводов тундры (№ 102–104), причем эти особенности остроумно используются в стратегии и тактике сражения.

Большое распространение получил сюжет о сыне, мстящем за убитого отца (в версиях — и за увезенную врагом себе в жены мать героя). Он составляет содержание близких по структуре, мотивам и образам героических сказаний о Сясенгусе, Нюняме, Бильгете, Силеке (№ 105–110). Почти для всех них характерны такие известные в других традициях, например в тюркской, общие стереотипы, как выпытывание героем-малолеткой у матери или тетки, куда делся его отец (испытание прижиганием руки горячей берестой), троекратность изготовления нужного герою боевого лука братьями его матери, образ женщины, колющей дрова, в которой он узнает свою мать, помощь уведенной врагом женщины (по указанию героя она перерезает тетиву лука и, провоцируя плач ребенка, не дает уснуть противнику, облегчая тем самым победу над ним) и т.д. Часто сюжет о походе юного героя-мстителя к врагам заканчивается возвращением похищенной женщины и добыванием жены. Врагами в большинстве случаев выступают те же юраки.

Третью группу раздела о борьбе с иноплемениками составляют предания, в которых военные столкновения кетских воинов во главе с предводителями (ср. № 102, 104) или героические деяния героя-мстителя отсутствуют, а конфликт и его разрешение поданы в бытовом ключе (№ 111–115). Таков, в частности, неоднократно фиксировавшийся сюжет о драматических событиях в семье некоего Ильгета (№ 113). Враги под видом гостей проникают в жилище кетов и соблазняют мать и сестру героя, а связанного отца оставляют на улице на съедение комарам. Сын остается верным своему отцу, которого предали и оскорбили жена и дочь, и помогает ему одолеть врагов.

Популярностью пользовались «военные сказки», где рядовые (обычно безымянные) кеты побеждали внезапно объявившегося и численно превосходящего врага исключительно благодаря своей находчивости, хитроумию и ловкости (№ 114, 115). В числе таких персонажей — известный во многих традициях «Старик в заячьей парке». Он находился на стойбище с одними только женщинами, когда туда нагрянули вооруженные юраки-ненцы (№ 114). Возвратившиеся с охоты мужчины не поверили своим глазам: их домочадцы не только остались живы, но пребывали с добычей — мясом забитых оленей, которых они отняли у врагов.

Хитростью побеждает эвенков и богатырь Ологынтатсь, выдавая себя за сироту-работника, но затем внезапно преображаясь в воина (№ 116).

Раздел исторических преданий завершает группа текстов, в которых военная тема переплетается с семейными и бытовыми конфликтами. Уже говорилось, что селькупы обычно выступают в роли союзников кетов в борьбе с эвенками, ненцами. Этому противоречит сюжет о военном столкновении кетов и селькупов, которое могло бы закончиться полным истреблением последних (№ 117). Причина

столкновения — внезапное нападение на братьев-кетов, гостей у сестры, вышедшей замуж за селькуп (мотив, хорошо известный по циклу о Бальне, где кетам противостоят эвенки — № 99, 100). Братья убивают мужа сестры и других селькупов, но один из кетов пожалел двоих детей, спрятал их в мох, чтобы не нашли. «Так и остались селькупы» (мотив спрятанного и оставшегося в живых после набега врагов ребенка известен многим фольклорным традициям).

Месть за сестру, подвергающуюся издевательствам и насилию в семье мужа, составляет коллизию текста № 118. Предшествующие благополучие девушки среди «своих» передается ее положением младшей сестры шести братьев и единственной дочери; подробно, с реалистическими деталями описывается сватовство девушки приехавшими с этой целью издалека людьми. В замужестве она живет плохо, подвергается побоям со стороны мужа. Прослышав о бедствиях сестры, младший брат Силеке отправляется к ней и, убедившись в справедливости слухов, расправляется с мучителем сестры и, забрав ее и ребенка, возвращается в свои края.

В тексте № 119 парень-сирота Тыней (судя по некоторым деталям — пленник), за пропитание вынужденный исполнять самую тяжелую работу, сам перебил всю стоянку своих мучителей и, скрывшись с двумя женщинами в земляном чуме, который он соорудил в корнях лиственницы на отдаленном озере, дожил там до глубокой старости, пока не был наконец обнаружен и убит.

Связи с русскими, воздействие русской культуры составляют содержание включенного в сборник текста «Про Антоску Бальбина и царя» (№ 120). Главные действующие лица идеализированы — остяк Антон Верный («все, что ни скажет, все правда») и справедливый русский царь. Антон отправился ко двору жаловаться, что много остяцкой пушнины берется «даром» («за полцены»). Реалистические детали — до Енисейска с ручной нартой шел, дальше — на ясачной подводе ехал — сочетаются с характерными сказочными трафаретами: «Антон хорошего коня не взял, совсем плохого не взял; на среднем двор три раза объехал». По ровдужным ремешкам, привязанным к каждой шкурке, Антон опознал в царских лабазах-сундуках остяцкую пушнину. Увидев взятые обманом излишки, царь не только повелел освободить остяков от налога, но поблагодарил Антона за правду и устроил в честь него пир. Почести не вскружили остяку голову, он остался верен себе: отказался от предложенных царем лучших лошадей и еще раз заявил себя бескорыстным защитником своего народа: «Не надо, мне бы только до Красноярска на любых доехать, дальше я поплыву. Не надо зря людей мучить!»

В четвертый раздел сборника под условным названием «Сказки» включены тексты, в которых практически отсутствуют упоминания конкретных топонимов, этнонимов или каких-либо других реалий; в некоторых из них в той или иной степени прослеживается влияние русских сказочных мотивов. Мифологическая семантика, однако, и здесь явно превалирует над установкой на вымысел, а сюжет включает этиологические мотивы и сентенции, соответствующие этическим нормам и обычаям кетской культуры.

Наиболее тесно к космологическим мифам примыкает первая группа текстов (№ 121, 122). Прямые связи с персонажами кетского пантеона здесь отсутствуют, но мифологические мотивы отчетливо прослеживаются в медиативной роли героев, осуществляющих путешествие между основными сферами мироздания.

Главным действующим лицом здесь является Каскет (Каскет; см. Хасингет). Он сам и сопутствующие сюжетам о нем фольклорно-мифологические персонажи неоднократно привлекали внимание исследователей в плане возможных генетиче-

ских связей, типологических и историко-культурных параллелей [55; 83; 85]. Согласно В.Н.Топорову, в енисейской традиции насчитывается до полутора десятков текстов с Каськетом [85, с. 146].

В сборник включены пять повествований, представляющих три варианта сюжетов о Каськете (в двух случаях его имя не названо). В них он предстает как: 1) медиатор, восстанавливающий целостность вселенной (№ 121–123); 2) плут и обманщик (№ 124); 3) хитроумный сказочный персонаж, побеждающий доотам (№ 125). Во всех сюжетах Каськет наделен особыми качествами, за которые его называют «волшебным» (№ 124; в оригинале — «колдующий»): он способен оживить умершего (№ 125), угадывает мысли других и подчиняет своей воле (№ 124, 125). Оборотничество — также общий для всех сюжетов с Каськетом мотив. В пределах своего мира он действует в образе лисички (№ 121), колонка (№ 124), горностая (№ 123). Особняком в этом ряду превращений стоит этимологически неясная ипостась Тыльгет с лиственничкой (№ 121). В верхний мир Каськет поднимается в личине оленя (№ 121, 123). Этот образ, равно как мотив шаманского дерева (шаманского посоха с бусами), с которого и начинается подъем (№ 121, 123), имеет прямое соответствие в шаманской мифологии и ритуале, известных на этнографическом материале [31; 33]. Знаковым для текстов с Каськетом является образ старика Эрохота (№ 124, 121). Он может быть поименован Ыдатом (№ 123) или просто «стариком» (№ 122). В.Н.Топоров не исключает, что за именем Эрохот и его модификациями могут стоять древние центральноазиатские связи [83, с. 156–157].

Наиболее архаичным, видимо, следует считать мифологизированный сюжет, где Каськет осуществляет медиативную функцию — соединяет разрозненные части (миры) вселенной, восстанавливая связи между ними. Идея реализуется в мотиве путешествий Каськета и контактами с персонажами, символизирующими различные миры. В верхнем мире это мифическая птица даг (даго) и орел, в нижнем — хтоническое животное тэль («мамонт») или рыба. Восстановление единства вселенной и связей между ее частями выражает мотив восстановления нарушенной целостности самих этих объектов: возвращение утраченного когтя птице даг, глаза — орлу, рога — тэлю.

Более развернуто сюжет представлен текстом № 121 (в контексте архаического мифологического цикла о разорителе гнезд он проанализирован Вяч.Вс.Ивановым [55]). В тексте № 123 отсутствует заключительная часть, где мамонт-тэль (он заявлен в заглавии, но в повествовании его заменяет ерш) должен бы получить свой рог. Третий текст на этот сюжет (№ 122) является упрощенным вариантом. Вместо Каськета в нем действует «внук старика», «парень».

Трикстерные черты в образе Каськета более всего проявляются в тексте № 124. Он «приходит внуком» жить к старику Эрохоту и его жене. Те принимают его, надеясь, что Каськет станет им помощником, но он постоянно обманывает — делает вид, что ходит охотиться, а сам просиживает у костра и возвращается ни с чем. Эрохоты решают избавиться от обузы, но «волшебный» Каськет разгадывает их замысел. В отместку он сначала шутит: обернувшись колонком, забирается в мешок женщины, и та вынуждена таскать его на своем плече, а затем устраивает так, чтобы вместо него самого с обрыва в реку упал старик Эрохот. Течение уносит старика (образ его гибели), а Каськет остается жить с его женой.

В тексте № 125 Каськету противопоставлен Готаболь — брат, возможно близнец или младший брат [85, с. 147]. Из-за нарушения поведенческих норм (плач

и капризы обжоры Тотаболя) оба они становятся добычей доотам. Та держит их в своем каменном чуме, старается откормить, чтобы съесть их, когда они станут жирными. Каськету удается бежать. Ему помогают вызванные его волей роша из семи лиственниц (возможно, метафора священного места холай, главным символом которого была лиственница) и заяц. Перехитрив доотам, Каськет расправляется с ней, а затем оживляет Тотаболя (тот, растолстев из-за неумеренного аппетита, застрял, вылезая из чума доотам, и его голова оторвалась). С рассмотренным первым мифологическим сюжетом о Каськете данный сказочный вариант связывает упоминание о съеденных доотам стариках Ыдатах.

Имя Каськет встречается еще в нескольких текстах сборника. Мифологический фрагмент «Солнце и Месяц» завершается неожиданной концовкой: «Каськет от Солнца родился» (№ 4), в самом повествовании речь о нем не идет. С другой стороны, в опубликованном А.П.Дульзоном сымском варианте «Солнце» говорится, что у Солнца был ребенок (имя не названо), настоящих родителей которого «съел черт» [6, с. 35; 85, с. 148]. В другом, этимологического характера тексте образы приданы черты культурного героя: Каськет с верховьев Подкаменной Тунгуски изготавливает ловушку, в которую, несмотря на предупреждения, попадают любопытные глухарь и заяц. Их туда «притягивает» волей (ворожкой) Каськета (№ 28). Топонимическую характеристику в этом тексте интересно сопоставить с этнографической информацией о «песчаных людях» — каськетах, живших в междуречье Подкаменной Тунгуски и Ангары, занимавшихся рыболовством и добычей косуль.

Сочетание мифологических мотивов и образов (сотворение из глины, оживление раскачиванием котла на восточную сторону, путешествие к Хоседам и др.) с собственными сказочными (превращения мизгирей в женщин, многоголовые дотэты в роли вампиров, волшебная помощница — лыжа) характерно для текста о семи братьях кольтутах (№ 126).

Под № 127 публикуется текст, героиню которого похищает демоническое существо — сестра Вихря, решившая женить на девушке своего брата. Советы старшей сестры помогают девушке одолеть врага и уничтожить «змеиную шкуру» брата Вихря, в результате чего тот погибает. Этимологические представления отражает мотив образования озер, воронок в тех местах, куда падали перья брата Вихря; заимствованием представляется сожжение его «змеиной шкуры».

В сказке № 128 рассказывается, как счастливо жила унесенная орлом в жены девушка. Улетая зимовать на юг, он оставил ей свое волшебное перо, но его похитила и сожгла завистливая колбасам.

Широкое распространение получил сюжет, где действуют антиподы — женщина хунь (хонь) и злокозненная кэлбэсам (ср. № 37, где этим персонажам отводится роль двух антагонистов-творцов). «Человеческое» начало хунь в различных версиях выражается характеристиками «чистая», «святая», «кетка», а принадлежность кэлбэсам к злокозненному миру — такими близкими заменами, как дотэтам, литись, Баба Яга и даже «чертовка». В версии, полученной А.П.Дульзоном от сымских кетов, она именуется *фыргынь* [6, с. 115]. Значительное число записей текстов, осуществленных с начала XX в. до 1980-х годов в разных местах расселения кетов от лиц разного возраста, свидетельствует о популярности этих сказок.

Выделяются три группы сюжетов с этими персонажами. В текстах первой группы (№ 129, 130) кэлбэсам обманно подменяет своей дочерью малолетнего сына женщины. Вырастая, мальчик становится удачливым добытчиком, и его мнимая мать не испытывает никакой нужды. Лишенная кормильца хунь, воспи-

тавшая нерадивую дочь кэлбэсам, наоборот, бедствует и голодает. В конце концов парень¹⁷ догадывается об обмане, опознает свою настоящую мать и, расправившись с кэлбэсам и ее дочерью, остается с ней жить¹⁸.

В текстах второй группы повествуется о злокозненных действиях кэлбэсам: она убивает хунь, проткнув той ухо, а затем преследует ее детей. Но все оканчивается для них благополучно, а кэлбэсам (в вариантах — ее дочь) наказывается смертью. Для сказок обеих сюжетных групп характерны такие художественные стереотипы, как оборотничество (превращение парня в горностая, колонка или ястреба), действие волшебных помощников (в качестве таковых выступают живые существа или предметы — лыжи, утварь, шесты чума). Этиологические финалы содержат мотивы образования наростов на деревьях (от комков, которые дочь кэлбэсам кидала в сына хунь), появления мошек и других кровососущих насекомых от сгоревшей кэлбэсам.

Принадлежность кэлбэсам к «злокозненному» миру не-людей маркируется особенностями ее внешнего облика (четырепалость) и поведением, нарушающим принятые в человеческом коллективе нормы (оскверняет огонь и готовящуюся пищу, тряся над очагом своим подолом). В соответствии с характерным для кетской мировоззренческой традиции размещением антагонистических миров чум (землянка) хунь помещается на южной («верхней») стороне тундры (озера), а кэлбэсам, похитив мальчика, уходит жить на ее «нижний» конец. Тексты о кэлбэсам и хунь обычно насыщены яркими бытовыми реалиями. Спецификой текстов, записанных от О.В.Тыгановой, являются топонимическая и родовая локализация действия (№ 133).

В третьей группе текстов (№ 134–138) мудрой хунь (положительные качества последней удостоверяются уже самим ее положением старшей невестки, многодетной матери) противостоит женщина¹⁹, зимующая с ней в отсутствии находящихся на охоте мужей, или младшая невестка, бездетная или имеющая всего одного-двух детей (образы выражают социальные идеалы кетов — высокую оценку многодетности и отрицательное восприятие бездетной женщины). Несмотря на предостережение хунь, вторая женщина постоянно нарушает правила поведения людей в зимние вечера в тайге. В результате младшая женщина и ее дети гибнут от рук злокозненной дотэм бам²⁰ (в различных версиях она может быть названа «земляная», «литысь», «чертовка» или даже «баба-яга», «ератник»).

Поведенческая сентенция сближает данный сюжет с аналогичными по функциям бытовыми рассказами (например, № 81–86). Вместе с тем для него характерны стереотипы, присущие рассмотренным выше текстам о хунь и кэлбэсам (гадание бытовыми предметами — № 136; обстоятельства гибели злокозненного персонажа и появление от него кровососущих насекомых — № 137 и др.).

Тексты № 139–141 более других несут на себе черты влияния русских сказок, приоткрыто сочетая их мотивы и персонажей с собственными, кетскими.

В сказке об Ыдохоте (№ 139) действуют две пары — Ыдохот с положительной дочерью и колмасам со своей. По настоянию колмасам Ыдохот уводит свою дочь из дома и оставляет одну в избе, хозяином которой является медведь. Пройдя ряд испытаний на умелость и ловкость, девушка возвращается домой с полным сундуком даров. Завистливая колмасам шлет к медведю свою дочь, но та испытания не выдержала, и медведь ее съел. Кроме кетских мифологических персонажей — Ыдохота и колмасам, все остальные мотивы и детали совпадают с русской сказкой типа «Морозко» (АТ 480).

Сказка «Брат и сестра» (№ 140) представляет собой кетскую версию сюжета «Звериное молоко» (АТ 315), но среди зверей-помощников, которые стараются спасти героя, выгавшив из него мертвый зуб, здесь оказывается «репка».

Завершают раздел несколько образцов кетских сказок о животных. Как и в сказках других народов мира, звери и птицы живут по образу и подобию человека, они разговаривают между собой, понимают язык людей; в иных ситуациях зверь может оказаться хитрее человека.

Некоторые сказки о животных имеют мифологические корни, в них присутствует космогонический или этиологический мотив. Характерен в этом отношении сюжет о дятле и вороне (№ 142). Они живут в семье некоего мифического Эта, выступающего в роли вершителя погоды (ср. № 40, 41). Хитрый дятел (кеты считают его «мудреной» птицей, именуют кайгусем) втихомолку развязывает мешки с ветром. Ветер вызывает пургу, смягчающую мороз, и люди получают возможность заниматься необходимыми делами.

Уже упоминавшаяся сказка о медведе и бурундуке (№ 143) рисует их друзьями. Маленький зверек показывает заблудившемуся медведю дорогу к его берлогу. Он знает эту местность, так как когда-то, будучи сиротой, жил у родителей медведя. Благодарный медведь гладит зверька по спине лапой, отчего у него там остаются пять черных полос. По этнографическим данным, медведь и бурундук связаны особыми отношениями — они одновременно покидают свои зимние убежища после спячки. Медведь умеет подзывать зверьков к себе, подражая свисту самочки (при этом сам лежит на спине, раскинув лапы), а потом «жарит» пойманных бурундуков под мышкой. На церемонии по случаю добычи медведя есть эпизод, когда все участники действия поочередно надевают (прикладывают к лицу) «мордочку» — кожу с носа и губ медведя, подражают ему движениями и свистят «побурундучьи».

Предлагаемый сборник является по сути первым крупным изданием повествовательного фольклора кетов на русском языке, поэтому при отборе текстов мы стремились по возможности полно представить его жанровый и сюжетно-тематический состав, который отразил бы традицию в ее различных проявлениях, а также включил бы тексты всех диалектно-этнографических групп.

При подготовке текстов к изданию в опубликованные ранее подстрочные переводы, выполненные лингвистами в собственных целях, были внесены лексические и орфографические уточнения, фонетические упрощения, убраны затрудняющие чтение скобки (в скобках оставлены лишь пояснения рассказчиков, данные ими в ходе изложения). В процессе редакционной правки мы старались избежать литературной обработки и стилизации текстов под некий усредненный «сказочный» стиль, стремясь сохранить спонтанную художественность и свежесть кетских оригиналов. Особая осторожность была проявлена при редактировании текстов, рассказанных кетскими сказителями по-русски: они оставлены в том виде, как их рассказывали наши информанты (в основном исправлены только ошибки в согласовании слов в предложении, падежные окончания и др.).

Из названий текстов, как говорилось, исключены переводы кетских жанровых обозначений (последние, если они имеются в источнике, приведены в примечаниях); в тех случаях, когда название в источнике отсутствовало, оно дано составителем.

Написания имен персонажей оставлены в той форме, в какой они записаны на родном языке. Отдельные расхождения в написании имен и названий связаны с особенностями диалекта и говора сказителей, а также с индивидуальными особенностями их произношения.

В комментариях к текстам указаны имена рассказчика, собирателя и переводчика, время и место записи (если они известны), ссылка на публикацию. Здесь же отмечены основные варианты и версии соответствующего сюжета, не вошедшие в сборник. В некоторых случаях приводятся сведения о существовании аналогичного или сходного сюжета у ближайших соседей кетов — селькупов, хантов, эвенков. В примечаниях читатель найдет также пояснения фактографического, этнографического, лексического и фразеологического характера (как правило, они даются при первом упоминании). Вся информация, помещенная в комментариях, принадлежит составителю сборника (ссылки на комментарии других исследователей специально оговариваются).

В глоссарии разъясняются этнографические термины, имена персонажей, топонимы, местные слова и т.д. Для удобства читателя некоторые специфические выражения и обороты помечены в основном корпусе текстов «звездочкой» (*), которая служит отсылкой к соответствующей словарной статье глоссария.

Завершают сборник сведения о рассказчиках с указанием номеров текстов, которые были от них записаны.

Е А Алексеенко

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фундаментальная аннотированная библиография, включающая практически весь имеющийся в научном обороте к 2000 г. материал по кетам и енисейцам в целом, подготовлена Э.Вайда (США) и в скором времени должна увидеть свет; наиболее полная библиография на конец 1960-х годов опубликована В.Н.Топоровым [81].

² Составителю довелось убедиться, что с высоты полета самолета обе реки — Сым и Елогуй, действительно, выглядят одинаковыми.

³ Несколько таких уникальных предметов хранятся в музеях Санкт-Петербурга и Красноярска.

⁴ Характерно в этом отношении записанное в начале XX в. В.И.Анучиным предание, где первое знакомство кетов с русскими относится ко времени «сразу после потоп» [19, с. 156].

⁵ Компонент *есь* образует широкий лексический пласт, относящийся к небесным природным явлениям или считавшимся таковыми (типа «зима», «осень», «стемнело», «похолодало» и т.д.).

⁶ О других публикациях кетского фольклора, собранного Х.Финдейзенем, см. [16; 17], а также в аннотированной библиографии В.Н.Топорова [81, с. 259–260, № 107, 108, 115, 116, 121].

⁷ О нем еще в 1960–1970-е годы вспоминали люди, приобщившиеся с его помощью к начаткам грамоты. Особое впечатление на кетов произвело обилие этнографически точных рисунков.

⁸ Работа по сбору и изучению песенного музыкального фольклора проводилась в конце 1960-х — начале 1970-х годов И.А.Бродским (Богдановым) и А.М.Айзенштадтом [21, с. 175–202], однако публикация первых нотированных образцов осуществлена

Г.К.Вернером, И.Г.Вернер, Г.С.Николаевой и Е.Н.Николаевым в 1982 г. [39, с. 3–26]. О классификации музыкального фольклора см. [54, с. 213–214; 39, с. 4–26, 88, с. 30–32].

⁹ Как отмечалось, сымские кеты ранее других подверглись воздействию русской культуры.

¹⁰ Из этой информации Е.С.Сутлина следует, что созданная Есем и дотэтом земля охватывает собой почти всю территорию проживания кетов, какой она известна с начала XIX в. Интересно, что лучшая ее часть, «верхняя» (к югу от Алинского, включая бассейны Елогуя, Бахты, Подкаменной Тунгуски и Дубчеса), составляет территорию расселения предков современных кетов, известную из наиболее ранних исторических источников XVII в.

¹¹ В одном случае (№ 6) ей соответствует *мырак* (от рус. *мерек* — «злой дух, нечистый»).

¹² В тексте № 43, представляющем незаконченную версию данного сюжета, в низовья, к Большой старухе (эвфемистическое наименование Хоседам), идет не Бангсель, а злокозненная кэлбэсам

¹³ Выражение *кайгуськет* означает «удачливый человек».

¹⁴ О.В.Тыганова, имевшая сына-первенца, несколько дней кормила грудью новорожденного медвежонка, обнаруженного в берлоге рядом с убитой медведицей. Она держала подросшего медвежонка до тех пор, пока не забеспокоились за своих собак соседи.

¹⁵ Мнение о существовании этого жанра в кетской традиции высказано Р.В.Николаевым, но он связывал его с циклом об Альбе [69].

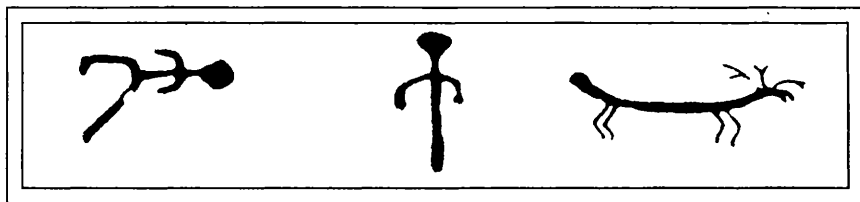
¹⁶ Характерно, что рассказчица, О.В.Тыганова, в качестве врагов Бальны объединила эвенков с юраками (ненцами).

¹⁷ Имя его обычно не называется; исключение составляет сымский текст, где в соответствующей роли фигурирует Хасингет — сын слепой матери [6, № 45, с. 123].

¹⁸ Концовка версии В.И.Анучина (№ 129) иная — дочь кэлбэсам погибает при переправе через реку; этот мотив характерен для второй группы сюжетов (№ 131–133).

¹⁹ В версии О.В.Тыгановой (№ 136) она именуется колмасам.

²⁰ В тексте № 134 хунь удается спасти подругу и ее детей.

МИФЫ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

1. О потопе

1. Когда земля утонула, то всплыли зыбуны¹ и торфяники² и весь лес, стоящий на них. Здесь же спасались люди, звери и птицы. В течение семи дней было тихо, и торфяные острова плавали благополучно, но потом подул сивер³, началась буря, вал достиг семи сажень высоты, острова разломало на части и унесло в разные стороны.

2. Земля всплыла, на ней люди и звери. Во время потопа была великая буря, которая разбила всплывшую землю на несколько кусков. Люди, разделившиеся таким образом на части, и образовали народы. Впоследствии земля обсохла, и люди стали опять общаться.

3. Когда земля после потопа стала обсыхать, то вокруг остяцкой земли стало море. Стрижек жил у царя. Смотрит царь — стрижек летает за море и носит оттуда глину делать себе гнездо. Царь говорит: «В нашей стороне такой глины нету, там должна быть еще другая земля». Поймал стрижа, привязал ему к ноге тонкую нитку. Он улетел за глиной. Там ниткой запутался в тальнике. Тогда царь велел своим

людям плыть туда, куда тянулась нитка, и таким образом была найдена остяцкая земля.

2. Сотворение земли

Сначала земли не было. Была одна вода. Есь и чёрт¹ решили купаться. Есь нырнул, тину в рот схватил, за щеки заложил. Вынырнул, дунул — земля получилась. Чёрт так крутится, ничего не делает. Есь снова нырнул, тину за щеки захватил, дунул — лиственничный лес, кедровый лес вырос. Чёрт так ныряет, ничего не делает: чёрт он чёрт и есть.

Есь потом собрал всякую ерунду, что ползает². В земле яму вырыл, их туда пустил. Сверху большой столб вкопал, чтобы не вылезли, людям не мешали.

Чёрт бегаёт, крутится, видит — столб зачем-то стоит. «Дай, — думает, — вытащу». Вытащил, видит — всякое ползет. Столб снова воткнул, но часть-то их осталась на земле. По лесу их много бегаёт.

3. Бангдэхып-месяц

Бангдэхып¹ сам родился, без матери и отца. Когда месяц нарождается и его чуть видно — это Бангдэхып и есть.

Бангдэхып был женат на Солнце. Хоседам гоняла* его, гоняла до чума Солнца. Солнце своих сторожей-волков² выпустило. Хоседам схватила, к себе его тянет, Солнце — к себе. Разорвали пополам. Солнце качало, качало³ — не получается: днем — как человек, ночью — половина человека. Светить не может. Солнце сказала:

— Ты ночью половиной свети!

Когда его пополам разорвали, тут и кончился Бангдэхып, остался месяц⁴.

Как только месяц покажется чуть-чуть — это он в гости к первой невестке пошел. Быстро вернулся, так как она его палкой в глаз ударила. Когда месяц долго на небе не появляется, это он ко второй невестке в гости пришел. Она его подольше кормит. Третий раз опять на землю ушел, долго его нет: долго гостит, хорошо⁵.

4. О Солнце и Месяце

Солнце и Месяц жили. Они были жена и муж, как боги они были. Месяц на землю пошел проверять, как там люди живут. Кынсь¹ стала за ним гоняться. Он вверх к Солнцу поднялся, где их чум стоит, кричит:

— Вот меня поймают!

Солнце своего волка на подмогу послала, Месяц у чума Солнца алатей-тиску² дернул, наполовину в чум вошел. Солнце его схватила. Кынсь его тоже ухватила, за другую половину. Ее сила больше: дернула — половина Месяца с сердцем у нее осталась.

Солнце с Месяцем дальше жить стали. Он как живой человек, но сердца нет. Солнце пыталась из угля сделать ему сердце — ничего не получилось, а без сердца он не человек. Тогда Солнце сказала Месяцу: — Уходи от меня, я всегда впереди буду крутиться, а ты сзади меня. Каськет³ от Солнца родился.

5. Сказка о Месяце

Давно-давно жили на земле брат и сестра. Родители их умерли. Жили сиротами. Подросли, стали жить хорошо. Только надоело брату все около чума ходить. Захотел он мир узнать. Стал все дальше и дальше от чума уходить. Ходит-ходит по земле, все смотрит, кто где живет да как живет.

А на небе высоко-высоко жила женщина-Солнце. Скучно ей было — одна жила. Вот однажды видит она: ходит по земле человек, все рассматривает, на небо поглядывает. Женщина-Солнце подумала: «Какой красивый человек по земле ходит, на меня поглядывает. Нужно мне его сюда на небо достать. Но как его достать? Я высоко, а человек на земле, низко».

Стала женщина-Солнце у неба мудрости просить, как бы ей достать человека. Есть у Солнца такие руки длинные, что без труда до земли достают. Утром встанет Солнце и протягивает руки. Тянет-тянет, дотянет до земли, и станет на земле светло, тепло. Вот ходит этот человек по земле внизу, а Солнце тянет к нему руки, жар на него напускает... «Что так жарко стало? — подумал человек и лег на землю. — Все легче будет». Лежит человек на земле, а женщина-Солнце все протягивает к нему свои длинные руки, ближе, ближе... дотянулась, схватила и понесла к себе на небо.

Стал человек жить на небе. Неделю прожил и говорит Солнцу:

— Нехорошо мне здесь на небе с тобой жить, совсем плохо. Я земной человек, не могу так высоко жить. Пусты меня вниз, на землю!

Вспомнил он свою сестру, что осталась внизу. Скучно ему стало, жалко ее: «Как-то она там одна без меня живет?» Солнце ему отвечает:

— Зачем ты пойдешь назад? Вспомни, как ты прежде ходил по земле и говорил: «Вот на небе Солнце живет, наверно, там хорошо. Хотел бы узнать, что это за женщина-Солнце». А теперь ты хочешь назад на землю.

Человек же все свое твердит:

— Пусты! Забыл я на земле что-то. Пусты меня, я это забытое возьму и вернусь.

— Не вернешься, не ходи! Плохо на земле, злые духи тебя съедят!
А человек ее не слушает, все свое: «Пусти, вернись». Солнце чуть не плачет:

— Не вернешься ты, съедят тебя на земле злые духи, снова я здесь одна буду.

Наконец видит, не уговорить ей человека, решила отпустить ненадолго.

— Ладно, — говорит Солнце, — дам я тебе в защиту от злых духов то, что сама имею: оселок да гребешок. Иди!

Обрадовался человек:

— Не плачь, Солнце, напрасно! Я вернусь, обязательно вернусь.

Топнула женщина-Солнце ногой — появился крылатый конь. Дала человеку этого коня, оселок да гребешок. Сел человек на коня и полетел. Сколько летел — неизвестно, два ли, три ли года... До своего места долетел, кругом над ним несколько раз пролетел — нашел свой чум. А за это время, пока он на небе жил, злая Хосядам (волшебница) съела его сестру, сама в нее обратилась.

Вот спустился человек на крылатом коне на землю, привязал коня к дереву и побежал к своему чуму. Видит: в чуме сестра сидит. Она будто бы обрадовалась брату. Побежала с котелком к речке, принесла воды, подвесила котелок на огонь. Стала брата угощать, кормить. Вышла из чума, подошла к коню, отрезала у него заднюю ногу и сушила ее варить в котел.

Сидят брат и сестра, разговаривают, радуются. Вдруг увидел брат, из котла лошадиная нога торчит. Понял он, что это не сестра здесь его встретила. Понял, что это злая Хосядам. Выхватил лошадиную ногу из котла да бежать к коню. Сел на коня, хочет скорей уехать от злой Хосядам, знает: погубит она и его, да как на трех ногах конь¹ поскачет? Что делать? Наспех четвертую ногу хорошо не прилепишь! Кое-как прилепил все же отрезанную ногу коню и поехал. А Хосядам за ним в погоню пустилась.

Измучился конь, тяжело на плохой ноге скакать. Упал. Оставил человек коня и побежал. Да без коня далеко не уйдешь! Взглянул на небо, а женщина-Солнце на него жалобно смотрит, видит, что он без коня. А Хосядам совсем его нагоняет, уже тянет руку, поймать хочет.

Вспомнил человек про оселок, что женщина-Солнце ему дала, бросил его позади себя. Поднялась из земли большая гора, встала между ним и Хосядам. Озлилась Хосядам, камни разбрасывает, гору зубами грызет... А человек идет и идет... Прогрызла гору Хосядам, торопится, догоняет человека. Вот-вот схватит его.

Вспомнил человек о втором подарке Солнца — гребешке, бросил его позади себя. Такая тайга выросла: ни пройти, ни проползти через нее. Хосядам по деревцу грызет, ломает. А человек идет и идет...

Сколько шел, неизвестно. Холодный, голодный, из сил выбивается. А Хосядам пробралась сквозь тайгу, нагоняет человека, тянет руку, схватить хочет.

Видит Солнце — плохо человеку: еще немного, и унесет его Хосядам. Протянула женщина-Солнце свою руку-луч и схватила человека за ногу, но поздно. Злая Хосядам в этот же миг схватила его за другую ногу. Тянут они человека каждая в свою сторону. Солнце тащит к себе на небо, злая Хосядам — к земле. Тянули-тянули и разорвали человека пополам. Только Солнцу половина без сердца досталась.

Унесла женщина-Солнце свою половину человека на небо, и что уж она с ней ни делала, стараясь оживить, — но все напрасно. Совсем будто живой человек станет, день-другой поживет и умирает опять. Уголек положила вместо сердца — пожил неделю и опять умер. Маялась-маялась с ним женщина-Солнце, совсем без ума стала, плачет. Наконец сказала:

— Нет у меня больше сил, ничего не могу сделать! Иди на другой конец неба. Не увижу тебя больше. Только в самый длинный день в году мы будем видеться. Я твои глаза увижу, ты — мои.

С этими словами бросила женщина-Солнце половину человека без сердца на другую сторону неба, на темную сторону. Так он там и остался и превратился в месяц.

И до сих пор месяц по небу холодный гуляет, потому что нет у него живого сердца. И не видятся они с солнцем по целому году. А другую половину человека, с сердцем, Хосядам с собою забрала.

6. Месяц и Солнце

В одной землянке жили три холостых брата. Старший и средний — шаманы, младший брат был простым человеком. Некому было им варить пищу и починять одежду. Братьям приходилось все делать самим.

Вечером братья сидели в землянке. Вдруг раскрылась дверь, и в землянку вбежал мырак.

— Что вы сидите без дела? — сказал он. — Ночью у вас в землянке будет покойник. Делайте гроб.

Мырак хлопнул дверью и исчез. Братья испугались и принялись за работу. Сделав гроб, они легли спать. Утром проснулись меньшие братья, смотрят на старшего, а он уже мертвый. Встали, положили покойника в гроб у дверей землянки.

Сидят братья, горюют и ждут ночи. Стало смеркаться. Вдруг раскрылась дверь. В землянку вбежал тот же мырак и говорит:

— Опять сидите без дела? Делайте гроб. К утру у вас будет покойник.

Мырак исчез. Братья сделали гроб, легли спать. Утром проснулся младший брат и видит: средний брат мертв. Встал, положил покойника в гроб, вынес его за дверь на мороз, поставил рядом с гробом старшего брата, а сам вернулся в землянку. Сидит один и думает: «Братья мои были настоящие шаманы, и они ничего не могли сделать с мыраком. Придется и мне умирать. От мырака не спрячешься, не убежишь».

Прошел день. Темнеть стало. Вдруг в землянку вбежал мырак и говорит:

— Что ты сидишь? Что не делаешь гроб? Делай! Ты скоро умрешь.

Мырак хлопнул дверью и исчез. Младший брат взял топор, сделал для себя гроб, принес в землянку, лег в гроб и ждет своей смерти. Лежал, лежал — надоело, вылез из гроба и думает: «Почему же я не умираю? Где моя смерть?»

Вдруг к землянке подбежал мырак и спрашивает из-за двери:

— Ты что, еще живой?

— Живой.

— Ну, ты скоро умрешь. Ложись в гроб.

Мырак исчез. Его долго не было. Вдруг прибегает и опять спрашивает из-за двери:

— Парень, ты умер?

— Нет, живой.

— А, живой!

Мырак вскочил в землянку и бросился на парня. Схватились крепко и давай таскать друг друга по землянке. Силы оказались равны: никто не может победить. Наконец мырак начал слабеть, парень напрягся и уронил его в гроб. Крышка сама упала на гроб, откуда-то появились две змеи и крепко обвили концы гроба. Парень выбежал из землянки.

«Куда мне деваться? — подумал он и увидел дорогу на небо. — Пойду туда».

Парень шел долго. На пути заметил чум. Чей чум? Не знает. У чума встретил незнакомую девушку. Хотел войти в чум, да нельзя: девушка ногою загородила вход.

— Убери ногу, — говорит парень.

— Не уберу, — сказала она. — Ты для того и пришел сюда, чтобы перешагнуть через мою ногу. Шагай!¹

Парень перешагнул через ногу и стал хозяином чума, а девушка — его женой.

Живут хорошо. Парень ходит на охоту. Отправляется в лес веселым, а в чум возвращается со слезами. Увидела это жена и спрашивает:

— Скажи, почему ты плачешь?

— Твой лес не любит меня. Когда я хожу по лесу, прутья стегают меня по глазам. Мне больно, вот я и плачу.

Жена вышла из чума, сломала прут и спрашивает:

— Прут, скажи мне: почему вы бьете моего мужа по глазам?

— Нет, мы не били его, — ответил прут.

— Почему он плачет?

— Твой муж плачет не из-за нас. Когда он уходит на охоту, он видит с неба свою землю, вспоминает братьев и плачет о них.

Жена бросила прутик и вернулась в чум к мужу:

— Ты сказал мне неправду. Прутья не били тебя. Ты плачешь не от этого.

— Как же мне не плакать, когда на земле умерли мои братья? Я каждый день хожу на охоту и оттуда вижу их непохороненными. Вижу их гробы. Как мне не плакать?

Жена достала гребень, кремень и подала мужу.

— Возьми и иди на землю. Будет плохо, возвращайся назад. При нужде брось за спину гребень; не поможет, тогда брось кремень. Иди своей дорогой.

Ровно через семь лет парень пришел в свои места. У землянки за эти семь лет ничего не изменилось. Как стояли гробы со старшими братьями, так и стоят. Вошел в землянку, и в ней все так же, как было. Змеи как обвинили гроб с мыраком, так и остались. Парню захотелось узнать, что случилось с мыраком. Пнул гроб ногой. Только пнул, сорвались с гроба змеи, отлетела крышка, выскочил из гроба мырак и схватил парня. Стали бороться, возить друг друга по землянке. Долго дрались. Вдруг мырак начал ослабевать, парень напряг силы и бросил мырака в гроб. Крышка опять сама упала на гроб, появились те же две змеи и, как обручи, обвились вокруг гроба.

Парень выскочил из землянки и побежал на небо к жене. Вдруг слышит, кто-то его догоняет. Оглянулся — мырак!

Бросил парень за спину гребень — и выросла за ним непроходимая чаща. Пошел дальше. Шел, шел... Слышит: опять гонится кто-то. Оглянулся, а за ним бежит тот же мырак. Бросил парень кремень. Из кремня вырос огромный отвесный утес.

Долго парень бежал по дороге на небо. Недалеко осталось до чума. Оглянулся, а мырак уж тут, близко. Вот-вот догонит. Парень побежал еще быстрее и закричал.

Жена услышала крик, выскочила из чума. Она увидела, что за ее мужем гонится мырак, и побежала на помощь. Подбежала к мужу, схватила его за правую руку, а мырак поймал за левую, и потянул его каждый к себе.

— Мырак, зачем тебе нужен этот человек?

— А тебе зачем? — отвечает мырак.

— Он мой муж. Отдай мне его!

— Нет, не отдам. Я хочу съесть его.

Рванули — и разорвали человека пополам.

Мырак схватил левую половину и убежал; правая половина без сердца осталась в руках у жены. Принесла она свою половину в чум и стала нянчить. К ночи вынянчила целого человека, а к утру он снова сделался половиной.

— Жалко, что мырак унес твое сердце, — сказала жена мужу. — Без сердца будешь ты жить только ночью. Больше ничего не могу я сделать с тобой. Будем мы теперь жить так: я буду днем светить людям и нянчить тебя; а ночью, когда я усну, на земле светить будешь ты.

Так на небе появились солнце и месяц.

7. Отчего появились пятна на месяце

Баба на земле жила, Месяц все дразнила:

— Ты там, наверное, отдох?

Грех она сделала — дразнилась.

Он подумал и ее к себе поднял. Она сама не заметила, как у него очутилась вместе с туясом и корягой, за которую ухватилась.

8. Про Сына неба

Сын неба на охоту идти собрался. Он надел свою суконную шубу¹ и ровдужные рукавицы надел². Отец ему сказал:

— Надень еще мои длинные надставки³ для рукавиц!

Сын ответил:

— Небосвод на тепло указывает, я надену свои маленькие рукавицы!

— Сынок, — сказал ему отец, — у неба семь мыслей⁴!

Сын ушел на охоту, не послушал никого. Весь день ходил. К вечеру с запада ветер подул. Сын неба обратно пошел, в суконной шубе он мерзнуть начал. Дальше еще холоднее стало. Сын неба быстро домой идет. Его подбородок стучать стал, он весь дрожать стал. Мороз еще сильнее ударил. Сын неба замерзать начал, слов отца не послушался. «Теперь, пожалуй, я совсем замерзну», — подумал он. Он на ходу замерзал.

— До дома, — говорит, — я не дойду.

Он еще идет, но медленнее. Чем дальше, тем длиннее его шаги становятся. Лыжня Сына неба наверху на небосводе виднеется (Млечный Путь). Он немного отклонился в сторону запада.

Мать с отцом его поджидали, поджидали. Жена бога⁵ сказала:

— Ты моего сына заморозил. Я, — говорит, — тоже туда спущусь.

Бог ее слов не слушает:

— Пусть он там останется, зачем он тебе?

Старуха сказала:

— Ты сына маленького не жалеешь. Я спущусь вниз, трупам твоих людей питаться буду.

Старик ей сказал:

— Сиди, молчи, а то я тебя по башке так стукну, что сразу оглохнешь!

Жена бога вскипела, выскочила, на свои лыжи кинулась. Жена бога воскликнула:

— У выхода к морю каменным чумом сделаюсь, по обеим его сторонам вода будет течь. Никто меня не приподнимет. Весь мусор земли ко мне течением понесет⁶, его пение буду слышать. Ты бог, я тоже богиня. Все твои мысли я буду знать!⁷

9. Есь

Старик со своей старухой жили, у них сын был.

Сын говорит:

— Я на охоту пойду.

Мать его говорит:

— Холодно, шубу надень!

А он вышел и раздетый пошел:

— Не надо мне шубы.

Пошел он, далеко пошел. Его отец говорит:

— Я его пугну, с запада холодный ветер пуцу.

Пустил он холодный ветер. Сын домой бросился бежать. Бежал, бежал, упал и замерз там. Его отец знал об этом, он шаманом был:

— О-о! Мой сын замерз!

Старуха браниться стала, и старик браниться стал, они разругались.

Старуха говорит:

— Ты почему моего сына заморозил?

Старик пнул ее, она вниз упала. И говорит старуха:

— Теперь я внизу богом буду, а ты сверху богом будешь.

10. Большая Медведица

На Сургутихе это было. Четверо людей — кет, русский, эвенк и селькуп — вместе охотиться пошли. Вот шли, сохатого гнали*. Ночью, днем гнали. В одном месте, где поесть остановивались, котел оставили. Дальше гнали. Кет спохватился, что его котла нет.

Кет селькupu говорит:

— Как теперь есть будем, не сырым же?

Эвенк говорит:

— Я могу сырое мясо есть.

Кет и селькуп все думают: как им теперь быть? Делать нечего, кет за котлом вернулся, взял котел, стал догонять.

Селькуп теперь первым идет, эвенк за ним, дальше русский. Кет на селькупа взглянул, тот к сохатому уже приблизился. Кет лук натянул, выстрелил. Селькуп оглянуться не успел, как кет выстрелил в сохатого. Селькуп тоже стрелу выдернул, выстрелил в сохатого, когда тот уже упал на бок.

Охотники не знали, что, пока они сохатого гнали, они на небе очутились. Когда проснулись, они уже на небе, как тучи, висели. Они поговорили — правда, как тучи сверху уже повисли.

11. Сохатый

Сохатого люди гнали*. Их было семьдесят и еще семь человек; всего, значит, семьдесят семь человек. Потом стемнело, ночь на небе, тамверху, сделалась. Они сначала внизу, на земле, сохатого гнали. Там их следы были, и вдруг на небе, вверху, они оказались.

— Значит, мы, семьдесят и еще семь человек, сохатого гнали. Пока не стемнело, пока белый свет был, сохатого гнали. Потом все наверху, на небе, сохатого гнали. Кто с топором, кто с лопатой, кто с чем — лишь бы убить сохатого. Потом все на небе, наверху, оказались. На небо посмотришь — сохатый там, вверху.

Уже на реке пропарины образовались, эти семьдесят и семь человек все, как туча, повисли. Русские там есть, тунгусы, остяки — все есть.

— Когда мы сохатого убили, на небе, наверху, сохатый и образовался.

12. Первые люди на земле

Сначала Есь на землю пустил одного мужчину. Смотрит — ничего не получается: шить не умеет, варить не умеет. Бабу пустил. Смотрит — справляются. Бабы брюхатые ходят, все делать умеют.

13. Откуда жизнь вперед пошла

Как люди людьми стали, как они когда-то человеческую жизнь начали.

Люди прежде в берлогах жили, в пещерах, волосатые они были. Сначала они по земле на четырех ногах ходили, зверей добывали, зайцев ловили, сырыми их ели. Когда есть хотели, они шли охотиться на зверей, зверей добывали, домой их приносили и съедали.

У них был младший брат. Его имя было Дилтак. Дилтак научил их жить.

Зимой они в берлоге, как медведи, живут. Мороз ударил, им холодно стало. Небесный отец подумал: «Я их сделал, чтобы они людьми были, а они все зверями стали, людьми они не будут. Я холод сделаю, чтобы они мерзнуть начали, посмотрю, что они тогда скажут, когда им холодно будет».

Ударил мороз, ударил большой мороз! Как ночевать — так холод наступает. Каждую ночь большой мороз.

— Ну, — они говорят, — мы замерзнем!

Они своего старшего брата послали:

— К дедушке сходи за огнем!

Он отправился к старику. Пришел к старику, к дедушке, а у дедушки в чуме костер горит, он там греется — тепло!

— Дедушка, — старший брат говорит, — мы замерзаем. Дай нам огня. Я, — говорит, — за огнем пришел.

Дедушка его спрашивает:

— Завтра какой день будет?

Он отвечает:

— Завтра сильный мороз наступит.

— Ладно, — говорит, — ты сам все знаешь. Возвращайся домой.

Он домой пришел. Они его спрашивают:

— Что тебе дед сказал?

— Я, — говорит, — огня у него просить стал, а он спросил: «Завтра какой день будет?» А я ему ответил: «Завтра большой мороз будет». Он мне на это сказал: «Ты сам все знаешь, возвращайся домой!»

Ночь прошла. Утром сильный мороз ударил. Такой стоял мороз! Они терпели, лежали, мороз их убивать стал. Они замерзли и другого брата послали:

— К деду сходи, огня попроси!

Он ушел, к деду пришел.

— Дедушка, — говорит, — мы замерзли, дай нам огня!

Дед ему говорит:

— Завтра какой день будет?

Он ему отвечает:

— Завтра, — говорит, — ветер поднимется.

— Ладно, — дед ему говорит, — возвращайся домой, ты сам все знаешь.

Он домой отправился. Домой пришел, они спрашивают его:

— Что дед тебе сказал?

— А он спросил: «Завтра какой день будет?» Я ему ответил: «Ветер поднимется». Дед мне на это сказал: «Возвращайся домой!»

Назавтра ветер поднялся. Он своим братьям сказал:

— Я деду говорил, что ветер будет, вот по моему слову ветер и поднялся.

С холодной стороны ветер дует, все дует, а они мерзнут. Ну вот, они третьего брата послали:

— К деду иди, огня проси, скажи: «Мы замерзли, огня нам дай, огня нам дай!»

Он ушел к деду, к деду пришел.

— Дедушка, — сказал он, — мы замерзли, дай нам огня!

Старик ему говорит:

— Завтра какой день будет?

А он отвечает:

— Завтра пурга будет, а потом тепло наступит.

— Ладно, — он говорит, — иди домой, ты сам все знаешь.

У деда в чуме костер, там тепло. Он согрелся — в чуме деда тепло. Он обратно домой пошел. Домой пришел, братья его спрашивают:

— Что тебе дед сказал? Ты просил у него огня?

— Я у деда огня просил, а дед меня спросил: «Завтра какой день будет?» Я ему ответил: «Тепло будет».

Ночь прошла. Утром встали — действительно, тепло стало.

— Я, — говорит, — деду говорил, что тепло будет, так и случилось: тепло стало.

Сколько-то времени прошло. Они четвертого послали:

— К деду сходи за огнем!

Он ушел, к деду пришел, согрелся, а дед его спрашивает:

— Ты зачем пришел?

— Дедушка, — он сказал, — я за огнем пришел.

А дед ему говорит:

— Завтра какой день будет?

Он ответил:

— Дождь пойдет.

А тот ему говорит:

— Ты сам все знаешь, возвращайся домой!

Он домой вернулся, они его спрашивают:

— Что дед сказал?

— Я ему говорил, что завтра дождь пойдет, а он мне сказал: «Возвращайся домой!»

Ночь прошла. Утром встали — действительно, дождь идет. Он своим братьям говорит:

— Я деду говорил, что дождь пойдет, вот дождь и пошел, по моему слову дождь идет.

Живут они дальше. Младшего брата послали:

— Ну, теперь ты сходи, может быть, тебе дед огонь даст.

Он к деду пошел, к деду пришел.

— Завтра какой день будет? — дед его спрашивает.

Он ответил:

— Дедушка, я не знаю. Я, — говорит, — не знаю.

— Ладно, — дед ему говорит, — ты не знаешь.

— Да, — говорит, — дедуся, я не знаю. Отец наверху знает.

А старик молвил:

— Это так, это правильно, — сказал он, — небесный отец сам знает. Ладно, — говорит, — теперь домой иди. Где дымом пахнуть будет — ты туда иди. Как запахнет дымом — туда и иди! Там на земле огонь гореть будет — ты быстрее туда иди!¹

Ладно. Он вперед посмотрел — на земле огонь горит. Он скорее туда побежал. Он к огню близко подошел — огонь уже вот-вот погаснет, одна головешка осталась. Он ее взял и домой понес, быстро домой шел, бегом бежал. Домой пришел. Братья обрадовались.

Дилтак сказал:

— Вы ходили, больше деда знали, поэтому дед огня вам и не дал. Я, — говорит, — больше деда не знал, и дед огонь мне дал. Дед меня спросил: «Завтра какой день будет?» А я ему говорил, что не знаю. Дед мне тогда сказал: «Раз ты не знаешь, иди домой. На обратной дороге увидишь: огонь на земле гореть будет, ты этот огонь возьми». Ну вот, я домой отправился и на полпути увидел: огонь на земле горит. Я его взял, домой принес.

Дилтак сначала внутри берлоги костер разложил. От дыма они почти задохнулись.

— Откуда ты это принес, — братья сказали, — туда и неси!

Он огонь наружу вынес. На улице костер развел. Огонь хоть и горел, но им не стало тепло. Он братьям сказал:

— Давайте сделаем костер побольше!

Они побольше костер разложили. А потом он им сказал:

— Давайте на верхушке берлоги дыру прокопаем!

Они на верхушке берлоги дыру прокопали, а он огонь внутрь занес. Он наломал много сучьев, маленькие прутики в огонь подложил, костер развел, и дыма совсем не стало. Он немного побольше костер сделал — тепло стало.

После этого в их чуме так тепло стало, что они вспотели. Они вспотели — их волосы выпали, от пота сопрели, и братья голыми стали. Их ноги длинными стали, а руки укоротились. Ходить им тяжело стало.

Тогда они своему брату говорят:

— Ты огонь принес, нам жарко стало, тепло стало, от жары наша шерсть выпала, руки короткие стали, ноги — длинные. Теперь, — они младшему брату говорят, — как мы ходить будем?

А он им отвечает:

— Будем учиться ходить!

Когда младший брат это сказал, он поднялся, на ноги встал. Как шаг сделает, вперед падает. Прямо ходить с трудом научился. После этого он их стал учить ходить. Вначале они смеялись. А он уже хорошо ходить стал и их научил ходить так, как он сам ходил. Тогда он им сказал:

— Мы прежде на четырех ногах ходили, а теперь на двух ногах ходить стали.

После этого братья стали спрашивать его обо всем, а он думал и отвечал.

Дилтак сказал:

— Зверей мы палками бить будем.

Они палок наломали, пошли. Там где-то зверей нашли, а он палку бросил и зверя убил.

— Вы, — говорит, — тоже так делайте!

Они тоже зверя палками убили. Они палки кидали и палками зверей убивали, домой приносили и ели. Когда их пища кончалась, они снова отправлялись на охоту.

Потом они камни собирать стали, и когда зверей находили, они в них камни кидали, убивали, а потом домой приносили и съедали. Мухи какали на мясо, и в нем черви заводились. Однажды они на улице костер разложили, рядом поперечную палку приладили и там мясо подвесили. Мухи прилетели, накакали, черви завелись, и мясо испортилось. Тогда они мясо прямо над огнем подвесили, снизу костер разложили, и мухи перестали садиться — они дыма боятся. К палке подвешенное мясо они потом снимали и ели. Этой пищей они жили.

Однажды один кусок мяса упал вниз в огонь, обгорел и обуглился. Младший брат его из огня выбросил. Потом они отправились на охоту, но никакого зверя не добыли. Голодные переночевали. Утром встали, опять на охоту пошли и снова ничего не добыли. Они проголодались, но ничего не нашли и ничего не добыли. Младший брат сказал:

— Я это обуглившееся мясо съем!

А они не захотели. Дилтак говорит:

— Я буду есть!

А они сказали:

— Ну и ешь!

Он и съел его. Снаружи мясо обгорело, а внутри оно изжарилось. Он воскликнул:

— Братья, вкусно! Попробуйте!

Они подошли и стали есть мясо.

— И правда, — сказали они, — оно хорошее, вкусное!

Они это обгоревшее мясо всё съели.

Потом братья опять в лес ходить стали. Как раньше, зверей добывали, так их еще больше добывать стали. Они говорят:

— Теперь мы мясо в огонь бросать будем, пусть обгорает, чтобы мы потом его ели.

Ну, они так и делали. Однажды младший брат им сказал:

— Давайте положим мясо сверху на угли, потом его снимем и съедем.

Ну вот, так они и стали делать: на угли мясо положат, оно обжарится, и они его едят. Потом младший брат срубил палку, мясо на нее поддел и изжарил у огня. Жареное мясо они ели — оно хорошее, вкусное! Всегда они так стали делать. Дилтак сказал:

— Мы раньше сырое мясо ели, а теперь жареное едим.

С тех пор они стали мясо жарить на рожнях. Старшие братья — они ведь так — ничего не придумывали, а младший брат что задумает, то по его воле и сбывается.

Однажды Дилтак старшим братьям сказал:

— Вы, — говорит, — отдельно на охоту ходите, а я отдельно ходить буду.

Шел он как-то, шел и к озеру спустился. В солнечный день он ходил. Щуки, оказывается, к берегу подплыли. Он их там увидел, камни вниз стал бросать, убил несколько штук и домой понес. Пришел он домой и говорит своим братьям:

— Я, — говорит, — что-то принес!

Они стали щук есть.

— Это мясо вкусное, — сказали они. — А как мы их назовем?

А он:

— Рыбой назовем.

На следующий день он снова туда отправился, опять нашел щук. Он камни в них кидал, убил несколько рыбин, домой принес. Они их съели, а часть осталась, они их не доели.

Утром Дилтак говорит:

— Всю ночь эти рыбы пролежали, а их мясо как было крепкое, так крепким и осталось. Оно не обмякло: каким вчера утром было — таким же крепким и осталось.

Он опять ушел, много рыбы добыл, домой принес. Часть рыбы они съели, а ту, что осталась, он вниз к тому озеру отнес и в воду положил, чтобы утром их съесть. Переночевали. Утром он спустился к озеру: рыбы как палки — они соль в себя впитали и не обмякли. Он снова ушел, опять нашел рыб, опять в них камни кидал. Он взял этих рыб, несколько корней дерева выкопал и через жабры корень, как веревку, продел и в воде их привязал. Часть рыбы он домой принес.

— Я, — говорит, — много их добыл, остальных я в воде привязал.

Они с братьями всю рыбу съели. Переночевали. Утром он сказал: — Теперь я схожу за рыбами, которых я вчера добыл. Сегодня, — говорит, — я рыбу ловить не буду.

Он пришел к озеру, рыбу на берег вытащил. Эти рыбины такими твердыми, оказывается, стали, как палки, — ведь они соль в себя впитали. Он их домой принес, и братья есть стали — так вкусно! Они ведь соль впитали в себя.

Потом они какого-то зверя добыли, с тальника лыко ободрали, Дилтак попробовал — крепкое ли оно, потом обвязал мясо и опустил в воду.

Утром он спустился вниз к воде проверить, таким ли крепким, как рыба, мясо стало. Оно тоже, оказывается, соль впитало. Есть начали, а оно такое вкусное!

Потом он на берегу этого озера белый песок нашел. Он его поднял, на ладонь положил и рассматривает. Что это за песок? Попробовал — вкусный! Как та рыба, которая вкусной стала. Он подумал: «Вот из-за чего рыба крепкая стала!» Он этот песок взял и домой отнес.

Впереди него травинки стоят, на их верхушках что-то вроде рыбьей икры. Он эту траву увидел, верхушку травинок оторвал, попробовал — есть можно; он это тоже домой понес, братьям показал и сказал:

— Этот белый песок я попробовал — он вкусный! Рыбы, которых я в воде привязывал, из-за него такими крепкими и вкусными стали. Попробуйте!

Они попробовали — действительно вкусен этот песок.

— Какие они крепкие стали, а мы не знали почему!

Он сказал:

— Я буду называть это солью. А вот теперь то, что на верхушке травы, на икринки похожее, — сказал он им, — тоже попробуйте!

— А это, — они спрашивают, — что за траву ты принес?

Они попробовали, пожевали — это тоже вкусно, тоже есть можно.

Назавтра он снова ушел, чтобы еще какую-нибудь траву найти; он травы на вкус пробовал и домой приносил. Потом он крапиву нашел, опять попробовал, снял шкурку, крапиву ободрал, растянул ее волокна — они крепкие!

Камень лежит, похожий на топор, у него край острый; он камень поднял, по палке ударил и ее разрубил — пригодится для жизни. Он камень тоже взял, домой принес, братьям показал.

— Каменный топор, — сказал он. — Я палку им разрубил — жить можно с этим топором.

Потом он крапивные волокна показал им, они потянули их — крепкие. Ну вот, он братьям сказал:

— Это тоже для жизни пригодится!

Потом он каменные плитки² нашел. Он поднял две каменные плитки, домой их принес.

Братьям сказал:

— Я каменные плитки нашел! — И показал им.

Траву, которую они пробовали, он взял, верхушки отломал. Потом начал ее камнями колотить. От этого трава мягкая стала. Он посмотрел — она белая. Потом он ее попробовал — она вкусная. Он своим братьям сказал:

— Попробуйте!

Братья попробовали, а он им сказал:

— Жить этим можно, это можно есть!

Они тоже сказали:

— Правда, это можно есть, жить этим можно!

Потом он снова отправился что-нибудь полезное поискать. Искал, искал — на берегу того озера, среди камней, он нашел камень, похожий на горшок³. Он его поднял, рассмотрел. «Однако, — подумал он, — это для жизни тоже пригодится». По дороге домой он опять шук нашел, камнями их бил, домой понес, домой пришел.

Он долго думал:

— Для чего оно может пригодиться?

Братьям показал.

— Что это такое я нашел? — он их спрашивает.

Они отвечают:

— Мы не знаем.

Дилтак сидел и думал.

— Теперь я с березы бересту обдеру.

Он ободрал бересту, домой ее принес, сел, долго сидел, раздумывал: «Бересту я ободрал. Что же я из нее сделаю? Сделаю-ка что-то, чтобы воду можно было черпать и домой приносить».

Он придумал.

— Я, — говорит, — ложку из бересты сделаю.

Братья его спрашивают:

— Что ты принес?

Он подумал: «Как сказать?»

— Береста!

— А что ты делаешь?

Он подумал.

— Я ложку сделаю, — сказал он.

И сделал ложку.

Он подумал: «Она так мала. Как я в ней воду принесу? Лучше я четырехугольный короб сделаю».

Он еще и короб сделал. Его братья посмотрели и спрашивают:

— Что ты делаешь?

Он подумал.

— Это, — сказал он, — ложка, я ее сделал, но у нее глубина мала.

А это, — он говорит, — я короб сделал.

— А теперь ты куда пойдешь? — они спросили.

Он посидел, потом сказал, что за водой пойдет. Ушел за водой, нашел ключ, зачерпнул воды и домой принес. Он сел, долго сидел, думал.

— Я каменный горшок нашел. Положу рыбу туда.

Положил рыбу, подумал: «Теперь надо воды налить».

Он налил воды, разгреб огонь и каменный горшок туда поставил. Скоро вода закипела, а вскипевшая рыба побелела. Суп получился густой. «Побелела, — подумал он, — значит, вскипела». Потом он горшок снял с огня. Стали есть — вкусно! Эта варёная рыба еще вкуснее соленой — хороша! Варёное хорошо есть!

— А эту воду, — они спрашивают, — мы как назовем?

Он ответил:

— Густой суп, уха.

Пить суп начал — он горячий.

— Погодите, — сказал он, — я ложки сделаю!

Он сделал ложки; каждый человек взял ложку, чтобы уху пить; пятью ложками черпали и пили. После этого они всегда так рыбу варили, так ее ели, так жить стали.

Потом Дилтак стал думать, что бы ему сделать из камня. Сидел, сидел, думал, старшим братьям сказал:

— Давайте достанем камней!

Он впереди пошел, идет. Камень-ковалку⁴ нашел. Поднял, рассмотрел. Попробовал: камнем по другому камню ударил — тот раскрошился. Подошел к черному камню, ударил — он не раскрошился, еще ударил — не раскрошился. Он его взял. Другой камень там нашел и тоже взял. Эти два камня он двум братьям отдал. Они дальше пошли.

Он белый камень нашел, ударил — он разбился и раскрошился. Он его в рот положил, попробовал — как песок, как тот белый песок, такой же на вкус. Он его третьему брату отдал. Четвертый сказал:

— У меня ничего нет, что же я домой понесу?

Он ему соленый песок отдал; тот пригоршню песка домой унес.

Камни они домой принесли, большой костер развели, черный камень в огонь положили. Этот камень красный стал, нагрелся. Они его из огня выкатили. Этот камень они начали бить ковалкой. Он мягкий стал. Они его снова в огонь бросили, опять оттуда выкатили, снова бить стали, он опять мягкий стал. Дилтак острогу сделал. Жить можно! Острогой он рыбу добывать стал.

Братья рыбу над огнем повесили, чтобы мухи не накакали. Они рыбу стали жарить на рожнях. Ели жареную рыбу, ели, часть оставили, не доели.

— Этих рыб, — он им сказал, — мы будем сушить. Они остались, и мы их сушить будем.

Рыбы высохли, он взял их и на каменных плитках раскрошил.

Теперь всегда так стали делать: больше они рыбу не солят, некоторых рыб они жарят, некоторых сушат на юколу или чтобы порсу сделать. Потом они сказали:

— Ну вот, жить можно!

По жизни Дилтака люди живут.

14. Упавший с неба гром

Раньше люди одной ордой жили. Голодом умирать стали и как раз в лесу гром ли, лошадь ли¹ нашли. С неба откуда-то упала. Орду Богдэденг* звали. Люди ту лошадь разделили, съели. От этого все — мужики и бабы — тяжелыми стали. Мужики умерли, бабы родили. Девки, ребята их уже Конэнг* стали. Потом уж дальше разделились. Кэнтаан* стали.

Люди съели самый маленький гром, от этого Богдэденг стали. Их еще называют Еккаденг². Потом уж стали Конэнг и Кэнтаан.

15. Как человек стал смертным

Когда-то давным-давно на небе жил Есь со своим сыном. На земле жили кеты — светлые люди*. У людей в то время не было собак.

Есь жил в железном чуме среди железных деревьев. Однажды Есь отправился на охоту и подошел к дороге, которая спускалась на землю. С земли эта божья дорога вверху виделась людям как звездочка. Есь постоял около дороги, прислушался — с земли плач раздается. Есь понял, что у людей внизу на земле что-то случилось. Когда Есь вернулся домой, он сказал своему сыну:

— Сходи вниз к людям, спроси, что у них случилось.

Сын Еся пришел к людям, спросил:

— Почему вы так плачете?

Люди сказали:

— У нас человек умер.

До этого люди жили вечно и никто из них еще не умирал.

Сын Еся пришел к отцу, говорит:

— Люди потому плачут, что на земле умер человек.

Есь сыну сказал:

— Иди вниз к людям, скажи им, пусть сделают лабаз высотой в семь сажень и покойника на него положат. На седьмой день человек оживет.

Сын Еся к людям пришел, говорит:

— Вы яму в земле в семь саженей выкопайте и спустите туда вашего человека.

Люди так и сделали. Когда сын Еся пришел к отцу, тот его спрашивает:

— Ты как сказал людям?

Сын Еся ответил:

— Я людям сказал: «Выкопайте яму в семь саженей, опустите туда человека».

Есь рассердился на сына и превратил его в собаку.

— Теперь иди вниз к людям, с людьми живи. Раз в месяц пусть дают тебе одну поварешку мучного супа. Что от людей останется, тем и питайся.

С тех пор люди стали смертными, а собаки живут у людей.

16. Про первого оленя

Первого оленя Есь на землю пустил. Люди ходят, видят — олень, надо убить его. Стали гонять*. Олень ходит, думает: «Что-то меня люди гонять стали; я бегу, они за мной, видно, убить собираются». Поднялся он к Есю.

Олень:

— Отец, за мной люди идут, убить хотят!

Есь:

— Сын, ты из-за своей ноги убит будешь.

— Нет, я быстро бегаю, люди меня не догонят.

— Догонят тебя люди, я снег для этого пушу.

— Я все равно вверх уйду.

— Я сильный снег пушу. Ты из-за своих ног будешь убит.

Первый олень свою ногу по шерсти лизнул. Оттого ворс у камуса стал гладким. Люди из него лыжи делают, на лыжах по снегу оленя догоняют¹.

Если бы первый олень против шерсти свою ногу лизнул, люди не могли бы лыжи делать. Без лыж гонять бы оленя не могли.

17. Про первого зайца

Первого зайца Есь на землю спустил. Заяц бегаёт, видит — старик что-то рубит. Заяц спрашивает:

— Что ты, старик, делаешь?

Старик отвечает:

— Я кулемку рублю, зайца поймать хочу.

— Я и есть заяц. Разве я пойду в твою кулемку?

— Пойдешь!

— Я жаловаться пойду!

Поднялся заяц к Есю:

— На земле меня старик кулемкой поймать хочет!

Говорит Есь:

— Правильно, люди тебя убивать будут, чтобы мясо есть, а шкуру на бесем брать!

— Зачем я сам пойду в ловушку, я не дурак!

Есь говорит:

— Ты век* на земле будешь бегать. Когда ни прутика, ни бересты, ни сучка не найдешь, голодом погибать будешь, тогда к людям пойдешь!

Спустил его на землю. На земле заяц бегаёт. Ни прутика нет, ни сучка, ни берестинки, голодный совсем стал. Кулемка стоит, в ней прутики. Заяц есть хочется, но страшно. Раз, другой подходил и назад убежал. Не вытерпел, вошел, кулемка упала, заяц пропал. Старик тот идет:

— Вот! Говорил, все равно попадешь!

18. Про первого медведя

У первого медведя были длинные зубы-клыки. Есь его на землю пустил. Люди увидели, говорят:

— Надо его убить!

Медведь услышал (медведь и теперь слышит), к Есю поднялся:

— Люди говорят, что завтра пойдут меня убивать.

Есь отвечает:

— Все правильно.

— Не убьют, я их зубами перекушу!

— Не перекусишь, они железный кыт сделают, а зубы длинные я у тебя выну.

Есь взял и длинные крепкие зубы выдернул. Вниз медведя пустил со словами:

— Все равно тебя люди убьют!

Внизу медведь зубами деревце схватил — половина зубов только осталась. Бог ему так сказал:

— Жить будешь, как человек питаться будешь, людей кусать не будешь, а они тебя убивать будут.

Потом его люди на земле добывать стали. Все нации его убивают.

19. Про рябчика

Рябчик раньше был большой птицей. Даг¹ он был. Он подумал:

— Я вылечу с шумом, фр-рр-рр, людей пугать буду.

Есь на охоту пошел. Рябчик вылетел, его испугал. За то Есь сказал:

— Ты теперь будешь маленький, в ладони руки поместишься.

Есь мясо рябчика разделил на всех, сколько есть на белом свете живущих зверей, рыб. У каждого теперь есть кусочек белого мяса. У рыб оно — под жабрами.

20. Белка

Раньше, когда белый свет только возник, белки еще не было. Люди голодом пропадали. На земле жили два брата и сестра. Есь решил помочь людям, из девки белку сделать.

Раз братья ушли из чума, тогда девка белкой и сделалась, на дерево полезла. Старуха ее за бесем схватила, разорвала — так у нее хвост появился. Не удержала старуха девку, та на дереве осталась. Братья пришли, дерево рубить стали, она на другие прыгает. Так и не поймали.

У белки от человека только большой палец остался и под мышками кусочек белого мяса. Люди и сейчас это не едят, выбрасывают.

Белка-девка сначала только орехами питалась, потом научилась грибы сухие есть, веточки.

21. Старик и старуха

Старик и старуха жили, вот жили. Старуха старику говорит:

— Давай на охоту сходи. Мы сами голодные, и дети без еды.

Старик отвечает:

— Схожу!

Назавтра старик вышел, охотиться пошел. Идет, поет-посвистывает, подражая бурундукам. Немного в лесу походил, назад возвращается. Старуха говорит:

— Где твоя добыча?

Старик отвечает:

— Добычи нет!

Старуха тогда сама охотиться ушла. Походила было — никакой добычи нет. Вернулась, старику говорит:

— Старик, теперь ты снова сходи!

Старик немного посидел, охотиться ушел. Походил недалеко, попел-посвистел, подражая бурундукам. Назад вернулся, говорит:

— Старуха, никого я не видел! Даром!* Больше я не пойду.

Старухе опять пришлось идти на охоту. Вот пошла, вот пошла.

В это время старик дочери говорит:

— Дочка, отцу палку принеси, в свой рост палку отцу принеси.

Девка, ума нет, сходила, палку принесла.

Старик конец палки заострил наподобие рожня. Дочь поддел, изжарил на костре и съел.

Немного погодя старуха пришла. Старуха говорит:

— Старик, где девка?

Старик отвечает:

— Старуха, девка давно ушла, в гости к людям ушла. Пусть погостит.

На другой день, как рассвело, старуха говорит:

— Старик, сходи на охоту.

Старик отвечает:

— Схожу!

Пошел. Немного отошел, там невдалеке засвистел-запел, бурундукам подражая. Говорит:

— Нет, на голодный желудок не поется!

Назад вернулся. Старуха сама на охоту отправилась.

Вернулась, ничего не добыв. Спрашивает:

— Старик, где наша девка?

Тот отвечает:

— Я уж тебе говорил, наша девка в гости ушла. Что ты все заладила — моя девка, моя девка!

Назавтра старуха опять охотиться ушла. Старик за сына принялся, говорит ему:

— Сынок, сходи, палку в свой рост или повыше принеси!

Старик рожень сделал. Сына поддел, изжарил, а потом и съел. Немного спустя, ночью старуха пришла:

— Старик, где наши дети?

— Старуха, они к соседям в гости ушли.

Старуха говорит:

— Ну, пусть погостят!

Немного погодя старуха говорит:

— Есть хочу!

Старик на нее не обращает внимания.

— Старик, детей век* нет, сходи за ними.

Старик отвечает:

— Куда я пойду? Не хочу!

Старуха сама к людям сходила, домой вернулась:

— Старик, наших детей даже следа нет; никуда они не уходили, врешь ты!

Старик утешает:

— Пусть ходят, где хотят. Старуха, ты сходи, сруби палку в свой рост, чуть повыше.

Старуха спрашивает:

— Зачем она тебе понадобилась?

— Я поставлю ее вместо шеста чума¹, видишь, тиски упали.

Старуха вышла, палку в чум занесла. Старик палку заострил. Старуха посмотрела:

— Да ты, старик, и впрямь рожень сделал! Зачем тебе рожень?

— Я тебя на костре изжарю.

Старуха поняла, говорит:

— Ты и детей так изжарил, съел, а теперь до меня добираешься?

Старуха бросилась бежать от старика. Вокруг кострища бегают, старик ее догоняет. По чуму вокруг кострища вот бегают, вот бегают; вот кружатся, вот кружатся. Старуха у выхода из чума оказалась, тиску оттолкнула, выскочила, прочь побежала. Старик старуху вот гоняет*. Старуха его немного опередила, вперед посмотрела — дерево стоит. Думает: «Хоть бы до дерева добежать».

Старик сзади гонит, уже к дереву подбегают. Старик старуху за бе-сем хотел схватить. Старуха бе-сем скинула. Он его зубами схватил, кусок во рту застрял.

Женщина на дерево полезла, кричит, а писк, как у белки, получается.

Говорят, женщина эта в белку превратилась. Подол ее бе-сема у старика в глотке застрял, упал он навзничь, так и остался лежать.

Белка так вот появилась: из женщины родилась.

22. Про первого глухаря

Осенью, в холодное ясное утро гуси, утки вверх летят¹. Глухарь на кедре сидит. Они говорят ему:

— Пойдем с нами вверх, там теплее, здесь пропадешь!

Глухарь говорит:

— Я в холодное время в кедровом лесу буду ночевать, на кедровой ветке сидеть.

Птицы на него петлю накинули, за грудную кость зацепили (оттого у глухаря на грудной кости дыра есть). Тянули, тянули. Их сила не взяла — он тут остался. На кедровой вершине остался.

Это Есь так первому глухарю велел:

— Тут останься зимовать, а то люди голодом пропадут, если вся птица вверх уйдет.

И рябчик тоже остался.

23. Глухарь, утка и гусь

Однажды утка и гусь встретили старого глухаря.

— Глухарь, полетим с нами на юг, — сказали они, — а то ведь зимой ты здесь пропадешь с голоду.

— Нет, я не полечу с вами, — ответил глухарь. — Если я улечу отсюда, трудно тогда будет людям.

— А мы полетим. Не станем зимовать. Здесь холодно. Человек без нас не умрет. Зимой он может добывать и есть рыбу. Рыба никуда не уйдет; она здесь, в озерах, живет зиму и лето. А для человека есть еще и другая пища.

Глухарь на это сказал утке с гусем:

— Когда настанут сильные морозы, озера и реки застынут, покроются толстым льдом — тогда людям будет тяжело добывать рыбу. Без меня они умрут с голоду.

— Сам-то ты что будешь есть зимой? Скажи нам.

Глухарь сказал:

— Пищи у меня много. Зимой я буду есть кедровую хвою.

— На этой пище ты долго не проживешь. Если ты не хочешь с нами лететь, то мы тебя заставим лететь.

Гусь и утка схватили глухаря под зоб и потащили в теплые края. Глухарь так плакал, что от слез у него покраснели перышки у бровей. Утка с гусем бросили глухаря и улетели на юг. Вот теперь у глухаря от слез всегда брови красные.

24. Почему у глухаря и косача глаза красные

Настала осень, утки собрались улетать. Селезень глухарю и косачу говорит:

— Полетим с нами. Там хорошо, у нас там жарко, вода теплая, много червячков, букашек много.

Глухарь и косач говорят:

— Полетим.

Утки, глухарь и косач на юг полетели. На юг прилетели, сели, утки ныряют, прыгают, букашек и жучков едят. Глухарю и косачу есть нечего, только ягодки едят, им жарко стало. Селезень к глухарю прилетел и спрашивает:

— Приятель, что с тобой?

— Мне жарко стало, здесь плохо.

Глухарь и косач заплакали. Они долго плакали, у них глаза красные стали. Ястреб к ним прилетел, сел и спрашивает:

— Почему у вас глаза стали красными?

Они отвечают:

— Нам здесь плохо, мы домой хотим.

Ястреб у глухаря и косача в горле дырочку сделал, привязал глухаря и косача к себе, и они назад на север полетели. Назад прилетели, а здесь зима, снег выпал. Глухарь и косач стали хвою есть, им хорошо стало. Ястреб говорит им:

— Хорошо или плохо?

Глухарь сказал:

— Хорошо, хорошо.

И косач сказал:

— Хорошо, хорошо.

Ястреб говорит:

— Я теперь глухарей и косачей есть буду.

25. Кукушка

Кукушка раньше женщиной была. У нее сын и дочь были. Раз заболела мать, лежит, пить подать некому. Некому за водой сходить. Просит сына, просит дочь воды принести — те не идут. Тогда она решила кукушкой сделаться, уйти от детей. Из мешочка для рукоделий ее туловище сделалось, из игольника — голова, из скребка и мялки¹ — крылья. Полетела мать кукушкой, дети за ней побежали, гонять* стали. Гоняли, гоняли, их внутренности по деревьям размотались, так они и погибли. А кукушка все детей кличет: ко-хун, ко-хып²!

26. О кукушке

Давно-давно жила кукушка. У нее было двое детей — сын и дочь. Кукушка была хорошей матерью. Она поила их и есть им носила. Они никогда голодными не были. Дети ее не слушались. Когда их мать за едой улетала, сын и дочь играли в гнезде, ничего не делали. Они ничего дома делать не хотели, только играли. Когда кукушка заболела, она попросила попить. Дети не послушались, воды ей не дали. У нее горло пересохло. Кукушка долго-долго просила своих детей воды подать, а дети ее не послушались. Тогда кукушка взяла мялку, гладилку и скоблилку, из них сделала большие крылья и хвост и улетела. Когда она летела, она плакала и кричала:

— Один сын, одна дочь!

А сын и дочь остались без матери. Они пить и есть захотели. Сын и дочь плохо летали. Они за своей матерью гнались, гнались, не догнали, их кишки обмотались вокруг тальника, так они и умерли.

27. Соболь

Соболь раньше, до русских, человеком был. Жена его к другому ушла, он обиделся:

— Век* теперь соболем ходить буду.

Потом баба его поймала. Он ей кричит:

— Не убивай, я человек!

Она не слушает, убила, ободрала¹, на роженъ поддела, жарить стала. Его мать узнала, плачет, зовет:

— Сын мой, иди грудь сосать!

А он только вертится на рожене.

Люди виноваты перед соболем. Поэтому они, когда черного соболя добудут и обдерут, шкурку в белую новую тряпку заворачивают². Когда шкурку снимают, говорят:

Пусть наши руки не отнимутся.

Пусть наши ноги не отнимутся.

Пусть наш стан* коротким будет.

Голову соболя углем мажут: «Пусть век черным будет»³.

Раньше эту сказку⁴ всегда рассказывали, когда на соболя охотились.

28. Глухарь и зайчиха

Глухари жили. Вот жили, вот жили. Один из них товарищу говорит:

— Я на охоту схожу.

Пошел. Вот шел, вот шел! Видит — Каськет с верховьев Подкаменной Тунгуски работает. Глухарь к нему подошел.

— Ты что это такое делаешь?

Человек отвечает:

— Я дерево рублю, чтобы ловушку для тебя сделать. Ты сам сюда придешь, в нее попадешь.

Глухарь говорит:

— Даром*, я ведь ее вижу, ни за что не попаду.

Сам прочь пошел, говорит: «Даром!»

Человек вслед ему наворожил: «В следующий раз пусть тебя к этому месту притягивает». Каськет отошел.

Глядит — глухарь к ловушке идет, к ловушке подошел.

— Ну-ка, — говорит, — посмотрю только.

К ловушке подошел, вокруг расхаживает. Видит — маленькие камушки лежат, вокруг кустики стоят, так хорошо! Кругом стал ходить, решил поперек пройти. Пошел было, его петля и захлестнула.

Назавтра, только рассвело, пришел Каськет. Глухарь в ловушку попал, ловушка захлопнулась. Глухарь рвался, рвался. Каськет сказал:
— Так тебе и надо! А ведь говорил, что не попадешься.

Каськет глядит на глухаря. Глухарь вдруг вырвался и побежал. Вот бежит, вот бежит. Домой к зайчихе прибежал. Она на него взглянула:

— Что с твоей ногой случилось?

Он сказал:

— Да вот кто-то сделал такое, что меня захлестнуло. Ты мне пошамань, полечи, я для тебя жертвенное дерево¹ поставлю.

— А какой ты мне подарок сделаешь?

— Я какой-нибудь подарок сделаю. Что же мне, умирать теперь?

Зайчиха говорит глухарю:

— Кумэль, кумэль!² В чуме по поленьям вокруг кострища походи, две ложки отвара выпей! Наутро еще походи, еще ложку отвара выпей!

Глухарь походил, две ложки отвара выпил.

Зайчиха назавтра снова шаманит глухарю:

— Кумэль, кумэль, нога его пусть заживет!

Наутро глухарь походил, одну ложку отвара выпил, его ноге вскоре лучше стало. Он попробовал — крыльями помахал. Выздоровел.

Зайчиха с глухарем вот жили, вот жили. Как-то утром, когда рассвело, зайчиха говорит глухарю:

— Теперь я пойду на охоту.

Глухарь говорит:

— Сходи.

Зайчиха пошла, пошла. Видит: впереди человек что-то делает, работает. К нему подошла:

— Ты что делаешь?

— Я, — говорит, — для тебя ловушку делаю.

Зайчиха говорит:

— Даром! Я не попадусь!

Зайчиха на другое место отпрыгнула. Каськет говорит:

— Придешь, я по твоим глазам вижу.

— Даром! Не подойду даже.

Каськет говорит:

— Для тебя тальниковые ветки положу.

— Нет, не подойду!

Каськет обошел зайчиху спереди, говорит:

— Ты придешь, тебя это место притягивать будет.

И правда, наутро зайчиха в это место пришла: Вот вокруг ходит. Тальниковые прутья хорошие. Поперек было пошла, ловушка ее и захлопнула. Наутро человек пришел — зайчиха висит.

— Так и надо тебе, я же предупреждал — в петлю попадешь.

Зайчиха рвется, рвется. Каськет знай смеется, говорит:

— Так тебе и надо, так и надо!

Вдруг зайчиха отвязалась и убежала. Домой побежала. Вот бежит, вот бежит, прихрамывает. До дому добралась, в чум к глухарю вошла. Глухарь спрашивает:

— Что с твоей ногой случилось?

Зайчиха отвечает:

— Человек что-то сделал, что меня захлопнуло. Теперь ты, глухарь, для меня, для моей ноги пошамань!

Глухарь запел:

— Кумэль, кумэль! По поленьям вокруг костра, поверх них походи! Нога пусть заживет! Потом ложку супа выпей.

Зайчихина нога поправилась. Зайчиха глухарю говорит:

— Давай поделимся! Ты, глухарь, куда пойдешь?

— Я в бор, в лиственный лес полечу. А ты куда пойдешь?

— Я на берег, к тальниковым кустам пойду.

Так и разошлись. До сих пор живут.

29. Шаман и зайцы

Было это давным-давно. Деда наши и прадеды не помнят. Напали болезни на всех зверей в тайге. Умирают звери всюду: на горах, в чаще леса, в каменистых россыпях и во впадинах. Что делать зверям?

Отправили они зайцев к главному шаману, что жил на берегу Енисея. Стали говорить зайцы главному шаману:

— Избавь нас, отец, от напастей духов. Мор на всех зверей приключился. Что нам делать? Ты один лишь в силах духов задобрить.

Согласился шаман.

И пошла молва по всей тайге, по горам, по россыпям, по впадинам. Собрались звери в одно место. Сделали чум отдельный для шамана. Долго бился с духами шаман: кричал, прыгал, зубами скрежетал, трясся весь, огонь глотал с углей раскаленных. Не хотят его слушать разгневанные духи.

Зайцы долго смотрели, как камлает шаман, да и засмеялись. Тогда ударил их шаман палочкой по ушам, и с тех пор кончики ушей у зайцев почернели.

А звери больше не стали погибать.

30. Лебеди

Лебеди раньше людьми были, поэтому их не убивают.

Жили раньше двое мужиков — дядя и племянник. Они были мудреные люди — шаманы. Раз ушли они далеко. В том месте, где отды-

хоть сели, озеро было. Они там в лебедей превратились, плавают. У старого лебеда перья, крылья были большие, крепкие. У молодого еще не совсем выросли перья, крылья были слабенькие.

На то озеро люди пришли, увидели — птицы большие сидят. Гонять* их стали. Младший лебедь улететь не может, старший не бросает его. Старший кричит молодому:

— В валежник беги, прячься!

Сам он в валежник прыгнул, за лиственницу спрятался. Молодой лебедь не слушает старшего, вперед бежит, собаки его и поймали. Люди второго лебеда искали, искали — не нашли, так он хорошо спрятался. Они ушли. Старый лебедь отдохнул, стал летать — товарища искать. Только перья нашел на земле. Тогда он к своим полетел, сказал, что товарищ его пропал. Его люди все лебедами стали. Тот старый лебедь тоже человеком не обернулся, птицей остался. Другим лебедам наказал:

— Если люди гонять будут, лезьте в валежник прятаться.

Сам в лес полетел.

— Кук, кук! — кричит, товарища ищет.

Так и сейчас летает.

31. Про орла

Орел сначала где-то сверху, в теплой стороне жил. Томам-колеп — его теплая сторона¹. Там его баба осталась, а он Сибирь открыл — первым на север ходил. Видит, там есть чем питаться: зайцы есть, рыба есть. Пришел домой, бабе своей говорит:

— Пойдем вместе, там есть чем питаться.

С тех пор здесь живут. Орел — большой человек, все понимает. Рыбы много добывает; большую рыбу из воды таскает. Раньше орла люди не били; перья для стрел из орлят вынимали. Такое оперение не промокает².

32. Про оленей

Оленей раньше у нас не было. Раньше наши люди без оленей жили. Однажды вверх смотрят — оттуда олени вниз падают, немного оленей — семь штук¹.

Падают олени, падают, ниже, ниже спускаются. Прямо к низовским*, подальше, падают. Те уже ровдугу подстелили. Наши люди новую тиску подставили. Олени падают, тиску новую прорвали. Нашей стороны олени тиску эту пробили копытами. Олени прямо вниз

и провалились, их ноги поцарапались. Это наши олени сквозь тиску упали. Низовских же людей олени на ровдуге задержались. Оленьи копыта ровдугу не проббили. Там их собрали в кучу, окружили, к чуму направили, огородили. Все вместе они пришли, так их и поймали.

Вот у низовских олени и появились раньше. Ну, нашим людям олени тоже нужны. Стали тянуть коленную кость; стали тянуть кольцо²: тому больше достанется, чья сила больше. Тянули, тянули, наш человек не выдержал, отпустил — вот низовским олени и достались.

У нас оленей не было. Ну, потом, что делать — пришлось воевать: осякам* нужны олени низовских. Осяки низовских разбили, оленей себе забрали. Одних оленей увели, других съели. Некоторые осяки с оленями стали жить, разводить их стали. У низовских видели, чем и как запрягать надо оленей; видели у низовских, как на оленях ездят.

Вот с тех пор и стали осяки с оленями, стали разводить оленей.

33. Деревья

Человек по лесу ходил, дров нарубить хотел. С топором он ходил. Поднял он топор, чтобы рубить дерево, и не срубил — дерево стало плакать, говорит:

— Не трогай меня!

К другому дереву подошел. Снова топор поднял, а дерево говорит:

— Не трогай меня, — и заплакало.

Человек говорит:

— Пусть впредь люди не слышат голосов деревьев¹.

Теперь люди не слышат голосов деревьев — они безмолвные.

34. Богатырь Альба и Хосядам

Давно-давно это было, когда все реки устьями вверх¹ глядели. Жили на земле семь чудищ. Тяжело было от них людям, многие погибали от их рук.

И вот Альба-богатырь решил освободить людей от этих чудищ. Собрался Альба в дорогу и пошел. Шел-шел и наконец пришел туда, где на Енисее семьдесят семь островов. На островах те семь чудищ и жили.

Стал Альба с ними сражаться. Долго сражался, шестерых убил; а пока с ними бился, седьмое, самое главное чудище обернулось в маленького червячка без крыльев, без ног. Это была злая Хосядам — мать всех шести убитых чудищ.

Кончил Альба битву с шестью чудищами, ищет седьмого — нет как нет! Смотрит и видит — по земле ползет червячок, слабенький,

беззащитный. «Как же я его убью, — думает Альба, — он такой слабый, хуже, чем дитя. Не буду убивать его». И не убил. Взял его и бросил в свою лодку-долбленку, чтобы не задавил кто нечаянно червячка, поехал домой.

Плывет он по реке, вдруг видит: сидит на берегу человек и играет на скрипке². Так играет, будто человеческим голосом поет. Встал Альба в лодке, слушает, даже рот раскрыл от удовольствия. А тот человек еще лучше играет, так его песня в грудь, в сердце входит!

Пока он слушал, лодку течением к берегу принесло. Злая Хосядам-червячок шмыгнула из лодки на берег, в траву. Смотрит Альба — нет червячка в лодке, ушел. Догадался Альба, что это и есть самое главное чудище — седьмое, злая Хосядам. Нужно ее найти! Да где искать? Семьдесят семь островов Енисея все густой травой покрыты! Стал Альба по травинке перебирать — нет ее, не нашел. Надо найти червячка, это мать чудищ! Снова от нее пойдет горе людям! А она ушла в землю и кричит оттуда:

— Не ищи меня, Альба, не найдешь. Век* ищи, все равно не найдешь. И никто меня не отыщет, никто ничего мне плохого сделать не может. За то, что ты меня, слабого червячка, пожалел, а детей моих убил, теперь пусть на земле так будет — половина людей пусть живет, а половина пусть умирает, ко мне приходит.

Так она там и осталась, глубоко в земле сидит. Это потому, что, когда Альба червячка искал в тине, он рыл дно реки и вырыл огромную яму.

Так вот стало с тех пор: люди умирают, но тут же другие рождаются, и все время земля полна людей. Все, что по рекам вниз несет, все в рот широкий, всегда открытый, жадный рот Хосядам попадает.

Альба поехал домой. Снова увидел того человека, что громко песню на скрипке играл.

— Нехороший это человек, Хосядам близкий! Нарочно песней мой ум затуманил, вот я все и забыл.

Схватил Альба лук и пустил в того человека стрелу. Человек так и рассыпался. Кровь его на прибрежные камни попала. Стали камни красными. Кеты этим камнем все, что нужно, теперь в красный цвет красят. Этот цвет и есть того помощника Хосядам кровь.

35. Альба

Альба устье речки осматривал. С нижней стороны¹ вода поднимается, шепки оттуда вверх стрежнем выносит. Он подумал: «Под водой, вероятно, люди живут!»

Альба свой шаманский меч² взял:

— Через этот хребет прорублю-ка я проход!

Где Альба мечом рубанет, там след остается. Он недолго рубил — скала образовалась. На скале след от удара еще и сейчас заметен. Сколько раз ударил, столько больших щепок откололось.

Мало ли, много ли рубил — река Енисей образовалась. По берегам реки настоящие скалы возникли. Альба вокруг огляделся — везде, оказывается, скалы образовались.

— Теперь, — он говорит, — я Кыньс³ откапаю.

Альба начал откапывать чум Кынси. Он копал, долго копал и угодил прямо к детям Кынси. Альба слушать стал, где Кыньс дышит.

В это время впереди, дальше вниз по течению, Сюокс на кате играть начал⁴. Альба лук натянул и в Сюокся выстрелил. Стрела ему ухо задела, оттуда кровь пошла.

Альба в другом месте чум Кынси откапывать стал. Дети Кынси щебечут — шепчутся. Альба вперед глядит — олени через реку переплывают, на мысочке до земли ногами достали и тут застыли. Образовался Осиновский порог.

Альба снова принялся за работу. Он левым ухом прислушиваться начал, вниз посмотрел — лоси переплывают реку. Самец вышел на берег, лосиха с телятами как раз середину пересекают: бычок-теленочок за матерью плывет, телочка за бычком. Все они там застыли.

Альба сильнее стал копать, добрался до норы детей Кынси. Разгреб нору шаманским мечом — налимчики маленькие лежат, шесть штук. Альба разрезал их на куски.

— А я думал, — сказал он, — что это в самом деле Кыньс.

Альба кругом все осмотрел: «Сама-то Кыньс куда же ушла?»

Альба шагнул туда, в игрушечный чум детей Кынси, внимательно оглядел все и нашел ее место. Альба копал, копал, нашел ее, наточенным концом меча поддел и в свою берестяную лодку⁵ бросил. «Смотри-ка, — говорит, — что же это? Маленький налимчик, осиротевший малюсенький налимчик, что ли? Унесу-ка я его своим детям играть!»

Альба бросил ее в лодку, сам тоже в лодку сел, реку переплыть хотел, а та, что обернулась налимчиком, в воду от него бросилась.

Альба только успел оглянуться.

— Это, — он говорит, — ты сама Кыньс и есть, маленькой сделалась!

Потом он острогу взял:

— Сейчас я тебя найду!

Он на поверхности воды в лодке тихо остановился и вниз смотрит — налимчик притих.

Альба ее ударил, налимчик тряхнул головой. Тогда Альба ее увидел. Налимчик воду замутил и для Альбы опять невидимым стал. Где налимчик дохнет, там тальниковый остров образуется.

Он погнался за ней. Где Кынсь нырнет, там остров образуется. Альба за ней вниз по реке погнался. Кынсь воду очень мутила.

— Ну-ка, попробуй теперь меня найти! — она сказала.

Альба поймать ее старается, но Кынсь хитра — туда нырнет, сюда нырнет.

Альба рассердился, бросил ее:

— Да ну ее, к негодяйке пристал!

Он обратно повернул. Кынсь сказала:

— Мусор земли⁶ весь ко мне поплывет.

Альба обратно вернулся, пришел на то место, где раньше землю разрубил. На юг поглядел — настоящие каменные скалы стоят.

— Я, — говорит, — сейчас поднимусь и на восточной стороне каменной россыпью сделаюсь. Несчитанные божьи годы пусть пройдут, землю пусть сплощет вода⁷ — тогда я поднимусь⁸.

36. Ольгит

Когда-то давным-давно люди о нем рассказывали, говорили:

— Ольгит большой воин был. Он с юраками воевал. Всегда он юраков побеждал. Юракский отряд целиком он разбил.

Долго воевал он, много лет прошло. Он даже не заметил.

— Эх, — говорит, — слишком далеко я зашел. Надо бы мне жениться.

Женился, но опять с селькупамы против юраков воюет. Несколько лет он воевал. Жена ему двоих детей принесла. Дети уже к соседям сами ходить стали. Ольгит сказал:

— Почему-то мое нутро выворачивается.

Жена ему сказала:

— У тебя, видимо, отвращение к человеческой крови появилось.

— Эх, нет, женщина, — говорит, — меня на мою родину потянуло. Мои родители на юге где-то жили. В свои родные места поеду.

Жена ему сказала:

— Землю южного неба нам не достигнуть, ни за что не дойдем.

— Нет, — говорит, — женщина, нам идти надо.

Они переночевали, утром одежду сложили, оленей привязали. Им большая дорога открылась. Долго ли, мало ли они шли, осень настала. Чем дальше идут, тем снег глубже становится. Они переночевали, утром снова в путь отправились.

Снег глубокий стал. Олени еду не могут достать. Жена ему сказала:

— Мы, — говорит, — здесь зимовать будем.

Ольгит сказал:

— Нет, на родину, к моим родителей пойдем.

Идут дальше, их олени начали падать. Они все время по каменной стороне¹ шли и к Тунгуске подошли. Снег глубокий стал, метель началась, еда кончилась. Жена ему сказала:

— Куда же мы теперь пойдем?

Он ей сказал:

— Мы перейдем на левый берег Тунгуски. Эх, — говорит, — женщина, теперь мы здесь в каменные россыпи превратимся.

У жены слезы из глаз покатались, у детей слезы тоже катились.

— К этому хребту, по направлению течения моя коса² ляжет. Вверх кончики моих волос — каменные мысочки — отходить будут. Светлые люди, вперед идущие³, будут говорить: «Это прежде живший человек здесь в каменные скалы превратился». Мое имя будет Мельников, теперь я богом порога буду. Когда светлые люди около тихой моей одежды⁴ спускаться будут, они нам молиться будут⁵. На той стороне, у красных скал, слезы моих детей застыли. Когда их мать плакала, ее слезы волна к берегу прибывала, у этих красных скал они в бугорки превратились. Когда светлые люди будут к порогам спускаться, они вверх на нас посмотрят и скажут: «От женщины порог образовался, она тоже скалой стала. По его велению, смотрите, порог образовался»⁶.

Ольгит онемел.

37. Хунь и кэлбэсам

Хунь и кэлбэсам охотиться пошли. Хунь говорит:

— Когда вверх по реке пойдем, пусть вода туда и потечет¹.

Кэлбэсам говорит:

— Кынь*, пусть вода наоборот течет, пусть мы будем грести, тянуть поклажу вверх.

Так и стало.

К своему месту приплыли, в лес вошли. Хунь говорит:

— Пусть, куда идем, под уклон все валится².

Кэлбэсам говорит:

— Кынь, пусть, куда идем, гора, яр, угор будет.

Так и стало.

Хунь говорит:

— Пусть, когда мы увидим зверя, птицу — белку, пальника³, глухаря, — только руку поднимем, пальцем покажем — тот упадет.

Кэлбэсам говорит:

— Кынь, листвень, березу пусть люди берут, лук делают⁴, стрелы; в зверя, птицу стреляют.

Всё в жизни так и получилось. Кэлбэсам сила взяла, ее сила тоже большая.

38. Сын земли

Бангрэхып — Сын земли живет. Он от земли рожденный, у него ни отца, ни матери нет. Ему для средней части чума человек нужен.

Сын земли раздумывает: «Откуда же мне женщина достанется?» Сыну земли слово пришло:

— Ильгет², тебе в течение семи суток надо на восток кланяться.

Сын земли у своего чума перед стволом священной пихты стоял и в течение шести суток все время кланялся³.

На седьмое утро, когда заря стала заниматься, латунная лодка около него приземлилась. Внутри сидела женщина, на голове ожерелье, на лице латунные звезды блестят, вся как звезда горит⁴.

Сын земли взял ее за локоть, в свой чум увел.

— Я, — она говорит, — Дочь неба⁵. Есь меня послал быть твоей подругой жизни. Мой отец смягчился, на день раньше согласился и сказал: «Сын земли внизу сватается за тебя».

Ну вот, они живут. Много ли, мало ли жили, и у них сын родился. Как-то Сын земли жене сказал:

— Хоть на несколько дней я поохотиться схожу!

А у них по соседству колмасам живет.

Сын земли на нарту необходимые вещи положил. Пока он дома чай пил, колмасам снаружи из его мешка съестные припасы вынула, а в мешок положила мерзлые березовые губки⁶.

Когда Сын земли кончил чай пить, он вышел, лямку своей нарты на себя надел, потащил ее и ушел. Вечером он нарту разгрузил, мешок с едой развязал. «Ой, белый свет, — говорит, — это же все дерьмо!» Сыну земли противно стало.

Он тут переночевал, утром домой отправился, в свой чум вошел, свою жену побил.

— Ты зачем мне в мешок губки положила? — спросил он.

Женщина ответила:

— Божий человек, не я это сделала.

Сын земли положил себе в мешок еды и ушел на охоту.

Дочь неба обиделась за то, что муж ее побил. Она о землю удари-лась, важенкой стала, своего сына взяла, на верхушки своих рогов в люльку посадила. Для Дочери неба дорога образовалась.

— Э-э, — она говорит, — я поднимаюсь, поднимаюсь!

Она все небесные мысы враз перешагнула, к седьмому подошла и в чум своего отца вошла.

Внизу на земле Сын земли с охоты вернулся, но жены его нигде нет. Сын земли думает: «В каком месте она поднялась? Что делать, — думает он, — чтобы дорога жены мне показалась?»

Э-э, Сын земли идет, идет. Много ли, мало ли шел, подошел к небесному мысу.

Чум стоит, Сын земли вошел. Старуха сидит.

— Бабушка, — говорит, — пошамань мне немного, узнай, где проходит тропа Дочери неба.

Старуха немного пошаманила-пошаманила и дала ему на дорогу раздутый и просушенный щучий желудок с жиром⁷.

Перед Сыном земли дорога открылась*. Сын земли пять небесных мысов прошел и к шестому мысу подошел.

Он чум увидел, в нем старуха сидит.

— Бабушка, пошамань мне!

Бабушка дала ему щучью печенку.

— Внучек, — сказала она ему, — человеку надо с умом поворачиваться. Ты зачем Божью дочь побил? Но бог уже смягчился, тебе будет легче.

Сыну земли дорога открылась.

Сын земли идет, идет, вперед глядит — чум стоит. Сын земли в него вошел и тут же у порога на колени упал. Долго он тут лежал, Есь своей дочери сказал:

— Вон там какой-то человек уже сколько времени лежит!

Дочь неба за плечи мужа подняла и сказала:

— Входи!

Сколько-то времени прошло. Есь сверху снял латунную лодку, она возле них остановилась.

— Человек, — сказал он Сыну земли, — спустись в свой мир!

Они внизу в своем чуме приземлились. Сын земли стал со своей женой жить.

39. Дочь неба

Люди живут. Молодой человек собирается к богу, свататься. У бога есть дочь.

— Пойду, — говорит, — к богу, свататься.

Свататься ушел, живет наверху у бога. Бог отдал свою дочь замуж, стали свадьбу играть. Свадьбу сыграли, и они стали жить. Живут, он оленей диких добывает. Когда зять бога добыл диких оленей, он сказал:

— Мы пойдем на свою родную землю.

Бог говорит:

— Идите!

И они пошли. Чертовка¹ там живет. Поставили они чум и стали жить. Он на охоту пошел, встретил чертовку. Ходил к ней и насовсем к чертовке ушел. Жена его одна осталась, а он там живет, диких оленей добывает. Говорит он чертовке:

— Жене отнеси мяса!

А она мясо прочь выбросила. Пришла домой и говорит:

— Я уже отнесла.

Он снова пошел на охоту оленей добывать. Зашел к своей жене, а ее нет.

— Жена моя недавно ушла. Я ее догоню, пойду к ней.

К жене своей пришел, снова свататься стал. Говорит она:

— Не пойду, у него там женщина есть.

Бог говорит:

— Не век* человеку сердиться. Иди к нему!

Она пошла. Стали они жить, кочевали.

Бог говорит:

— Возвращайтесь, твой муж на свою родину собрался идти.

Пошли они, он оленей запряг. Домой прибыли. А чертовка все еще живет там. В чум вошли, и он говорит:

— Я к ней зайду и убью ее.

Он пришел, за голову ее схватил и наружу вытащил. Старое дерево согнул, другое дерево согнул. Ноги ее привязал. Одну ногу привязал, другую ногу привязал и отпустил деревья. Ее пополам разорвало: одна нога на этом дереве висит, другая нога на том дереве висит. Он ее убил². Домой пришел и со своей женой жить стал.

40. Про Усеся

Старик Ырохот со старухой живет, у них две дочери, их старшая дочь — колмасам. Они живут, живут. Много ли, мало ли жили. Холод наступил, чем дальше, тем сильнее. Крепкий мороз ударил. Недалеко от семьи старика Ырохота жили доси*. Когда холод настал, голые доси замерзать начали. Доси зайчихе говорят:

— Иди, сходи к старикам Ырохотам, спроси, когда тепло настанет?

Зайчиха выскочила, скачет, скачет, в чум стариков Ырохотов влетела.

— Бабушка, — говорит, — когда тепло будет? Доси замерзать начали.

Старуха ей ответила:

— Пусть они мне скажут, где находится моя коробка из лягушачьей кожи¹.

Зайчиха выскочила, скачет, скачет, к порогу двери прискакала, споткнулась и забыла слова старухи. Она прыгнула в чум. Доси спрашивают:

— Что старуха сказала?

Зайчиха ответила:

— Я забыла.

Доси заночевали. Стало еще холоднее. Доси зайчиху снова отправили к старухе. Зайчиха скачет, скачет, к старухе в чум залетела.

— Бабушка, — говорит, — доси почти совсем замерзли. Они мне наказали: «Спроси бабушку, когда тепло будет».

Старуха ответила:

— Я тебе уже в тот раз сказала: пусть они поищут мою коробку из лягушачьей кожи.

Зайчиха выскочила и ее слова громко повторяет:

— Коробку из лягушачьей кожи, коробку из лягушачьей кожи.

Подошла к порогу, снова повторила:

— Коробку из лягушачьей кожи!

А доси внутри услышали ее слова. Зайчиха прыгнула в дверь, опять споткнулась.

— Я забыла, — говорит.

Доси ей напомнили:

— Ты, снаружи прыгая, говорила, что она лягушачью коробку упоминала.

— Да, да, старуха так говорила. Сказала, чтобы вы ее искали.

Доси выскочили, стали искать, нашли ее, зайчихе отдали.

— На, — говорят, — отнеси ее старухе.

Все равно холод стоит, доси мерзнут. Старуха Ырохота говорит:

— Старик, наверно, это бог тепла Усесь там наверну к нам сватается.

Старик ответил:

— Отдадим, пожалуй, нашу дочь.

Когда старики согласились, той же ночью очень тепло стало, и они сильно вспотели.

Ырохот-старик свою старуху спрашивает:

— Уж не обмочилась ли ты?

Старуха отвечает:

— Ты сам обмочился.

Старики встали, костер развели. Старуха спрашивает:

— Старик, что это за большой котел перед дверью стоит?²

Старики подумали и своей дочери-колмасам сказали:

— Садись в котел!

Колмасам села. Кто-то невидимый ее поднял.

— О, я поднимаюсь, поднимаюсь!

Она опустилась у мысочка реки на первом круге верхнего мира, где кучками мелкие деревья растут.

— О, — люди верхнего мира радуются, — наша тетя поднимается, наша тетя поднимается!

А она их на берегу своим ольховым посохом отхлестала.

Как ее поднимало, так и дальше несет. Она к следующему мысочку опускается. Маленькие люди³ говорят:

— Наша тетя поднимается!

Она и их ольховым посохом побила, они вверх все в крови ушли. Она приплыла к мысу реки на третьем круге верхнего мира. Кучки мелких деревьев стоят. Маленькие люди говорят:

— О, наша тетя плывет!

А она их тоже побила ольховым посохом. Ее как несло, так и дальше несет. Она к четвертому мысу прибыла.

— Наша тетя поднимается, наша тетя поднимается!

Она и их на берегу ольховым посохом побила. Ее вверх подняло. Она к пятому мысу подплыла. Стоит кучка мелкого леса.

— О, — ребятишки восклицают, — наша тетя поднимается!

Она их ольховым посохом побила и дальше понеслась. К шестому мысу приплыла.

— Наша тетя поднимается, наша тетя поднимается!

Она и этих тоже ольховым посохом побила и дальше поднимается. К седьмому мысу прибыла. Эт⁴ с котлом вошел в чум бога тепла, котел у входа поставил. На среднем месте Усесь сидел, ноги вперед вытянуты. Колмасам на его ноги села. Он ноги к себе подтянул, назад немного подвинулся, на свое место⁵. Два блюда с дальнего места снял⁶, на пол поставил, мяса из котла вычерпнул.

— Возьми, — говорит, — это корытце с мясом и моим родителям отнеси!

Колмасам схватила корытце, наружу выскочила, туда-сюда поглядела — чума никакого нет! Колмасам в какую-то сторону пошла, куда-то свернула, через дымовое отверстие невидимого чума вниз провалилась, на жердях повисла. Сколько она ни билась, на семи солнцах и лунах верхнего мира высохла⁷.

Старикам Ырохотам внизу снова холодно стало, а мороз все крепчал. На третий день старики догадались:

— Наверно, наша дочь-колмасам наверху что-нибудь плохое сотворила.

Ночью очень холодно стало. У стариков во всех углах чума ледяные сосульки образовались. Когда старики утром встали, трудно было огонь разжечь.

— Старушка, теперь мы совсем замерзнем!

Старуха ответила:

— Старик, Усесь, видно, вторую нашу дочь просит. Пожалуй, придется ее отдать.

Старик ответил:

— Ну куда мы денемся, ее отдадим.

Вечером они спать легли. А ночью-то как тепло стало! Старик старухе говорит:

— Мы оба мокрые.

Старуха воскликнула:

— Старик, мы и в самом деле насквозь промокли.

Когда старики встали, на переднем месте в чуме котел стоял. Старуха сказала:

— Ты видишь, старик, сверху котел спустился.

Потом они дочери сказали:

— Ну, садись в него!

Старуха дочери порсу в мешочек положила.

— Возьми, — говорит, — порсу. На твоём пути, на семи мысах маленькие верхние люди к тебе подходить будут, ты им долю побросай.

Девушка поднялась вверх. О, она поднимается, все поднимается! Впереди мыс появился.

— Э, наша новая тетка поднимается, поднимается, — маленькие люди говорят.

Девушка взяла из мешка порсу и разбросала ее. Они говорят:

— Это хорошая тетя.

Девушка все выше поднимается, добралась до седьмого круга. Чум ей образовался. С котлом она в чум попала, котел на пороге у входа остановился. На среднем месте мужчина сидит, его ноги вперед вытянуты. Девушка на него взглянула и сказала:

— Ноги подбери, вперед подвинься!

Она вылезла из котла и немного вперед подвинулась. Усесь два корытца снял, мясо из котла вычерпал. Девушка молча наблюдала, а потом спросила:

— Ты зачем на второе корытце еду кладешь? На противоположном месте в чуме никого же нет⁸.

А он корытце взял и сказал:

— На, — говорит, — отнеси родителям!

У нее слезы закапали.

— Я, — говорит, — никакого чума снаружи не видела.

А он ей говорит:

— Возьми корытце, отнеси родителям!

Она корытце взяла, вышла, на улице стоит, слезы у нее капаят. Оглянулась по сторонам, видит — в стороне из чума искры вылетают! Она обрадовалась, туда пошла, посмотрела, где вход, тихо вошла и возле очага корытце поставила.

Сидят старик со старухой, их головы уже совсем пожелтели. Старики обрадовались, что их сноха пришла. Девушка обратно ушла. Усесь и девушка переночевали. Утром что-то поели. Усесь из угла оленью шкуру достал.

— Ты мне, — говорит, — рукавицы сделай!

Она ответила:

— Я никогда еще рукавиц не делала.

А он говорит:

— Ты для меня сделай!⁹

Там внизу у ее родителей тепло стало. Усесь на охоту отправился. А девушка раздумывает: «Что я буду делать с этой немятой кожей¹⁰?»

Тут ей пришло в голову¹¹: «Отнесу-ка шкуру к бабушке! Она мне расскажет, как надо делать». Девушка шкуру взяла, в чум напротив к бабушке зашла, села возле старушки.

— Бабушка, — говорит, — как из этой шкуры сделать рукавицы? Я еще рукавиц не делала.

Старуха ответила:

— Поддай сюда!

Старуха шкуру взяла, под себя запихнула.

— Поищи вшей у меня на голове, — говорит.

Девушка начала искать.

Она какое-то время поискала, старуха другую половину головы к ней повернула. Девушка еще немного поискала, потом сказала:

— Хватит, бабушка, я домой пойду, он скоро с охоты вернется.

Старуха из-под себя готовые рукавицы вытащила, девушка их молча взяла. Как быстро они получились! Бабушка сказала:

— Внучка, ты ему не говори, что его мать их сделала!

Девушка ушла в свой чум. Немного погодя Усесь с охоты вернулся. Он оглянулся — на его месте к планке под тиской¹² новые рукавицы подвешены. Они переночевали. Утром он рукавицы надел, завязки завязал¹³, рукавицы хорошенько рассмотрел:

— Их вроде бы моя мать выкроила?

Девушка ничего не сказала. Усесь оленью шкуру снял.

— Теперь, — говорит, — ты мне парку сшей!

Сам на охоту отправился. А девушка думает: «Как же я парку сделаю, как же я ее сделаю? Но ведь теперь у меня бабушка есть!»

Она снова ушла в чум стариков.

— Бабушка, — говорит, — я совсем не знаю, как парку делать.

Старуха отвечает:

— Дай сюда шкуру!

Она ее опять под себя затолкнула и сказала:

— А ты мне, пока парка будет готова, в голове вшей поищи!

Девушка немного поискала, потом бабушка голову повернула. Девушка еще поискала и сказала:

— Хватит, бабушка, скоро стемнеет.

Старуха встала, из-под себя парку вытащила, внучке отдала:

— Ты не говори, что это его мать парку сделала!

Девушка домой отправилась. Усесь с охоты вернулся, они снова переночевали. Утром встали. Усесь парку внимательно рассматривает:

— Это же опять, похоже, ладонями моей матери сделано!

Девушка возразила:

— Разве твоя мать одна работать умеет?

Усесь с этой женой жить стал. А внизу у стариков Ырохотов как будто бы вечное лето настало.

Сказка¹⁴ про Усесья кончилась; господь бог пусть меня не накажет за то, что я ее рассказала.

41. Теплая сказка

Жили раньше люди. Рядом с ними кэлбэсам жила. В то время мороз очень сильный был. Люди котцы смотреть не могут, голодом сидят. Старик зайчиху посылает:

— Пойди к бабушке, спроси, чего человек¹ хочет, почему мороз такой сильный?

Зайчиха к бабушке пошла, спрашивает:

— Почему мороз такой сильный? Меня отец послал узнать.

Бабушка говорит:

— Усесь на твоей сестре жениться хочет.

Зайчиха пошла, по дороге все забыла, обратно пришла, ничего не помнит. Старик тогда лисицу послал. Лисица назад пришла:

— Усесь на нашей сестре жениться хочет. Старуха только велела сначала к ней зайти.

Кэлбэсам тем временем все слышит, думает: «Лучше я свою дочь пошлю».

Нарядила ее, отправила. Дочь кэлбэсам идет, видит: деревца молодые, кустики — дети солнца — прыгают, скачут, радуются:

— К нам наша тетя идет, к нам наша тетя идет!

Она их палкой колотит, сучки сшибает, ветки ломает.

Деревца кричат ей:

— Точило увидишь, проглоти его!

Девка в чум пришла, видит — точило лежит, она его проглотила. Огонь зажгла, сидит, ждет. Человек пришел с охоты, в чум зашел, спрашивает:

— Точило мое не видела?

Дочь кэлбэсам отвечает:

— Не видела я.

Человек сидел, сидел, стал ужин варить. Сварил, мясо на два деревянных блюда разделил, говорит девке:

— Старикам отнеси!

Та вышла: темно, ночь на дворе. Сама думает: «Где искать стариков буду?» Вывалила мясо в дупло пня, обратно пошла. Человеку сказала, что отнесла мясо. Поели они, спать легли. Утром тепло на земле стало — человек женился.

Кэлбэсам бегаёт, радуется:

— Моя дочь замуж вышла.

Наутро Усесь на охоту пошел, дал жене шкуру с оленьего лба, велел рукавицы сшить. Дочь кэлбэсам шкуру взяла, села на нее и давай с чума кататься. Один раз хорошо скатилась (чум каменный был), другой раз упала вниз головой, ноги кверху².

Так и осталась, пропала.

Усесь пришел, по следу узнал, что ему кэлбэсам вместо девки послали. Рассердился, совсем сильный мороз завернул.

Люди опять мерзнуть, голодать начали. Зайчиху, лисицу к старухе посылают. Зайчиха опять по дороге забыла все, что старуха ей наказывала. Лисица рассказала, что Усесь рассердился, потому что обманул его.

Стали девку собирать. Сначала она зашла к бабушке, как та велела. Бабушка ее вымыла, жиру дала, велела деревца подправлять. Пояс ей свой, вышитый бисером, дала, лыжи с посохом³. Пошла девка, идет, а елки прыгают, радуются:

— Наша тетя идет! Наша тетя идет!

Девка все сучки подправила, жиром смазала — елки, как были раньше, стоят. Деревца ей велели точило за тиску положить. Девка к чуму поднялась. Видит — жир висит, сушится. Точило лежит, она его на место за тиску положила, огонь разожгла.

Человек пришел, точило спрашивает; она дала. Он варить ужин стал. Мясо в два деревянных долбленных блюда положил, один отцам⁴ велел отнести. Она вышла, ночь на дворе, где искать стариков? Подумала: «Хоть бы искра где выскочила!»

Постояла, видит: правда, искра вылетела. Она пошла на огонек. Там чум стоит, старики живут. Мясо она в их блюдо переложила, сама обратно пошла.

Поели они, спать легли. Наутро тепло стало на земле. Утром Усесь на охоту собрался, дал ей лоб⁵, велел рукавицы сшить. Ушел. К девке его мать пришла, велела в голове вшей искать. Целый день невестка в голове искала, к вечеру говорит:

— Ну, ладно, хватит! Мне надо еще успеть рукавицы сшить.

Старуха поднялась, вынула из-под себя готовые рукавицы — она, оказывается, лоб под себя положила, когда сели в голове искать.

Старуха говорит:

— Муж придет, станет рукавицы смотреть, скажет: «Видно, мать моя шила». Ты ответь: «Разве другие бабы так шить не умеют?»

Девка так и сказала мужу. Стали они вместе жить. Усесь собрался к ее отцу в гости, жена гостинцы сестрам собирает, готовит. Спустился Усесь вниз, у стариков погостевал, домой назад собрался. Кэлбэсам услышала:

— Кынъ*, — говорит, — я ведь тоже дочь посылала, почему мне гостинцы не принес?

Стала гонять* она Усея. Он видит — сзади туча за ним поднимается. Жена наверху уже все знает. У него за чумом коксь оксь стоял, к нему волки были привязаны. К ушам волков веревки привязаны, которыми земля стянута. Жена уши выдернула, веревки на руки намотала, землю держит. Волки освободились, успели добежать, разорвали кэлбэсам. Назад волки вернулись, она снова уши всунула, веревки, которыми земля стягивалась, привязала. Дальше жить стали.

42. Бангсель

Старик Ыдахат живет. Сын его женат, у него уже ребенок есть.

Старик сыну однажды говорит:

— Пойдем лодку делать!

Они ушли, осину срубили, на части ее разрубили, одну лодку сделали.

Старик сыну говорит:

— Сделаем еще вторую! Ложись на дерево, свой рост смерть!¹

Он лег на дерево, старик ему шею перерубил, убил его. Старик доделал лодку и в воду ее толкнул. Во вторую лодку он сына положил, сам сел в другую лодку, а лодку с покойником сзади привязал. Старик уехал.

Бангсель² узнала и погналась за ним.

Вперед глядит — чум стоит. Она входит — старуха сидит.

— Бабушка, — она сказала, — пошамань мне. Отца моего сына³ старик куда-то увез.

Старуха сняла рыболовный крючок с одним жалом, в щучий пузырь жиру налила⁴ и сказала:

— На, если тебе есть захочется, пусть у тебя будет немного еды.

Старуха бубен для нее согрела⁵ и пошаманила.

Бангсель ушла, к другому чуму пришла, там тоже старуха сидит.

— Бабушка, пошамань мне! — сказала она ей. — Отца моего сына старик куда-то увез.

Старуха дала ей крючок с двумя жалами и щучий пузырь с жиром. Старуха согрела для нее два бубна.

Бангсель ушла, к третьему чуму подошла, вошла — старуха сидит.

— Бабушка, пошамань мне!

Старуха ей трехжальный крючок и щучий пузырь с жиром дала, три бубна согрела.

Бангсель ушла, в четвертый чум зашла — старуха сидит.

— Бабушка, пошамань мне!

Старуха четырехжальный крючок и щучий пузырь дала, четыре бубна согрела.

Бангсель ушла. Еще чум стоит. Она вошла — старуха сидит.

— Бабушка, пошамань мне!

Бабушка сняла пятижальный крючок и щучий пузырь, дала ей. Пять бубнов готовит, греет. Она ушла, а старуха запела — шаманить начала.

Еще чум стоит, она вошла — старуха сидит. Шесть бубнов старуха готовит.

— Бабушка, пошамань мне!

Старуха шестижальный крючок дала, шесть бубнов согрела. Старуха начала шаманить, а она ушла.

Еще чум стоит, она вошла — старуха сидит.

— Бабушка, пошамань мне!

Старуха семь бубнов приготовила, семижальный крючок дала, щучий пузырь дала, семь бубнов согрела. Старуха ей говорит:

— Внучка, иди до седьмого мыса, старик мимо будет проплывать. Ты с мыса удочку забрось и покойника зацепи.

Старик гребет. Бангсель ушла, на мысу села, одножальную удочку забросила. Старик один раз веслом взмахнул — и леска оборвалась. Она на втором мысу села, двухжальный крючок забросила. Старик два раза веслом взмахнул — и леска оборвалась. Она на третьем мысу села, трехжальный крючок забросила. Старик три раза веслом взмахнул — и леска оборвалась. Она на четвертом мысу села, четырехжальный крючок забросила. Старик четыре раза веслом взмахнул — и леска оборвалась. Она на пятом мысу села, пятижальный крючок забросила. Старик пять раз веслом взмахнул — и леска оборвалась.

Бангсель мысы враз перешагивает. Она на шестом мысу села, шестижальный крючок забросила. Старик шесть раз веслом взмахнул — и леска оборвалась. Бангсель мысы враз перешагивает. Она на седьмом мысу села, семижальный крючок забросила, покойника зацепила, и веревка у лодки с покойником оборвалась.

Старик забормотал что-то, он заметил, что лодка с покойником оторвалась. Бангсель мужа вытащила, над ним плакать начала, плакала, слеза в его ухо упала⁶. Он в себя пришел.

— О-о, — сказал он, — крепко же я спал. Кто меня разбудил?

— Поверь, не будь меня, старик убил бы тебя ни за что, — она ему ответила.

Они отправились в обратный путь. Дошли до старухи с семью бубнами. Старуха все еще шаманит.

— Бабушка, — она ей говорит, — перестань, сядь, отец сына мне достался!

Муж ей семь бубнов сделал и вокруг нее их поставил. Старуха хлопала по ним:

— Раньше они плохие были, теперь хороши!

Они к старухе с шестью бубнами пришли. Ее бубны сломались.

— Бабушка, успокойся, — сказала она, — отец сына мне достался!

Он сделал ей шесть бубнов. Старуха похлопала:

— Раньше плохие были, теперь хороши!

Они ушли, к старухе с пятью бубнами пришли. Ее бубны сломались.

— Бабушка, — она ей говорит, — успокойся, отец сына мне достался!

Он сделал пять бубнов. Старуха похлопала по ним:

— Раньше плохие были, теперь хороши!

Они ушли, к старухе с четырьмя бубнами пришли.

— Бабушка, — она ей говорит, — успокойся, отец сына мне достался!

Он изготовил четыре бубна. Старуха по ним похлопала:

— Раньше плохие были, теперь хороши!

Они ушли, к старухе с тремя бубнами пришли.

— Бабушка, успокойся, отец сына мне достался!

Он сделал три бубна. Старуха похлопала по ним:

— Раньше плохие были, теперь хороши!

Они ушли, к старухе с двумя бубнами пришли.

— Бабушка, успокойся, отец сына мне достался!

Он сделал ей два бубна, старуха похлопала по ним:

— Раньше плохие были, теперь хороши!

Они ушли, к старушке с одним бубном пришли. У этой старухи голос перехватило, она так только еще тряслась, голоса нет⁷.

— Бабушка, успокойся, отец сына мне достался!

Он сделал один бубен. Старуха похлопала по нему:

— Раньше плохой был, теперь хорош!

Они пошли домой, домой шли, домой пришли. Их чум во все стороны раздвинулся⁸ — раньше плохой был, теперь хорош!

43. Кэлбэсам

Старик с сыном жили. У них был котец. Каждое утро старик ходил черпать из котца. Раз пошел он черпать, видит: к котцу два разрисованных тойола прибились. Старик вверх по реке пошел посмотреть, откуда такие красивые тойолы взялись. Видит — на той стороне кэлбэсам сидит. Старик посмотрел на нее, обратно пошел. Пока домой добрался, весь вымок. Сын только подумал: «Отец ушел, век* ушел», а старик назад пришел. Отец говорит:

— Я хотел было котец черпать идти, спустился вниз, вижу — разрисованные короба стоят.

Сын к реке пошел, в ту сторону посмотрел, видит: кэлбэсам сидит на другом берегу. Парень к ней пошел, с собой привел, в жены взял. Стали жить. Сын у них родился. Старик захотел избавиться от сына, чтобы кэлбэсам в жены себе взять. Отправил он сына на край света на покойницких санках¹. Кэлбэсам ждет, ждет; муж ушел, век не появляется. Она через шею оленя прошла, олень запрягся².

Собралась она идти на низ*, в сторону, где маленькие люди живут³. Пришла к ним, зашла к одной бабушке, говорит:

— Бабушка, бабушка, не видела ли ты отца моего сына?

Старуха вышла, уду взяла, на прибрежный песок спустилась. Один крючок в воду забросила, веревка лопнула.

Кэлбэсам к другому чуму пошла. Вошла, спрашивает старуху:

— Бабушка, бабушка, ты отца моего сына не видела ли?

Старуха крючок с двумя шипами взяла, на берег спустилась, уду забросила. Веревка с крючком оборвалась.

Кэлбэсам дальше идет. К третьему чуму пришла, вошла, старухе говорит:

— Бабушка, бабушка, ты отца моего сына не видела ли?

Старуха пошла, на берег спустилась. Там маленький курган*. Сколько старуха ни бросала крючки, веревки обрываются.

Кэлбэсам дальше, к четвертому чуму пошла, спрашивает у старухи:

— Бабушка, бабушка, ты отца моего сына не видела ли?

Старуха уду забросила, веревки лопнули, крючки оборвались.

Кэлбэсам к пятому чуму идет, спрашивает:

— Бабушка, бабушка, ты отца моего сына не видела ли?

Старуха уду бросала-бросала; веревки лопнули, крючки оборвались.

Кэлбэсам к шестому чуму идет, спрашивает:

— Бабушка, бабушка, ты отца моего сына не видела ли?

Старуха удочки взяла, забросила. Крючки опять оборвались, веревки лопнули.

Кэлбэсам опять вниз по реке идет. К седьмому чуму, к Большой старухе⁴ пришла. Старуха крючки к реке понесла. Крючки забросила. Его к берегу принесло, уже умер. Старуха и кэлбэсам его понесли, запели⁵.

44. Дого

Дого наверх поднялся. Есь его пытается — правда ли, что он семью тысячами ходит¹, все исполнить может. Говорит:

— Птица такая летает, еккыт². Сможешь ли мне ее для еды принести?

Дого сходил, принес. Есь есть начал, кости в Дого кидает, ранить его хочет. Дого только увертывается. Тот кидает, а попасть не может. Дого кость на лету ловит, в Еся кидает, попадает — только кровь брызжет. Есь говорит:

— Я вспотел! Раз сила твоя больше, сходи к Тыгылам. У нее мой костяной сюк, принеси его. За это я тебе свою дочь отдам.

Дого рыбы взял, мяса, за пазуху затолкал, полетел.

Тыгылам в каменном доме живет. Дого летит; на земле люди — мужики, бабы. Некоторые узнают, кричат:

— Дого летит, встречайте его!

Берут поварешку, суп наливают, ставят за чистой стороной чума³. Рады ему. Дого думает: «Пусть их стойбище впредь растет, становится еще более многолюдным!»

Другие люди луки хватают, кричат:

— Зять Еся летит, стреляйте его!

Дого думает: «О-о-о, когда назад буду возвращаться, чтоб и корешков этих людей здесь не осталось; ни чума, ни землянки чтоб не было!»

Так по его воле все и стало.

К Тыгылам прилетел, ее волкам-сторожам еду бросил, сам в дом вошел. Тыгылам сидит на сюке, разложив на нем постель*, скоблит ее. У Дого с собой еккыт был. От него каменный дом накалился. Ей жарко стало, вспотела вся. Сидеть на сюке не может, скатилась с него — сюк гладкий стал. Дого сюк схватил, наружу выскочил, полетел. К Есю прилетел, сюк ему принес. Тот дочь ему отдал.

У него ли, у Еся, стал жить, вниз ли спустился — этого уж я не знаю.

45. Дог

Дог-старик надумал вверх идти¹. Когда земля подмерзать стала, своим людям сказал:

— Пора вверх отправляться.

Уквол² не хочет идти.

Дог своим людям сказал:

— Когда сверху, из той стороны, возвращаться станем, семь чумов поставьте. В седьмой чум лебедями залетим, людьми выйдем³.

Дог говорит:

— Мы вверх к югам* пойдем, к югам. Там наверху озеро с разноцветной водой есть. Мы в той стороне, возле того озера, как гуси, поживем. Там наверху перезимуем, весной назад вернемся.

Так Дог Укволу сказал. Оба поднялись в воздух, вверх лебедями полетели. Оставшиеся люди только их и видели.

Дог Укволу сказал:

— Товарищ, остерегайся! Смотри, чтобы тебя юги не убили.

Вот туда, где озеро, прилетели, на воду опустились. Уквол говорит:

— Сейчас к берегу поплыву, на берег выйду.

Дог предостерегает:

— Подожди, людские голоса слышно, где-то там люди есть.

Уквол:

— Как нам спастись?

Дог:

— Я поплыву на середину озера, там в глубину нырну.

Уквол:

— Я на берег выйду, там где-нибудь, повернувшись спиной к озеру, спрячусь.

Дог предупреждает:

— Товарищ, напрасно такое задумал, тебя собаки югов достанут!

Дог глубоко нырнул, потом всплыл. Оставаясь под водой, нос по середине озера высунул. Уквол нырнул, под водой к берегу поплыл. У берега вынырнул, на землю вышел, присел и затаих.

Появились собаки утиных людей — югов. Одна собака подкралась к Укволу, схватила его зубами. Убила его.

Дог в воде, ничего не подозревая, сидит.

Юги озеро на ветках* объезжают, говорят:

— Здесь где-то люди были, куда делись?

Еще ищут — нет и нет никого. Решили: «Хватит, теперь домой пойдем!»

Дог, тихонько раздвинув ряску, всплывает, отряхивается. От цветной воды его перышки золотыми, цветными стали.

Дог, перезимовав, шаманил, его слова до оставшихся внизу людей доходили.

У его людей ветер поднялся — это Дог назад возвращается. У людей семь чумов готовы. Сначала ветер поднялся, немного погода лебеди прилетели. Один лебедь прямо в седьмой чум влетел. Светлые люди* сидят, вдруг рядом маленький ребенок очутился. Стал расти. Догом стал. Люди спрашивают:

— А Уквол куда делся?

Дог говорит:

— Уквола собаки утиных людей съели. Я остерегал его, но он не послушал, все говорил: «Даром!* Ничего не будет!»

Люди Уквола⁴ не поверили Догу. Он сказал:

— Ладно, пусть я буду виноват. Осень наступит, с первыми заморозками шаманил буду.

Потом шаманил. Своим людям⁵ сказал:

— Мне здесь не поверили. Теперь зимовать наверх⁶ пойдем. Своих людей всех туда уведу. Кто не хочет, пусть остается. Наверху у Еся много рыбы! Там медный ельцовый⁷ котец есть.

Своих людей всех собрал:

— Наверху у нас всякой рыбы будет много.

Вот собираются⁸. Дог свою жену с собой взял. Вот шел, вот шел. Сверху оттуда послушал: на земле собаки лают, люди разговаривают. Там внизу много людей осталось.

По небесным облакам шел он со своими людьми. Шли, шли! Люди ему говорят:

— Это что за деревья стоят — оловянные, железные! Где мы теперь возьмем дров для костра?

— Найдем дрова, я поведу вас туда, где на ельчика котцы стоят. Вы только за мной идите.

Идет, сам вперед поглядывает. Вот шел, вот шел. Как по веревочке к нужному месту — к поднебесным котцам — вывел. Там и ночевать собрались. Люди семь чумов на дороге громов поставили. Дог сказал своим людям:

— Не бойтесь, это только дорога громов.

Сам тоже свой чум там поставил.

Гром загремел, закричал. Дог успокаивает:

— Не бойтесь, это я мать семи громов убил. Если еще крик услышите, это самый маленький гром кричит, потому что я его мать убил.

Люди далекий гром услышали, к Догу пришли, говорят:

— Гром приближается, слышно.

— Не бойтесь, это маленький гром кричит. Я его родителей убил.

Снаружи стоял прислоненный к чуму отказ* Дога. Половина наколенника его железная, половина — медная.

Дог говорит:

— Не бойтесь, дети мои, если маленький гром подойдет, я его отказом убью.

Гром все приближается. Люди плачут:

— Мы в огне сгорим!

— Не бойтесь, я убью его!

Немного погодя совсем близко подошел гром. Люди закричали:

— Мы в огне горим!

Дог хотел выйти из чума — кругом земля горит. Хотел отказ схватить — отказ горит. Дог только успел схватить своего сына и, приподняв тиску, сбросить его на землю. Все люди Дога сгорели. Сам он ушел еще дальше вверх. Там, где-то вверху, на облаках и теперь находится. Богом стал.

46. Про Дога

Дог жил, когда первый свет народился. Он шаманом был. На зиму, как лебедь, к Томам летал. Там зимовал в теплых краях. Когда возвращался, люди ему чум с двумя входами, один против другого, делали.

Дог с верхней стороны¹ влетает, с другой вылетает. Круг до солнца делает, снова в дверь сверху залетает. И так семь раз. Когда в седьмой раз залетел, жена на него новый белый платок накинула. Подняла платок — там человек живой, Дог.

Пока он вверху у Томам зимовал, у него сын умер. Он свою бабу спрашивает:

— Куда сын делся?

Она отвечает:

— Хоседам его утащила².

Он своим людям говорит:

— Сделайте мне петлю³ из железа.

Его люди поленились, петлю из черемухового лыка сделали. Он к Хоседам пошел.

Хоседам уже знает, что к ней Дог идет. Она над входом большой камень привязала, чтобы тот упал и убил Дога, когда он входить будет. У Дога на голове, на шаманской короне альдонь есть. Он им камень задел. Камень лопнул, только песок посыпался. Он Хоседам говорит:

— Зачем моего сына утащила?

Хоседам отвечает:

— Я не знала, что это твой сын.

Дог ей на шею петлю накинул, но затянуть не смог — петля не железная, лопнула. Тогда он ее своей лопаткой⁴ в висок ударил.

Хоседам ему говорит:

— К тебе семь оленей сверху спустятся, на них ты к Есю поднимешься⁵.

Дог не расслышал. Свою затылочную жену⁶ спрашивает:

— Что мать сказала?

Той свою мать, Хоседам, жалко, не сказала правду, обманула:

— Ничего она не сказала. Это ты ей больно сделал, она стонет.

Если бы Дог правду узнал, он бы вернулся, ее прикончил.

Потом, правда, семь оленей сверху спустились. Дог своим людям говорит:

— Аргишить будем.

Своей жене велел с собой только чистое белье брать. Потом аргишили. Он думал — по земле идут, а их тучей подняло вверх, где громы ходят. Лесом там идут.

Хоседам так сделала, что половина деревьев в том лесу железные. Дог этого не знал. Люди Дога топором стукнут — внизу люди тоже

стукнут. Поняли они, что на небо попали. Дрова рубить стали — не рубятся: деревья-то железные. Люди жалуется:

— Замерзаем, дров нет.

Дог пошаманил, сказал людям, какие деревья на дрова рубить надо.

Когда они поднимались на небо, нарта бабы Дога застряла: она не послушалась своего мужика, грязные штаны с собой взяла. Она нарту дернула, суклам нарты застряла. До сих пор торчит, иногда ее на небе видно.

Ночевали. Потом слышат — громы гремят⁷. У Дога и у его сына пальмы есть. Наконечник пальмы у сына — из меди. А ведь еще раньше Дог велел своим людям железные наконечники делать. Дог шесть маленьких громов убил. Слышит — вдалеке опять гремит. Это Мать громов тихонько идет. Люди Догу говорят:

— Самый большой гром идет!

Дог отвечает:

— Даже думать не хочу, не боюсь!

Мать громов подошла. Дог схватил пальму сына, а наконечник-то ее медный, он и расплавился. Люди Дога погибать стали. Когда чум Дога загорелся, он берестяную покрывку приподнял, своего сына в гагарью шкуру толкнул:

— Лети вниз! Там, где сосновая река, Кокн ульс⁸, твое место.

Но сын не на эту реку, а на Сым полетел, упал. Там тоже сосновый бор есть, он перепутал. На Сыме другие люди — югин — есть. Он к ним на озеро прилетел. Они его гонять* на ветках стали. Он нырнет, вынырнет, кричит:

— Не убивайте меня, я сын Дога, мне надо было в Келлог упасть!

Юги не понимают его языка. Только один старик кричит:

— Не убивайте! Это человек, сын Дога!

Юги, знай, гоняют. Сын Дога говорит:

— Если меня убьете, сами погибнете!

Юги его убили. Подняли гагару, она тяжелая, распороли — там все медное⁹. Поняли они, что это не птица, а человек, сын Дога был. На утро один тот старик встал — остальные мертвые. Так все юги и пропали.

Если бы сын Дога жив остался, он бы за отца Хоседам убил и наш народ не кончался, большой был бы, а то всех перетаскала. Сын бы шкуру гагары отбросил, человеком бы стал.

47. Как Дог ходил убивать Хоседам

Дог решил отправиться вверх по Енисею в жаркие страны. Он своей жене сказал:

— Я с перелетными птицами вместе отправлюсь, на будущий год с ними весной домой вернусь.

Он для себя отдельный чум соорудил, в передней части чума большую тиску настелил¹. Дог улетел с перелетными птицами.

Сколько-то месяцев спустя сын Дога заболел. Хотя шаманы его и лечили, он все же умер.

Весной перелетные птицы прилетать начали. Дог тоже вернулся, мухой через дымовое отверстие в чум заскочил, на берестяную подстилку в передней части чума сел. Муха жужжит.

Люди снаружи слышат жужжание мухи.

— Где, — они говорят, — муха так сильно жужжит?

Жена Дога догадалась, что муж вернулся.

Люди слышат слова Дога, похожие на детский лепет. Они тихонько берестяную дверь откинули, вошли сколько их было. Дог шаманить начинает, сначала на маленького ребенка похож, потом растет.

Дог ожил², сел, стал говорить:

— Мой бубен нагрейте!

Они нагрели, и Дог начал петь. Он шаманил полдня, к своей жене повернулся и спросил:

— Куда мой сын ушел?

Жена ответила:

— Он умер.

А он как шаманил, так и дальше шаманит.

— Небесного бога жена его съела, — он говорит. — Я схожу и убью Хоседам.

Людам он приказал:

— Завтра куйте, железное кольцо и железный молот сделайте!

Люди изготовили деревянный ошейник, из еловых веток кольцо сделали, деревянный молот сделали. Дог спрашивает:

— Не сломается ли это?

Люди отвечают:

— Нет. Она разве железная? Она тоже, как и мы здесь, не из железа сделана.

Дог сказал:

— Ну ладно, пусть будет по-вашему.

Он отправился вниз по Енисею к жене бога. На следующий день Дог отправился, все время шаманя. Хоседам у себя внизу узнала и свой большой игральный камень³ у входа к дверной перекладине подвязала.

Дог вошел в чум Кынси⁴. Игральный камень старухи ударил его по макушке, камень пополам раскололся, шаманская корона Дога его разбила⁵.

Дог вперед прошел. Старуха Кынсь на маленьком месте в чуме⁶ сидит.

— Бабушка, — он спросил, — ты моего сына съела?

— Внучек, я нечаянно его съела, я думала, что это сын другого человека.

Дог ей сказал:

— Разве для того Есь тебя вниз послал, чтобы ты человеческое мясо ела?

— Внучек, не трогай меня, не трогай!

Дог надел старухе на шею кольцо, прижал его так, что из ее рта пена пошла. Старуха свое горло надула, и кольцо лопнуло.

Дог старуху молотом по виску ударил, рукоятка прочь отлетела. Дог только поглядел на землю: «Хорошие же ошейники мои люди сделали!»

У старухи слезы закапали. Дог рассердился, лопаткой бубна⁷ по виску старуху ударил — след от удара остался.

Он направился к выходу.

Походная жена Дога⁸ сказала Кынси:

— Бабушка, вслед ему поколдуй!

— Ты сильнее, сильнее; когда отсюда уйдешь и домой придешь, пусть для тебя стадо в сто голов оленей спустится!⁹

Дог повернулся к своей походной жене-чертовке:

— Что бабушка говорит? — спрашивает.

— Ну тебя, — она отвечает, — старуха слабая, про себя что-то бормочет.

Дог вперед шагнул, сказал:

— Старуха что-то говорит. Я к ней вернусь.

Походная жена его за локоть схватила:

— Ну хватит, — говорит, — бабушку не тронь!

Дог домой отправился, домой пришел в свой чум.

48. Как Дог с громами воевал

Люди собираются на большую ходьбу*. Дог женщинам сказал:

— Грязные лоскутки не кладите в свои коробки-игольницы!

Люди нарты снарядили и отправились — нарта за нартой. Жена Дога какой-то грязный лоскуток¹ в свою швейную коробку все же положила.

Люди весь день аргишили, весь день вверх поднимались. Они подошли к плоскому логу. Нарта жены Дога застряла на всегдашней дорожке громов. Хоть она и пыталась ее вытащить, нарта навсегда там как прилипла. Люди попробовали, а она с места даже не сдвинулась.

Люди говорят:

— Уже начало вечереть, хватит нам идти.

Дог сказал:

— Место для сооружения ям² поищите!

Люди жилие соорудили и собрались за дровами. Люди начали дрова заготовлять. Как только дерево топором ударят, оно гремит. Другое дерево попробовали.

— Все эти деревья, — они сказали, — из железа.

Люди к Догу подошли:

— Куда мы пришли, чем мы будем огонь разводить? Все деревья из железа!

Какие-то обломки сучьев они собрали и огонь зажгли. Дог приказал:

— Мой бубен нагрейте!

Дог начал шаманский плач³. Шаманил, шаманил и людям говорит:

— Половина у этих деревьев деревянной стала⁴. Хоседам меня ведь проклинала, стоголовое стадо оленей для нас спустила. Это она нас на небо отправила. Заготовьте дрова, деревянную половину клином обдерите⁵. Теперь, — он говорит, — тут зимовать будем.

Они там зимовали, стоголовое стадо оленей съели.

Весной бог тепла⁶ с юга пришел. Где-то гром зевает⁷ и искры из рта выпускает. Громовая туча поднимается, немного погромела, к ним приближается. Гром сильнее прогремел, сильнее искры выпускает.

Люди говорят:

— Дог, громы к нам сюда подходят!

Дог отвечает:

— Ну и пусть подходят.

Гром так дохнул, что огонь всю землю охватил.

Дог схватил свою рогатину, выскочил и громов перебил. Зашел в свой чум и рогатину к жерди чума приставил.

Немного погодя гром опять загремел. Люди говорят:

— Дог, громы снова идут!

Дог сказал:

— Мы ведь как раз на дороге громов застряли!

Гром приблизился, опять дохнул так, что вся земля в огне запылала. Дог схватил свою рогатину, выскочил, бил ее⁸, бил, и огонь ушел. Дог вернулся.

— Теперь, — говорит, — их больше нет, теперь нам будет легче!

Некоторое время спустя где-то в углу небосвода едва слышно прозвучал раскат грома. Люди говорят:

— Снова гром поднимается!

Дог сказал:

— Где-то громчик-сиротка поднимается.

Маленький гром, зевая, приблизился. Люди говорят:

— Совсем уже близко подошел!

Дог сказал:

— Ну и пусть подходит сиротка-громчик, она никуда не уйдет.

Люди говорят:

— Уж очень большая она, видно.

Дог ответил:

— Ну ничего, эта негодяйка только вблизи большой кажется.

Молния ударила в землю. Дог нечаянно схватил рогатину сына, у которой была медная шейка. Он два раза ею ударил, и громовой огонь расплавил ее медную шейку. Тут всех людей жарящий огонь грома съел.

Дог торопливо кинулся в чум, с передней олатины гагару сдернул⁹ и сыну сказал:

— В оболочке гагары спущу я тебя вниз. Смотри, чтобы ты попал на сосновую речку! Скажи им там, что нас наверху жарящий огонь громов съел.

49. Гагара

Старик со старухой жили, сын у них был. Однажды старик сказал:

— Мы пойдем на небосвод. Грязное белье с собой не бери, — своей старухе он говорит, — а то нам плохо будет.

Пошли они к богу наверх. С семьей своей пошел он на небосвод. Шли они, шли, ночь настала. На середине небосвода громы загремели. Они чум поставили.

— О-о, громы загремели! Я тебе говорил: грязное белье не бери. Где же моя рогатина?

Он взял рогатину.

— Тучу рубить буду. Да это ведь не моя рогатина, это рогатина моего сына!

Старуха его и сын кричат:

— О-о, теперь огонь нас съест!

Старик кричит:

— О-о, своего сына через передний угол чума¹ сброшу вниз. По моему желанию ты теперь гагарой обернешься.

Он сбросил его; сын его в устье Сыма упал. Его отец сказал:

— О-о, не там я сбросил своего сына.

Старика и его старуху огонь съел. Их сын упал в воду и обернулся гагарой. В устье Сыма было много людей.

— Эй вы, люди, скажите, где моя земля?

Люди говорят:

— Это литься² кричит.

Гагара:

— Люди, скажите, где моя земля?

Люди говорят:

— Стреляйте его, стреляйте его!

Гагара кричит:

— Не стреляйте, я низовского человека³ сын, с отцом на небосводе был.

Одни люди кричат:

— Не стреляйте его!

Другие люди кричат:

— Стреляйте его, стреляйте его!

Гагара тогда сказала:

— Впредь пусть только один человек останется и одна собака останется, раз мою землю так мне и не показали.

Люди убили его. Теперь кетов мало стало, гагара всех уничтожила. С тех пор гагару грешно есть, кеты не едят гагару.

50. Дог

Когда война кончилась, мало людей осталось. И все продолжают умирать. Внизу, на каменной стороне¹, Хоседам живет, это она народ губит. Дог большим шаманом был, людям говорит:

— Делайте, как я велю. Сначала скуйте мне железное кольцо и молоток с железным черенком, стрелы железные сделайте.

Люди несколько дней ковали, но плохо. Дог уже об этом знает. Люди кольцо такое сделали, что половина его медная, половина — железная. У молотка черенок тоже наполовину железный, наполовину медный. Пришлось все-таки такие взять; ушел Дог. Пошел Дог на низ*, к Хоседам. Она, как камень, тяжелая. Несколько дверей открыл — старуха сидит, спрашивает:

— Откуда, сыночек, пришел?

— Я к тебе пришел; люди кричат, что Хоседам и ее литысь² нас всех губят, вот я и решил прийти.

Надел он ей на шею железное кольцо, хотел молотком стукнуть. Молоток полетел — Дог даже и не увидел; медь расплавилась.

Он снова хотел стукнуть, но сломалось кольцо. Пришлось обратно идти. Людям сказал:

— Не смог я вас освободить. Впредь умирать будете, пропадать. Она тянуть вас к себе будет, раз худо мою просьбу выполнили.

Сам решил: «Ну, я здесь, на земле, больше жить не буду, наверх поднимусь».

Людям велел отказ железный сделать, альдонь железный сделать. Люди опять обманули шамана — в черенок меди добавили, но железа больше половины оставили. Взял Дог, людям своим сказал:

— Кто спастись от Хоседам хочет, за мной наверх идите. Худые вещи с собой не берите, только чистую одежду.

Подниматься с народом на небо стал, там громы гремят. Поднимаются, поднимаются — силы не хватает. Те, кто сзади, идти не могут, как кто привязал их. Оказывается, баба Дога взяла с собой свои грязные штаны. Он отрубил веревку ее нарты, баба его вниз упала. Дальше идут, люди устали, кричат:

— Куда нас Дог ведет?

Тучи навстречу, громы идут! Он их отказом, саблей рубит — как никого и не было. Сам век* идет, поднимается. На тучу саблей махнет — ничего нет, сам дальше идет.

Люди кричат:

— С голоду умрем, дров нет, хоть бы остановился!

Видят люди — лес стоит, деревья наполовину из железа, наполовину из дерева. Люди рубят — не получается, жалуются:

— Куда нас Дог завел!

Все же деревянную половину леса срубили. Дальше идут. Дог с тучами воюет: саблей махнет — только искры летят. Последняя туча самая крепкая была, на ней сабля поломалась из-за обмана людей. Люди все там и остались. Из-за своего обмана остались.

Те люди, что на земле остались, умирают. Раньше не умирали ведь! Плачут. Есь слышит — люди на земле плачут. Сына послал узнать, почему люди плачут. Сын вернулся.

— Там люди умирают, оттого плачут.

Есь опять сына на землю посылает, наказ дает:

— Пусть люди мертвых на лабаз кладут, семь дней пусть умершие там лежат, потом оживать будут³.

Сын пришел к людям. Люди плачут:

— У нас человек умер!

Он им говорит:

— Отец велел так: землю копайте на семь сажень, человека туда опускайте.

Сам ушел.

Есь уже знает, что сын обманул людей. Сын пришел, люди внизу опять плачут. Он сына спрашивает:

— Ты ведь ходил к людям, передал им, что я велел?

Сын говорит:

— Передал.

Есь сам пошел, увидел, что сын его обманул. Люди пропадают. Рассердился Есь:

— Ну пусть теперь всегда так будет!

А сына за обман вниз спустил:

— Где упадешь, собакой будешь, подачками от человека жить будешь, калом его питаться.

Дог своего сына гагарой спустил, но люди не разобрались, убили. Все, кто ел гагару, все умерли. Старики же предупреждали: зачем гоняете, это Дога сын!

Сам Дог, когда на землю спуститься хотел, велел собакам рты завязать, чтобы не лаяли. Он на лебедь спускался; когда уже близко подлетел, одна собака залаяла — он наверх вернулся⁴. С тех пор на небе.

51. Дог

Жил Дог. Люди на охоту ходили. Пока Дог на охоту ходил, его сын умер. С охоты пришел; он жену спросил:

— Где ребенок?

Ребенок умер, мертвый ребенок лежит. Дог надел шаманскую одежду и стал шаманить. Пошаманил. Людям сказал:

— Найдите железный молоток и железное кольцо.

Люди говорят: «Он сам бог, пусть сам железный молоток и железное кольцо делает».

За старухой¹ пошел. К старухе пришел, в чум вошел. Ребенок, поддетый на рожень, лежит. Он вошел и кольцо через голову ей на шею надел. Молотком по голове стукнул. Молоток сломался, и кольцо лопнуло. Старуха отвернулась, ребенка схватила, съела. Дог наружу вышел, а старуха ему вслед сказала:

— Пусть вверху тебе сладкие ельцовые котцы будут! Чтоб ты застрял на дороге громов!²

Обернулся:

— Бабушка, что ты сказала?

Пошел, домой пошел. Пришел домой. Там ребенок, мертвый ребенок лежит. Он пришел домой, пожил — все еще осень.

— Старуха, мы, — говорит, — скоро к Есю пойдём. На небе есть сладкий котец ельцовый.

Старуха ему сказала:

— Откуда на небе ельцовый котец?

Он к соседям пошел. К соседям сходил. Он им сказал:

— К Есю пойдём.

Он пошаманил. Его родственники с ним пошли. Он пошаманил, пошаманил, чтобы туча приземлилась. Нужные вещи люди на нарты положили. Он сказал:

— Старые вещи не надо брать. Только новые вещи берите.

Туча приземлилась. Люди ехать собрались, собак в нарты запрягли. Его старуха у задней стенки нарты свои старые штаны положила. Едут, отдыхают. Собачий лай внизу затихает, собачий лай вверху затихает.

Аргишили, небо потемнело, они остановились на ночевку. Хотели чумы строить, но деревья вокруг все железные оказались. Они Догу говорят:

— Деревья железные. Ты куда нас привел? Деревья все железные. Мы без огня замерзнем, с голоду умрем.

Он сел на нарты, спел немного³.

— Теперь, — говорит, — идите, половинки железных деревьев обычными сделались.

Половинки деревьев настоящими стали. Из этих половин чумы сделали и костер развели. Переночевали. Утром встали, таять начало. Догу говорят:

— Куда мы пойдём, таять начало!

Сидели, сидели, гром загремел. Старуха старику говорит:

— Старик, гром приближается, будь осторожен.

— Да ну, где-то далеко гром гремит.

— Старик, что сидишь? Гром гремит!

Старик даже внимания на нее не обратил. Гром пришел, не загремел еще. Дог вскочил, схватил пальму, собрался ударить, гром латунное кольцо пальмы расплавил. Чумище⁴ сгорело.

Дог сына вниз спустил. Сыну говорит:

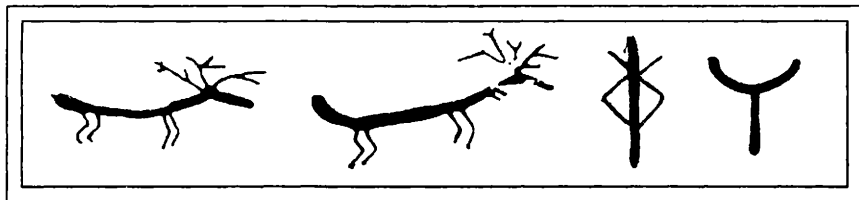
— Боровую речку получай.

Сын вниз спустился, приземлился на Сыме. В гагару превратился, крикнул, люди выскочили. В него стали из луков стрелять. Он говорит:

— Не трогайте меня, где боровая речка, мне скажите. Не трогайте. У меня нет мяса, я ведь из бронзы. Не трогайте меня! Меня отец вниз спустил, чтобы я в боровой речке оказался.

Они стреляли стрелами, не могли убить его. Стрелы намазали калом, этими стрелами убили его. К нему подплыли, подняли его, а это бронзовый комок.

Сына Дога убили. Все люди забеременели, мужчины умерли, остались одни женщины⁵. Потому юги все вымерли.

ЛЕГЕНДЫ, БЫТОВЫЕ РАССКАЗЫ, ПОУЧЕНИЯ

52. Невидимый человек

На небе тоже люди живут. Там такой же лес есть, березы стоят. Один человек там на охоту ходил, на своем олене верхом ездил. Вот он оленя к дереву привязал, свой лук и отказ* к березе прислонил, сам пошел. В одном месте земля будто треснула, он шагнул и вниз упал. Олень наверху остался. Три года человек лежал неподвижный, как дерево. Ноги не шевелятся, сам живой. Землеройки, мыши краем озера корешки всякие, семена ему собирают. Он ест, этим и живет. Зиму, лето живет. Третий год проходит. Он тех землероек не видит, в рот еда попадает, он глотает.

Три года травой питался, поднялся, ходить начал. Вот слышит — где-то шаманский бубен гремит. Он туда пошел. На каменной стороне* дело было. Там тунгусы новый бубен делали¹; народу много собралось. Он дверь чума открыл, вошел. Люди его не видят.

У того шамана была младшая сестра. Человек, с неба упавший, ущипнул ее за ляжку. Девка упала без памяти. Шаман стал шаманить, чтобы ее оживить. Почему она умерла, понять не может. Шаманил, шаманил — ничего не добился. Говорит:

— Сходите к осяткам за большим шаманом Догом. Пусть он шаманит!

Привезли того, он шаманить стал. Людям говорит:

— Вы чего смотрите, у вас человек сидит, не видите разве?

Дог бросил свою колотушку туда, где невидимый человек сидел. Стали этого человека спрашивать про девку. Он сказал:

— Она три дня пролежит мертвой, как я три года неподвижным лежал. Не шамань зря! Так случилось, что я людям показался. А вот как обратно попаду, кто меня на небо поднимет?

Тунгусу-шаману сказал:

— Погоди маленько, сестра твоя сама встанет.

Догу сказал:

— Ты меня обнаружил, ты и уведи!

Дог тунгусу сказал:

— Если сестру жалеешь, дай семь черных и двух белых оленей!

Тех оленей на веревке тут же привели. Дог как бубен держал, так на белого оленя вскочил, черных привязал за собой; на последнем, белом олене человек сидит. Идут, идут, незаметно вверх поднялись. Там, где он вниз провалился, на этом месте и оказались. Три года прошло, а олень как стоял привязанным, так и стоит. Дог-шаман черными оленями щель закрыл, белых с собой взял², на землю ушел. Тех белых оленей тунгус Догу отдал.

Через два года Дог шаманит, людям говорит:

— Меня тот человек с неба зимовать к себе зовет.

Брат Дога говорит:

— Как пойдешь, как попадешь туда?

Жена Дога собак собирает, чтобы аргишить. Дог жене сказал:

— Собак не бери, не надо; так зимовать будем.

Жена не соглашается:

— Как на себе потащим?

Аргишили. Летом на земле люди чум ставят, елки для шестов руют, слышат — наверху, на небе, Дог разговаривает.

Дог с женой ночевали. Второй день снова аргишили, а дальше не могли идти — из-за собак путь вперед оказался для них закрыт. А тот человек с неба их не встретил.

Там наверху мудреные* люди живут, может, у них собак нет. Здесь люди грешные. Из-за собак все случилось. Так Дог там и остался. Сына же своего он в гагарий мешок посадил, на землю спустил. Его ветром на Сыем отнесло. Там люди подумали, что гагара летит; стрелять собрались. Один старик-шаман говорит:

— Не убивайте, это Дога сын!

— Нет, — говорят, — это гагара!

Убили, съели. Все люди, евшие гагару, умерли; один старик, тот, что не ел, остался.

53. Про упавшего вниз человека

Наш человек по белому свету ходил, в яму попал. Внизу там — земля, небо свое, люди ходят. Пришел человек к людям в чум, говорит:

— Дайте мне поесть!

А они не видят его, им слышится, что огонь говорит: «Чуккыт, чуккыт!»

Дров в огонь подбрасывают. Наш человек уголь есть не может. Снова попросил он еды, а людям кажется — огонь трещит. Необычно трещит — чуккыт, чуккыт! Люди шамана позвали, чтобы узнать, почему огонь так трещит. Шаман шаманил, узнал, что человек сверху упал. Говорит:

— Он есть просит, а вам слышится — огонь трещит.

Велел оленя забить. Привели оленя, забили, мясо сварили. Человек поел оленьего мяса. Его не видят, один шаман видит его. Человек сказал:

— Я наелся.

Шаман своим людям говорит:

— Он наелся.

Другим слышится — будто огонь трещит. Шаман говорит:

— Здесь этот человек жить не может. Забейте белого оленя!

Белого оленя привели, забили, шкуру сняли. Человека того в шкуру белого оленя завернули, посадили. Шаман его наверх поднял¹.

Человек, откуда упал, там и оказался.

54. Про тунгуса

Тунгус жил, баба его и он сам. Оленей хорошо держал, много было оленей у него. Раз краем речки пошел оленей своих искать. Навстречу кто-то идет, вроде бы человек. Спрашивает:

— Куда идешь?

— Оленчиков ищу.

— Оставь их, они сами потом придут. Пока ко мне пойдем.

— Зачем я пойду? Здесь останусь!

— Нет, со мной вверх на небо поднимемся.

Тунгусу чудится, будто коленки его поднялись. На чистое место вышли. Чум стоит. Вошли. Тот проходит, как будто народ распахивает. Народу, видно, много. Тунгус прямо идет, никого не видит. Потом поели. Тунгус не видит, откуда чашки взялись. Тот говорит:

— Давай теперь пойдем вниз посмотрим.

Видят — на земле человек на оленьей упряжке едет. Олени закружили, задурили. Человек так сильно хореом ударил, что у оленей кровь пошла. Тот тунгусу говорит:

— Видишь, оленей бьете, мне все видно. Дальше смотри!

Видят — чум стоит; человек больной лежит. Шаман его лечил, но все равно тот человек умер. Он оленей бил.

Три калачика дал тунгусу со словами:

— Домой их возьми, до конца не ешь, хлеб у тебя всегда будет!

Тунгус думает: «Как домой теперь попаду?»

Вдруг покатился и на ту дорогу упал, где они встретились. В чум к старухе пришел — олени дома.

55. О шамане

Когда-то очень давно жил великий шаман на берегу реки Елогуй. Если кто-нибудь заболел, люди ходили к нему. Люди его просили:

— Пошамань для нас, наш человек очень болен!

Для шамана делали большой чум. И в нем для очень больного человека он по три дня шаманил. На третий день больной выздоравливал.

Однажды в эти места пришла великая болезнь¹. Люди стали умирать. Шаман увидел ее в облике женщины. Шаман захотел ее поймать. Он спрятался от нее, как будто умер. Старухе сказал:

— Если кони придут, колокольчики зазвенят, дверь не открывай, накройся с головой и сиди.

Кони пришли, колокольчики зазвенели, старуха наружу выглянула — никаких коней нет. А старик как лежал, так и умер. Внезапно сильный ветер налетел, чум старика ветер разнес, все засыпало песком. Когда ветер стих, люди пришли, ничего не нашли на месте чума.

С тех пор на этом песке люди никогда не останавливаются на ночевку.

56. Кайгусь верховья реки

Жил-был кайгусь верховья реки. Он спустился вниз к людям, у людей он женщину взял, чтобы на ней жениться; он эту женщину и увел. С этой женщиной они вырастили сына, их сын был медведь. Когда он вырос, он сказал:

— Отец, ты от людей маму привел, я тоже схожу к людям за человеком, я к людям пойду за женщиной.

Отец ему сказал:

— Сынок, лучше не ходи, силы у тебя мало, люди тебя убьют.

А он ответил:

— Меня не убьют.

Отец сказал:

— Сынок, сходи вниз, мои семь шагов по отпечаткам пройди¹, если их пройдешь, то, наверно, и вниз к людям сможешь дойти.

Он побежал вниз — ступал по следам отца. Шесть шагов прошел, а до седьмого не дошел. Он назад вернулся, домой пришел. Отец его спрашивает:

— Сынок, ну как, все следы прошел?

— Да, — ответил он, — прошел.

Своего отца он обманул.

— А ты, — он спрашивает, — как мать увел?

Ну вот, он идти собирается.

Отец ему говорит:

— Сынок, люди тебя убьют, не ходи лучше!

Он слов отца не послушался и вниз отправился. Он взял связку в сто штук бурундучьих шкурок, связку горностаевых шкурок, связку шкурок колонка, связку беличьих шкурок, связку соболиных шкурок, связку заячьих шкурок, связку волчьих шкур и связку росомашьих шкур. Потом он отправился вниз.

Бурундук на кучке земли, вырытой из норы, сидит. Он спрашивает:

— Кайгусь верховья реки, куда ты идешь?

— Я, — говорит, — к людям за человеком пошел.

Бурундук сказал:

— Кайгусь верховья реки, не ходи, люди тебя убьют.

— Нет, — сказал кайгусь, — люди меня не убьют.

— Люди тебя убьют, — сказал бурундук, — ребра твои свяжут саргой и со сплетенными ребрами тебя обратно отпустят. Эх, как ребра стучать будут!

А он сказал:

— Меня люди не убьют.

Он пошел дальше и от бурундука к горностаю пришел.

Горностай спросил:

— Кайгусь с верховья реки, куда ты идешь?

— Я, — говорит, — к людям за человеком отправился.

Горностай ему сказал:

— Кайгусь, не ходи, люди тебя убьют, саргой ребра свяжут и так тебя обратно отпустят. Как ребра стучать будут!

Горностай ему говорит:

— Люди тебя убьют.

Он вперед зашагал, дальше пошел. Глядит — впереди колонок на кочке сидит. Он к нему подошел.

— Кайгусь с верховья реки, — тот спрашивает, — куда ты идешь?

— Я, — говорит, — к людям за человеком иду.

А колонок говорит:

— К людям не ходи, они тебя убьют, саргой твои ребра свяжут и так обратно отпустят.

— Меня, — ответил он, — люди не убьют.

А колонок ему говорит:

— Люди тебя убьют и со сплетенными ребрами домой отпустят.
Как ребра стучать будут!

Он ответил:

— Люди меня не убьют.

Он дальше идет, вперед глядит — белка на кочке сидит. Она спрашивает его:

— Кайгусь, куда ты идешь?

— Я, — говорит он, — к людям за человеком иду.

— Люди тебя убьют, — сказала она, — со сплетенными ребрами
обратно отпустят. Как они стучать будут!

— Меня, — возразил он, — люди не убьют.

Он пошел вперед, глядит — соболь на кочке сидит и спрашивает:

— Кайгусь с верховья реки, куда ты идешь?

Он отвечает:

— Я к людям за человеком иду.

Соболь ему говорит:

— Люди тебя убьют, со сплетенными ребрами обратно отпустят.
Как они стучать будут!

— Меня, — он сказал, — люди не убьют.

Он вперед зашагал, дальше пошел. Заяц на кочке сидит. Он к зайцу
пришел. Заяц спрашивает:

— Куда идешь?

— Я, — он отвечает, — к людям за человеком иду.

Заяц говорит:

— Люди тебя убьют, со сплетенными ребрами обратно отпустят.
Как ребра стучать будут!

А он отвечает:

— Меня люди не убьют!

И дальше пошел.

Песец на кочке сидит и говорит:

— Кайгусь, ты куда идешь?

— Я, — говорит, — к людям за человеком иду.

— Люди тебя убьют, — песец говорит, — со сплетенными ребрами
обратно отпустят. Как ребра стучать будут!

Пошел он дальше. Теперь лисица на кочке сидит, спрашивает:

— Кайгусь, ты куда идешь?

— Я к людям за человеком иду.

Она сказала:

— Люди тебя убьют, они тебя обратно отпустят, сплетенные сар-
гой ребра стучать будут.

А он сказал:

— Меня люди не убьют.

И вперед зашагал.

Там дальше волк на кочке сидит. Он сказал:

— Кайгусь, куда ты идешь?

— Я к людям за человеком иду.

Волк ему сказал:

— Люди тебя убьют, со сплетенными ребрами обратно отпустят.
Как ребра звенеть будут!

Кайгусь ответил:

— Меня люди не убьют.

Он дальше шагает. Вперед идет. Росомаха на кочке сидит и ему говорит:

— Кайгусь, ты куда идешь?

— Я, — отвечает, — к людям за человеком иду.

— Кайгусь, — сказала росомаха, — люди тебя убьют, со сплетенными ребрами обратно отпустят. Как ребра стучать будут!

А он ответил:

— Меня люди не убьют!

У края черного леса² он спустился к стойбищу, к чуму старика, у которого была одна дочь. Был уже вечер, темнеть стало.

Старик своей дочери сказал, чтобы она за водой сходила.

А она говорит:

— Я за водою вниз схожу!

Ее мать говорит:

— Утром сходи!

Она говорит:

— Вечером схожу!

Кайгусь поджидает ее.

Она отправилась вниз, туясы взяла, чтобы воды набрать. Из проруби воду зачерпнула, а когда стала в чум возвращаться, он ее и поймал.

— Ты не бойся, — сказал он, — я тоже человек. Кайгусь с верховья реки.

Он ее на спину вскинул и понес.

Старик сидел, сидел — нет его дочери, не возвращается.

— Старуха, сходи вниз, — сказал он, — узнай, куда дочь ушла.

Старуха спустилась вниз — только пустые туясы для воды стоят. Старуха их взяла и унесла.

Старик спрашивает:

— Куда дочка ушла?

Старуха ответила:

— Нет ее, только пустые туясы стоят, я их домой принесла.

Старик ей говорит:

— В соседний чум сходи!

Старуха на стойбище спрашивала, спрашивала — люди отвечали, что ее нет. Старики переночевали. Наступило утро. Старик сам пошел. Медведь, оказывается, ходил. Видно, что медведь ее взял и унес³.

Пошел старик в соседний чум.

— Дочь, видно, медведь унес. Наточите рогадины! — сказал он людям.

Люди наточили рогадины и, сердитые, погнались за ним. Они его гоняют*.

Шли-шли, шли-шли, а медведь узнал, что за ним гонятся.

— Я, — сказал он, — человек, а люди меня гонять стали!

Гоняют они его. Он связку бурундучьих шкурок бросил.

Пришел старик туда, где медведь связку бурундучьих шкурок оставил. Люди говорят:

— Дед, связка бурундучьих шкурок лежит!

Он дальше пошел. И они пошли, гонят медведя.

Впереди связка шкурок горносталя лежит, они к этой связке горностаевых шкурок подошли.

Люди говорят:

— Связка шкурок горносталя лежит!

Старик на нее и не взглянул. Они дальше идут по следам кайгуса.

Кайгусь девушке говорит:

— Твой отец даже не взглянул.

Потом он связку шкурок колонка бросил. Они к ней подошли.

— Дедушка, — сказали они, — связка шкурок колонка лежит!

Старик на нее не взглянул. Они гонятся за ним. Потом он связку беличьих шкурок оставил.

Люди туда пришли.

— Дедушка, — сказали они, — связка беличьих шкурок лежит!

Старик на нее не взглянул. Все опять за ним гонятся.

Дальше он связку шкурок соболя оставил и сказал:

— Люди, не троньте меня! Я столько пушнины оставил, сколько человек стоит.

Старик со своими людьми туда пришел. Люди старику говорят:

— Связка соболиных шкурок лежит. Дедушка, видно, он за твою дочь пушниной платит⁴.

Старик искоса посмотрел.

— Гонитесь за ним! — сказал он.

Они опять за ним погнались. Связку заячьих шкурок он им оставил.

— Люди, — говорит, — не троньте меня, я товарища себе несу.

Он столько пушнины за нее оставил, сколько она стоит. Он теперь налегке вперед идет.

Люди старика подошли к связке заячьих шкурок. А старик на нее и не взглянул.

Потом он связку песцовых шкурок оставил. Старик и на эту связку не взглянул.

— Гонитесь за ним, — сказал он.

А там впереди кайгусь женщине говорит:

— Опять они не взяли ее. Люди, — сказал он, — за мною погнались, чтобы убить меня. Люди меня убьют!

Дальше он связку лисьих шкурок оставил.

— Люди, — сказал он, — это плата за женщину!

Они к связке лисьих шкурок подошли.

— Дедушка, — говорят, — связка лисьих шкурок лежит!

— Вперед, — сказал он, — гонитесь за ним!

Потом он связку в сто волчьих шкур оставил:

— Люди, не троньте меня, я за человека пушнину отдал вам!

Старик едва взглянул на связку волчьих шкур. Кайгусь устал, обесилел. Потом он связку росомашьих шкурок оставил.

— Люди, не троньте меня, — сказал он, — я за человека пушнину вам отдал, я — человек!

Шел он, шел, шелковую парку оставил. Они подошли туда, где шелковая парка лежит. Люди сказали:

— Дедушка, шелковая парка лежит! Возьми, дед, шелковую парку!

Старик остановился, немного подумал.

А кайгусь там своей жене говорит:

— Он меня гоняет, чтобы убить!

Потом он оставил шелковый платок.

— Люди, — сказал он, — не троньте меня, не убивайте меня, я ведь в оплату за человека пушнину всю отдал, всю вам отдал!

Они к шелковому платку подошли. Люди говорят:

— Это шелковый платок лежит, возьми его, дедушка!

Старик остановился, думает: «То ли взять его, то ли нет». Постоял-постоял и вперед зашагал.

Кайгусь своей жене сказал:

— Чтобы убить, гонится он за мной. Теперь твой отец меня убьет!

Он ее со спины снял.

— Стой здесь, — говорит, — они меня убить хотят.

Потом он произнес:

— Когда меня убьют, пусть мою правую лапу отрежут, потом голову пусть отрежут, здесь пусть оставят!⁵ Женщина, — сказал он, — три дня пусть сидит возле меня. Юколу около меня пусть поставит, жир, порсу пусть поставит, варку пусть поставит⁶.

Пошел он обратно, им навстречу. Когда их встретил, он сердился на людей, боролся с ними и пугал их. Люди убили его рогагиной.

Старик пошел за дочерью — она в отдалении стояла. Он своей дочери сказал:

— Иди сюда, пойдем со мной!

Дочь пошла с отцом. Пришла, а кайгуся уже убили. Она заплакала:

— Столько пушнины он тебе оставлял да оставлял, а тебе все мало было! Он — человек, — она сказала, — а вы его убили!

Они взяли мясо медведя, домой унесли. Она им сказала:

— Сами ешьте!

Она его мясо не ела⁷.

Взяли они его шкуру, от шкуры уши отрезали, в бересту их завернули, на бересте его ребра нарисовали, к шее мордочку приклеили⁸.

Потом поставили перед ним жир, она жиром его кормила. Они мясо медведя ели, а она возле него сидела и не ела. Три дня она сидела. Потом они его кости собрали, для его ребер черемуху срубили, саргу сделали и его ребра связали саргой. Потом они его отнесли на гору, эти кости отнесли на гору⁹.

После этого он медведем стал, ожил, обратно к своему отцу пошел. Дошел он до росомахи.

Росомаха сказала:

— Кайгусь верховья реки, я тебе говорила — не ходи вниз, люди тебя убьют, а ты ответил: «Меня не убьют». Вот тебя со сплетенными ребрами обратно отпустили. Как они стучат!

Ему стыдно стало. Потом он к волку пошел. Волк ему сказал:

— Я тебе говорил — не ходи, но ты не послушался. Ты сказал: «Люди меня не убьют», а люди тебя убили. Вот тебя люди убили, саргой твои ребра связали. Как ребра стучат!

Ему стыдно стало. Он дальше пошел. Лисица на кочке сидит и ему говорит:

— Я тебе говорила — люди тебя убьют, а ты сказал: «Люди меня не убьют». Вот тебя люди убили, саргой твои ребра связали, обратно отпустили.

Ему стыдно стало. Как ребра стучат!

Затем он к песцу подошел. Песец на кочке сидит и говорит:

— Кайгусь, я тебе говорил — не ходи туда, люди тебя убьют, а ты сказал: «Люди меня не убьют». Вот тебя люди убили, ты не послушался, ты сказал, что люди тебя не убьют. А люди тебя убили!

Ему стыдно стало.

— Вот тебя, — сказал песец, — со сплетенными ребрами обратно отпустили, а ребра стучат!

Ему стыдно стало.

Еще дальше заяц на кочке сидит и говорит:

— Кайгусь, я тебе говорил — не ходи, люди тебя убьют, а ты сказал: «Люди меня не убьют». Вот тебя люди убили, саргой твои ребра связали. Как ребра стучат!

Ему стыдно стало. И он пошел, пошел. Вот соболь на кочке сидит и говорит:

— Кайгусь, я тебе говорил — не ходи, люди тебя убьют, а ты сказал: «Люди меня не убьют». Вот тебя люди убили, со сплетенными ребрами обратно отпустили. Как ребра стучат!

Ему стыдно стало, и он от него ушел. Дальше белка на кочке сидит:

— Когда ты был кайгусем верховья реки, я тебе говорила: «Не ходи, люди тебя убьют», а ты сказал: «Люди меня не убьют». Вот, — она говорит, — люди тебя и убили, вот тебя со сплетенными ребрами обратно отпустили.

Ему стыдно стало. Он вперед зашагал. Горностаи на кочке сидит и говорит:

— Кайгусь, я тебе говорил — не ходи туда, люди тебя убьют. Ты не послушался, ты сказал: «Люди меня не убьют». Вот тебя со сплетенными ребрами обратно отпустили. Как ребра стучат!

Ему стыдно стало. Он вперед зашагал, дальше идет. Бурундук на кучке земли сидит. Бурундук ему говорит:

— Кайгусь с верховья реки, ты моего слова не послушался. Вот тебя, — говорит, — люди убили, саргой твои ребра связали. Как ребра стучат!

Ему стыдно стало. Кайгусь обессилел, в свой чум пришел, дверь открыл, кое-как дошел. У него дыхание перехватило, говорить не может. Упал — только кости загремели.

Его отец молвил:

— Я тебе говорил — не ходи. Ты моих слов не слушал, ты меня обманул. Я тебе говорил — люди тебя убьют, вот тебя люди и убили. Вот ты упал, только сплетенные кости стучат. Как же твоего отца, — сказал он, — люди не убили? А ведь я женщину привел, а тебя люди убили!

Он ни одного слова не произнес, так ему стыдно стало.

57. Кайгуси верховья реки

Кайгусь верховья реки жила в одиночестве. Долго жила. Прилетели птицы и говорят:

— Кайгусь верховья реки одна живет. Ее красивый брат в стороне от верховья реки лежит мертвый, а она одиноко живет.

И подумала она: «Неужели у меня брат был, а я и не знала».

Опять птицы прилетели, опять рассказывают, поют.

Птички на дымовое отверстие ее чума сели и поют:

— Почему ты одна живешь, почему ты своего красивого брата не оживишь?

Она подумала: «Где же у меня брат? Птицы рассказывают, что у меня брат есть». Она на край леса, где кладбище, решила пойти. По-

шла она туда. Крест стоит. Она брата выкопала, наверх вытащила. «Правда, он на моего брата похож», — подумала она.

Ну вот, она его стала оживлять. Он ожил и сказал:

— Я крепко спал, кто меня разбудил?

— Я, — говорит, — тебя разбудила.

А он говорит:

— Ты кто?

Она говорит:

— Я твоя сестра. — Потом она сказала: — Пойдем вниз в мой чум!

Они спустились вниз, пришли в ее чум. Она за водой сходила, воду согрела, его вымыла. Они вместе жить стали. Сколько-то прожили.

Много ли, мало ли они жили, брат ей говорит:

— Я пойду свататься.

Она ему отвечает:

— Иди, если хочешь.

Он отправился, жену сватать пошел. Шел, человека встретил; тот шел по берегу речки. Кайгусь ему говорит:

— Друг, сделай для меня лодку, я тебе свою красивую сестру отдам. Эту толстую осину вырви, чтобы лодкой была. Я, — говорит, — тебе свою красивую сестру отдам.

А тот вверх посмотрел на осину: «Чудно, — говорит, — такое дерево вырвать я не смогу; твоя красивая сестра мне не нужна, я ее не возьму».

Кайгусь тогда крикнул:

— Медведи, волки, сюда идите!

Медведи и волки пришли, поднялись на дерево, за вершину взяли, вниз нагнули. Дерево упало с корнями и большими ветками.

— Медведи, волки, — сказал он, — вниз тащите дерево, к реке вниз тащите!

Вниз к реке они его потащили, вместе с корнями потащили.

— Медведи, волки, — сказал он, — весла сделайте!

А они целые деревья вырвали вместе с кокорами. На берег они спустились, на первое дерево сели как на лодку. Птички слетелись, на ветки сели. Птички не гребли, они пели, а медведи и волки гребли. Как взмахнут четырнадцатью веслами (было семь медведей и семь волков) — только ветки свистят!

Они вверх гребут, к кайгусю верховья речки¹. К кайгусю верховья речки они поднимаются, а у того вода все прибывает, растет, все растет. Ночь прошла, а там вода все прибывает — так сильно они гребут. Этот кайгусь верховья речки говорит:

— Что за диво? Вода стала прибывать!

У этого кайгуса верховья речки семь сестер. Они играют, качаются на качелях². Старшая сестра кайгуса к проруби спустилась за водой. Котел долила и подвесила его над огнем на тагане, а брату сказала:

— Нашу прорубь водой залило.

Прошло немного времени, лодка пристала к берегу, и вода сразу же спала.

Сестры кайгуса качались на качелях, а они к берегу пристали. Они гостюют. Кайгусь верховья речки приплывшему говорит:

— Сюда в эти места никто не заезжает.

А он ему ответил:

— Куда не заедет человек, если он куда-нибудь задумал поехать! Люди везде ходят; куда задумают, туда и попадают.

Кайгусь верховья речки не хотел отдавать сестер. Но приплывший сказал:

— Если сестер не отдадите, я всю воду этой речки высушу.

Тот испугался:

— Мы отдадим сестер, женись!

Тогда приплывший сказал:

— Если ты мою красивую сестру хочешь взять в жены, то я ее теперь и просватал бы!

Они решили узнать, согласна ли она. Кайгусь-хозяин птичке на шею прядь своих волос привязал. Птичка улетела. Она там еще спит, а птичка села и те волосы за олатиной оставила. Кайгусь встала, взглянула на ту сторону чума — волосы висят.

— О боже, — сказала она, — вот для чего я тебя оживила!

Ночь прошла. Назавтра опять волосы висят. «Я, — говорит, — думала, что он жениться пошел, а он, оказывается, меня саму сватать ушел».

Еще ночь прошла — опять волосы висят. Она те волосы к своим примерила³. Потом она свои волосы туда послала. Птичка отнесла. Люди встали — ее волосы!

— Ну, примерь, — ее брат сказал. Потом спрашивает:

— Что, — говорит, — мою красивую сестру возьмешь в жены?

— Да, — тот отвечает, — возьму.

— Тогда, — он сказал, — поедем к ней!

Наружу вышел, позвал:

— Медведи, волки, к нам идите!

Звери спустились, к нему пришли и спросили:

— Что, обратно домой поедем?

— Да, — отвечает, — лодку вниз тащите!

Они дерево на плечи подняли, к воде его принесли. Тех семерых женщин взяли, к лодке спустились и сели. И птички вниз отправились, на ветки весел сели. Они от берега оттолкнулись.

Потом кайгусь сказал:

— Медведи, волки, гребите!

Раз взмахнули веслами — далеко уплыли. Еще раз взмахнули — туда прибыли, где осина росла. Здесь они пристали к берегу.

— Ну, — говорит, — медведи, волки, тащите дерево на место!

Они осину на плечи подняли, наверх утащили и поставили. Как раньше она стояла, как раньше росла, так и теперь стоит, еще лучше. Деревья-весла они тоже на место поставили. Он дальше к своему чуму пошел. Кайгусь верховья реки к сестре пришел, в чум вошел.

— Ты, — сказала она, — уходил жениться, а оказывается, меня за муж выдавать ходил.

Он ей сказал:

— Одиноким человек жить не может.

Она замолчала. Через некоторое время гость — кайгусь с верховья речки — в чум зашел. Она свою ногу вдоль вытянула. Он ей сказал:

— Ногу убери!

А она ему сказала:

— Далекo лежит, не уберу!

Он через ее ногу перешагнул и рядом с нею сел. Он ее в жены взял и стал там жить.

Много ли, мало ли они жили. Однажды хозяин чума говорит:

— Теперь возвращайтесь в свой чум.

Собрались они с мужем к нему домой уезжать.

— Навсегда не уходите, — сказали оставшиеся, — к нам сюда еще приходите!

Они ушли, домой пошли, а кайгусь остался, со своими семьей женой живет. За одну сестру он семь женщин взял.

58. Кайгусь

Один человек нашел кайгусь. К себе домой в качестве жены принес. Она мужу говорит:

— Семь лет с вами жить буду, помогать буду, но вы должны потерпеть — с людьми, кроме мужа, говорить не смогу.

У парня отец мудреный* был, он не стерпел молчания невестки. Когда парень на охоту ушел, отец берестяную ложку-черпалку спрятал. Мясо в котле сварилось, она черпалку искала, не нашла, молча горячее мясо, кости из кипящего котла руками хватала, в сук бросала. Сук с мясом старику толкнула, сама ушла, по следу мужа пошла. Тот спросил:

— Ты как здесь оказалась?

— Я рассердилась на твоего отца, он черпалку спрятал, хотел мое слово вызвать.

Парень с ней домой пришел. Ночевали. Утром он опять на охоту ушел, думал — жена в чуме останется. А она опять ушла. Он потом гонял*, гонял ее, догнал.

Она:

— Зачем меня гоняешь? Не мучайся, давай ночевать. Ты меня в изголовье положи, я вшей поищу.

Когда он проснулся, мудреного человека, жены его, нет, следа ее нет. Он искал, искал ее, так и теперь ищет.

59. Про кайгусь

Жил старик со своим сыном. Жили, жили. Сын старика в тайгу ходит охотиться на оленей. Если сын старика в тайгу пойдет, обязательно какого-нибудь зверя добудет, а старик не умеет.

Вот сын старика ходил, ходил, зверей добывал. Однажды он в тайге кайгусь¹ встретил. Когда он кайгусь встретил, он ей сказал:

— Зверей добывать хочу.

Кайгусь ему говорит:

— Иди домой, ни о чем не тужи.

Он домой ушел, и с тех пор звери к нему сами прибегают стали.

Много ли, мало ли времени прошло. Однажды кайгусь ему говорит:

— Как домой придешь, на передней половине чума постель* постели².

Он домой пришел, постель постелил. Вечером они с отцом уснули. Утром встали: около сына старика женщина сидит. Они вместе жить стали. Он в тайгу ходит, к нему звери сами прибегают. Все, что надо, добывает, все у них есть.

Они живут, а она все время молчит. Его отец-старик решил узнать, почему она не говорит. Вот они садятся есть, она без слов старику на ту сторону чума еду подает. Так они ели. Долго ли, мало ли жили, старик разозлился, стал допытываться у жены сына, почему она не говорит. Вот она обед сварила. Она рыбу достала и старику на ту сторону чума подала. Потом она хотела суп зачерпнуть; по сторонам поварешку ищет, ищет, а старик поварешку спрятал. Он про себя сказал: «Я из нее слово вытяну!»

Она посидела, по сторонам посмотрела и ладонями стала суп черпать. Ладони обожгла.

После этого она исчезла. Долго ли, мало ли сын ждал, потом в тайгу ушел. В тайге она перед ним неожиданно возникла и сказала:

— Божий человек, божий человек, отныне не ищи меня. Твой отец плохое сделал. Твой отец хотел, чтобы я заговорила³. Иди домой, ничего я тебе больше не скажу.

Он домой пошел, своему отцу сказал:

— Отец, ты плохое сделал! Отныне у нас с тобой ничего не будет.

Они стали жить; как раньше жили, так и доныне еще живут.

60. Про Дандукна

Когда-то давным-давно жил бедный, одинокий старик. Он женился, жена ему двух сыновей принесла. Он жил все время на Тунгуске, на притоке реки. Его дети выросли. Старший сын такой ленивый уродился — никакого зверя не может добыть. Младший сын шустрый, хорошо охотится. Отец ему лук сделал, тугой лук ему сделал. Братья вместе белковать ходят. Отец старшего сына спрашивает:

— Дандукн, почему один не ходишь?

Тильгет говорит:

— Он белку искать не умеет, целиться даже не умеет. Поэтому мы с ним все время вместе охотимся.

Однажды Тильгет много белок убил. Вечером охотники пришли, их мать белок обдирать стала, говорит:

— Что это такое! У этих белок задницы кто так сильно исколотил? Теперь шкурки плохо обдираются.

Дандукн про себя смеется: «Ты все время меня мучаешь. Я в тайге и стряпаю, и собакам корм варю, и дрова рублю — все тебе мало! За это я тебе так сделал».

Дандукн сказал:

— Тильгет по задницам белок томаром стрелял.

Их мать замолчала, села.

Мало ли, долго ли жили. Мать стареть стала, сыновьям говорит:

— Хоть бы кто-нибудь из вас женился. У меня работать нет сил. Нам еще одна работница нужна.

Дандукну жены не получить. Он охотиться не хочет, ленится, хотя с виду красивый. Старик сказал:

— Старуха, такому человеку откуда жена достанется?!

Братья опять на охоту ушли. Тильгет много белок добыл. Дандукн младшему брату сказал:

— Белок клади в свой мешок.

Тильгет в сторону отвернулся, что-то делает. В это время Дандукн беличьи задницы опять поколотил.

Мать с отцом говорят:

— Тильгет шустрый, хороший охотник.

«Всегда его жалеют, — Дандукн думает. — А меня за человека не считают. Сегодня вечером ты увидишь, как твой хороший сын промышлял. Ну, теперь обдирай этих белок!»

Про себя думает: «Зачем я таким человеком уродился? Никто за меня не пойдет. Настоящие люди живут с женами». За речкой Столбовой стоит скала. Он на нее поглядывал. «Мне бы тоже стать таким каменным», — думает.

Вдруг Дандукн услышал: дверь стукнула. Дандукн сказал младшему брату:

— Темнеть начинает, пойдем домой.

Они домой пошли. Вечером домой пришли. Дандукн своему отцу сказал:

— Завтра мне лук тугой сделай.

Они переночевали. Старик утром сказал:

— Э-э, — говорит, — наш Дандукн зачем-то лук захотел. Ты очень ленивый, лук держать не умеешь.

— Отец, сделай мне лук!

Старик говорит:

— Ну тебя, сядь, хватит болтать!

Дандукн выскочил, топор схватил, мигом нарубил дров, целая куча дров образовалась. Быстро костер сложил, ненадолго в лес сходил, от лиственницы крень отделил, от березы планку отодрал, принес домой, отцу сказал:

— Выйди из чума! Сделай для меня лук.

Старик тут обомлел.

— Ну ладно, сынок, — говорит, — конечно, сделаю.

Старик лук делал, вспотел, как будто его из воды вытащили.

А Тильгет подумал: «Этот Дандукн что-то задумал, то ли плохое, то ли хорошее».

Дандукн взял лук в руки, вертит его, думает: «Хороший».

Переночевали. Утром охотники идти собираются. Дандукн Тильгету говорит:

— Теперь я один буду охотиться.

Тильгет сказал:

— Ну кого ты добудешь?

Дандукн сказал:

— Кого-нибудь добуду.

Братья пошли в разные стороны.

Дандукн шел, шел, устал, на снег вверх животом упал. Он думает: «С братом охотиться хорошо. Он впереди идет, дорогу прокладывает. Теперь мне по снежной целине идти тяжело». Тут Дандукн вспомнил: «Вчера слышно было, как на той стороне дверь хлопнула». Дандукн перешел речку, к подножию скалы подошел.

Дандукн идет, идет¹. Белка с дерева вниз сама спустилась. Дандукн стал белку гонять*. Долго ли, мало ли гонял ее. Дандукн поглядел — следы этой белки все больше становятся. Дандукн подумал: «Что это

за белка?» Он всем телом задрожал: то ли бросить ее, то ли еще погонять. Еще немного прошел — беличьи следы в человечьи превращаться стали. Дандукну мысль пришла: «Это, наверно, кайгусь». С волнением он стал ее гонять. Гонял, гонял, уже еле дышит. Догнал, белка на дерево забралась. Дандукн тогда отдышался. Отдышался, лук нацелил на белку. Белка в этот момент запищала. Дандукн думает: «Что за белка? То ли убить ее, то ли бросить ее? Очень уж удивительная она, наверно, не убью». Потом решил: «Люди разве зверей своих бросают?» Он лук натянул, выстрелил, белка на землю упала. Он пошел к тому дереву, где белка сидела, взял ее, стал рассматривать. «Что это за чудная белка? Пойду домой, родителям покажу, какую белку убил». Он к поясу белку привязал. За спиной он голос услышал:

— Ты теперь здесь шалаш сделай.

Дандукн так и обомлел. Откуда это слово вниз свалилось? Дандукн решил: «Хватит думать». Он мигом шалаш сделал. На маленьком месте² пихтовые ветки положил, а для себя около костра еловые ветки положил. Рогульку срубил, потом прямую палку срубил. Костер развел. «Ну, теперь я свою белку обдирать буду».

Белку на рожень поддел, рожень к костру поставил, белку жарить стал. Когда он ее жарил, услышал, как в скалах дверь открылась.

Где-то слышится собачий лай, похожий на лисий «нэк, нэк»³.

Дандукн слышит: собачий лай приближается. Дандукн даже присел от удивления. Он быстро куски бересты срезал, в пах и подмышки себе положил⁴. Слышит: у входа в шалаш шорох раздается. Он наружу выглянул — в соболей шубе женщина стоит.

— Человек светлого мира*, — она спрашивает, — это ты моего зверя убил?

— Да, я белку убил.

Из шалаша ей говорит:

— Тыними лыжи и в шалаш заходи, садись на маленькое место.

Дандукн белку из костра вытащил, разделил на три части. Заднюю часть белки ей протянул. Кайгусь ее оттолкнула. Дандукн переднюю часть ей отдал. Она опять обратно оттолкнула. Дандукн думает: «Что это с ней делается? Остались только ребра, что я ей отдам?» Дандукн ей ребра отдал, кайгусь взяла. Они кое-как поели.

— Ну, — говорит, — теперь давай играть.

Она молчит, только поглядывает. Дандукн рогулькой к ней огонь подтолкнул, пихта трещать стала. Дандукн сказал:

— Хоть место твое смеется.

Она схватила прямую палку, палкой огонь к нему подтолкнула.

— На моем месте земные звери пищат⁵, — он говорит.

Дандукн бросился к ней, щекотать ее стал. Она даже не улыбнулась.

Долго ли, мало ли они так возились. Полночи прошло. Кайгусь щекотать устала. С ее лба пот течет. Обратнo перешла на свое место. Дандукн к ней кинулся, опять ее щекотать стал. Она улыбнолась.

— Теперь, — говорит он, — моей женой будешь!

Дандукн опустилсь около нее, поглядывает, а она как огнем горит. Ее косы длинные, как солнечные лучи идут, брови черные, глаза как огонь горят. На ее лбу как будто звезда горит⁶. Дандукн говорит:

— Теперь к моим родителям пойдем.

Кайгусь сказала:

— Нет, сначала в мой каменный чум зайдем.

Они пошли в каменный чум, дорога им образовалась* до дверного входа. Дверь сама открылась, они внутрь зашли. Внутри дома все блестит. Она ему говорит:

— Садись на ящик.

Ему рассказывать начала:

— Я — круглая сирота, у меня нет ни отца, ни матери. Когда я маленькой была, моя мать меня бросила. У этого края скалы старики-кайгуси меня взяли. Внутри этой скалы чум образовался.

Она в углу покопалась, лук оттуда взяла, из латуни сделанный, дала ему в руки.

— Возьми, — говорит, — теперь ты много зверей будешь добывать. Завтра мы домой пойдем, к твоим родителям. Вечером ты выйди в переднюю часть чума, семь ступеней сделай. Шесть соболей возьми, а седьмого не трогай. Несчитанные божьи годы⁷ мы будем жить. Ты хорошо будешь промышлять. Я тебя к себе тянула, но твоя воля перетянула. Я в этом доме выросла, оставлять его очень трудно.

Она свою игольницу за пазуху затолкнула⁸. Как у нее слезы закапали! Она Дандукна за руку взяла:

— Ну, теперь пойдем в чум твоих родителей.

Они долго ли, мало ли шли. Домой пришли. Его родители обомлели:

— Это откуда тебе такая женщина досталась?

61. Кайгусь

Люди оседают на длительной осенней стоянке¹. Их три брата Бунеевых было; двое старших давно женатые, младший, Уньгет, тоже уже женился. Осеновка кончилась, люди на большую ходьбу* отправились. Три брата одним чумом ушли.

Уньгет днем белкует, вечером на стоянку возвращается.

Уньгет на своей дороге пеструю белку встретил². Долго гонял* ее, на ель загал, там убил. Спереди у белки завязки, на шее — лямка. Уньгет стал место выбирать для шалаша, чтобы переночевать. Дров нарубил, стал шалаш делать. Срубил два пихтовых деревца — одно

прямое, другое с развилкой на верхушке. Ветки обрубил. Два спальных места в шалаше сделал. На маленькое место еловые ветки постелил. В изголовье прямую палку положил. На свое, с другой стороны, место пихтовые ветки постелил. Палку с развилкой в изголовье положил. Огонь развел, таган сделал. Сам в шалаше сидит. Вечером слышит крик:

— Коль-коль, мой зверь!

Кайгусь ищет своего зверя. Человек светлого мира, оказывается, ее зверя убил.

Уньгет из шалаша не показывается. Куски бересты надрал, под мышки и в оба паха положил. Белку ободрал, на рожень поддел, изжарил. Слышит — подходит. Внутрь вошла, у входа встала, говорит:

— Ты моего зверя убил?

— Убил! — Уньгет ей отвечает. — Проходи на маленькое место, сядь там!

Сам белку на три части разделил. Заднюю часть ей отдал, она назад вернула. Переднюю часть ей отдал, она назад вернула. Среднюю часть ей отдал, она взяла. Поели. Она говорит:

— Теперь поиграем!

Уньгет горящую бересту палкой с развилкой к ней подтолкнул. Огонь трещит, будто смеется. Он сказал:

— Даже огонь смеется!

Кайгусь горящую бересту своей палкой назад толкнула. Он говорит:

— Надо мной не смеется! Огонь, как земные звери, пищит!

Уньгет снова к ней горящую бересту подтолкнул, она опять назад, к нему, отодвинула. Потом он говорит:

— Теперь чай пить будем!

Кайгусь отказалась. В полночь Уньгет со своего места вскочил, бросился к ней и начал щекотать. Кайгусь не смеется. Пришлось ему назад вернуться. Немного погодя он снова на другую половину перешел, сел на ее спальное место. Он к ней огонь пододвигает, она отталкивает. Уньгет снова ее щекотать начал. Кайгусь только слегка улыбнулась. Вернулся он на свое место, сидит. Она к нему кинулась, щекочет. Не смеется он. Она на свое место перешла, села там. Тут Уньгет снова к ней бросился, схватил, защекотал. Кайгусь рассмеялась. Уньгет говорит:

— Ну, теперь ты мне досталась!

— Твоя сила взяла.

— Теперь моей женой будешь.

Утром Уньгет говорит ей:

— Домой ко мне пойдем.

Кайгусь ему говорит:

— Выйди наружу, за шалашом семь ступеней сделай³.

Уньгет вышел, ступени сделал, зашел обратно, говорит:

— Теперь чай пить будем.

Кайгусь говорит:

— Выйди наружу, шесть соболей возьми, а седьмого не трогай.

Он так и сделал. Говорит:

— Теперь мы домой пойдём.

Домой пришли вдвоем, в чум вошли, сели. Уньгет сказал старшим братьям:

— Я в жены кайгусь привел.

Своей женщине Уньгет сказал:

— Не ссорьтесь, живите дружно.

Жена Уньгета говорит:

— Мы хорошо будем жить.

Жить стали. Вот живут. На маленькую ходьбу* собираться стали.

Кайгусь своему мужу говорит:

— Выйди, за чумом семь ступеней сделай, шесть соболей возьми, седьмого не тронь! Это мое слово не забудь! Каждое утро к семи ступеням выходи за соболями.

Люди на маленькую ходьбу пошли. Трое братьев опять вместе одним чумом ушли. Женщины дома остались, хозяйничают.

Уньгет много пушнины добыл⁴. Старшие братья добывают мало, завидуют. Сговариваются:

— Надо младшего брата убить и взять кайгусь себе, тогда и мы станем добывать много.

Кайгусь все слышит, обо всем догадывается. Говорит своей подруге:

— Нашего мужа его братья там в лесу убить собираются.

Женщина не верит, слушать не хочет:

— Как это братья его убьют, ты обманываешь!

Кайгусь говорит:

— Вечером вместе пойдём к нашему мужу, только ничего с собой не бери!

Скоро уж люди должны возвратиться. Кайгусь говорит:

— Ну, теперь держись крепче!

Женщина все же коробку открыла, наперсток взяла. Кайгусь выдернула одну очажную палку, схватила подругу и потащила за собой в отверстие под очажной палкой⁵. Сама она успела вниз уйти, а женщина — только наполовину, половина осталась наверху торчать. Тут в чум вошли охотники. Выдернули ее, говорят:

— Это ведь женщина, а где же кайгусь?

Женщина сказала:

— Кайгусь ушла, чтобы оживить убитого мужа. Хотела и меня взять с собой, но я сама виновата — не надо было брать наперсток⁶.

Братья убили ее.

Кайгусь своего мужа оживила и увела его в свой мир. Там живут.

62. Кайгусь

Один человек соболей промышлял, поймал пестрого соболя¹.

Для ночевки яму в снегу вырыл, костер зажег. Ель, пихту срубил, ветки обрубил. С одной стороны костра еловые ветки постелил, с другой — серую, мягкую пихту. К комелю срубленной елки веревку привязал. Пестрого соболя ободрал, на рожень поддел, жарить стал. Слышит, кричит кто-то:

— Кооль-коль, соболь, куда делся? Только сейчас здесь был!

Баба появилась, села. От ее соболя только шкура осталась, он на рожене жарится. Жареного соболя они схватили, каждый к себе тянет. Ей задние ноги достались. Он горящую бересту палочкой поддел, в ее сторону толкнул. На ее месте хвоя загорелась. Она вскочила, стала его под мышками щекотать. Он веревку взял, чтобы перетягивать. Его конец к пню привязан. Она тянула, тянула, говорит:

— Как ты крепко держишь! Твоя сила взяла². Я — мудреная*, ты тоже мудреный.

Они спать легли. Утром он домой собирается идти. Она спрашивает:

— У тебя баба есть?

Он отвечает:

— Есть.

Она говорит:

— Дома в изголовье своей постели мне место сделай, я там лягу.

Дома он своей жене говорит:

— В изголовье постели место сделай!

Она спрашивает:

— Кому место сделать?

Она место сделала, постелила, смотрит — там человек лежит, не знает — мужик ли, баба ли.

Потом они чай пили и разговаривали. Кайгусь мужику говорит:

— На охоту пойдешь, много зверей за один раз не бей — одного-двух, и хватит.

Тот охотник много соболей добывать стал. Люди удивляются — откуда? Ту бабу-кайгусь они не видят, видят только коренную. Люди гонять* его стали, по его следу пошли. Его след идет, потом теряется, дальше снова свежий след идет. Люди говорят между собой:

— У него что-то есть, у него кайгусь, видно, есть!

Утром он опять на охоту пошел. Люди решили: его бабу уьем. Кайгусь догадалась, коренной бабе сказала:

— Уйдем от них, ты только свою подушку возьми с собой, соболей не тронь.

Вот люди идут. Коренная баба соболей схватила, в землю ушла, но голова осталась. Тот охотник вернулся — его чума нет, кайгусь нет и следа. Искал, искал ее след, так и бросил.

63. Про кайгусь-жену

Бунеев мужик жил с двумя бабами, одна из них кайгусь была. Он хорошо добывал. Бабы дружно жили; кайгусь среди них главной хозяйкой была. Пошел он на охоту, там в лесу родственники решили его убить, чтобы кайгусь взять себе. Бабы дома сидят, кайгусь говорит:

— Нашего мужика уже в живых нет, уйдем отсюда.

Она потянула женщину за собой, та наполовину в землю ушла. Кайгусь ушла совсем. Убившие мужика прибежали быстро, думали — кайгусь, а это простая баба из земли торчит. Выдернули ее.

Те люди сами себя портили: идут, видят впереди чумы, а дойти до них не могут. Толстых здешние — их родственники.

64. Кайгусь скалистой горы

Человек играет на кате, поет¹:

— Пусть ко мне явится кайгусь.

Кайгусь стала собираться, спустилась:

— Человек кэтэ², ты, что ли, хочешь, чтобы кайгусь скалистой горы от своих кайгусей к тебе спустилась?

Человек:

— Черного соболя я по следу гоняю*?

Кайгусь:

— Я ли не скалистой горы Богдейгет-кайгусей дочь³? Пока не тронь меня, не тронь! Не тронь моего волка⁴, по следу не гони! Не мои ли волосы в косы заплетаются, зачем их развеваешь, качаешь?⁵ Я ведь Богдеев дочь, скалистой горы Богдей-кайгусей дочь. Скалистой горы Богдей-кайгуси отцы меня ожидают. Уж не хочешь ли ты, кэтэ, съесть дочь Богдей-кайгусей? Пусть теперь мои волосы обвиваются. Дома меня, кайгусь скалистой горы, родители ожидают, чтобы на охоту идти. Кэтэ, кэтэ! Ты говоришь, что черных соболей хочешь? Моего зверя не убивай, чтобы твои потроха потом не слиплись! Потом мои следы, шаги повторять будешь. Пока же, кэтэ, кэтэ, не тронь меня, не тронь! Отцовские корни назад тянут, но косы их дочери вокруг кэтэ обвились; тебя, кэтэ, обвили⁶. Говорила раньше — не тронь меня, не тронь. Теперь твоей женой стала.

65. Старик Ирис

Старик Ирис на берегу Енисея со своими людьми летовал. У него одна дочь — Булум. Они там летовали и самоловами рыбачили. К се-

редине осени ягоды поспевать начинают. Женщины по ягоду с берега вверх в тайгу ходят. Дочь старика Ириса тоже с ними ушла.

Целый день женщины по ягоду ходили. Собрались на край тайги выходить, стали друг друга созывать. Дочери старика среди них нет. Женщины хоть и звали ее, звали, хоть и искали — девочка так и не откликнулась. Женщины говорят:

— Похоже на то, что кто-то ее утащил.

Женщины спустились на берег, людям сказали:

— Дочь старика Ириса пропала.

Мужчины пошли вверх, ее искали, но тоже без нее обратно вернулись.

Старик Ирис сильно и долго плакал о своей единственной дочери. Потом люди ушли на свои осенние стойбища. Старик Ирис сыто зимовал, разных зверей больше других добывал. Так зимовал старик Ирис. На следующее лето он на том же летнем стойбище снова лето-вать стал. Как-то старик своей старухе сказал:

— Уж очень скучно стало, пойдем к людям.

Старуха ответила:

— Старик, ягода поспевать начала. Дай-ка я на том месте, где ходила моя дочь, где ее следы, немного похожу.

Старик ответил:

— Ладно, пусть будет по-твоему.

Старики сходили на то место, где в прошлом году женщины ягоды собирали, потом спустились в свой чум, суп и чай готовить начали. Дверь открыта, старики чай пьют. К дверным жердям кто-то прислонился. Старики туда смотрят: «Это кто там прислонился?» Старуха говорит:

— Старик, какая-то шерстистая женщина стоит.

Женщина сказала:

— Отец, я к вам в гости пришла. Вы очень печалитесь обо мне. Я тоже как будто опустела, потому что вы очень плачете.

Старики говорят:

— Наша дочь пришла. Дочка, ты где зимовала? Ты сильно ошерстилась.

— Мама, обо мне не беспокойтесь, я замуж вышла за кайгуся. Кайгусь меня унес с места, где ягоду собирали. Мы, — говорит, — хорошо живем, еды у нас очень много.

Старуха сказала:

— Дочка, теперь я тебя не пушу в лес к кайгусю. Разве там хорошая жизнь?

Дочь ей ответила:

— Я сама за кайгуся замуж пошла, мы в берлоге внутри зимовали. Месяц пролежали — для нас как один день прошел. Летом мы наружу вышли.

Старуха сказала:

— Дочка, я тебя не отпущу.

— Мама, если ты меня не отпустишь, то я все равно умру, кайгусь меня дернет¹. Если ты меня отпустишь, то на будущий год мы с мужем в это же время к вам в гости придем.

Старик со старухой замолчали.

Старик сказал:

— Пусть уходит. Хорошо хоть, что она нам показалась. Теперь наша грусть пройдет², мы будем знать, что наша дочь жива.

— Отец, у вас еда всегда будет.

Старики дочь поцеловали, поласкали ладонями.

— Дочка, своих родителей не забывай!

Она вперед зашагала. У стариков только слезы катились, когда они вслед ей глядели. Она назад обернулась и сказала им:

— Хватит вам плакать, пустое небо уже эхом откликается!

Старики сказали:

— Теперь мы плакать не будем.

Дочь стариков поднялась в тайгу.

66. Про ульгуся

Один старик жил, говорят, может лет двести назад. Баба у него есть и дочь взрослая. Бабы купаются. Дочь старика нырнула — век* ее нет. Старик искать ее стал, на низ лодкой пошел¹. Плачет, на берегу ищет — нет девки.

Время прошло, он со старухой все плачет. Потом на то место ушли, где самоловы ставят. Раз смотрят — лодка с людьми появилась. К берегу плывут, пристают. Там дочь старика сидит, ульгусь сидит, мать ульгуся сидит.

Старуха, мать ульгуся, говорит старику:

— Мы пришли к тебе в гости, видим, что ты все время плачешь. Девку, твою дочь, я утащила.

Дочь говорит:

— Вы теперь не плачьте, я хорошо живу. Сначала чуть не пропала, дышать не могла. Потом, когда все ульгуси налетели, собрались, я дышать стала хорошо. Слышу — отец плачет, а прийти сказать не могу, бабушка не пускает.

Старуха, мать ульгуся, говорит:

— Вы теперь не плачьте. Вы знаете, где дочь ваша, теперь она век жить будет. Вы теперь рыбу хорошо добывать будете. Жесткие рыбы кости в реку сыпьте, мягкими собак кормите².

Обратно ушли. Старик так и стал делать. Добыв рыбу, жесткие кости в реку бросал. Старуха все плачет, ругается, дочь поминает. Старик ее уговаривает:

— Наша дочь живая, показываться нам будет.

Старуха век кричит.

Потом они опять к Енисею спустились, где самоловы стояли. Смотрели, смотрели, не видно людей. Через год опять на то место попали. Самоловы старик вытащил — опять лодка появилась, люди разом к берегу пристают. У них уже сын есть. Старик в чуме, с передней стороны чистую тиску постелил, сын по ней только и бегаёт. Живут у них. Старуха за глаза все ворчит. Ульгусь долго на сухом месте не ходит, в воду лезет. Ульгусь своей бабе говорит:

— Твоя мать все ругается, я слышал, где бы ни ходил.

Ушел, больше не приходил.

67. Про Таниньгу

На берегу галечной курьи живет старик со своей старухой, у них дочь есть. Долго ли, мало ли там жил он. Девушка выросла, для замужества созрела. Старуха дочери сказала:

— Таниньга, сбегай вниз за водой.

Таниньга быстро взяла туяс, к берегу побежала. Таниньга туяс у берега поставила, ноги мыть стала. Она взгляд вниз бросила. Из воды вверх два глаза, как шарики, смотрят. Таниньга вздрогнула, чуть было не крикнула. В этот момент кто-то ее за ноги дернул вниз, в воду.

Ырогот со старухой между собой говорят:

— Что-то долго Таниньга за водой ходит.

Старик своей старухе говорит:

— Ну-ка, иди сбегай вниз к берегу.

Как старуха ни высматривала, никого нет. Туяс Таниньги пустой стоит. Старуха говорит:

— Старик, наша Таниньга исчезла, Таниньга как сквозь землю провалилась.

Старик из чума выскочил, дочь звать стал. Долго ли, мало ли звал:

— Таниньга, Таниньга!

Старик со старухой стали тут горько плакать.

Много ли, мало ли времени прошло. Старуха говорит:

— Старик, хватит, мы и так все небо прокричали.

Старуха пустой туяс взяла, принесла обратно в свой чум.

— Вот нашей дочери туяс, будем на него смотреть, как будто это наша Таниньга сидит.

Старики тут зимовать собираются.

— Где кости нашей дочери исчезли, там мы и будем жить.

Зима длинной ли, короткой ли была, старики и не заметили. Еды у них много. Старуха говорит:

— Старик, всяких зверей у нас много появилось. Ты раньше так много зверей не добывал.

Однажды зимой старуха сон увидела, дочь свою увидела: «Мамочка, зачем вы плачете, я же живая. Вы все мое нутро вывернули наизнанку!»

Весна прошла. Старик говорит:

— Старуха, мы отправимся на Енисей летовать.

Старуха говорит:

— Боже мой, еще на Енисей! Где я дочерины кости потеряла, там я летний чум и поставлю.

Старики здесь летуют. Много ли, мало ли времени прошло. Старики утром поднялись, чай пить стали. Старик старухе говорит:

— Дверь открой. Свежий ветер пусть войдет. Внутри чума очень душно стало.

Старик из чума на реку поглядывает. Это же человек стоит! Старик старуху локтем толкнул. Старуха взглянула.

— Кто же это? — говорит.

Старик рукой вниз на берег показывает. Старуха вздрогнула:

— Старик, это как будто наша дочь.

Они даже чай пить бросили. Вниз на берег они мигом спустились. Их дочь тут стоит, как будто замерла. Старик говорит:

— Старуха, наша дочь.

Старики схватили, обняли свою дочь, обрадовались:

— Господи, боже мой, ты нашу дочь привел.

Старики дочь в чум потащили.

— Дочка, больше мы тебя никуда не пошлем. Ой, доченька, зачем ты нас бросила? Мы стариками стали. Даже чай сварить нам некому.

— Мама, отец, вы меня опять пошлите. Если вы меня не пустите, я все равно умру. Больше вы меня не увидите.

Старик со старухой рыдать стали. Таниньга сказала:

— Тише, перестаньте.

Старик со старухой замолчали.

Таниньга им рассказывать стала:

— Я замуж вышла за водяного. Мы живем хорошо. У вас еда всегда будет. Я с ним буду каждый год приходить к вам в гости. Вы больше не плачьте. Теперь я пойду, он меня ждет на реке в воде.

— Доченька, почему ты нам своего мужа не показала?

— Вы его хотите видеть? Я к нему спущусь, позову.

Таниньга выскочила, побежала к берегу. Потом оттуда снизу два человека поднялись, в чум вошли. Между стариками сели, старик на зятя поглядывает. Такой красивый человек — как огонь горит. Старуха говорит:

— Старик, поставь стол.

Они стали чай пить. Долго ли, мало ли чай пили, солнце к закату склонилось. Дочерин муж сказал:

— Вы больше не плачьте, Танинге очень тяжело. Вы будете жить хорошо, еды у вас будет много. Мы к вам каждый год в гости ездить будем. Мы сейчас уйдем, вы не плачьте. За нами на берег вниз не спускайтесь.

Старики с детьми поцеловались. Танинга с мужем вышла, за собой дверь закрыла.

Сказка¹ кончилась.

68. Девушка и водяной

Давным-давно на свете жил один рыбак. У него была красивая дочь. Водяному¹ она очень понравилась. Однажды вечером девушка за водой пошла. Водяной ее подкараулил, потом схватил ее и в воду с собой понес. Девушка стала женой водяного. Потом у них сын родился. С тех пор у того рыбака всегда рыбы много было. Его дочь с мужем своему отцу всегда давали полные сети и невод рыбы. Другим рыбакам рыба не попадалась на этом месте, в их сети рыба не шла. Рыбакам не понравилось, что их товарищ хорошо рыбу добывает, они сильно рассердились. Жена водяного услышала, как они ругаются. На берег из воды она показала, сказала:

— Тайге и воде нравятся хорошо живущие люди. Вы много пьете, потом сильно ругаетесь, поэтому вам рыба и не попадается.

Послушались рыбаки жену водяного, друг на друга больше не кричали, не ругались, драться бросили, своих жен бить перестали. Рыбаки стали хорошо жить, рыбы много добывали сетями, неводом. Зверей тоже хорошо промыслять стали, помногу добывали. Потом люди забыли про слова жены водяного, опять ругаться начали, жен бить стали. После этого им рыба опять не стала попадаться. Сказка² кончилась.

69. О медведях

Один человек в лес пошел полозья искать, чтобы новые сани сделать. Он шел, шел и хороший крень увидел. На соседнее дерево посмотрел — два медвежонка сидят. Неожиданно медведица детям крикнула. Медвежата испугались человека и далеко вверх залезли. Медведица зарычала, к человеку подкрадываться стала. Человек к дереву прыгнул, за дерево схватился. На этом же дереве сидели медвежата. Медведица никогда комель дерева кровью не испачкает, если на этом дереве ее дети сидят. Человек очень испугался, крепко за дерево держится. Медведица к человеку бросилась, за одежду стала дергать.

Человек еще крепче ухватился за дерево. Потом медведица на этого человека плевать стала. Человек весь мокрый — медведица его оплевала. У него горло пересохло. Человек подумал: «Я скоро упаду, медведица меня съест». Медведица отошла и опять вернулась к дереву.

Человеку совсем плохо стало. Ему очень жарко. Он за дерево держится, но его сила кончается.

Собаки залаяли. Медведица на зад села, слушает. Собачий лай все ближе раздается. Человек кричать начал, людей к себе зовет, а медведица зовет, зовет медвежат. Тут люди пришли. Один человек подошел и этого человека напоил. Потом они домой собрались, но собаки от этого дерева домой не хотели идти. Они лаяли на медвежат, рычали, медвежьи следы обнюхивали. Люди вернулись к этому дереву, медвежат сняли. Люди взяли медвежат, домой унесли. Медвежата царапались и кусались.

Один человек взял себе медвежонка. У этого человека детей не было. Он воспитывал медвежонка вместо сына. Когда они ели раньше его, медвежонок сердился.

Второго медвежонка взял другой человек. У этого человека был сын, с его сыном медвежонок играл. Прожили они лето. Скоро зима настанет. Медвежонок вырос, с мальчиком играл, играл. Однажды медведь мальчика за руку укусил и сильно поцарапал. Кровь полилась. Отец мальчика рассердился, медведя убить хотел. Мальчик плакал, отца просил:

— Не убивай медвежонка!

Утро настало. Женщина на улицу вышла, кричать стала:

— Идите сюда, идите сюда, медвежонок убежал!

Сын с отцом на улицу выскочили. Они веревку нашли, медвежонок ее перегрыз. Отец мальчика стал ругаться:

— Медведь вырастет, сердиться будет, людей убивать будет.

Зима настала. Люди на охоту пошли. Один охотник шел, шел, бенок добывал. Его собака впереди бежала, медвежьей берлогу нашла. Охотник к собаке подошел. Собака в берлогу залезла. Человек испугался, домой ушел. Через три дня много людей пришло. Медведицу убили. Потом собака из берлоги вылезла. Медведица собаку не съела. Старые люди говорят:

— Медведь никогда свою берлогу кровью не испачкает.

70. Рассказы о вскормленных медведях

У человека был вскормленный медведь — ыськет. Осенью пошли они на охоту. Медведь предостерегает:

— Пойдем отсюда, здесь плохо!

Хозяин отмахнулся:

— Останемся.

Остались ночевать. Вечером медведь толкает хозяина, рычит:

— Не спи, лесной медведь близко!

Царапает лапами, показывает:

— Посвети вверх берестой, чтобы меня не ранить.

Голодный лесной медведь вот налетел. А хозяин вместо бересты полено поджег, светил. Плохо видно было, он и ранил в пятку своего медведя. Когда убили лесного, вскормленный медведь рассердился, лапы вверх поднял — показывает, как надо было светить. Хозяин к шаману пошел, и шаман медведя лечил¹.

Вскормленный медведь через три года приходит обновлять свое железо². Выбирает время, когда люди в лес по ягоду или по черемуху придут. Однажды женщины из лесу вышли, а такой медведь в лодке лежит — он лапу занозил. Женщины испугались — лесной человек. А старуха говорит:

— Стойте все, я пойду одна!

Подошла.

— Не ты ли, ыськет?

Он ласкается. Она поглядела — наш, вон на лапе шрам. Говорит остальным женщинам:

— Идите, не бойтесь.

Медведь с ними поехал. Приехали, он к ним в чум вошел. На другой день шаманили, праздник устроили, «железки» ему повесили и браслеты.

71. Случай в лесу

Бабы как-то в лес за черемухой пошли. Через Енисей переехали, лодку оставили, сами ягоду ходят собирают. Стали возвращаться, на берег вышли, а в лодке медведь сидит.

Среди баб старуха одна была, медведь ей лапу показывает. Старуха эта раньше медвежонка воспитывала. Она догадалась, говорит:

— Не бойтесь, это наш медведь, он у нас воспитывался.

Повезли медведя в лодке домой. Дома он опять лапу показывает. Посмотрели, а в ладошке сучок застрял. Медведь к людям пришел, чтобы они сучок вынули, лапу залечили.

Старик со старухой сучок вынули, лапу лечили. Медведь у них пожил немного, потом опять в лес ушел.

72. Медведь-выкормыш

У одного старика вскормленный медведь был, он его потом в лес отпустил. Медведь далеко ушел, совсем в другое место. Как-то раз

этот человек там охотился. Ночь подходит, он спать устраивается, с одной стороны загородку от ветра из пихты сделал. Проснулся, слышит: сучки трещат — с двух сторон медведи идут. С одной стороны шел лесной — на человека нападать, с другой — вскормленный, защищать человека. Человек не догадался, что один из них, вскормленный, поможет ему. Побежал от них. Домой прибежал. Люди собрались, бить медведей пошли. Убили обоих. У лесного правую лапу отрезали, бросали ее¹. Лапа сказала, что зверь приходил, чтобы съесть его. У вскормленного отрезали, бросали, лапа сказала, что приходил товарища защитить. Тут люди стали искать знак того, что это вскормленный медведь. Медь на лапе медведя увидели². Поняли они, что медведь вскормленный был. Жалко стало — зачем такого убили, да поздно.

73. Не надо бояться медведя

Медведя бояться не надо. Он своей дорогой ходит; на земле всем места хватает. Один человек раньше очень медведя боялся. На охоту пойдет, никогда ночевать не остается в лесу, возвращается в чум.

Один раз пришлось ему все-таки заночевать. Летом дело было. Он краем берега ходит, место выбирает. Видит — остров посреди озера. «Вот, — думает, — место надежное, там меня старик¹ не достанет». Перебрался на остров, место выбрал, спать лег.

Ночью просыпается — на него вода льется. Медведь переплыл озеро и влез на человека верхом. С него вода и течет.

С тех пор тот человек медведя не боится, ночует в лесу спокойно.

Медведь все слышит, что люди говорят. Если мы увидим место, где много ягод, никогда об этом не говорим, а то туда медведь пойдет за ягодами.

74. Охотники в берлоге

Снега выпало очень мало. Охотники пошли без лыж. Они шли лесом. Какая дичь им попадается, они ее добывают.

За день они добыли много белок и решили заночевать. Костер разложили, чайник повесили. Один из них думает: «Ночью дождь пойдет, да еще снег выпадет». Решили наутро дров собрать. Когда дрова собирали, один из них нашел старую берлогу и товарищу говорит:

— В берлоге ляжем!

Они поели, потом в берлогу вошли. Внутри берлоги им холодно стало. Они дыру закрыли паркой и тогда хорошо устроились: улеглись и уснули до весны.

Люди их искали, но так и не нашли.

К весне охотники проснулись, вышли, по сторонам посмотрели: уже весна наступила. Они быстро пошли домой. Когда они к чумам подошли, собаки залаяли. Люди вышли, видят — это охотники, которые осенью ушли. Когда их спросили, почему они так долго ходили, они ответили:

— Мы целую зиму в берлоге спали.

С тех пор никто никогда не ложится внутри берлоги. Внутри берлоги человек навсегда засыпает по думе медведя.

75. Про одинокую старуху Хальк

Одинокая старуха Хальк вблизи людей жила; у нее ни детей, ни внуков не было.

Люди весной вверху в тайге¹ нору лисы нашли, маленьких лисят они домой унесли.

Старуха Хальк сказала:

— Внучата, дайте мне лисичку, я ее как свою дочь выращу.

Старуха лису вырастила, лисичка-дочь ей зверей домой приносила: летом уток приносила, зимою она ей белок ловила, рябчиков приносила. Этой пищей старуха Хальк кормила лисичку-дочь. Старуха Хальк ее долго воспитывала. Весною лисичка исчезла. Старуха Хальк ее долго ждала.

Сверху люди спустились² — на берегу лисица ходит. Люди близко к ней подошли, а лисица их нисколько не боится. Хотя люди и догадались, что это вскормленная лисичка, они все же ее убили, шкуру содрали и на мачту илимки повесили. Они пристали у стойбища.

Люди стойбища видят, что шкура лисички старухи Хальк на мачте сушится. Кто-то старухе Хальк сказал:

— Бабушка, шкура твоей дочки-лисички на мачте сушится.

Старуха догадалась: «Мою дочь-лисичку эти люди убили». Она увидела, что место под хвостом лисы либо Симкет, либо Кетэкет³ ножом вырезал.

Старуха Хальк произнесла заклинание:

— Пусть лисичка-дочь их изнутри начнет грызть, пусть их изнутри жжет и царапает! Я — одинокая, а мою лисичку-дочурку они убили. Пусть в будущем чужих зверей, меченых зверей люди не убивают!

76. Сирота

Одна сиротка жила у людей. Жилось ей у них очень плохо. Ее заставляли много работать, кормили объедками. Сиротка терпела-тер-

пела и решила наконец уйти от этих людей. Весной, когда мужчины еще были на охоте, она, никому не сказав, ушла в лес. Вернувшиеся охотники спрашивали, где девушка. Никто не знал. Ее долго искали, но не нашли.

Все лето девушка прожила в лесу одна, прячась от непогоды под деревьями. Одежда ее порвалась, парка из ровдуги, намокшая от дождя, прогнила. Осенью, когда люди начали готовиться к охоте, она вернулась. Встала перед чумом. Одежда ее была вся в лохмотьях, по плечам парки ползали черви. Мужчин дома не было. Из чума вышли молодые женщины и, увидев ее, снова скрылись в жилище. В чуме сидела старуха. Молодые женщины рассказали ей о пришедшей к ним. Старуха сказала:

— Не та ли это сирота, что ушла весной?

Старуха вышла наружу и попросила девушку войти в чум. Та вошла. Женщины ее признали — да, это та самая сиротка. Ей дали одежду, покормили, ни о чем не спросили. Возвратившиеся мужчины стали спрашивать, где она так долго была, чем питалась. Девушка ответила:

— Я была в лесу, ела то, что вы никогда не едите.

После всего этого девушка стала шаманкой. Люди всегда хорошо ее кормили, одевали. Она лечила людей.

Нельзя обижать сирот, надо помогать им!

77. Про сиротку

Давным-давно старик со старухой жили. У них одна дочь была. Старик как-то из лесу маленького медвежонка принес. Этот маленький медвежонок у них долго жил. Старики умерли, этот медведь в лес ушел. А стариковская дочь выросла, стала взрослой. Замуж вышла; тоже за сироту вышла. Эти сироты долго ли жили. Однажды пошли они с чужими людьми на зимнюю охоту. Там муж сироты заболел. Долго он болел, потом умер. Люди стали говорить:

— Как мы сироту содержать будем, чем кормить? Не нужна она нам.

Раньше остяки сирот не растили и эту сироту с мужем в одну могилу зарыли. Его они на дно могильной ямы положили, а жену его, живую, затолкали в могилу сверху. Сказали:

— Как знаешь: хочешь — лежи в могиле мужа, хочешь — сиди около него!

Так остяки живого человека в могилу с мертвым затолкали, закопали. Сами с места зимней охоты назад к реке отправились.

Сирота в могиле возле мертвого плачет. Покойник через какое-то время повернулся и сказал:

— Не надо плакать.

Она тогда успокоилась; в могиле сидит, думает: «Мой отец когда-то старика медведя вскормил. Хоть бы этот старик ко мне пришел, меня бы наружу вытащил». Она сама запахом покойника живет. Еще немного погода мертвый опять повернулся, ей говорит:

— Не плачь, твой брат-медведь весной придет, тебя наружу вытащит.

Так она до весны в могиле воздухом, который у покойника за пазухой был, жила. Весной медведь ее вверх вытащил. Он ее мужа покойника о дерево бил, говоря:

— Ты умер, а живую женщину с собой забрал!

Выбросил его прочь, а женщину взял к себе в берлогу, кормил ее. Птицу палкой бил, под мышку клал, жарил, женщине отдавал. За бурндуками для нее ходил. Так кормил.

Потом как-то говорит ей:

— Сходи на берег, посмотри, не плывут ли илимки. Как увидишь людей, с берега им кричи. Если они тебя не возьмут, я всех этих людей перегрызу.

Однажды женщина с берега увидела плывущие по течению илимки. Она закричала:

— Люди, ко мне подъезжайте!

Люди сначала очень испугались. Она сильнее кричит. Людям куда деваться — к ней подъехали. Она им говорит:

— Если меня не возьмете, медведь съест вас. Вон он в стороне сидит.

Люди посмотрели — правда, сидит, лапы¹ вверх поднял, знак подают. Они испугались, говорят:

— Давай, подходи, залезай!

Когда женщина в илимку вошла, медведь на берегу от радости в ладоши захлопал.

— Вот, — говорит, — правда, добрые, хорошие люди, спасибо им!

С этих пор остяки сильно медведя боятся, поэтому и сирот не обижают, хорошо растят — чтобы греха не было.

78. Про старуху Кёгл

Раньше когда-то жила старуха Кёгл с двумя сыновьями. Старшего сына она женила, младший еще не женат.

Старуха по Подкаменной Тунгуске поднялась на зимовку. Сыновья старухи хорошо белковали. Весной старуха Кёгл своим сыновьям сказала:

— Съездим вниз, на Елогуй, за невестой для младшего сына!

Кёгл там, внизу, на Елогуе для сына невесту ищет. Старик Кырын единственную дочь воспитывает. Старуха Кёгл посватала его дочь, старик согласился и отдал ее за младшего сына старухи. Там внизу они и летовали.

Старуха сыновьям говорит:

— Обратно по Тунгуске подниматься будем.

Они по Тунгуске поднялись, по Бельме поднялись, на Вельмó зимовать стали.

Младший сын старухи прихварывать начал, а дальше все сильнее болеет. В конце зимовки ему очень плохо стало, и он умер.

Старуха день и ночь плачет о сыне. Старший сын ей говорит:

— Мы скоро обратно поплывем, уже теплый ветер подул.

Старуха Кёгл говорит:

— Его кости одни тут не брошу!

Старший сын спрашивает:

— Ну что с тобой?

Старуха ему говорит:

— Его жену оставим с ним.

Сын ей возразил:

— Живых людей не бросают.

А она отвечает:

— Кости моего сына здесь останутся, моего сына не будет, а она потом замуж выйдет?!

Старший сын ей говорит:

— Твоя воля больше.

Он место под очагом стал копать, внизу земля холодная. Он посадил ее туда по грудь.

— Руки, — говорит, — вниз опусти.

Он земли насыпал, притоптал теплую землю, своей матери говорит:

— Ну, пойдём!

Они вышли на берег реки.

Женщина раздумывает: «Как я наверх вылезу? Если бы я смогла вылезти, я бы к берегу какой-нибудь речки спустилась, до Подкаменной Тунгуски дошла бы, земляными бурундуками питаюсь».

Женщина думала, раздумывала: «В прежнее время когда-то наши предки, небесные родители, воспитанников-медвежат взращивали; всех предков вместе с костями она¹ съела. Хоть бы кто-нибудь ко мне пришел, ко мне пришел бы, меня бы отсюда вытащил, я здесь зря погибаю!» Она думает: «Теперь уже наст появляется, земляных* зверей он, пожалуй, выдержал бы».

Утром она сидит, слушает. Где-то в стороне наст хрустит. Она туда взглянула — медведь к ней идет, внутрь залез.

Медведь вокруг все осмотрел, снег от нее отгреб, ее наверх вытащил, плесень прочь стряхнул, лапой по верхней части ее спины слегка похлопал.

Она спросила:

— Дедушка-выкормыш, тебя мои родители вырастили?

Он покивал головой.

Кайгусь женщину понес. Он шел-шел, потом на наст лег, на спину перевернулся и свистеть начал — бурундуков подзывать. Женщина березовый прут отломала и бурундуков прутом убивала. Женщина думает: «Как же их сырыми едят?»

Медведь у нее бурундуков взял и под мышку положил. Долго ли они там лежали, мало ли лежали, медведь отдал их ей — бурундуки-то, оказывается, изжарились!

Потом они пошли, все шли и шли. Когда половину прошли, он вплавь через Подкаменную Тунгуску переправился с ней. Иногда он ей рябчика добывал. Потом они к берегу Елогоя вышли, вниз скатились.

Он ей лапой показывает.

— Здесь, — говорит, — посиди!

Он ногой землю разровнял, сел, лапой вперед показывает.

— Туда, — говорит, — посмотри!

Сам медведь поднялся вверх и у комелей тальников улегся.

Женщина смотрит — сверху плывут илимки. Она рукой махать стала:

— Приставайте сюда!

Люди пристали.

— Боже мой, — они говорят, — это же дочь человека среднего мира²! Ее родители тоже тут. Дочь стариков, ты откуда сюда попала, откуда сюда пришла?

Она ответила:

— Погодите, погодите, я вам потом как-нибудь расскажу. Сейчас постелите для медведя новую оленью шкуру в конце галечной отмели.

— Дедушка-выкормыш, — позвала она, — спустись сюда!

Медведь спустился, отряхивался-отряхивался и на шкуру лег. Он сказал:

— Смотрите, эту женщину я принес на ее землю.

Старики друг на друга посмотрели.

— Старушка, это медведь-выкормыш нашу дочь к нам принес!

Старик кинулся к нему, ласкал кайгуся, гладил рукой. Кайгусь взял руку старика и ткнул ее в свою шею. Старик пощупал.

— Старушка, — старик воскликнул, — ошейник нашего воспитанника давить его начал!

Старуха подошла, погладила его.

— Старик, сделай ему из железа новые ручные защиты³!

На следующий день одни люди ковали, другие кольчугу для него делали; люди ему новые ручные защиты надели, хорошую пищу ему поставили.

Дня два они здесь простояли, а потом сказали:

— Скоро пойдешь? Пора тебе идти.

Медведь отряхнулся, на ручные защиты посмотрел, вперед шагнул.

Старик со старухой ему говорят:

— К молодым кайгусям не приставай!

Медведю дорога образовалась*.

Люди оттолкнулись от берега и по Елогую спустились.

79. Про сноху Этли

Этль живет с единственным сыном. Когда он вырос, Этль его женила. Ему выпала на долю такая лентяйка женщина!

Этль с сыном на большую ходьбу* отправлялись. Они утром собрались аргишить. Люди на нарты вещи складывали.

Этль со снохой тоже проснулись. Сноха проснулась и снова уснула. Этль снохе говорит:

— Ну, вставай, аргишить пора, с чума уже покрывки сняли.

Сноха продолжает спать и на нее внимания не обращает.

Этль с сыном с аргишом ушли. Сноха только после полудня вещи на нарту сложила и аргиш догнала. А у ее свекрови с сыном уже чум готов, и они чай пьют. Сноха пришла и чум поставила.

Этль снохе говорит:

— Как же ты будешь жить? Ленивые люди не могут прожить. Ты на себя хорошенько посмотри-ка, от твоего азяма лохмотья на десять верст сзади тащатся.

Так они зимуют, сноха всегда после всех аргишит. Потом, на зимнем стойбище, у ней сын родился. По утрам Этль сноху громко зовет:

— Мальчик плачет, дай же ему грудь!

Мужчины с маленькой ходьбы* пришли, и люди собирались выходить на край тайги. Наст образовался. По утрам по насту люди станы делают¹.

Этль с сыном вещи на нарты сложили. Сноха хоть и проснулась, но так и не встала. Этль взяла колыбель с мальчиком и поставила внутрь нарты. Люди потушили огонь в своих очагах.

На верхнем конце стойбища² одна старуха знала, что эту женщину — сноху Этли — оставят. Она березовую губку в костер затолкнула. Люди все ушли.

Сноха только после полудня проснулась, взглянула — а ребенка нет. Она вышла искать следы от полозьев нарт, но на насте их совсем не

заметно. Она начала искать огонь в очагах. В чум на самом верхнем краю стойбища она прежде не ходила. Она сходила туда, разгребла очаг, нашла гриб — огонь горит³! Потом она костер развела и этот огонь все время бережно хранила.

Сноха Этли переночевала. Утром она встала, много бурундуков нахлестала прутиками. Она их ободрала и мясом этих бурундуков питалась.

Сноха Этли думает: «Надо жить. С ленивой жизнью надо покончить. Теперь я всю старую и рваную одежду почию». Она думает: «В какую сторону мне идти?»

Она по насту куда-то идет, в верховье маленькой речки попала, спустилась по ней, скатилась к ручью, по ручью спустилась, переночевав на полпути. Потом она скатилась вниз к берегу реки, на берег большой реки вышла.

— Я, — говорит, — бревна — две чурки — вместе свяжу!

Она на этих бревнах стала спускаться вниз по реке. Слушает. Деревья вдали трещат. Вверх взглянула — медведь к ней спускается. Он остановился, на задние лапы встал, к ней подошел.

Она свой пояс развязала, в лапу медведя вложила, сама шестом оттолкнулась.

Женщина спускается по реке. Вверх глядит, а там на берегу реки, на березах, сины⁴ сидят. Сины лазят по березам. Она про себя говорит: «Если бы отец моего сына был здесь, он бы вас убил».

А отец ее сына в это время на лодке снизу вверх поднимается и слышит ее слова.

Она вперед смотрит — лодка поднимается. Он ее спрашивает:

— С кем ты разговариваешь?

Она помолчала немного, а потом ответила:

— Я сама себе бормочу.

— Нет, — он возразил, — ты с кем-то разговаривала.

Он настаивает:

— Скажи мне!

Она немного помолчала и сказала:

— Впереди там, на березах, сины сидят.

Он сходил туда, убил их, обратно к ней вернулся. Он к ней присмотрелся — она настоящим человеком стала, одежда хорошо починена.

Он ее спрашивает:

— Ну как, ты с ленью теперь покончишь?

— Да, — отвечает она, — покончу.

— Я, — он говорит, — тебя искать вверх поднимался. Садись в лодку!

Она села к нему.

Они выехали из реки и к своему чуму вверх поднялись. Своей матери он сказал:

— Она сама приплыла, теперь она поняла жизнь.

Изложение рассказа⁵ кончилось.

80. Ленивая жена

Давным-давно остяки жили. Стали они собираться на большую ходьбу*, на зимовку. Эти мужчины и женщины были очень ловкие, работающие, только у одного остяка жена была ленивая. Женщины над ней век* подсмеивались, но та, ленивая, не обращала на это внимания, говорила:

— Даром* мне их насмешки!

Муж ей говорит:

— Ты такая ленивая, люди век над тобой смеются.

Она совсем уже ничего делать не хочет. Муж ей пригрозил:

— Когда-нибудь я тебя все-таки проучу!

Она по-прежнему внимания не обращает. Говорит:

— Даром!

Вот живут. Заморозки начались. Люди отправились на зимовку. Ленивая сидит себе, ни рукавиц, ни пимов не заготовила. Муж рассердился:

— И что ты за человек! Посмотри-ка, у других людей рукавицы, пимы, лыжи готовы¹. А мы без всего сидим. Все охотиться на дичь собираются, а ты все наше имущество проквасила.

Вот остяки на зимовке в новый аргиш отправились. Он со своей ленивой женой опять остался ни с чем. И так каждый аргиш, до самой весны. Люди с места зимней охоты возвращаются, она знай себе спит. Ее муж надумал — холст взял, накрыл ее, подоткнул со всех сторон, бревнами привалил. Говорит:

— Теперь спи сколько хочешь!

Вот люди с места охоты к своим землянкам возвратились. Ленивая, теперь уж не знаю сколько, спала, потом очнулась. Говорит:

— Ой, вот это я поспала!

Хотела было встать, хотела лопать в сторону откинуть, чтобы выбраться. Говорит:

— Кто-то меня бревнами обложил, чтобы я не вылезла.

Бревна отвалила, наружу вышла, заплакала:

— Все люди ушли, бросили меня!

Походила, походила там, где чумы стояли. Все кругом обошла, осмотрела — ничего не нашла. Говорит:

— Хоть бы моя сестра что-нибудь мне оставила.

Пошла на то место, где чум ее сестры стоял, мешок нашла, а в нем — еда. Обрадовалась женщина. Еще немного походила — иголку нашла.

— Ну, — говорит, — этого уже хватит!

Села, шить стала. Старые, рваные бесем, парку, пимы, другие вещи починила. Потом след ушедших людей нашла, пошла за ними. Вот идет, вот идет, слезы капаят. Сама себе говорит: «Так тебе и надо, проучили тебя люди!»

Так она все шла, долго ли — не знаю. Вперед посмотрела, видит — березы стоят. Она очень обрадовалась — значит, уже река близко. Сама нарточку тащит; не знаю, сколько еще шла. Вот идет, вот идет. Вдруг кто-то ее нарту за копыл схватил. Она вперед тянет, тот не пускает. Она оглянуться боится. Говорит:

— Это чьи еще руки нарту мою держат?

Взглянула — это медведь копыл ее нарты крепко схватил.

Она просит:

— Старик, отпусти меня! Меня и так люди покинули. Если съест меня хочешь, ешь, мне теперь все равно!

Медведь сразу нарту отпустил. Она дернула ее и, отойдя немного в сторону, остановилась. Нарту оставила, сама отошла, бересту с берез стала обдирать. Говорит медведю:

— погоди, я тебя позову.

Женщина набрала бересты, по той же тропке назад вернулась. Немного прошла, видит — впереди берлога открытая. Она бересту внутрь затолкала, подождла. «Вот, — говорит, — сейчас с тебя сало побежит». Немного погодя старика вытащила, бросила.

К берегу пошла, посмотрела. Речка хоть маленькая, но все же речка. Говорит: «Надо что-то придумать. Надо самой ветку* сделать». Не умела ведь, поэтому долго делала. Наконец сделала. Когда сделала, река уже вскрылась. Села в ветку, говорит: «Попробую плыть. Вот, — думает, — теперь уже ветку сама могу сделать».

Потом все имущество и мясо медведя на берег стащила, в ветку положила, поплыла. Через маленькую речку в большую попала. Вперед посмотрела — илимки вдалеке показались, по течению плывут. Думает: «Теперь я останусь жива!»

Через некоторое время илимки подплыли, пристали. Она к людям подошла. Люди ее не узнали. Она говорит:

— Не узнаёте, это ведь я, та ленивая женщина.

Этим осяткам она медвежьего мяса дала. Потом спросила их:

— Моих людей не встречали? Где теперь они?

Приплывшие сказали:

— Твои люди сзади едут.

Она навстречу им вверх поплыла. Илимки с людьми вниз по течению сплавляются. Ее родственников среди них нет. Немного погодя

показалась еще одна илимка. Она быстро к ним подплыла. Посмотрела со стороны на своих людей — они сильно исхудали. Она подумала: «Видно, сильно голодали мои люди, раз так изменились».

Она к ним подплыла и поскорее достала мясо, им подала, говорит:
— Ешьте!

Люди никак в ум не возьмут, между собой говорят:

— На зимовке ее покинули, а теперь она вон откуда к нам пришла.

Она им сказала:

— Сначала поешьте, потом все вам расскажу. Теперь я больше не ленюсь.

Люди поели. Она стала им подробно рассказывать, как медведя убила, как ветку сама себе сделала. Говорит:

— Теперь, сколько жить буду, лениться не буду!

Маленьким детям наказала смеясь: вы эту сказку вперед несите², знайте, как люди лентяйку проучили.

Муж ее говорит:

— Так тебе и надо!

81. Глупая жена

У одного остяка была молодая жена. У ее мужа была кайгусь. Как ни пойдет на охоту, всегда много дичи добудет. Такого человека зовут кайгусь-кет¹. На сохатого отправится охотиться, тоже добудет. Другие люди так же, как и он, ходят, а ничего не добывают. Жена этого охотника к своим родственникам в соседние чумы ходит, век* им мясо носит. Вот как-то ее сестры нарочно ей говорят:

— Ты после месячных, прежде чем с мужем лечь спать, одежду, спальные принадлежности над огнем не тряс². Очищать нельзя!

У нее ума своего нет. Радуетса, что подсказали хорошее. Так и делает.

Вот живут. Ее муж стал мало добычи приносить. Его колени нечистота, грязь схватила³. Придет с охоты домой, только рукавицы бросит⁴. Женщина спрашивает:

— Добыча где?

Отвечает:

— Нет ничего!

Его кайгусь к ее родственникам ушла. Вся дичь теперь им попадает. Женщина сходила было за мясом в соседние чумы к родственникам. Те на первый раз немного дали. Ее муж опять на охоту пошел, но ничего не добыл. Его коленки еще больше схватило. Она снова к соседям пошла мясо просить. Они ей говорят:

— А ты не тряс⁵ говно над своим мужем! Убирайся, нет у нас ничего!

Она так ни с чем и возвратилась. Говорит:

— Теперь мои дети голодными останутся.

Сама думает: «Когда муж на охоту уйдет, дай посоветуюсь с бабушкой⁵, расскажу ей все».

Когда муж ушел, она бабушке говорит:

— Это, наверное, я его испортила.

Бабушка спросила:

— Что ты делала?

— Я менструальную кровь не очистила. Вещи, одежду над огнем не потрясла.

Бабушка говорит:

— Тебя кто такому научил?

— Меня сестры подговаривали так поступить.

— Внучка, да, это ты мужа испортила. Из-за тебя, видно, от него кайгусь ушла. Теперь мы вот что сделаем. Ты, пока мужа нет, вещи над огнем потряси. Когда он придет, я его обмою от нечистоты, чтобы его колени легкими стали. А ты впредь живи по нашим законам, а не слушай их слова.

К тому времени, когда муж женщины, бабушкин сын, вернулся с охоты, старушка его вещи очистила, обмыла, над костром всю одежду потрясла со словами:

— Моло, моло, моло!

Ненужные вещи велела из чума вынести. Потом женщина свои вещи над костром потрясла, сама себя даже над костром потрясла, приговаривая:

— Моло, моло!

На другой день старуха еще ее обмыла. В воду для мытья она какие-то листья положила. На третий день старухин сын на охоту отправился. Добыл теленка сохатого. Старуха с невесткой за мясом ходили, мясо таскали домой. Соседи, родственники женщины, поняли, что у мужа ее снова кайгусь появилась. Опять он добывать стал. А их мужчины снова к старому вернулись — без добычи остались.

Есь так решил — он видит, что эти люди плохое сотворили, он кайгусь у них отобрал, остяку тому, мужу женщины, вернул. Поэтому тот снова добывать стал. Его жена говорит:

— Вот теперь я, правда, в ум вошла. Правду говорят старые люди: если женой к соседним людям придешь жить, живи по их законам, слушайся их, а не свою родню!

Я своим детям эту сказку век буду повторять — пусть и впредь ее помнят.

82. Говор про огонь

Старик один с детьми жил. Огонь вечером трещит, искры летят. Говорит она¹ старику:

— Я тебя кормлю!

Старик в огонь плюет:

— Тьфу, это я тебя кормлю, а не ты меня.

Дразнит огонь.

Огонь у старика того век* гаснет. Он к людям каким придет, и там огонь тухнет. Уйдет от них этот человек — опять огонь горит. Люди перестали его к себе пускать. Старик с детьми стал голодом помирать. Огонь ему сказала:

— Теперь ты подумай, правильно ли поступал? Теперь сына печень должен вынуть, сына убить, тогда огонь у тебя будет!

Старику сына жалко, совсем сумасшедший стал. Без огня нельзя — сына он убил, разрезал, печень вынул. Тут у него огонь получился. Тогда он стал людей учить, чтобы не дразнили огонь.

Это не сказка, это говор!

83. Рыбьи головы

Старик со старухой жили в лесу. Жили они очень хорошо, рыбы у них было вдоволь. Когда рыбу ели, старик головы оставлял нетронутыми. Так всегда он делал. Однажды он пошел проверять пушальню. В пушальню попали одни только головы.

Старик выбросил эти рыбьи головы. Так всегда стал делать. Рыба перестала ловиться. Старики очень голодали. Тогда старик как-то, добыв одни головы, не выбросил их, а принес в чум и сварил. Вареные головы они съели. Пушальня снова стала ловить рыбу. Старики снова хорошо зажили. Но старик по-прежнему бросал головы, и рыба перестала попадаться. На этот раз старик сообразил, что бросать рыбьи головы нетронутыми нельзя, их надо есть. С этих пор старики всегда жили с рыбой, не голодали.

Поэтому люди рыбьи головы не бросают целыми — их съедают или продырявливают.

84. Кайгусь — беличья мать

Жили два человека, жили, пошли белковать. В тайге они ходили, белковали, белок убивали, с них шкуру обдирали, поджаривали их и ели. Один из них хорошенько их объедал, другой, когда белку объедал, целые кости необглоданными выбрасывал. Первый ему говорит:

— Друг, зачем ты их так объедаешь? Беличья мать придет и тебя тоже так съест.

Долго ли, мало ли так ходили, беличья мать пришла к ним. Они сидят. Вечер настал. Беличья мать на другой стороне снеговой ямы сидит. Первый своему товарищу говорит:

— Друг, та, о которой я тебе говорил, пришла!

Второй отвечает:

— Иди ты прочь, это женщина к нам пришла.

Она напротив сидит. Первый взял палку и другой палкой по ней постукивает. Долго ли, мало ли он так с ней возился, на ту сторону взглянул и видит, что она немного улыбнулась. Он своему товарищу говорит:

— Друг, напротив сидит двузубая.

— Друг, — тот отвечает, — к нам женщина пришла.

Потом первый человек встал, наружу вышел и второму сказал:

— Я пойду за дровами.

Он надел лыжи, пошел. Обернулся, прислушался: сзади какой-то шум раздался — чертовка его товарища жрать начала.

Долго ли, мало ли шел, шел, домой пришел. Он своей жене говорит:

— Когда мы белковали, с моим товарищем что-то случилось. Когда он белок ел, он их кости необглоданными выбрасывал. Я ему говорил: «Друг, хорошенько объедай, беличья мать придет!» Он не послушался, беличья мать и пришла. Когда я ушел, она его уже жрать начала, наверно, так и съела его.

Этот человек, который домой пришел, в живых остался.

85. Про двух охотников

Двое людей пошли соболей добывать. В яме¹ один человек другого спрашивает:

— Ты боишься ястребов?

А другой ответил:

— Я не боюсь.

Утром встали, белок сварили, поели, разошлись в разные стороны. Один человек четыре дня ходил, двадцать соболей добыл. Ночь настала, он огонь развел, белок нажарил, есть стал. Он сидит у костра, а кто-то в стороне захохотал. Он подумал — это летяга кричит. Он опять есть стал. Немного времени прошло — литысь закричал. Он испугался, немного послушал — литысь все ближе и ближе, уже совсем рядом идет. Литысь сильно закричал, костер гаснуть стал. Человек соболей взял и в огонь бросил. Он сказал:

— Огонь, моих зверей съешь, пусть только литысь меня не трогает!²

В это время ястреб прилетел, у костра сел, человеком стал. Человек смотрит — а это его товарищ.

— Ты его испугался? Ты же говорил: «Я не боюсь ястребов». Ты разве не знал, что у моего отца была ястребиная шкура?

А другой человек ему говорит:

— Ты медведей боишься?

А он отвечает:

— Я не боюсь медведей.

Зима кончилась, лето настало. Вода прибыла, он в ветку* сел, поехал за утками. Уток добыл, на острове огонь развел. Уток сварил, поел, спать лег. А его товарищ своей матери говорит:

— Мама, дай мне отцовскую медвежью шкуру.

Он шкуру взял, к реке пошел, в ветку сел и поехал к своему товарищу. Пристал к черемуховым кустам, из ветки шкуру взял, на себя надел. Он пошел на четырех лапах к своему товарищу. Тот спит, а медведь его за волосы схватил и в черемуховые кусты потащил. Медведь его за голову взял и стал в землю тыкать. Тот закричал:

— Медведь, не трогай меня!

Медведь шкуру сбросил и говорит:

— Ты же говорил, что не боишься медведя!

86. Филин

Человек на охоту ходил, много соболей добыл. Он в одиночку соболя промышлял. Ночь настала, он возле огня уснул, до полуночи спал.

Филин прилетел и через дымовое отверстие забрался внутрь. Филин по другую сторону огня сел и разговаривает — пугает охотника. Филин плачет, лает, как собака, ругается и хохочет, хохочет. Охотник лежит и через рукав в ту сторону смотрит. Он думает:

— Наверно, это литысь пришел или доотадам¹.

Лежит он, боится. Филин к нему подошел. Охотник соболя взял и в огонь бросил. Он бросает, бросает в огонь, всех соболей в огонь побросал. Остался один черный соболя. Сжег и этого черного соболя. Филин опять захотел и улетел. Охотник говорит:

— Так ты филин? Ах ты! Я бы тебя палкой побил, я не знал, что ты филин. Всю зиму ходил, а из-за тебя своих соболей сжег.

Охотник помрачнел и домой пришел без соболей.

87. Про сохатого

Двое людей гнали* лося. Гоняли его, гоняли и видят — рядом со следом лося на снегу вроде как от листьев следы виднеются. Они вперед посмотрели — лось лежит. Они подошли, остановились и говорят:

— Кто же это лося убил?

Немного погодя изнутри лося человек наружу вылез, карлик¹.

Один из больших людей карлику говорит:

— Кто этого лося убил?

А он ответил:

— Я сам его убил.

Большой человек ему говорит:

— Иди ты! Не может быть, чтобы ты убил!

Тогда они бороться начали. Карлик ему говорит:

— Раз ты мне не веришь, иди туда, встань возле дерева и оселок к сердцу приложи.

Большой человек встал возле дерева и оселок к сердцу приложил. Карлик взял лук и выстрелил. Немного погодя большой человек к карлику шагнул и говорит:

— Ну, что же, убил ты меня?

А карлик ему отвечает:

— Ну-ка, оселок наружу вытащи!

Он, как только оселок вытащил, сразу на бок упал и умер.

Второй говорит:

— Зачем же ты человека испортил?

А карлик отвечает:

— Так ему и надо!

Ну, тут они друзьями стали, лося ободрали. Карлик все мясо отдал человеку, а себе оставил только жир. Потом они разошлись. Человек к себе домой ушел, карлик тоже домой ушел.

88. Про Дисла

Дисл¹ днем на охоту ходит. След лося ему попался. Дисл лося гонять* стал. Долго ли, мало ли гонял, сзади легкое постукивание слышно — кто-то с берестяных стелек на лыжах снег стряхивает².

Дисл сказал:

— Ну, теперь хорошо, нас двое!

Они долго ли, мало ли гнались за лосем. Дисл его убил.

Дисл сказал:

— Пока я лося разделаю, ты костер разведи!

Дисл свежевать лося закончил, взял порцию для жарева, рожень себе сделал, на рожень мясо надел и к костру поставил.

Второй человек такой длинный рожень сделал! Кайгусь³ сказал:

— Каждый свою еду как хочет, так пусть и ест.

Он ушел за мясом туда, где лось лежал.

Кайгусь взял лопатку лося, принес ее целиком к костру, надел на рожень, к огню поставил и жарит.

Кайгусь Дислу предложил:

— Давай мы теперь подружмся: я отдам тебе свои лыжи из кожи синов⁴, а ты дай мне свои лыжи!

Мясо изжарилось. Дисл начал есть. Кайгусь развязал на груди завязки своего азяма, вытащил рожень с лопаткой лося. Дисл с удивлением смотрит. Кайгусь лопатку в руки взял, одежду на груди раздвинул, лопатку лося в грудь воткнул, так что только кости захрустели.

Дисл испугался, в большое возбуждение пришел, как сумасшедший убежал.

Кайгусь ему крикнул:

— Друг, я тебя заранее предупредил: у каждого своя манера есть. А ты испугался, ушел. Друг, смотри, когда домой придешь, не говори, что ты кайгуся видел, не говори! Мы друзьями стали. Если твои люди спрашивать будут, почему ты сидишь и молчишь, не говори им, а то утром больше не встанешь.

Дисл в возбуждении домой идет. Домой пришел, лыжи снял, на вешала повесил и в свой чум вошел.

Жена с отцом его спрашивают:

— Кто тебя гонял? С твоего лба пот капает!

Дисл молча сидит. Жена на него поглядывает и говорит:

— Что с ним случилось?

А он все молчит.

Старик-отец говорит:

— Он на охоте с ума сошел.

Долго ли, мало ли он молча просидел, его отец рассердился, таган схватил и по колену его таганом ударил.

Дисл вскрикнул, охает:

— Боже мой, — сказал он, — я днем с кайгусем встретился, мы друзьями сделались. «Ты, — он сказал, — своим людям ничего не говори, не то утром не встанешь».

Старик сказал:

— Он с каким-то кайгусем лапаться стал!

Дисл с женой легли спать. Утром его жена встала, огонь развела, мужа будила-будила, но Дисл навек уснул — кайгусь его к себе в невидимый мир притянул⁵.

89. Про доотам

Двое по речке ушли; поднимались ветками* дня три. Смотрят — доотам бам сидит. Старые люди мало боятся. Один все же испугался, домой вернулся, другой остался. Тот, кто вернулся, своим людям рассказал про доотам бам, тут же и умер.

Доотам бам убила медведя, тот ее исцарапал. Она говорит тому, кто остался:

— Не бойся, перевяжи мне царапины.

Тот тальника надрал, ее перевязал. Спрашивает:

— Как тебе, полегчало?

Она говорит:

— Иди, обдери медведя, которого я убила, режь пополам. Половину мне оставь, половину домой тащи.

Он так и сделал: медведя разрубил, шкуру снял. Половину туши оставил, другую половину домой потащил.

Люди в чумах увидели, удивились — думали, второй тот давно неживой, а он домой идет, половину медведя тащит.

Тот человек век* жил здоровым, шаманом стал.

90. Как два брата доотэм бам встретили

Двое братьев на охоту ушли. Дома их бабы остались. Недалеко отошли — белку увидели. Били, били — не попали.

Поняли, что это доотэм бам им в таком виде показалась. Тут они костер развели, решили куда не ходить:

— Здесь ночевать будем!

Раньше люди ничего не боялись! Сидят у костра, видят — к костру младшего брата жена пришла. Сидит, молчит. Старший говорит:

— Твоя, что ли, баба пришла? Почему молчит? Неладное дело.

Ущипнул он ее, она засмеялась, он два клыка у нее увидел. Младший думает: «Моя баба пришла». Старший брат говорит:

— У нас дров мало, пойду принесу.

Пошел, дерево топором стукнул, слышит — какой-то крик получился. Старший подумал: «Моего брата уже в живых нет». Собачьим калом пальмú намазал (чистым железом доотэм бам не убить), вернулся к костру, там ее убил.

Раньше старые люди не боялись. Доотэм бам много было раньше. Станешь котелок над костром вешать, ручкой брякнешь, она тоже у себя стукнет: людям знак подает, что слышит. Люди поэтому ручку у ушка проволокой обматывали, тихонько клали¹.

91. О старике-дототе

Двое людей на ветке* поднимаются по речке на охоту. Они ехали, ехали, вдруг вода стала падать да падать, так что они на мели оказались. Потом вода вдруг сильно прибыла, большой стала. Они опять

едут. Они поднимались и поднимались, вода в речке то высыхает, и они опять на мели сидят, то валом идет, и они опять едут. Вот они ехали, ехали, вперед смотрят — у берега реки старик-дотот сидит. Ладонями речку загородил, и вода высохла — это он рыбачил. Они к нему подъехали, к берегу пристали.

Один своему товарищу говорит:

— Я в него выстрелю!

А другой отвечает:

— Не трогай его, он перед нами не виноват.

Но тот из колчана вынул стрелу в форме клина и выстрелил.

После того как он выстрелил, старик-дотот протянул руку, взял его за загривок, свернул ему шею, убил. Его товарищ вылез на берег, заготовил дров, костер разложил. Старик-дотот этому человеку сказал:

— Друг, сделай для меня рожень!

Он ему рожень сделал. Старик-дотот того покойника на рожень поддел, к костру подставил, жарить его стал. Человек в огне поджаривается, его выделения вниз падают. Старик-дотот ладони подставил — думает, что это внутренний жир течет.

Второй человек положил пальмú в огонь. Старик-дотот вдоль костра лежит. А человек яму вырыл в земле, выкопал в свой рост. Потом он колотушку сделал. Когда он кончил делать колотушку, он пальмú из огня вынул и воткнул ее в зад дотота, колотушкой вогнал. Дотот испугался, человека на рожне бросил вверх так, что тот через две излучины реки перелетел, упал. Старик-дотот умер.

Человек его убил, сам домой ушел. Домой пришел, людям рассказал, как дотот его товарища убил и как он сам убил дотота.

Потом, когда они на летовке жили, к ним пришла дотодам — жена дотота. Идет по краю речки: одна нога вдоль одного берега, другая нога вдоль другого берега. Дотодам обеими ногами обхватила речку и говорит:

— Отца моих детей кто убил? Я всю воду этой речки высушу!

Люди ее увидели, согнули две лиственницы, поставили петли на ее пути. Она подошла к петлям, одной ногой наступила, другой ногой наступила; лиственницы разошлись и ее пополам разорвали.

Дотодам-старуха все еще говорит:

— Хоть меня и убили, я все равно свое возьму. На этой речке сейчас много людей живет — ни одной собаки не будет!

Старуху-дотодам люди убили. Потом, когда осенью речка замерзла, люди котец пошли ставить. На льду тридцать человек провалились, ни один не вылез, все утонули. Один было выплыл, но из-под льда вверх не смог выбраться. Так все и потонули, и этот тоже утонул.

92. Про великанов

Жили старик со старухой, у них было трое сыновей. Двое были женаты, а младший сын со стариками жил. Зима пришла. Младший сын белковать пошел. На одном дереве что-то мелькнуло, он вверх посмотрел — белка-летяга сидит. Он выстрелил, но промахнулся, белка на другое дерево прыгнула. Он за ней погнался, а летяга с дерева на дерево прыгает. Стемнело. Белка исчезла, он туда-сюда посмотрел, думает: «Это не наши места». Он огонь развел, решил заночевать, хвою настелил и голодный спать лег. Утром проснулся, уже рассвело, он встал и на охоту пошел. Вперед посмотрел — пасть* из толстых бревен стоит. Он к пасти подошел, внутрь заглянул — в пасти сушеная юкола и порса рассыпаны. Он внутрь ловушки зашел, сел и юколу есть стал. Вдруг услышал какой-то шорох, посмотрел — человеческие ноги идут, как деревья толстые. Он вверх глянул — старик-великан¹ идет. Человек испугался. Старик-великан к пасти подошел, сверху вниз глянул и сказал:

— Это зверь не зверь, человек не человек.

Старик этого человека взял, в рукавицу посадил, домой пошел. Старик пришел к каменному чуму, лыжи снял, в чум вошел. В чуме большой огонь горит, у костра старуха-великанша с дочерью сидят. Старик рукавицы снял, из рукавицы человека достал, на ладонь посадил и дочери сказал:

— Живую игрушку тебе принес, чтобы ты играла.

Девочка обрадовалась, с маленьким человеком играть стала. Так они жили. Три года прошло, девочка выросла. Однажды старик дочери сказал:

— Ты зачем человека мучаешь? Ты к нему иди, вместе живите, зауж за него выходи.

Они вместе жить стали; год прошел, у них сын родился, большой мальчик. Дочка старика ему шапку сделала из шкур с голов семи оленят². Ребенок немного подрос, старик своей дочери сказал:

— У него там тоже отец, мать, братья есть. Вы теперь к нему идите, они его ждут.

Они вещи на нарту сложили, ребенка посадили, пошли. Человек впереди на лыжах идет, а его жена сзади, нарту тащит. Они долго шли. Зима прошла, весна настала. Они к большой реке подошли. Он ей сказал:

— Здесь близко мои люди живут. Ты с ребенком здесь посиди, а я схожу посмотрю, сколько чумов стоит.

Он ушел, она на угор помочиться пошла, от нее большой ручей к реке потек, она подумала: «Как же я с маленькими людьми жить буду? Люди будут смеяться, моему мужу они будут говорить: „Ты кого при-

вел?« Каждый раз, как я помочиться пойду, от меня ручей потечет». Она ребенка взяла и обратно пошла.

Человек спустился, вниз глянул — у реки десять чумов стоят. Молодые на улице в мяч играют³, старики на улице сидят, курят, его отец и мать тоже сидят. Он им не показался, тихонько назад пошел. Он назад пришел, видит — костер горит, а людей нет, только шапка ребенка на дереве висит. Он понял, что она навсегда ушла, немного поплакал. «Теперь, — сказал, — я к своим родителям пойду».

93. Старик и доотеты

Старик со старухой жили, жили. У них маленький сын был. Они белок промышлять ходили, сына дома оставляли. Вечером домой придут, сами головы белок едят, а сыну только лапки оставляют. Их сын плачет, лапки белок не ест.

Его родители¹ спать легли. Он всю ночь плакал. Доотем-старуха² пришла, брюхо сына распорола, кишки вытащила, в огонь положила, сына съела. Родители³ утром встали. Их сына и шороха нет⁴. Доотем-старуха его съела. Старик говорит:

— Старуха! Пальмú принеси.

Старуха пальмú в дом внесла. Старик пальмú наточил. К доотем-старухе пошел. Доотем-старуху пальмóй ударил, голову ей проломил, сам домой пришел. Немного погода к ним дочь доотем-старухи пришла, говорит:

— Мне марамчанку⁵ дайте: у матери голова болит, мать просила.

Старик рассердился, дочь доотем-старухи убил. Старик пошел, доотем-старуху добил. Доотет-старик остался.

Муж доотем-старухи говорит:

— Пойдем со мной, потом ты меня съешь!

Доотет-старик со стариком в лес пошел. Тот от дерева щепки отрубил, котел поставил, воду налил, огонь разжег, котел вскипятил. Доотету говорит:

— Дядя! Посмотри, как котел кипит!

Доотет-старик посмотрел, еще посмотрел. Старик котел взял, кипяток на доотета вылил. Доотета огонь спалил.

Старик всех доотетов убил. Старик со своей старухой остался.

94. Куньт

Люди — Бальбины — жили. Вечерами боятся: все время старухи-доотэмы кричат. Они хотят спать с мужиками. Куньт говорит своим людям:

— Скажите старухам, у нас Куньт есть, он согласен.

Доотэм-старух семь было. Они говорят:

— Вашего Куньта не испугаемся!

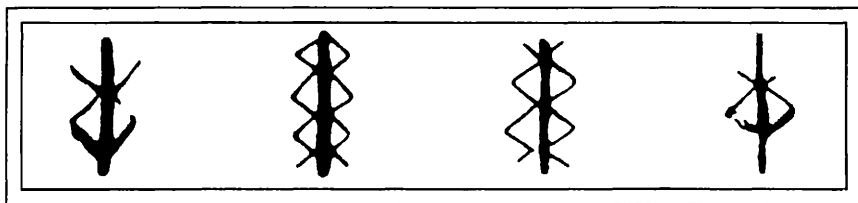
На берегу, на угоре, большой чум поставили. Куньт говорит:

— По очереди буду!

Первая доотэм бам в чум вошла. Куньт на берегу, на песке, находится. Семь человек его член поднимали. Совокупились. Доотэм бам как закричит, у чума жерди раскололись, упали. Куньт говорит:

— Испугались? А ведь сами хотели!

С тех пор доотэм бам не кричат.

ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ

95. Кайгусь верховья реки

Кайгусь¹ верховья реки жил, с семьёю семьями жил он в семи чумах.

Он с женой у опушки леса на берегу жил. У него был черемуховый посох. У опушки леса он с женой чум поставил, там у берега он и жил. Он, по правде сказать, все лежал и спал. Колотушкой его будили. Когда им надо было его разбудить, кто-нибудь колотушкой его по уху ударит, и он просыпается, спрашивает:

— Что вам надо?

А они отвечают:

— Еда кончилась, мы есть хотим!

Он поднимется, спустится с опушки леса к воде и начинает играть на дудке². Как только он заиграет на дудке, рыба начинает подходить к берегу. И щуки, и язи, и окуни, и нельмы, и чирьи к берегу идут. Кайгусь как заиграет на дудке, нельмы, муксуны к нему идут, к берегу подходят, слушают, а он их быстро начинает бить черемуховой палкой.

Потом он несёт их семи семьям, поодаль от берега живущим людям из семи чумов, для которых он рыбачил. Потом он возвращается на опушку леса и опять спать ложится. Они эту рыбу съедят, а когда голодными станут, есть захотят, говорят:

— Сходите вниз к нашим людям, к кайгусю, разбудите его! Мы есть хотим, у нас еда кончилась. Кайгуся разбудите, колотушкой его по голове ударьте!

А он крепко спит. Они его по голове этой колотушкой ударят, и он просыпается.

— Что, — говорит, — опять еда кончилась?

Они говорят:

— Мы проголодались.

Он свой черемуховый посох берет и к краю леса идет. Как станет на дудке играть, так гуси прилетают. Он их черемуховым посохом бьет. Вот как на дудке кайгусь заиграет, вот как заиграет — лебеди садятся, а он их черемуховым посохом убивает³. Снова как заиграет, подражая птичьим голосам, — утки садятся. Он их тоже бьет.

Вот заиграет — гуси садятся, он их убивает, лебеди садятся — он их убивает, утки садятся — он их убивает. Потом он их подбирает, связки делает, наверх относит людям семи чумов, каждому чуму по одной связке. Потом он вниз спускается на опушку леса и ложится спать.

Некоторое время он опять спит. Пока он спит, они этих птиц съедят. Кончится их еда, они опять вниз идут, опять колотушкой его по голове бьют.

— Кайгусь, проснись, — они ему говорят, — у нас еда кончилась, мы голодные!

Они колотушкой его по голове ударяют. Они колотушку берут и по уху его ударяют. Он просыпается.

— Чего еще вам надо? — спрашивает.

А они говорят:

— Пища кончилась, мы есть хотим!

Он черемуховый посох берет, к краю леса спускается, начинает на дудке играть. Быстро так играет! Приходят разные звери и его слушают. А он их бьет, связки делает, потом их вверх относит к чумам, каждому чуму долю дает. Сам он потом вниз спускается, у опушки леса спать опять ложится, засыпает; спит дальше.

Снизу юраки пришли⁴, воевать начали, стали людей убивать. А он спит. Люди, было, пытались сражаться с юраками, но те большую часть людей убили. Оставшиеся говорят:

— Вниз сходите, кайгуся разбудите!

Как они его колотушкой ни били — он крепко спит. Они опять пошли воевать.

— Как быть с кайгусем? Сколько они наших людей уже перебили, а он не просыпается!

Его жена заплакала, плачет и говорит:

— Кайгусь, вставай, с низовья юраки...

Она плакала, слеза упала ему в ухо. Он и проснулся.

— О чем плачешь? — он ее спрашивает. — Не плачь! Почему, — говорит, — ты плачешь?

Она молвила:

— Юраки с низовья — «люди с лиственничными чумами» их называют — наших людей убивают.

Он встал, черемуховый посох взял, туда ушел, черемуховым посохом бить их стал, воевать начал. Он бил их так, что юраки с низовья, с лиственничными чумами, как пучки на лугу валяются, как трава на лугу валяются, как крапива на лугу валяются, как осока⁵ на бок они валяются.

Потом он посмотрел вокруг и в себя пришел. Оказывается, он гнилые пеньки разбивал — на бок они упали, а крепкие пни остались, крепкие пни стоят⁶.

Тогда его люди на край леса спустились, все деревья на лиственничном мысу срубили, пять человек вниз сходили, лиственничные угли зажгли, чтобы ковать. Некоторые глину таскали, чтобы плавильную печь сделать. Сделали печь, ковать стали, железо ковать стали, панцири сделали, на долю пятерых человек сделали. Кайгусь для себя самого панцирь сделал, потом для своей жены панцирь сделал. Они надели панцири, его жена надела, он сам надел. Когда эти пять человек надели свои панцири — все как один человек стали.

— Теперь, — сказал он, — мы будем шаманить!

Они шаманили, шаманили. Его жена вдруг говорит:

— Пусть мои руки размахнутся и опустятся! Вы тоже размахните!

Опять шаманили, шаманили — они руки размахнули и в камни превратились⁷.

96. Бальна

Тунгусы пошли воевать с Бальной. Их было пятеро вожаков. Старуха-тунгуска им говорила:

— Мой сын один остяков убивал, что же вы пятеро их боитесь?!

Тунгусы тогда вверх по Енисею отправились. Вожаки на санках сидят, простые люди их тащат. Вот шли, вот шли они к Бальне. Встречая остяцкие чумы, они людей убивали, грабили. Так шли они все вперед, чтобы Бальну убить. К Бальне подошли. Военный чум из отказов соорудили¹.

Бальна сказал:

— Давайте временно побратаемся, а потом повоюем; чум все равно вашим останется, а сейчас давайте чаю попьем.

Бальна нож взял, стал еду готовить. Тунгусских воинов пять было, а у Бальны — четверо. Одного, Белегына, они спрятали, парками, другой лопатью прикрыли.

Собрались есть вареную рыбу, чай пить. Хватились, а ложек нет. Каждый из остяков сел так, чтобы рядом тунгус был. По знаку Бальны каждый остяк сидящего рядом тунгуса убил. Пятого упустили. Он из чума выскочил, за ним Белегын погнался. Тунгус свой отказ успел схватить, а Белегын не успел. Остяки кричат:

— Белегын, пташечка, отказ возьми!

Белегын отвечает:

— Хватит одного на двоих, обойдусь!

Белегын гнал* тунгуса, гнал, посреди Енисея догнал. Тунгус оглянулся, увидел, что у Белегына отказа нет. Хотел его своим отказом поддеть, а Белегын на кончик отказа вскочил. В это время Бальна позвал. Бальна кричит сзади:

— Белегын, пташечка, крепче держи!

У тунгуса сил не хватило. Он отказ, на котором Белегын сидел, отбросил, сам побежал. Белегын отказ схватил, побежал за ним, отказом тунгуса в пятку ударил. Тот упал. Белегын его убить хотел. Тунгус просит:

— Меня в живых оставьте!

Подоспевший Бальна спросил:

— А ты, когда добычу убиваешь, бросаешь ее?

Бальна его сердце вынул; это сердце они сырым съели².

Потом они к своим чумам отправились. С тех пор тунгусы к остякам не ходят.

97. Бальна

Осенью дело было. Объявились наверху¹ пять братьев-тунгусов, победить их остяки не могут. Стрелы в них остяцкие не попадают — на лету тунгусы их перехватывают. Воюют братья одни, без войска. Пошел Бальна со своими братьями, видит, что взять тунгусов можно только хитростью. Отчертили место, откуда стрелять, чум большой поставили. Бальна велел своему войску подальше быть, не показываться. В чуме остались впятером — Бальна, Тогыт, Белегын и двое старичков (отцы жен Бальны и Тогыта). Велел Бальна поставить большой медный котел — сохатину варить. Своим людям сказал:

— Смотрите, когда я, угощая, первый кусок поддену, сык из соха-тиноного рога насквозь проткну, вы тогда должны успеть всех прикончить.

Сам пошел к тунгусам, в гости всех пятерых зовет. Гости в чум вошли, сели. Рассадил их Бальна так, что около каждого тунгуса наш человек сидит. Говорит Бальна:

— Что же это, гостей позвали, а есть нечем, и ножей у нас нет, чтобы ложки сделать.

Тунгусы свои ножи дали. Дальше все было, как Бальна сказал. Только Белегын не успел сидящего рядом тунгуса заколоть. Тот в дымовое отверстие чума выскочил, пальмú схватил, через Енисей по льду побежал. Белегын за ним погнался. Ему кричат:

— Белегын, пташечка, поймай его, схвати его, нас с пальмóй подожди!

Белегын тунгуса посередине Енисея догнал. Бороться стали. У того пальмá. Он замахнулся, ударил, но Белегын быстрый, ловкий — отскочил и уже нет его. Сзади наши люди бегут, кричат. Второй раз тунгус ударил, а Белегын на конец пальмбы вскочил, сверху сидит, прижавшись. Скинул его тунгус, опять ударить хотел было, опять Белегын наверху сидит. Спрыгнул Белегын, пальмú ухватил, держит. Тут народ подбежал. Тунгус пальмú бросил, побежал. Белегын его пальмóй по пяткам ударил. Упал тот. Стал просить, чтобы отпустили его. Белегын сказал:

— Догнав дикого*, ты разве отпускаешь его?

Убили тунгуса. Наши люди сердце и печень вынули, съели, чтобы сила в них перешла. У того изо рта красная птица олан вылетела.

Мать тех тунгусов семь лет не верила, что ее сыновья не вернуться. Потом поверила: «Значит, остяцкая баба лучше своих детей растила, чище соски обмывала, раз моих убили».

Потом Бальна с братьями на низ² ушел. Там один юрак с сыном жил. Здоровый, никакая сила его не берет. Одежда у него из железных прутьев плетенная — чтобы стрелы не брали. А лето было. Железо нагревается, сын все время его водой для прохлады поливает.

С каменной стороны* спустился юрак, против чума Бальны сел. Бальна с братьями на ту сторону в двух лодках поплыл. Одна пустая. Подъезжают к середине Енисея, видят — юрак стрелу наводит. Прыгнули все в другую лодку, стрела юрака мимо пролетела. Середину проехали, опять в первую лодку прыгнули. Белегын тут говорит:

— Ничего вы не видите, у него на груди свободное место открылось. Выстрелили. Пропал тот юрак, сын его убежал.

Последняя война на Елогуе была. Выше фактории речка есть там³. Юраки туда всем войском пошли. Заночевали. До наших уже недалеко осталось. Одного своего вперед послали — чумы остяцкие считать. Наши чумы приметные. У них наверху отверстие, чтобы легче воинам вылетать было. Юрак стал считать, сбился — слишком много чумов. На звезды взглянул — звезды сосчитал. Пошел к своим. Те не верят, говорят:

— Ты, однако, совсем не ходил.

Другого послали. Тот юрак опять считал-считал остяцкие чумы, сбился, не сосчитал. На звезды взглянул — все сосчитал. В третий раз богатырь юракский помощника своего послал. Тот пришел, чумы ос-

тяцкие считал-считал — не сосчитал. На звезды взглянул — все сосчитал. Обратно пошел. Назад шел, половину юксы отрезал. К своим добрался — утро уже. Есть стал, шуку жарить стал, на роженъ поддел. С нее жир капает. Он говорит:

— Ай, ай, шуки жир на ладошку падает — больно; остяцкая стрела попадет — совсем больно будет.

Предупредил старшего, что много остяцких чумов видел. Все равно, поев, юраки войском пошли. До половины дороги дошли, у помощника юкса оборвалась. Сказал он богатырю:

— Это знак. Половину моих людей оставьте.

С ними назад пошел. Оставшиеся, ночь подождав, вперед пошли.

У остяков главный богатырь брата имел. Тот молодой еще был, в одном нательнике ходил⁴. Жена брата скоро должна была сплести ему железную парку. Мать тех братьев вышла из чума, дерево пощупала — оно ходуном ходит: уйма юраков идет. Остяцкие воины все воевать ушли. Старший не велел брата отпускать, но женщины удерживать его не смогли.

Юраков больше было, они победили бы, но сами себя подвели. Один богатырь людей увел назад, другому тоже уйти пришлось. Это было так. Когда шел он воевать, баба его сказала:

— Принеси мне остяцкий скребок.

Тот в первом же чуме, как убил всех, скребок нашел, за пазуху сунул, сам дальше воюет. Скребок за пазухой трет, рану ему сделал, пришлось и этому богатырю уйти. Много убитых было. От крови ручей сделался. Он так теперь и называется — Кровавый ручей. Столько народу прошло, что снег твердый стал: пальму воткнешь — конец отламывается. Никто не победил. Остяцкий богатырь тоже ведь тогда ранен был.

Когда юраки ушли, пришел тот богатырь домой — младшего брата нет. Пошел искать, нашел убитым. В одном нательном лежал. Стрелу из раны вынул, посмотрел, а стрела оказалась остяцкая. Стал своих, кто остался, спрашивать, чья это стрела. Один старичок признался, что это он убил его брата.

Богатырь пошел главного юрака искать. След нашел, погнал. Догнав юрака, спросил:

— Почему уходишь, мы ведь с тобой еще не воевали?

Добил его. Война закончилась.

98. Бальна

Бальна-богатырь жил против поселка Алинского. Речка там есть. Раньше здесь остяки жили. У Бальны никакого оружия не было, одна черемуховая палица сверху саргой обмотанная, рыбьим клеем оклеен-

ная. Простой человек, конечно, ее не поднимет — тяжелая. Три брата их было — Бальна, Тогот и Белегын. Белегын на тунгуске женат был, у них жил. У Бальны жена была сильная, как он сам.

Тунгусы Белегына не трогали, потому что Бальны боялись. Заболел как-то Белегын, встать не может. Не кормили его тунгусы, только то и ел, что жена тайком принесет. Слух о его болезни дошел до братьев. Собрались его навестить. Жена Бальне говорит:

— Палицу с собой возьми, парку железную надень.

— Зачем? — говорит. — Я ведь к брату в гости иду.

Так и ушли. Брата, похудевшего, ставшего уже как тень, застали. Обратно собрались идти. Тунгуска, Белегына жена, говорит:

— Обратно своей дорогой не ходите. Луки возьмите с собой. У мужа моего четыре лабаза есть, все в разных местах, — если понадобится, припас там возьмите. Вас дорóгой враги караулить будут.

Тогот уговаривает Бальну не верить:

— Она нашего брата заморила, не слушай ее.

Пошли старой дорогой. Тунгусы, правда, спрятались и ждали их. Когда братья приблизились, тунгусы выстрелили. Одна стрела попала Бальне в живот, а Тогот притворился раненым, упал. Тунгусы подошли, посмотрели — у Бальны кровь видна, а Тогот так лежит. Его голову стрелой пошевелили — Тогот сам голову повернул, как будто от стрелы. Тунгус хотел еще раз выстрелить и лук натянул. Тогот голову быстро в сторону отдернул и на место снова положил. Стрела его и не задела. Снег немного пошевелился — тунгус подумал, что стрела попала. Тунгусы назад ушли.

Белегын ничего не знал. Тогот раненого Бальну домой принес, стрелу из живота вынул, рыбьим жиром смазал. Дома шаман лечить его стал. Однажды приходит жена Бальны и говорит:

— Врагов уйма идет!

Бальна велел доску принести. Доска тяжелая, лыком обмотана, клеем оклеена, стрелы ее не пробивают. Бальна говорит жене:

— Доску возьми и перед собою носи, пусть за ней люди спрячутся. Стрелы три раза вонзятся в доску, счищай их, палкой стряхивай, наши люди пусть их подбирают. Подберете стрелы, опять воевать сможете.

Жена Бальны с людьми ушла, доску ту понесла. Долго воевали они. Шаман все Бальну лечил. Когда тридцать остяков в снег упали, Бальна сам вышел, палицу взял. Начал палицей размахивать да по вражьи́м головам бить. Многих врагов побил, лишь немногие убежали.

99. Бальна

Бальна жил со своими братьями¹. Среднего брата имя было Тогета, младшего брата имя было Белегин. Жили, жили, и его младший брат

женился, жену-эвенкийку взял², пошел к тестям³ жить. А своим братьям сказал:

— На будущий год весной я к вам приду.

Он сказал, в каком месяце придет. Но в этот месяц он не пришел. Братья его ждали-ждали, решили сами идти его разыскивать. Пришли. Оказывается, их брата эвенки голодом морят. Эвенки его потому голодом морить стали, что, когда они охотились на диких оленей, Белегин всегда первым оленей убивал. Вот за это они его невзлюбили. Но убить его они не могли, поэтому стали его голодом морить.

Когда Белегин лежал дома на постели, эвенки через дверь чума в него из луков стреляли, но стрелы его не берут. Стрелы под его постелью, как хлам, лежат.

Когда его братья пришли, они увидели, что их брат больной лежит, даже собственных братьев не узнал.

Его жена-эвенкийка для них еду приготовила, их накормила. Потом она им сказала:

— Почему так долго сидите? Темно становится, обратно бы шли.

Но открыто она им не сказала, что ее братья пошли на дорогу их караулить. Когда Бальна и Тогета обратно идти собрались, она им сказала только:

— Осторожно дорогой идите, по сторонам поглядывайте.

Но они ее не послушались. Лыжи надели и понеслись. Уже вечер был, они недалеко от чумов ушли, вдруг ушки стрел щелкнули⁴. Эвенки из луков в них выстрелили. Бальна впереди шел. Ему прямо в живот стрела попала. Бальна упал. Тогета сзади шел, ему в ухо стрела попала. Тогета упал.

Эвенки подошли к ним. Один у Бальны свою стрелу стал вытаскивать. Бальна животом стрелу прижал, чтобы эвенки подумали, будто она глубоко вошла. Эвенк с трудом эту стрелу вытащил. Другой эвенк у Тогеты стрелу из уха вытаскивать стал. Тогета стрелу ухом к плечу прижал. Эвенк с трудом свою стрелу вытащил. Первый эвенк свой лук натянул, в лоб Бальны выстрелить хотел, но второй эвенк ему сказал:

— Грех сильному человеку в лоб стрелять, не тронь, мы их и так уже убили.

Потом эвенки обратно пошли. Когда домой пришли, они своего больного зятя бить стали. С трудом Белегина убили.

А тем временем Бальна поднялся на ноги, брата спрашивает:

— Ты чего, живой?

Тогета ему ответил:

— Я жив.

— Сильно тебя ранило?

— Нет, только ухо стрела задела. А тебе в какое место стрела попала?

Бальна ответил:

— В живот попала.

Бальна сказал брату:

— Огонь для меня разведи.

Тогета сухие ветки наломал, Бальна огонь развел. Из раны на животе жир вырвал, на конец стрелы надел, на огне зажарил дочерна, поел, маленьким кусочком свою рану помазал. Потом они лыжи надели и быстрым ходом домой пошли. Когда домой пришли, Бальна своему тестю сказал:

— Мою рану срасти!

Тесть его шаманом был. Он шаманить начал, своего зятя лечить стал.

А брату Бальна сказал:

— Собери войско и иди воевать с эвенками.

А один старик ему сказал:

— Иди к эвенкам, пусть придут завтра, воевать будем, а если не придут, то мы сами придем, все равно их убьем.

Эвенки пришли и остановились. Эти тоже уже стоят наготове.

Воевать начали. Сам Бальна в своем чуме остался, а жене своей панцирь велел надеть⁵ и сказал:

— Когда от ушков стрел снег будет отваливаться⁶, принеси мой панцирь и мой лук.

Его жена так и сделала. Только снег рухнул, она панцирь ему обратно принесла. Бальна надел свой панцирь и пошел на место брани. Всех эвенков они убили.

Потом они пошли выручать брата. Дошли было, а эвенки их брата уже убили. Тогда братья всех эвенкийских женщин убили, их детей убили, оленей забрали и домой пошли. На этом сказка⁷ кончилась.

100. Бальна

Бальна жил на реке Косес. Оттуда, с Косеса, он сюда на Сургутиху переехал, здесь и жил. Бальна с юраками воевал, с тунгусами воевал.

Кеты с селькупамы вместе были, а тунгусы с юраками. У тунгусов были олени, и у юраков были олени, а у кетов оленей не было, они с собаками ходили. У селькупов оленей тоже не было, они тоже с собаками ходили.

Юраки воевать приходили и людей Бальны убивали. У них чумы из оленьей шкуры, они ровдугу на чумы кладут: оленей убивают, а когда оленьё мясо съедят, шкуры оленей выделывают, чтобы на чумы класть. Так они и живут.

Тунгусы пришли воевать. Бальна их своим черемуховым посохом вместо лука бить стал, у него лука не было. Всех тунгусов он перебил.

Юраки с кетской земли убежали, их вожак убежал, все они убежали, а землю кеты между собою поделили.

Когда тунгусский вожак убежал, Белегин его гонять* стал и его догнал. А Белегин без оружия — с голыми руками. Тунгус оглянулся — Белегин его нагоняет. Тунгус хотел его рогатиной рубануть, но Белегин схватил рогатину за рукоятку, к рогатине прицепился. Тунгус хотел его о землю ударить, но Белегин за острие ухватился.

Сзади Бальна и Тогета бегут, они отстали, кричат:

— Белегин, братишка, пташечка, крепко держи его!

Тунгус посмотрел — видит: Бальна и Тогета сзади его догоняют. А они кричат:

— Ты, Белегин, братишка, пташечка, крепко держи его!

Белегин выдернул рогатину у тунгуса, тот побежал, а он ему жилы выше ступней рогатиной разрубил. Там они его и убили.

Потом братья отправились к женам тунгусов, их всех поубивали, а оленей к себе домой угнали. Одну тунгуску они оставили Белегину в жены.

Теперь Белегин с женой-тунгуской живет. Тунгусы испугались, они мир с кетами заключили. Белегин ушел к тунгусам, с тунгусами стал жить. Его братья здесь остались.

Живет Белегин у тунгусов, а они каждый день с ним борются. Они его давят, на землю бросают и так помаленьку его давят, но убить никак не могут.

Потом Бальна и Тогета к своему брату отправились в гости. Они туда пришли, а их брат болеет — тунгусы его давили, он заболел. У его тунгусской жены детей не было, а у кетской двое детей было. Тунгуска еду приготовила, оленьё мясо сварила, а тунгусы в это время в сторону ушли, на полдороге их поджидать стали в засаде. Братья поели, а Белегин возле костра спину греет, он уже давно болеет из-за того, что тунгусы его замяли, когда с ним боролись, по земле трепали его.

Ну вот, братья домой собрались отправляться. Кетская жена им говорит:

— Стороной идите домой, стороной идите! Люди вас там в засаде ожидают!

А тунгусская жена сказала:

— Мои люди их не тронут, они на охоту пошли!

Братья послушались тунгуски, а старшей невестки не послушались. Они по своей дороге обратно пошли. А тунгусы на полдороге сидели, поджидали их.

Тогета впереди шел. Тунгус стрелу взял, в Тогета выстрелил, ему в ухо попал. Он на бок упал. Бальне в кишки попали, Бальна на бок упал.

— Давайте, — сказали они, — их сердце съедим.

Другие возразили:

— Их кровь в землю уйдет — ведь они такие сильные люди! И мы обидим водяных¹! Мы их утром съедем. Давайте сначала сердце того, который у нас дома остался, съедем!

Они обратно повернули, домой пошли.

— Хотя, — говорят они, — это были сильные люди, мы их крепко усыпили!

Вернулись. Пошли к чуму Белегина, начали в него стрелять, он встал.

А там — Бальна и Тогета. Тогета спросил:

— Товарищ, тебе куда попали?

Тот ответил:

— Мне в кишку попали.

Бальна спросил:

— А тебе куда?

— Мне ухо стрела задела.

Бальна Тогету сказал:

— Я бы не поддался, но плохой человек, тунгус, в кишки выстрелил!

Тогета наломал сучков со мхом, костер разложил, из раны жир вытащил, обжарил и ему отдал, чтобы он съел. Потом он выдернул несколько своих волос и этими волосами зашил рану. Затем он его на ложку посадил и домой потащил. Там шаман его лечить стал. Сколько-то времени шаманят.

Жена Бальны его панцирь надела, взяла лук со стрелой и тунгусов поджидать стала.

А тунгусы пошли сердце этих людей съесть. Они до места кровавой бойни дошли и дальше отправились по их следам.

Жена Бальны их поджидает. Тунгусы пришли, а в чуме шаман шаманит. Жены Бальны и Тогета снаружи стоят. Начали они воевать, долго воевали. Потом Бальна своей жене сказал:

— Зайди в чум!

Она зашла. Бальна свой панцирь надел, вышел к ним, свой черемуховый посох взял.

— Хватит, — сказал он, — позориться, с женщиной воюете!

Стал он их черемуховым посохом бить. Недолго Бальна их бил, всех их убил.

Потом Бальна и Тогета ушли. Тунгусы тоже перешли на другое место. У Белегина они сердце вытащили и съели, а жену Белегина они живую бросили. Она там и осталась на чумище сидеть. Тунгусскую жену Белегина они с собой увели.

Бальна и Тогета пошли за тунгусами. Там они, заострив дерево, тунгусскую жену Белегина живую на пенек поддели, ей нос отрезали.

После этого они туда, где Белегина жена на чумище сидела, пришли. А она сидит на чумище, плачет и говорит:

— Отца моих детей они убили и моих детей увели с тунгусской женой!

Бальна и Тогета отвели ее в свой чум. Они вернулись и дальше там живут.

101. Рассказ о том, как Бальна с эвенками воевал

Эвенкийская мать-сирота живет на устье Подкаменной Тунгуски, она со своим сыном живет¹. Ее сын вырос, такой ловкий стал. Он сыном вожака был, силы у него много.

Эвенкийские воины говорят:

— И как это он всегда ловчее нас?

Эвенкийские воины с ним веревку перетягивают. Он, и правда, крепкий, силы у него много, он ловкий, руками его не поймашь, стрелой не подстрелишь — он стрелы на лету ловит. Эвенкийские воины свою силу пробуют, борются с ним, на землю валят. Эвенкийская мать-сирота рассердилась на них:

— Вы, — говорит, — сироту-сына еще убьете! Где-то на устье Подкаменной Тунгуски Бальна войну ведет, от него-то у вас задницы заболят!

У эвенкийских воинов от этих слов внутри закололо. Они своим людям приказывают:

— Оленей соберите, запрягите их!

Эвенки начали спускаться по Подкаменной Тунгуске на оленях, их войско за ними идет. Олени эвенкийских воинов во время похода падают да падают, потому что их как следует не кормят и никакого отдыха им не дают. Они по берегу идут. Снег эвенкийских оленей губит, снег очень глубокий; эвенкийские оленидохнут.

Эвенкийские воины пришли к стойбищу кетов, всех перебили, их очаги потушили², кетских юношей с собой забрали.

Эвенкийские воины им приказывают:

— Идите, для нас дорогу готовьте! Другие пусть наши съестные припасы вперед тащат!³

Они к другому кетскому стойбищу пришли, их очаги потушили, юношей забрали, одних убили, других вперед послали:

— Готовьте нам путь! Наши съестные припасы тащите.

Пока они до конца Подкаменной Тунгуски дошли, они не одного человека убили, не одного подстрелили. Кетских воинов-юношей набралось много. Эвенки говорят:

— Теперь прямо через хребет пойдём к Бальне.

Эти люди вёрхом шли⁴. Их распутица застала, и им пришлось там весновать, оттепели пережидая.

Кеты внизу⁵ к Бальне пришли. На конце большой отмели Бальна с войском летовать остался. Бальна людям сказал:

— Вокруг протоки железную ограду сделайте!

Люди железную ограду возвели. Бальна у воды эвенков сверху поджидает.

— Мы их, — говорит, — вниз к себе не пустим!

Ночью люди говорят:

— Там кто-то все время кричит по-утиному.

Бальна ответил:

— Ну и пусть кричит, это уток снесло к концу ограды.

Юраки вместе с эвенками на стебли пучки утиные горла надели, под водой спустились вниз, через стебли дышат, под водой железную ограду у нижнего края рогатинами пилят и пилят. Когда заря поднимается, они бродом обратно возвращаются. Днем утиных голосов не слышно, а как только ночь наступает, утиные горла опять начинают кричать.

Люди снова говорят:

— Там кто-то все время кричит по-утиному!

Бальна отвечает:

— Да что там! По ночам земляные птицы⁶ всегда ходят!

Ночью юрак тихо к стойбищу спустился, стойбище обошел, чум Бальны стал искать. Три чума большие вместе стоят. Один его, два — двух его помощников.

— Его чум, — говорит юрак, — именно здесь, среди них.

Юрак обратно поднялся, тихо-тихо идет, чтобы галька не хрустнула. Юраки с эвенками ночью спустились, железную ограду на бок повалили. Эвенкийские и юракские воины к краю стойбища тихо-тихо, крадучись, идут, двери чумов осматривают. Уголок двери чума Бальны чуть-чуть приоткрыт. Юрак внутрь посмотрел, видит — Бальна на своем месте спит, голова на локте лежит. Юрак лук поднял и прямо ему в сердце выстрелил.

Недолго эвенки и юраки воевали. Они кетов сонными одного за другим уложили. Женщины снаружи ходят, слезы льют.

— Неужели они Бальну со всеми костями и потрохами съели?

Бальна в себя пришел, слова женщин услышал, стрелу из своего сердца выдернул. Бальна свой черемуховый посох схватил, выскочил, сгоряча семь раз галечный остров обежал. Бальна врагов бил. Как трава падает на бок, так юраки и эвенки падали, когда он хлестал их своим черемуховым посохом. Человечьи кости все равно как гальки на земле лежат. Некоторые эвенки по протоке обратно вверх пошли. Бальна им крикнул:

— Вернитесь сюда, вояки! Уж очень скоро вы трусили!

Эвенки говорят:

— Ты как был храбрый, так и остаешься храбрым! Тебе стрела попала в самое сердце, а ты все еще воюешь!

— Сюда идите, сюда, — зовет их Бальна, — по реке сюда спускайтесь! Не одних же слабых вам убивать!

Вожак эвенков говорит:

— Ну, хватит воевать! Ваших людей мало осталось, моих людей тоже мало осталось. Отныне и впредь не ходите на нас.

Бальна своим людям сказал:

— Сколько я буду еще мучиться? Моя жизнь кончилась, убейте меня; мое сердце на еловом острове похороните.

Он сам руку поднял, свою подмышку открыл, и тогда люди его убили.

102. Последняя война

Остяки с юраками договорились, что они будут воевать в последний раз. Остяки все вместе собрались, юраки все вместе собрались. Они договорились, что юраки придут и будут воевать днем.

Юракский богатырь пришел ночью к стойбищу остяков. Дымовые отверстия чумов он считал-считал, но сбился. Вниз лицом лег, всю траву на земле сосчитал; на спину лег и все звезды на небе сосчитал¹. Потом он обратно пошел, домой вернулся, своим людям сказал:

— Я дымовые отверстия остяцких чумов считал, но сбился; звезды на небе сосчитал, всю траву на земле сосчитал.

Все же юраки пошли с остяками воевать. Шли-шли, пришли к остяцким станovým дорогам². Оказывается, остяки в дальние места ушли, семь станových дорог прошли. Юракский вожак седьмую станovou дорогу пальмóй ткнул было, чтобы попробовать, твердая ли дорога, — пальмá сломалась³. Потом юраки подошли к остяцкому котцу, из котца рыбу вычерпали. Юракский вожак шуку распорол, кишку вытащил, жарить стал. Щучья кишка на рожне в огне лопнула; слизь из кишки шуки упала на руки юракского вожака.

Он сказал:

— Слизь щучьей кишки жжет сильно, а остяцкая стрела — еще сильнее!

Потом юраки стали собираться в путь. Юракский вожак тайком подрезал свою юксу. Он только шаг сделал, а его юкса и лопнула. Он тогда сказал:

— Пусть люди, которые мне принадлежат, останутся!

Все его люди не пошли дальше. Второй юракский вожак со своими людьми отправился к остяцкому стойбищу. Пришли они ночью. Остя-

ки спали, ничего не знали. Юракская старуха, мать юракского вожака, говорила ему перед походом:

— Сынок, если остяков убьете, принеси мне остяцкий скребок.

Вот юраки пришли, в одном остяцком чуме всех людей убили. Юракский вожак в чум зашел, нашел скребок, черень скребка сломал, а скребок под нижний щиток своего панциря затолкал.

Слепая старуха — мать остяцкого вожака средней части стойбища — на улицу вышла, прислушалась: что-то шумит. Она прикоснулась рукой к дереву, чтобы узнать, не оно ли шумит. Старуха дерево на пробу держала. Потом старуха домой вернулась.

— Сынок, — она сказала, — что-то шумит. Я к дереву рукой прикоснулась, но оно не качается, а все же что-то шумит, хотя погода и тихая, сколько я ни слушала.

Сын-богатырь смекнул:

— Мама, мама, — сказал он, — не тревожь меня, я все равно схожу к оленьему озеру, к утиному озеру пойду! Правый щит надел я, левый щит надену.

Потом он через дымовое отверстие наружу вылетел. Пришел он к концу стойбища, а там вожак конца стойбища в одной парчонке уже с юраками воюет. Увидев своего товарища, он домой пошел, надел панцирь, они вместе воевать стали.

Юраки себе сделали метки — на шеи олени подгривки⁴ подвязали. Всю ночь сражались, а утром, когда заря поднялась, остяки увидели, что у юраков на шеях подгривки привязаны. Остяки друг другу говорят:

— Шеи с подгривками, шеи с подгривками выбирайте!

Так они всех юраков и перебили. Один только юракский вожак остался. У остяков богатырей семь человек; они пытаются убить этого юракского вожака, но никто из них не может зарубить его пальмой. Вдруг этот юрак сам упал. Остяки друг друга спрашивают:

— Это ты его зарубил?

Они друг друга расспросили — никто его не убивал. Стали его осматривать. Оказывается, юракский вожак затолкал скребок под нижний щиток своего панциря, скребок и пробил его сердце. Они юрака пополам распороли, съели его сердце и его печень съели.

Потом остяки сложили своих людей в одну кучу, юраков сложили в другую кучу. Тетиву луков сложили. Остяцкой тетивы набралась полная женская нарта, а юракской тетивы набралась полная мужская нарта⁵. У остяков подошвы выглядывают как черная глина, у юраков подошвы — как утренняя заря⁶. Оказалось, что остяки ночью своих собственных людей убили вместо юраков: свои стрелы в телах своих людей находили. Когда они ночью воевали, половина остяцкого стойбища спала, они не знали, что другая половина стойбища сражалась.

Потом остяки юраков со своей земли прогнали. Юраки испугались и ушли, в тундру⁷ ушли.

Остяки на своей земле стали жить и теперь еще живут.

103. Слепая старуха и чужак

В темном чуме люди гадали¹. Среди людей в том чуме сидела слепая старуха. Люди притихли, гадание началось. Рядом со слепой старухой тихо сидит какой-то человек. Старуха осторожно его руками ощупала. Парка на нем, на ногах не пимы, а бакари надеты. Старуха тщательно его руками ощупывает и так и этак — парка на нем. Люди говорят: «с'ююк», а он говорит «сюк»².

Старуха потихоньку его обувь распоролла, песок туда насыпала. Много насыпала — половину бакарей. Когда гадание кончилось, старуха говорит:

— Внуки мои, среди нас чужой человек сидел. Ну-ка выйдите за дверь, посмотрите — не увидите ли песчаную дорожку, след его. Если увидите, догоняйте!

Люди решили посмотреть, вышли — правда, тянется песчаный след. Они гонять* его стали. Шли, шли, долго шли, видят — человек какой-то сидит. Уже умирает. Люди к нему подошли, осмотрели: правда, у него из-за пазухи скребок торчит³. Правда, это старухин скребок! Это тот человек, о котором старуха говорила. Старуха хоть и слепая, а правду сказала — чужой приходил.

104. Про Ульгета

Люди оседают в землянках. Стоянка очень большая, полукругом выстроена.

Вечером, когда стемнело, в особом чуме, где шаман покойников вызывает¹, заткнули все дырки. Когда стемнело, шаман духов вызывать стал. Вызывал, вызывал, много ли, мало ли времени прошло.

Около слепой старухи человек сидит. Старуха рукой его тихонько сверху вниз ощупывает, его голову хорошенько ощупывает. Старуха думает: «Это ведь человек с чужим запахом!» Она его лицо хорошенько ощупывает, будто лаская.

Этот человек в камусовые пимы² обут. Старуха взяла свою швейную коробку, вынула маленький нож и носки его пимов незаметно подрезала. Юрак ногу отдернул, но старуха ее снова к себе притянула. Старуха обгоревший песок из очага взяла и в пимы юрака в дырки затолкала. Юрак снова ногу к себе дернул. Старуха опять песок взяла, ногу юрака к себе подтянула и потихоньку туда песок затолкала.

Старуха шаману сказала:

— Здесь человек с чужим запахом сидит, хватит тебе камлать!

Юрак догадался и, как только камлание кончилось, вскочил и раньше всех наружу выбежал.

Старуха сказала:

— Пока тихо сидите и чтобы никто не выходил!

Люди огонь зажгли.

— След песка ищите, — старуха сказала.

Люди вышли и погнались за юраком по его следу. Юрак-то приходил в стойбище на разведку, а стойбище очень большое.

Кетский вожак своей жене и своей матери наказал:

— Ульгета³ наружу не выпускайте к юракам!

Он со своим войском гонит* юрака по песочному следу. Вожак помощникам говорит:

— Свои стрелы только тогда выпускайте, когда юраки уже три раза выстрелят!

Люди потихоньку в гору поднимаются, поднимаются. А юраки из тайги смотрят — кеты выстроились в два ряда, одни впереди встали, другие сзади.

Вожак сказал своим людям:

— Незаметно боком на землю ложитесь!

Люди бросились на землю. Вожак выпустил из лука стрелу в сторону юраков. Юраки поднялись, стрелы схватили, стрелять стали, три раза стрелы выпустили. Перед кетами образовалось возвышение из этих стрел.

Вожак сказал:

— Вставайте, белошейных⁴ ловите!

Долго воевали. Дома женщины пытались удержать младшего брата вожака, но Ульгет кусал руки женщин, как-то от них вырвался и к брату прилетел.

Вожак Ульгету сказал:

— Ты сзади встань и оттуда стреляй!

Вожак все время напоминает:

— Белошейных ловите!

Долго ли, мало ли воевали, битва немного утихать стала. Вожак назад поглядывает, Ульгета высматривает, но не видит брата. Немного еще бились — юраков они всех перебили.

Вожак назад смотрит и людей считает. Людей еще много.

— А Ульгет, — спрашивает, — куда ушел?

Стали его искать среди живых и мертвых. Потом вожак его случайно нашел. Ульгет на спине лежит — стрела воткнулась в сердце.

Вожак стрелу выдернул, внимательно осмотрел.

— Да это же наша, вильчатая стрела, — сказал он⁵.

Люди только молча смотрят.

— Я же вам все время говорил: белошейных ловите! Куда же ваши глаза смотрели?

Вожак только с губ кровь слизал⁶. Юраки ведь неповоротливы, война кончилась.

— Теперь юракских оленей соберите и уведите вниз!

Вожак спустился вниз, в свой чум вошел, жену стал ругать:

— Зачем Ульгета отпустили?

Женщины сказали:

— Мы не могли его удержать, посмотри на наши руки!

Вожак взглянул — с рук кровь капает.

— Сердце Ульгета, — он сказал, — наша собственная стрела рас-
секла.

Сколько-то дней прошло. Вожак говорит:

— Завтра аргишить будем!

В соседнем чуме дряхлый старик говорит:

— Вожак спрашивать будет, чья это стрела, чтобы обратно ее от-
дать. Он за брата отомстить захочет⁷, на месте отдыха какого-нибудь
юношу погубит!

На следующее утро, когда рассвело, люди свои вещи сложили
и двинулись в путь. Днем на месте отдыха вожак свою нарту в стороне
от дороги поставил. Сам на нарте сверху сидит, вильчатую стрелу
в руке вверх подбрасывает, стрелой играет, на людей взгляды бросает.

— Это, — говорит, — чья стрела? Я ее обратно верну. Сердце мое-
го брата-подростка она сразила. Ульгет еще только рос, а эта стрела
его жизнь укоротила.

Он на нарте сидит. Сзади тот дряхлый старик едва слышным голо-
сом произнес:

— Внучек, это моя стрела!

Вожак свой лук натянул и сказал:

— Ну, дедушка, получай свою стрелу обратно!

Вожак тут же поднялся, лямку надел и нарту потащил, они по зим-
ней дороге вперед ушли. Сказка⁸ кончилась.

105. Нюням

Жил один человек. Все его родственники давным-давно, не знаю
когда, умерли. Время прошло, он женился. С женой он, не знай¹, год
прожил, жена сына родила. Назвали они ребенка Нюням. Сын растет
не по годам. День пройдет — он подрастет.

Раз мать ребенка пошла драть тальниковую кору. Ребенок с отцом
дома остались. Ребенок заснул. В это время на реке показался вожак

низовских людей². К стойбищу пристали, отца ребенка убили. Ребенок спал, этого воина не видел. Тот в ветку сел, уплыл.

Мать домой вернулась. Видит — ее мужа кто-то убил. Она заметила, что по реке какой-то человек удаляется, признала в нем низовского воина, догадалась, что он убил ее мужа, решила сыну об этом не говорить. Сын проснулся, стал спрашивать:

— Мама, а отец где, куда пошел?

— В лес ушел охотиться.

Когда сын спал, мать отнесла его отца в лес, в землю зарыла.

Через некоторое время сын опять спрашивает:

— Куда это отец так надолго ушел?

Мать говорит:

— В лесу твой отец, охотится.

Переночевали. Утром встали, ребенок опять спрашивает:

— Куда отец так надолго ушел?

Мать опять отвечает, что отец в лесу, охотится. Ребенок знай свое твердит, догадываться начал, что что-то случилось.

Говорит:

— Мама, ты от меня что-то скрываешь. Отца кто-то убил или съел. Мама, я, отцовский сын, пойду искать отца.

Мать ему говорит:

— Зачем идти, отец сам придет!

— Нет, все равно пойду, ты таишься. Если не скажешь правду, я сожгу или убью себя.

Схватил он кусок бересты, сунул в костер, руку прижег.

Мать еле отобрала бересту³. Потом он к братьям матери пошел. Со слезами к старшему дяде пришел:

— Дядя, сделай мне лук!

Дядя листвень с березой связал, лук сделал⁴. Он на улицу вышел, тетиву натянул, лук сломался.

К среднему дяде пошел:

— Дядя, сделай мне лук!

Дядя ему листвень с березой связал вместе. Он из чума вышел, опять хотел тетиву натянуть, лук сломался.

Он к самому младшему дяде пошел, просит:

— Сделай мне лук!

Его дядя взял наковальню, молоток, клещи. Железо ковать стал, железный лук и железную стрелу ему сделал⁵. Парень из чума вышел. На улице большая лиственница стоит. Он издалека в нее выстрелил. От той лиственницы только щепки полетели.

Потом он назад к матери возвратился. Пришел к ней и опять спрашивает:

— Мама, куда мой отец пошел?

— Отца твоего низовской человек убил.

Нюням со слезами прочь из чума пошел, лук натянул, сказал:

— Хоть бы какой мудреный* человек помог мне! Пусть моя стрела на могилу отца упадет!

Выстрелил, стрела полетела, на могилу отца упала⁶. Нюням свою стрелу поднял, со слезами пошел, говорит:

— Я теперь к собачьему сыну — низовскому вояке — пойду. Стрелой голову его размозжу.

Два шага сделал — чумы низовского воина показались. Вояка тот узнал, что Нюням пришел. Своим говорит:

— Подготовьтесь, в Нюняма стреляйте!

Тот воин в Нюняма выстрелил из лука. Нюням его стрелу ртом схватил, поймал⁷. Сам Нюням стреляет, как обухом топора вокруг себя врагов убивает.

Низовской вояка железные доспехи надел, вышел, говорит Нюнямю:

— Давай повоюем!

В Нюняма выстрелил. Тот ртом его стрелу поймал, говорит ему:

— Ну погоди, теперь я попробую! Ты крепче стой на ногах!

Выстрелил Нюням — тот, толстый, как большой окунь, как пень, рухнул. Потом его детей, жен убил и с песнями домой к матери пошел. Через большие валежники идет, перепрыгивает. Домой к матери с песнями идет.

Как червяк крутясь, к речке подошел, через речку перепрыгнул, в озеро уперся. Через озеро перепрыгнул, к матери домой пришел. Матери сказал:

— Теперь я за отца отомстил⁸.

106. О Сясинкусе

Жил Сясинкус с отцом. Его мать с братьями ушла в лес, а его деда тоже не было дома. Юраки воевать пришли. Его отца они убили, а его мать осталась с братьями. Сясинкус тоже остался в живых.

Братья матери, старший брат и младший брат, в лесу были; их дед тоже в лесу был; их мать тоже в лесу была, Сясинкус тоже с матерью в лесу был. Они домой пришли, а их людей, оказывается, убили. Они там жить стали, где кости их людей похоронены. Долго ли, мало ли они жили — Сясинкус вырос. Он у матери спрашивает:

— Я разве без отца родился?

А она ответила:

— А разве человек без отца не рождается?

Назавтра он опять спрашивать начал:

— Я разве без отца родился?

А мать ему отвечает:

— А разве без отца не рождаются?

Переночевали.

— Мама, — он говорит, — ну давай поиграем!

Он всегда с матерью играл.

— Иди прочь, — сказала она, — я с тобой играть не буду!

Он на улицу вышел. Мать его тиски делает. Он в чум их занес и говорит:

— Руки сюда давай!

Он берестой ее запястье обернул, а сам смеяться начал.

— Мама, — сказал он, — посмотри, я твоё запястье берестой обернул!

Он огонь зажег и запястье своей матери огнем жечь начал.

— Ты что, — сказала она, — меня сжечь собираешься?

— Нет, — сказал он, — нет, я тебя не сожгу.

Он огонь поднес, береста загорелась.

— Мама, — спросил он, — я что, действительно без отца родился?

— Сынок, — ответила она, — твоего отца юраки убили, а мы с твоими дядями в лесу были.

Он огонь убрал, говорит:

— Я тебя спрашивал раньше, ты мне этого не сказала.

— Я, — она говорит, — боялась. Ты еще маленький, ты куда-нибудь пойдешь, а тебя убьют.

Потом он матери сказал:

— Сделай для меня лук!

Его мать из куска дерева для него лук сделала. Он наружу вышел, натянул было — лук сломался, разорвался. Он опять рядом с матерью сел.

— Мама, сделай для меня лук!

Она ему говорит:

— Ты сам сломал его! Я для тебя лук сделала, а ты сломал!

А он говорит:

— Мама, сделай для меня лук!

Мать ему говорит:

— Иди, пусть младший дядя лук для тебя сделает.

Он напротив в чум отправился, рядом с дядей сел.

— Дядя, — говорит, — сделай для меня лук!

Его младший дядя наружу вышел, расколол дерево и сделал ему лук без крени¹, томар сделал и отдал ему. Сясинкусь наружу вышел, лук натянул — он сломался. Он его выбросил и домой пришел. Опять рядом с матерью сел.

— Мама, — говорит, — сделай лук, сделай лук, сделай лук!

А мать ему говорит:

— Разве дядя для тебя не сделал лук, куда ты его девал?

— Я, — он говорит, — его сломал, выбросил. Мама, сделай для меня лук!

А она говорит:

— Ох, уж этот Сясинкусь, как он меня донимать стал! Иди в чум напротив, к старшему дяде!

Он отправился в чум напротив, к старшему дяде, рядом с ним сел и сказал:

— Дядя, сделай для меня лук!

Он к нему как сел, так все время говорит:

— Дядя, сделай для меня лук!

Его старший дядя наружу вышел, для лука березу расколол, крень от лиственницы отколол, чтобы изогнутую часть сделать, домой принес, лук ему сделал, томар с наконечником сделал, простой томар сделал.

Сясинкусь наружу вышел, лук натянул — опять сломал. Он его выбросил и обратно домой пошел к своей матери.

— Мама, — говорит, — сделай для меня лук!

— Разве, — спросила она, — старший дядя для тебя лук не сделал?

— Я сломал.

Он рядом с матерью сел.

— Мама, сделай для меня лук!

И все время мать свою просит:

— Сделай для меня лук!

— Этот Сясинкусь меня какими-то луками все донимает; я для тебя лук сделала — ты сломал, младший дядя для тебя лук сделал — ты сломал; старший дядя для тебя лук сделал — ты опять сломал. Какой еще лук тебе надо? Иди к деду, пусть дед для тебя лук сделает!

Он отправился к деду, рядом сел и сказал:

— Дедушка, лук сделай!

Дед ему говорит:

— Этот Сясинкусь какими-то луками нас донимает! Младший дядя для тебя лук сделал — ты сломал, выбросил; старший дядя лук сделал — опять ты сломал, выбросил. Сходи в чум напротив, — сказал он, — братьев матери сюда позови.

Он в чум напротив сходил:

— Дед вас зовет!

Они к нему отправились, к старику в чум вошли.

— Зачем ты нас позвал?

— Дрова заготовьте! — ответил он.

Они вышли, дрова заготовили, целый лиственничный мыс срубили. Потом старик послал их за глиной. Глину принесли, плавильную печь сделали. Старик сразу ковать стал, сделал для него железный

лук, с тетивой из железа сделал его, стрелу с развилкой наверху сделал, простой железный томар сделал и ему отдал.

Старик сердито ворчал:

— Такой лук для него сделал!

Сясинкусь наружу вышел, натягивать лук стал, натянул его и сказал:

— Теперь как раз по мне!

Он в выпуклую сторону ствола лиственницы выстрелил — как ножом большую щепку отколол. Он к дедушке зашел, а старик, его дед, спрашивает:

— Ну, сломался?

— Нет, — ответил он, — нет, не сломался. Я, — говорит, — в лиственницу стрельнул — как ножом большую щепку отколол. Теперь, — он сказал, — я пойду к старику, который полную ложку слез из глаз вычерпывает, за его дочкой.

Матери он сказал:

— Где панцирь отца?

Его мать сидела и думала: «Он мое запястье берестой обернул и зажег. Если я панцирь не принесу, он снова меня мучить будет».

Сходила, половину доспехов принесла. Он надел — мало!

— Весь панцирь принеси!

Она вторую половину принесла. Он надел весь панцирь, поводит плечами: как на отце он был, так и ему подходит.

— Теперь, — он говорит, — я схожу к старику, который полную ложку слез из глаз вычерпывает, за его дочкой.

Он ушел туда, где чум этого старика стоял, к чуму подошел, дверь открыл: старик слезы из глаз ложкой вычерпывает — полную ложку! Он сел рядом со стариком и сказал:

— Дедушка, у тебя ведь прежде дочь была?

А старик ему ответил:

— Юракский воин увел ее себе в жены.

Сясинкусь наружу вышел, дальше пошел. Шел, шел — впереди топор звенит. Он туда пошел. Видит — женщина на оленях приехала и дрова заготавливает. Он близко к ней подошел, топор за спиной перехватил. Она обернулась и сказала:

— Сясинкусь, как ты сюда попал?

— Я за тобой пришел.

— Юрак, — сказала она, — тебя убьет!

— Меня, — он возразил, — юрак не убьет!

Он для нее дрова заготовил.

— Теперь домой иди, твой отец с матерью тебя домой зовут. Только сначала за игольницей сходи².

Она оленью нарту с дровами домой привезла, в чум зашла, игольницу за пазуху положила и вернулась по дороге, по которой за дрова-

ми ездил, к нему пришла. Сясинкусь в сторону юраков по этой дороге пошел и на кривое дерево сел.

Юрак дома в чуме сидел, сидел.

— Никак Сясинкусь мою жену увел!

Он людей собрал и отправился за своей женой. Сясинкусь в ту сторону посмотрел — по дороге олени идут. Когда вечер настал, они близко к Сясинкусю подошли. Сясинкусь крикнул:

— Друг, оглянись — дятел сейчас в зад клюнет!

Тот обернулся — в это время Сясинкусь выстрелил и всех их одной стрелой убил. Он свою стрелу взял и к женщине вернулся.

— Ну, — говорит, — я с тобой пойду к вашим чумам.

Она с ним и пошла. Она поодаль встала, а он юраков-стариков всех побил теслом, всех убил. Потом он ее позвал:

— Иди сюда!

Она подошла, имущество юраков собрала, он оленей погнал, а она сзади на оленьей нарте поехала. Они поехали обратно. К старику со слезящимися глазами приехали, у старика переночевали. Половину оленей он старику отдал, половину одежды, ровдужное покрытие их чумов³ он отдал. Старик воскликнул:

— Ну, этого хватит на всю мою жизнь, мне недолго жить осталось!

Они дали ему пушнины на всю жизнь. Сясинкусь с женщиной домой к своим людям поехали, как юраки поехали — на оленях. К младшему дяде приехали. Он сказал:

— Я для тебя жену привел.

Он ее своему младшему дяде отдал. Они ровдужный чум поставили, и младший дядя теперь с женой живет.

Потом Сясинкусь отправился к старику, который поварешкой слезы из глаз черпает.

— Я, — он сказал, — к этому старику за дочкой схожу.

Его дед, мать и его старший дядя сказали:

— Сам знаешь, что делать.

Сясинкусь ушел. К старику пришел, сказал:

— У тебя ведь прежде дочь была?

А старик ответил:

— Мою дочь юракский воин увел, чтобы на ней жениться.

Сясинкусь вскочил и пошел туда. Он долго шел, шел. Вперед взглянул — женщина дрова заготавливает. Он подкрался к ней, топор за спиной перехватил.

— Сясинкусь, — она сказала, — ты откуда пришел? Юрак, — говорит, — тебя убьет.

— Молчи, — сказал он ей, — оленью нарту с дровами домой отведи. Твои мать с отцом тебя зовут, за своей игольницей сходи!

Она оленью нарту с дровами домой увезла, зашла в чум, свою игольницу за пазуху положила и к Сясинкусю вернулась. Она к нему

подошла, а он в сторону юракского стойбища пошел, на кривое дерево залез.

Юракский воин ждал-ждал и говорит:

— Куда ушла моя жена? Сходите за нею!

Юраки отправились. По ее тропе, куда она дрова заготавливать ходила, они пошли. Видят — на кривом дереве Сясинкусь сидит. Они к нему близко подошли. Он сказал:

— Друг, назад посмотри, дятел тебя в зад сейчас клюнет!

Он стрелой с развилкой выстрелил, все на бок упали, как трава на бок валится.

Юракский воин с оставшимися людьми пошел.

— Наверно, Сясинкусь пришел, моих людей убил.

Он со своими людьми идет. Сясинкусь обернулся — юракские воины идут, как в половодье тонкий тальник шевелится. Юракский воин близко подошел.

— Друг, — сказал Сясинкусь, — обернись назад, дятел в зад сейчас клюнет!

Юракский воин только повернулся, а Сясинкусь в это время выстрелил, стрела сзади вошла и изо рта вышла. Там он и все его войско перебил. Подошел к дочери старика и сказал:

— Пойдем!

Они по тропе пошли, к чумам юраков подошли; он юракских женщин побил, всех убил, а оленей юракского воина к нарте привязал. Она поехала, а он сзади юракских оленей погнал. Когда он к старику пришел, он половину оленей ему отдал, половину пушнины юраков — пимы, парки, ровдуги для чумов — он старику отдал. Старик сказал:

— Ну хватит! Ты мне на всю жизнь дал пушнины. Навсегда не уходите, к нам еще когда-нибудь приходите!

Они ушли, пришли к чуму Сясинкуся, а те испугались, сказали:

— Юраки пришли!

Она оленей не стала выпрягать, Сясинкусь ждет. Он сзади оленей гонит. Подошел и ей говорит:

— Ты почему оленей не распрягаешь?

Они услышали, что это Сясинкусь, наружу вышли, целовать его стали, говорили:

— Сясинкусь пришел!

Он ей сказал:

— В чум напротив зайди!

Он к своему старшему дяде в переднюю часть чума пришел, сел, а ей сказал:

— Со старшим дядей рядом садись, теперь ты женою старшего брата моей матери будешь, на той стороне садись!

Она там села.

Сясинкусь ей сказал:

— Я тебя достал для старшего дяди.

А она сначала подумала, что он ее для себя привел.

Сясинкусь опять ушел. Там старик живет, который из своих глаз слезы черпает поварешкой в котел. Он к старику зашел, между стариком и старухой сел и его спрашивает:

— У тебя ведь дочь была?

— Дочь-то у меня была, да юрак, самый главный воин, ее увел, чтобы на ней жениться.

Сясинкусь вскочил. Старик его схватил, за край одежды крепко держит — не пускает его. А он за спиной старухи из-за олатины поварешку выхватил и старика по колену ударил — старик на спину упал; он по колену старуху ударил — старуха тоже навзничь упала.

Он пошел к юраку. Вперед взглянул — женщина дрова заготавливает. Он подкрался к ней, подошел, топор за спиной поймал. Она повернулась.

— Это Сясинкусь! Ты, — она ему говорит, — зачем сюда пришел? Юракский вожак тебя убьет!

— Однако, — сказал он, — не знаю еще, кто кого убьет! То ли он меня убьет, то ли я его убью. Дрова увези домой. Твои мать с отцом тебя зовут, сходи за своей игольницей.

Она домой пошла, дрова принесла, в чум зашла, свою игольницу за пазуху положила и к нему вернулась.

Юрак сидел-сидел, его жены долго нет.

— Это Сясинкусь, — сказал он, — мою жену увел. Сходите за ним! — Своего помощника с юракским войском послал.

Сясинкусь на кривое дерево влез, в их сторону посмотрел. Видит — юракское войско идет, уже близко подошли.

— Друг, оглянись, дятел сейчас в зад клюнет!

Юрак обернулся. Он выстрелил ему в спину. Он как выстрелил — у юрака изо рта стрела наружу вышла. Все войско он тоже перебил.

Юракский вожак сидел-сидел — людей его нет. Юраков, которые дома остались, он собрал и повел их. Сясинкусь на кривом дереве сидит. Юрак Сясинкусю сказал:

— Это ты мою жену увел?

Сясинкусь ответил:

— Друг, оглянись, дятел сейчас в зад клюнет!

Тот повернулся, а он как выстрелил ему в спину! Всех одним ударом убил. Убил он их, всех убил. Он к женщине вернулся.

— Я, — говорит, — того, кто твоим любимым был, убил. Ну пойдём!

Они пошли. Там он юракских детей и женщин перебил. Она имущество юраков в кучу собрала. Пока она собирала, он оленей согнал. Потом женщина оленью нарту запрягла, и они отправились назад.

Пришли к старику. У старика все еще колено болит. У старухи колено еще болит. Он старику пимы, парки отдал, ровдугу для чумов отдал, оленей отдал. Старик сказал:

— Вот хорошо, хватит! На всю жизнь пушнины ты мне дал, век* оставался бы с нами!

Но они обратно пошли к его чумам, домой пришли, оленей выпрягли.

— Теперь, — он сказал, — пожитки в мой чум затащи!

Она их в чум занесла, постели* на свое собственное место⁴ положила.

— Мое место, — сказал он, — здесь!

Он ее привел себе в жены. Они дальше живут.

107. Сясенгусь

Юраки, когда с остяками воевали, всех убивали; оставляли только старых и слепых умирать голодной смертью. Детей брали, убивали. В одной семье всех убили, старуха только внука успела спрятать, сама убежала.

Потом старуха мальчика к тетке отнесла, сама умерла. Парень у тетки растет. Лет семнадцать ему стало, увидел парку отца (парки чужие юраки не берут). Спрашивает:

— Где мой отец? Где мать моя?

А его мать тогда юрак себе в жены взял. Тетка ему не говорит, обманывает. Он несколько раз спрашивал, она не говорит. Тогда парень (Сясенгусь его звали) схватил горящую бересту, руку себе замотал, жечь стал.

— Если не скажешь, всю руку сожгу!

Тетка не выдержала, сказала:

— Отца твоего юраки убили, мать с собой увели.

Сын встал, одеваться пошел. Под низ ровдужную парку, плетеную из ремней, надел, сверху — парку железную, шлем железный надел. Унимала, унимала его тетка, не хотела отпускать, он все равно ушел. Зимой уже дело было. Тетка, наверное, рассказала, в какую сторону идти.

Шел, шел, лыжный след нашел, погнал*. В декабре дело было, мороз уже был. Стойбище юраков на краю тундры находится. Мать Сясенгуся как раз за дровами пошла. Она рубит дерево, замахнулась — сын сзади топор поймал. Она повернулась — человек стоит. Мать посмотрела, сына узнала.

Говорит сыну:

— Зачем сюда пришел, юрак убьет тебя.

У нее уже от юрака еще один сын родился. Старший сын говорит:
— Надо нам юрака хитростью взять, силой его не возьмешь. На ночь ты парнишку на пихту положи, в пихту камень засунь, чтобы парень плакал всю ночь, спать юраку не давал. Под утро, когда уснет крепко, осторожно тетиву на его луке перережь.

Мать так и сделала. Парень всю ночь плакал, спать юраку не давал. Юрак за шаманом уже хотел идти. К утру только парень уснул. Юрак устал, сон его давит, уснул он. Мать тихонько тетиву перерезала. Чум их ровдужный был. Сясенгусь покрышку поднял, мальчика взял. Мать тоже вышла. Сясенгусь в чум вошел, юрака убил.

Рядом чумы юракские — пятнадцать—тридцать семей жили. Он их всех кончал, только девку красивую в жены взял. Оленей взял, домой погнал. Дома тетка, бабушка сначала испугались, когда оленей увидели, потом догадались, что это мать Сясенгуса с оленями возвратилась. Потом он и сам пришел.

108. Про Силеке

Жил Силеке, его отец вожаком был. У Силеке был старший брат. Юраки пришли воевать; юраки воевали, отца Силеке и его брата убили. Пока они воевали, жена брата Силеке взяла его, в лес отнесла и в лесу внутри пня посадила.

— Ты, — она ему сказала, — наружу не выходи!

Юраки людей убили, а мать Силеке юрак взял, чтобы на ней жениться. Жена старшего брата Силеке уцелела, и дед Силеке уцелел. Юраки хотели их убить, но некоторые сказали:

— Оставим их живыми!

Они топоры и ножи все собрали, чтобы с собой унести¹.

— А Силеке, — они спрашивают, — где?

Дед и жена брата отвечают:

— Вы, видно, его убили.

Юраки ушли. Назавтра снова пришли за Силеке, искали его, искали — Силеке нет. Они снова ушли. Третий раз вернулись — Силеке нет.

— Вы же его убили, — сказала жена брата Силеке.

Потом юраки совсем ушли. Жена старшего брата Силеке сходила в лес и его принесла. Они дальше вместе живут.

Силеке, его дед и его невестка жили, жили. Силеке однажды жене своего брата говорит:

— Я разве без отца родился? Беба*, — сказал он, — я разве без матери родился?

Бепа ему сказала:

— Разве человек без отца не родился, без матери разве не родился?

Он замолчал, а про себя подумал: «Ты меня обманываешь». Дальше живут. Он снова невестку спрашивает:

— Беба, я разве без отца родился?

— Разве человек, — ответила она, — без отца не родился?

— Беба, я разве действительно без матери родился?

Он вывел ее из терпения.

— Ох, уж этот Силеке, — сказала она, — выводит меня из терпения! Твоего отца с братом убили!

Он замолчал. Потом так говорит:

— Беба, сделай для меня лук!

Невестка кое-как сделала ему простой лук, томар сделала. Он наружу вышел, чтобы попробовать, — сломал его. Зашел в чум.

— Беба, сделай для меня лук!

Она ему говорит:

— Я уже для тебя лук сделала, ты лук куда девал?

— Я, — ответил он, — сломал его.

— Пусть дед тебе лук сделает!

Он сел рядом с дедом.

— Дедушка, — сказал он, — сделай для меня лук; дедушка, сделай для меня лук!

Старик изогнутую часть лиственницы для лука отколол и домой принес. Сходил и березу срубил, чтобы изогнутую часть лука сделать, расколол ее пополам. Старик для него лук сделал и один томар сделал. Силеке наружу вышел, натянул лук и сломал. Он снова зашел в чум.

— Дедушка, — сказал он, — сделай для меня лук!

А дед ему говорит:

— Я же для тебя лук сделал, куда ты его девал?

— Я, — говорит, — его сломал.

Своему деду он говорит: «Сделай для меня лук!» И все время просит и говорит: «Дедушка, сделай для меня лук!»

Старик наконец сказал:

— Этот Силеке меня из терпения вывел!

Своей дочери, невестке Силеке, он говорит:

— Заготовь дрова!

Она заготовила дрова. Старик уголь разжег, а невестка Силеке глину притащила и глину размяла. Старик сделал плавильную печь и ковать начал. Старик сделал железный лук, стрелу с развилкой, отдал ему и сказал:

— Ну вот, попробуй сломать, ломаешь ли теперь?

Силеке наружу вышел, натянул тетиву, лук не сломался. Он вернулся к старику в чум. Старик спрашивает:

— Ну как, сломался твой лук?

Он ответил:

— Нет, он как раз по моей силе.

В чум зашел, сел рядом со своей невесткой.

— Беба, — сказал он, — панцирь моего отца принеси!

Та не дает.

— Ты, — она ему сказала, — еще мал.

А он все просит панцирь. Он вывел ее из терпения.

— Этот Силеке, — сказала она, — каким-то панцирем меня дони-
мает! Смотри, юраки тебя убьют!

— Меня, — он говорит, — юраки не убьют. — И снова сказал: —
Панцирь отца принеси!

Она ему часть панциря отдала. Он панцирь надел было, посмотрел.

— Ты мне, — говорит, — только два кольца принесла, сходи при-
неси весь панцирь!

Она сходила, весь панцирь принесла. Он надел его — панцирь ему
как раз впору.

— Беба, — сказал он, — сходи за водой!

Его невестка за водой сходила. Он воду вылил и снова говорит:

— Беба, еще раз за водой сходи!

Его невестка снова вниз сходила, а он опять воду вылил.

— Боже, — сказала она, — Силеке меня из терпения вывел! Я, —
говорит, — воды принесла, а он ее опять вылил!

— Теперь, — он сказал, — я ее не вылью!

Его невестка за водой сходила, воду принесла, он выпил. Он идти
собрался. Стрелу отца, боевую стрелу взял. Старик его поймал, дер-
жит, а невестка плачет. Силеке собрался в путь. Они его хотят задер-
жать. Старик его за нижний край парки держит, его невестка тоже
держит — полпарки оторвали.

Силеке ушел, назад ни разу даже не посмотрел. Ушел вниз по реке,
в безлесные земли, в тундру ушел. Там звук топора раздастся. Он туда
пошел. Глядит — впереди женщина дрова заготавливает. Он к ней подо-
шел, топор у нее за плечом поймал. Она повернулась — а это Силеке!

— Силеке, — она говорит, — зачем ты пришел? Отец, — она гово-
рит, — сильный боец, он тебя убьет!

— Или он меня убьет, или я его убью, — ответил.

Он для нее дров наколот.

— Оленью нарту с дровами домой увези, за своей игольницей в
чум зайди, а потом, — сказал он, — сюда приходи!

Она оленью нарту с дровами домой увезла, в чум зашла, свою
игольницу за пазуху положила и к нему пошла, к Силеке ушла. А ста-
рик-юрак говорит:

— Моя дочь куда ушла? Наверно, Силеке пришел!

Он послал свое войско.

— Идите, голову Силеке одной стрелой прострелите!

А Силеке ей говорит:

— Первый снег падать будет — не вставай! Второй снег падать будет — только тогда вставай!²

Она отошла и за деревом спряталась. Силеке вперед глянул — уже идут, юраки уже идут. Они близко к нему подошли. Он сразу же выстрелил стрелой с развилкой и всех одним ударом убил. К той женщине пошел.

А юраки там дома сидят — их людей нет и нет. Юракский старик последних своих людей послал.

— Этот Силеке, — сказал он, — моих людей убил. Идите туда, одним ударом ему голову снесите!

Они ушли. А Силеке к женщине подошел, ей сказал:

— Второй снег пусть пойдет, тогда встань!

Он вперед глядит — помощник главного юракского воина идет. Силеке сразу выстрелил вильчатым томаром и всех их убил.

Старик-юрак сидел, сидел, а людей все нет; он один остался.

— Силеке, — сказал он, — всех моих людей убил. Теперь я за ним пойду.

Там где-то они встретились.

— Ну, — старик-юрак сказал, — давай поиграем с тобой!

Они стреляли-стреляли — один другого никак не может убить. У Силеке в глазах стрелы, как звезды, мелькают. У Силеке половина панциря раскрошилась, и у старика-юрака половина панциря раскрошилась. Тут Силеке заметил, что у юрака пуговица над яремной ямкой расстегнулась. Он туда свою стрелу пустил. Старик-юрак крикнул: «Ох, ох!» — и навзничь упал. Силеке тоже без сознания упал.

Сверху вниз божья дева³ спустилась, в голове у Силеке вшей поискала, он тогда очнулся.

— Ты, — говорит, — зачем в моей голове вшей искать начала? У меня есть кому в голове вшей искать, вон у того покойника, — говорит, — в голове вшей поищи!

Она к юраку пошла, у его головы села, вшей искать начала. А Силеке обратно пошел, его жена только тогда на ноги встала. Они поели.

— Ну, — говорит, — давай к вашим чумам пойдём!

В юракских чумах Силеке всех женщин и стариков перебил, свою мать тоже убил. Она было сказала: «Не тронь меня, я не виновата — юрак меня увел», но он ее убил.

Он оленей в одно место согнал, а его жена имущество юраков в кучу собрала, на оленью нарту положила и поехала. Он сзади оленей гонит. Она подъехала к дому его деда с невесткой, вожжи привязала и зашла в чум. Невестка Силеке с дедом испугались: они подумали, что юраки приехали. Силеке снаружи крикнул:

— Ты, — говорит, — почему оленей не распрягаешь?
Силеке взял свою жену и ее целовать стал, а старик взял Силеке и стал его целовать.

109. Сражение с юраками

Кеты живут на береговой косе. Отсюда мужчины ушли на лесное озеро Онякта охотиться на уток. Охота началась, только вождь в лодке-долбленке неподвижно стоит на одном месте и к чему-то прислушивается.

— Ты чего сидишь, уток не убиваешь? — спрашивают люди.

— На стойбище у нас неладно, — отвечает вождь.

— Ты, видно, о своей молодой жене задумался, — смеются люди.

— Дома какой-то шум раздается, я слышу, — говорит вождь.

Охотники назад на берег возвратились, а их стойбище все разрушено. Глазам открылась пустая земля.

— Я вас предупреждал — на стойбище неладно, а вы заладили: «О молодой жене думаешь!» — укорил вождь.

Он огляделся: жены и духу нет. Видит — камень лежит. Вождь догадался, что под ним его панцирь должен быть. Это его жена, когда на другой половине стойбища воевали, панцирь мужа в землю зарыла, сверху камень привалила.

На том месте, где их чум стоял, вождь вырезал лиственничные колышки и повтыкал их в землю.

— Когда лиственничные колышки сгниют, тогда я пойду искать жену, — говорит.

Прошло двадцать лет, он лиственничные колышки из земли вытащил, на бок повалил, сказал:

— Теперь наконец пойду искать.

Его люди-воины вместе с ним отправились. Свое войско он оставил позади, а сам под видом охотника вперед продвигается. Достиг открытого места и видит — какая-то женщина невдалеке дрова рубит. Со спины он к ней поближе подкрался, чтобы лучше рассмотреть.

— Это же моя жена! — узнал вождь.

Неслышно подкатился к ней на лыжах и, когда женщина замахнулась топором, ухватил его. Женщина повернулась, своего мужа узнала. От неожиданности она свой ум потеряла. Придя в себя, заговорила:

— Откуда ты свалился? Теперешний мой муж — очень большой вождь юраков. Он убьет тебя!

— Грудной ребенок у тебя есть сейчас? — спросил ее муж-кет. — Вечером, когда станешь ложиться спать, положи колючую хвойную ветку в детскую пеленку¹. Юраку спать не давай. Утром, когда начнет

светать, хвойную ветку убери, пусть юрак крепко уснет. Тетиву его лука слегка ножом подрежь.

Потом он дрова для нее наколол и назад ушел к своим воинам. Женщина домой к юраку вернулась. Вечером стали ложиться спать. Ребенок очень сильно заплакал. Отец юрака осмотрел наколотые дрова.

— Какие на этих дровах вмятины глубокие², — говорит.

Женщина сказала:

— Ребенок все время плакал, я торопясь дрова колола.

Старик замолчал, сел на свое место. Юракский вождь по надобности вышел наружу. Женщина стала стелить постель и незаметно резанула ножом тетиву его лука. Зазвенел колокольчик³, юрак сразу вернулся.

— Что ты с луком натворила? — спрашивает.

— Я оленью ногу вперед бросила, лук немного задела⁴.

Спать стали собираться. Женщина говорит:

— Ты всю жизнь в панцире спишь, даже меня железо съело!

Юрак жену послушался, свой панцирь снял. Спать легли. Ребенок как с вечера заплакал, так всю ночь и проплакал. Ближе к утру женщина хвойную ветку из-под него убрала. Ребенок уснул; юраки уснули. Она тихо вышла и отправилась по дороге, по которой возят дрова. Встретилась с мужем. Он ее спросил:

— Ты мои слова точно выполнила?

Она ответила:

— Все сделала, как ты говорил.

Понимая, что муж собирается мстить юракам, она просила оставить ей маленького сына. Но муж не соглашался: сын юрака вырастет, узнает правду и отомстит. Своим людям он велел протоптать дорогу в лес, чтобы жена смогла уйти. Женщина оттуда в лес пошла, запела. Ее песни в высоте эхо разносит: «Половина обоих рукавов, о мой муж!⁵ Войско юраков для тебя пусть крепко уснет!» К своим людям возвратилась.

Муж ее вниз к берегу спустился, чтобы с юраками воевать. Дверь чума юракского вождя луком в сторону отбросил.

— Долго, товарищ, спишь с молодой женой!

Юрак проснулся — жены нет, руками только пустоту на ее месте схватил. Понял все:

— О-о-ой, проклятая баба! От сердца ее сырым бы съел, от печени ее сырым бы съел⁶!

Свой лук схватил было, тетиву натянул — тетива оборвалась. Старик-отец молвил:

— Я вечером намекал тебе — на дровах какие-то крупные вмятины появились, ты на это даже внимания не обратил.

Сразу одеждой накрылся⁷.

Кет убил юрака. Юракскую стоянку всю перебил. Сам обратно к себе ушел.

110. Про Бильгета

Кеты с юраками воевали, несколько дней воевали. Почти всех кетов убили, кетского вожака убили. Помощники кетского вожака еще воюют там на поле боя.

Вожак юраков тем временем на оленях спустился к стойбищу кетов, женщин кетского вожака с двумя детьми захватил и увез их на оленях на свою родину.

Недолго воевали, война кончилась. Юракский вожак с кетскими женами живет. Дети большие становятся, снаружи играют с детьми юраков. Кетские дети доводят юракских детей до плача — дети кетского вожака ловкие.

Старик-юрак говорит:

— Вы — сироты, что же вы тихо не сидите, уж очень здорово ба-луетесь!

Сын кетской женщины говорит:

— Мы разве сироты, наш отец вон какой толстый!

Сколько-то они еще прожили там, и дети кетки выросли. У кетки с юраком тоже сын родился.

Бильгет — старший сын кетки — с детьми юраков играет, стреляет в цель стрелами. Бильгет всегда ловчее их. Старик-юрак Бильгету сказал:

— Ты бы поскромнее себя вел, ты — сирота, дети юраков тебя побьют.

Бильгет ответил:

— Я разве сирота? Вон мой отец сидит.

Бильгет отозвал своего брата в сторону:

— Тот старик нас сиротами называет.

Младший сказал:

— Бильгет, ты на них не похож, у них у всех уж очень толстые скулы. И мама, вот посмотри, тоже на них не похожа¹.

Бильгет ответил:

— Ну-ка сходим на берег реки, отражение наших лиц в воде посмотрим!

Они долго смотрели. Бильгет сказал:

— Правда, юраки на нас не похожи.

Они вернулись, юрака дома нет. Бильгет спрашивает:

— Мама, как мы к юракам попали?

Его мать ответила:

— Сынок, мы издавна их люди.

Бильгет возразил:

— Нет, ты не похожа на них, мы тоже не похожи. Мама, старик говорит, что мы сироты.

— Тот старик, — она сказала, — зря болтает.

Бильгет вышел и снаружи с юракскими детьми стал играть — всегда в середину мишени стрелой попадает.

Сын какого-то юрака на него рассердился.

— Эти сироты пусть прочь уйдут с нашего места для игры.

Бильгет тут же к своей матери домой кинулся:

— Мама, ты нам скажи, был у нас отец или нет?

Его мать ответила:

— Ты сядь, успокойся! О каких таких отцах ты все кричишь?

Бильгет своей матери все время надоедает, все спрашивает:

— Скажи мне!

— Сынок, — ответила она, — ты мне надоел уже! Твоего отца юраки на поле боя убили.

Бильгет успокоился и больше к ней не приставал.

Зима настала. Юраки на охоту ушли. Бильгет их далеко стороной обошел, к тропе юрака приблизился, его путь уже виден. Тут он в снегу снежный чум сделал.

Юрак всегда по одной и той же лыжне возвращается. Юрак идет по своей лыжне, его собака впереди бежит. Собака остановилась, слабо тявкнула. Юрак ее в задницу пнул. «Кого ты тут нашла?» — сказал он. Бильгет тем временем выстрелил ему в бок, а сам спустился к стойбищу.

— Мама, — говорит, — я твоего толстяка мужа убил.

Мать ему сказала:

— Сынок, юраки-соседи узнают и тебя убьют!

А он говорит:

— Я сейчас их всех навсегда усыплю!

Бильгет взял рогатину, выскочил, зашел в чум юраков и всех там рогатиной зарубил. Юраки моргнуть не успели². Наружу ни один человек не успел выскочить. Чумов стояло много, Бильгет всех юраков перебил. Он к матери вернулся, ей говорит:

— Где же находится наша родина?

— Сынок, — она ответила, — до нее далеко идти.

— Запряги оленей юраков! — приказал он.

Мать оленей запрягла, потом взяла сына, которого прижила с юраком.

Бильгет сказал ей:

— Прочь брось его!

Она возразила:

— Мне моего сына жалко!

Бильгет выхватил его и о землю ударил. Они вскочили на спины оленей, сели и на оленях уехали³. Долго ли ехали, мало ли ехали, приехали на свою родину.

Бильгет матери говорит:

— Панцирь отца где?

Она ответила:

— Я его в землю зарыла.

Она поискала его, нашла. Бильгет надел панцирь отца — он ему как раз впору.

— Мама, — говорит, — у моего отца брат-то был?

— Твой отец с братом жил, его тоже Хоседам съела⁴, на поле боя его юрак убил.

Бильгет спросил:

— Этот юрак жив еще или уже умер?

Она ответила:

— Он жив, теперь уже стариком стал.

— А где он живет, — спросил он, — скажи мне!

Она ответила:

— На той стороне хребта есть большое озеро, на берегу этого большого озера он и живет.

— Мама, — сказал он, — я к нему схожу!

— Сынок, — ответила она, — юраки тебя убьют!

— Нет, — возразил он, — юраки меня не убьют.

А своему младшему брату сказал:

— Пошли!

Мать хотела удержать Бильгета за полу, Бильгет дернул полу к себе — мать там и упала.

Бильгет с братом идут, много ли, мало ли прошли, прошли береговую скалу и тихонько по краю озера продвигаются. Бильгет вперед глядит — на песчаном берегу чум стоит. Он брату говорит:

— Ты подальше в лесу притаись!

Он тихонько к чуму подкрадывается, подкрадывается, тихо, крадучись, к чуму подходит. Видит — около чума на поперечине много юколы висит, а к столбу собака привязана. Он концом лука юколу поддел и собаке подбросил. Собака залаять не успела — стала юколу есть.

Бильгет подошел к двери, дверь тихонько концом лука отодвинул.

— Дед, — говорит, — как крепко ты спишь! Я за брата моего отца отомстить пришел.

Тот хотел подняться, лук схватить, но Бильгет ему стрелу в грудь пустил.

Его дочь он спросил:

— Ваши люди где?

Она ответила:

— Они на берегу в верхней части большого озера живут.

Бильгет ей говорит:

— Ты им скажи, пусть они ко мне сюда воевать идут!

Сам пошел к брату. Они на нижней стороне озера встали.

Немного погода юраки показались, на другом берегу остановились. В это время откуда-то черный дятел летит. Бильгет в него выстрелил, и тот со стрелой упал прямо в середину озера.

Юраки онемели от удивления.

— Ну, — они говорят, — ты нас поразил! Людей у тебя совсем нет, но мы, — говорят, — воевать больше не хотим.

Бильгет сказал:

— Как скоро вы плечи опустили!

Юраки говорят:

— Мы обратно пойдём.

Бильгет им ответил:

— Как хотите.

Бильгет со своим братом в свой чум вернулись. Поискал мать, а ее в чуме нет — где она тогда вниз лицом упала на землю, там все еще и лежит. Бильгет к ней подошел, а она не двигается. Он ее поднял, тряхнул, братья крикнули оба разом, и их мать вздрогнула.

— О-о, — она говорит, — куда я ходила, как крепко спала!

Бильгет мать в чум занес, и они с матерью здесь жить стали.

111. Месть сына за отца

Раньше остяки с юраками воевали. Юраки богатыря убьют, а бабу его с ребенком берут себе. Знают, что парень вырастет ловким, мстить будет. Один юрак так двух парней растил вместе со своими. Парень-остяк все спрашивает:

— Почему мое лицо не похоже?

Раз играли они с братом, их томар к старухе в чум залетел. Старуха, наверное, тоже остячка была. Она говорит:

— Вы так ловко играете, почему ко мне в чум не зайдете?

Парень зашел, она ему все рассказала, что юрак их отца родного убил. Они пришли к матери, говорят:

— Мы все знаем, пойдём юрака за отца убивать.

Мать испугалась:

— Не ходите, у него собаки злые, человека не пропускают.

Юрак в то время на охоте был. Ребята мать не слушают. Луки взяли, пошли юрака по его следу гонять*. Гоняли, гоняли. Юрак уже обратно идти собирается. Они в комель дерева запрятались, собаки их не учуяли. Когда юрак мимо прошел, они сзади выстрелили в него, убили. Ночью потом всех юраков убили, когда те спали. Мать свою и старуху оставили в живых.

Раз юраки кетского богатыря убили, кожу с головы ободрали, на дерево повесили. Бабу с сыном один юрак себе взял. Сын растёт, охо-

тяться начал, по лесу ходит. Раз пришел в то место, где юраки кожу с головы его отца повесили. Видит — лицо человека поет хорошо. Парень туда ходить стал, песни слушать. Третий раз пошел в то место, видит — остяк идет, отца его товарищ. Он сразу мальчика признал, рассказал, как отца его юраки убили, лицо повесили. Парень попросил у него лук, железную парку, стрелы, домой пошел. Юрак на охоте был. Мать испугалась, а сын на переднее место прошел, говорит:

— Юрак придет, убью его! Юрак придет, убью его!

Тот с охоты пришел, только дверь открыл — парень выстрелил, сразу убил его.

С тех пор юраки уж не стали брать баб с детьми себе, все равно те вырастут — отомстят.

112. Война кетов с эвенками

Десять кетов вместе с эвенками пошли на большую ходьбу*. Кеты каждый день с эвенками из лука стрелять ходят: пять человек дома остаются, а пять человек выходят из лука стрелять в цель. Эвенков все больше становится, а кетов все те же десять человек. Эвенков много, а кетов мало — десять братьев. Они каждый день с эвенками состязаются — из лука стреляют, и кеты всегда выигрывают. Дошли до конца дороги к озеру. Эвенки с одной стороны чумы поставили, а кеты на другом берегу озера чум поставили. Они заночевали. Вечером кетский шаман своим людям говорит:

— Утром, когда заря заниматься начнет, дятел будет через озеро перелетать. Не пускайте его дальше середины озера. Если дятел перелетит, всех нас убьют.

Ночью кеты елочек нарубили и высушили их. Утро настало, вот и дятел через озеро перелетает. Один кет лук взял, выстрелил и убил его.

Эвенки предложили кетам другое состязание, сказали:

— Пусть от вас один человек спустится.

Один кет и один эвенк вышли на середину озера, встретились. Эвенк сказал кету:

— Ты первый бей.

А кет сказал эвенку:

— Ты первый ударь, вы же первые хотели воевать.

Эвенк хотел ударить, а кет пальмú эвенка в сторону отбил, палкой по голове эвенка ударил и убил его. Молодые эвенки хотели в кета стрелять, но старики не разрешили. Они сказали:

— Не стреляйте в него, они нас убьют.

113. Про отца Ильгета

Ильгет с отцом в одном чуме живут. У Ильгета сестра есть. Они жили, жили, Ильгет растет. Откуда-то к ним четыре юрака пришли. Юраки зашли в их чум, сели. Отец Ильгета¹ их чаем поить стал. Юраки на его мать поглядывают, на его сестру поглядывают. Юраки между собой бормочут: «Его жена, — они говорят, — его дочь красивы². Мы их в жены возьмем».

— Отца Ильгета, — сказал юрак своим людям, — схватите и снаружи на съедение комарам привяжите!

Они его голого снаружи привязали. Комары здорово его ели!

Юрак матери Ильгета сказал:

— Твой муж тебе нужен?

Она ответила:

— Хоть и нужен, но вы его привязали, что я с ним буду делать?

— Если он тебе нужен, — сказал юрак, — то мы тебя тоже уьем.

Ты за меня пойдешь?

Она подумала и ответила:

— Пойду.

Юрак взял ее в жены. Ильгет своей сестре сказал:

— Ты к юраку не иди!

Юрак девушке стал говорить:

— Ты за моего брата пойдешь?

— Да, — говорит, — пойду.

Юрак ей сказал:

— Твой отец тебе нужен?

Она ответила:

— У меня толстый отец теперь есть, а моего отца пусть комары съедят на улице!

Юрак ей сказал:

— Иди на улицу, твоему отцу в лицо помочись!

Она так и сделала. Юрак Ильгета спросил:

— Твой отец тебе нужен?

Он ответил:

— Хоть и нужен, но что я с ним буду делать?

Юрак сказал:

— Иди на улицу.

Ильгет стал думать: «Как же я так плохо поступлю?» А юрак сказал:

— Если ты не пойдешь, я тебя уью.

Ильгет выскочил, к своему отцу подошел, слезы по лицу катятся.

Отец ему говорит:

— Ты за отца?

Ильгет ответил:

— Отец, что я должен сделать?

Отец ответил:

— Пусть юрак крепко уснет; утром, как только заря начнет заниматься, заметь, где его рогатина будет стоять, рукой язычок колокольчика зажми и крадучись выходи из чума.

Ильгет вернулся в чум. Юрак спросил:

— Ты на своего отца помочился?

— Да, — он ответил.

Юраки с женщинами в обнимку лежали. Утром перед зарей юраки крепко уснули. Ильгет встал, тихонько язычок колокольчика прижал и с рогатиной, крадучись, вышел, к отцу побежал, веревки рогатиной перерезал. Отец схватил рогатину, бегал, бегал, чтобы размяться, и Ильгету говорит:

— Ты иди, подальше спрячься.

Сам он к чуму подошел, дверь тихонько в сторону подвинул, у входа встал:

— Стыдно, друг! Как крепко ты уснул, уже полдень подходит, а ты под мышкой у женщин крепко спишь!

Юрак проснулся, сел, свою рогатину ищет.

Тем временем отец Ильгета ему в сердце рогатину воткнул. Юрак беззвучно мертвым упал. Он еще тех трех юраков убил. На улицу вышел и Ильгета подозвал. Его жена обрадовалась:

— Очень хорошо, что ты юраков убил.

Он жене говорит:

— Теперь тебе толстый муж нужен?

Она ответила:

— Старик, не трогай меня, мне толстый муж не нужен.

— А раньше ты где была? Что ты с моим лицом на улице сделала? Этим твоим носом ты не подумала?³

Он ей нос отрезал рогатиной.

— Ну-ка погляди на толстого мужа, какой он полный. Хоть сын меня освободил, а ты с дочерью радовалась, что заимела нового мужа!

Он ей рот вырезал, рогатиной грудь отрезал, потом повернулся к дочери.

— Дочка, — говорит, — теперь тебе новый отец нужен?

Дочь ответила:

— Мне родной отец нужен.

— Нет, — повторил он, — тебя, как и мать, завихрило, ума у тебя слишком много!

Он ей нос рогатиной отрубил, насмерть убил. Своему сыну сказал:

— Теперь уйдем отсюда, в другом месте будем жить.

114. Старик с заячьей паркой

Жили старик со старухой. У них было трое детей. У старших сыновей жены были. Сыновья старика в лес на охоту отправились; старик с невестками дома остался. Долго ли жили, старик однажды утром встал и к своему котцу под гору пошел. К котцу пришел, котец вычерпал, рыбу добыл, потом вниз на озеро посмотрел, видит — юраки едут на оленях, целый отряд. Они к старику подошли, оленей к нартам привязали. Старик рыбу взял и с юраками в гору пошел к землянке¹. Когда домой пришел, он послал невесток еду готовить. Невестки приготовили, котел с рыбой над костром повесили, а старик в это время колотушки сделал, бересту ободрал и в кучу сложил. Потом своим домашним сказал, что делать надо, а сам зашел в землянку и надел старую парку из заячьих шкурок.

Старик дома работать стал. Рыба сварилась, старик снял котел, рыбу в корытце выложил, поставил ее перед юраками. Те стали есть. Старик тоже с ними есть начал. Когда поели, старик сказал:

— Я на улицу схожу.

Старик на улицу стал выходить, юраки его схватили, но только подол парки оторвали. Старик на улицу выскочил, дверь захлопнул, колотушку схватил. Невестки в это время бересту зажгли и через чувал вниз затолкали. Землянка внутри загорелась, юраки в ней забегали, они гореть начали. Они пытались через дверь выбраться, но старик так ударил, что они сразу замолкли. Тогда юраки на передний угол² землянки нажали, но там невестки стали их бить колотушкой. Сколько в землянке люди ни бились, так и сгорели.

Когда землянка сгорела, старик сходил на берег к оленям. У оленей оставался один юрак, одноногий. Старик идет к нему, а тот говорит: «Я сердце старика в парке из заячьих шкурок съем!» — и идет к нему с хореем. Старик хорей у него выхватил и наконецником его заколол.

Старик этого юрака убил, оленей взял, в гору их всех увел и подальше от берега отпустил. Потом старик с невестками в стороне чум поставил³. Одного оленя убил, шкуру снял, разделал и сварил; они поели.

Долго ли они жили, сыновья старика домой вернулись. Они домой идут и видят — землянки нет, а чум стоит.

Они тихонько подошли, а собака старика на улице лежит. Они тихонько подошли, собака ребят узнала, к ним подбежала. Старший брат прижал ей ухо — собака завизжала. Старик из чума закричал:

— Кто собаку трогает?

Тут они узнали — наши люди живы! Они сняли лыжи, домой зашли, дома мясо, вареное оленьё мясо есть стали. Ели, пока не наелись.

Я у них ел, только в рот не попало⁴. Сказке⁵ конец.

115. Как старик-остяк юраков обманул

Когда войны с юраками были, пришел первый юрак посмотреть, много ли остяков. Старик-остяк решил обмануть его. Всех своих людей спрятал, а сам остался в землянке со старухой. Шумят, кричат. Юрак подумал: «Хорошо, все вместе сидят, я их всех сразу и убью».

Юрак в дымовое отверстие смотрит, видит — старик старуху бьет, лук уже взял, чтобы убить. Смеется юрак. Старик боролся, боролся, лук натянул, прямо в глаз юраку выстрелил. Тот свалился. Старик и старуха его убили, за своими людьми пошли.

Другие юраки ждали-ждали, еще двух своих людей посылали. Никто не пришел назад. Старик в землянке их всех убил. Своим людям сказал: «Троих убил, больше не придут».

Так и вышло.

116. Ологынтатсь

У остяков был богатырь — кынч. Юраки, тунгусы еще в лицо его не знали. Поехал он раз обдирать черемуху¹. На угор только вышел, видит — тунгусы спускаются по реке. Увидели его, между собой говорят:

— Это, наверное, сам Ологынтатсь² и есть, мы его сейчас схватим.

Подъехали, хотят его поймать. Он говорит:

— Не трогайте меня, какой я кынч, я только его работник, сирота я. Сам кынч в своем чуме сидит, меня за черемуховой корой послал. Хотите я вас к нему отведу?

В лодку к ним сел. Поплыли. Река поворот, колена делает. Он говорит тунгусам:

— Ждите здесь, я посмотрю — дома ли кынч, и сразу приду.

Сам на берег поднялся, где его лабаз стоял. На лабаз влез, из лабаза железную парку, железный шлем достал, надел. Вышел к тунгусам, говорит:

— А вот он сам Ологынтатсь и есть! Какие-то комары, мошки мне работать мешают.

Всех убил. Однажды опять по реке поплыл. Тунгусы видят его большое весло, на угор выходят, говорят:

— Видно, сам Ологынтатсь плывет.

Он отвечает:

— Нет, я не Ологынтатсь, я только его работник, сирота. Хотите покажу, где его лабаз?

В его ветку* самый главный тунгус сел. Поплыли. Ологынтатсь гребет сильно, их ветка впереди, другие все отстали.

Ологынтатсь веслом взмахнет, шлем на голове тунгуса задевает! Тунгус тоже гребет. Пот у него выступил. Ологынтатсь говорит:

— Ты шлемними!

Тот послушал, снял шлем. Дальше плывут. Ологынтатсь веслом взмахнет, всех далеко позади себя оставляет. Сам волосы тунгуса веслом задевает, примеривается. К месту, где лабаз стоит, подплывать стали. Ологынтатсь веслом взмахнул и снес голову тунгуса. Сам на берег быстро выскочил, с лабаза железную парку, железный шлем взял, надел. Тунгусы подъехали, он их всех убил.

Потом он на этом месте все время жил. Его узнали и больше туда тунгусы не ездили.

117. Война с селькупами

Остяки раньше очень бойкие были. Бальна, наверное, всех юраков, тунгусов кончал. С селькупами один раз война была. По вине селькупов их бы совсем не стало, да один остяк двух ребят в мох запрятал¹.

Селькуп женился на женщине кето², осенью дело было. Весной как-то братья пошли к сестре гостевать. Погостевали, назад пошли. Видят — сзади птицы летят. Один говорит:

— Наверное, гоняют* нас селькупы.

Другой не слушает.

Время к ночи. Они полог поставили, чтобы спать, а селькупы уже близко, луки натягивают. Один брат в полог влез, уснул, другой в сторонке сидит. Селькупы, правда, пришли; того, кто в пологе был, сразу убили. Другой в воду нырнул. Они в ветку* сели, гонять стали. Гоняли, гоняли, он на высокий угор выскочил, сел. Они за ним на берег лезут, опять гоняют, но остяк убежал, отстали они! К своим пришел, говорит:

— Ну, мы все потеряли, селькупы гоняют нас.

Остяки говорят:

— Нет, это мы, охотники, зверя найдем.

Пошли они на селькупскую сторону, всех убивать стали. Сестра просит ее мужика не убивать. Но остяку тому перед своими людьми было стыдно, он убил его, а двух ребят в мох запрятал, чтобы не нашли. Так и остались селькупы.

118. О дочери старика Идата

Жили старик со старухой и семьей детьми. Седьмая у стариков дочь. Дочь старика выросла, люди все время ходят свататься. Старик дочь не отдает.

Однажды к старику приехали люди из далеких мест. Люди поставили чум, переночевали, утром их девочка принесла котел, к старику в чум занесла и возле тагана поставила. Старик посмотрел — в котле много пушнины лежит¹. Старик старухе сказал:

— Старуха, отнеси-ка котел этих людей назад, люди снова нашу дочь сватают, не отдам ее.

Старуха котел назад унесла, домой вернулась и на свое место села. Немного времени прошло. Старуха — мать жениха — пришла с котлом, села и начала говорить:

— Давайте породнимся, пусть наши дети поженятся, вместе будут жить.

Старик со старухой молча сидели, слушали старухины слова. Старуха назад в свой чум ушла, а котел остался возле тагана. Старик старухе говорит:

— Убери котел, старуха. Хватит, люди мне надоели — все время просят! Давай отдадим дочь, а то она у нас долго не проживет.

Сваты сидят у себя в чуме, а котел назад не приносят. Они решили, что те согласились отдать свою дочь замуж. Люди своего сына к старику в чум привели, старик свою дочь домой позвал, спросил ее:

— Ты пойдешь за этого человека?

Она сказала:

— Я пойду.

Они свадьбу сыграли. Молодые немного пожили и к мужу домой собрались ехать. Старик со старухой ей наказывают, говорят:

— Людей слушайся, хорошенько слова людей слушай, не будешь слушать, плохо жить будешь.

Они уехали в свои места. Много лет прошло, старики умерли, а до братьев слух доходить стал, что их сестра плохо живет, муж ее все время бьет, плохо живут. У младшего брата нутро екнуло².

Зима пришла, люди дороги стали прокладывать, на большую ходьбу* пошли охотиться, зимовать. Младший брат Силеке к сестре пошел.

— Я сам посмотрю, как сестра живет! Правда ли, что плохо она живет, я сам посмотрю.

Силеке лук взял, колчан со стрелами взял, лыжи надел и пошел проведать сестру. Он долго шел, шесть дорог пересек, на седьмую пришел, видит — люди только что прошли. Остановился и смотрит. По дороге женщина идет, она медленно идет, за собой пол-обласка³ вместо нарты тащит, в обласке ребенок сидит. Он узнал: «Это моя сестра идет».

Силеке в сторону свернул, по следу белки погнался. Белка на дерево прыгнула, тихонько сидит. Он выстрелил, белка упала, убил он ее. Он белку подобрал, за сестрой по дороге погнался. Он свистнул, она обернулась, посмотрела — а это ее брат. Она заплакала.

— Силеке, — говорит, — ты зачем пришел, люди убьют тебя.

Силеке белку ребенку отдал, обласок-нарту сам потащил по дороге. Долго они шли. Стемнело. Он услышал — топор стучит. Он остановился и сестре сказал:

— Я здесь останусь, а ты вперед иди, я послушаю, что он будет делать.

Она к мужу пришла, он ругаться стал:

— Что ты делала, чего так долго шла?

Она молча вещи в чум затаскивает, а ребенок заплакал:

— Мама, где моя белка, которую дядя Силеке убил?

Муж ее схватил, бить стал и закричал:

— Другой мужик ее тебе убил! Откуда Силеке здесь взяться?

Старики в другом чуме услышали, догадались, что Силеке пришел, кричат:

— Ты что делаешь, ты почему человека все время бьешь?

Силеке лыжи снял, в чум заскочил, его схватил, голову ему оторвал и на снег выбросил. Люди испугались, подумали, что все шесть братьев пришли. Силеке топор взял, нарту-обласок изрубил топором, ребенка на нарту посадил и с сестрой пошел назад в свои места.

119. Тыней

Тыней, сирота, живет у торгового человека¹. У этого богача стоянка очень большая. Дети богача уже женились. Богач одного слугу держит. Тыней — работник богача. Богач спокойно дома у реки сидит, его люди для него промышляют. Он людей на большую ходьбу* послал, Тынея тоже послал им дрова заготавливать. Тыней — его единственный работник, дома в чуме он воду растапливает, дрова рубит для соседей, их пимы сушить вывешивает, стельку из жимолости для них заготавливает. Так они зимуют. Тыней все эти работы выполняет. Тыней говорит:

— Какую плохую жизнь я веду!

Он думает: «Раз я сирота, никто меня не пожалеет. Богатые люди куда меня пошлют, туда я и иду».

Люди долго ли, мало ли зимовали, они со стоянки ушли на малую ходьбу*, а оттуда снова вернулись на место стоянки. Тыней стал подумывать: «О господи, хоть бы волшебником стать, чтобы небесные семь снегов для меня бы упали».

По воле Тынея выпал снег глубиной с копыл нарты. Тыней ночью с вешал все снял: лыжи людей, их луки, стрелы — все прочь унес и в снег затолкал. Снег валит густо. Тыней дверь чума отодвинул, зашел, спящих людей убил, потом пошел в другой чум. Так он всю стоянку перебил, только двух молодых женщин оставил. Тыней сказал:

— Вот я вас и убил, всю мою жизнь вы меня мучили!

Тыней какое-то время жил добытым людьми мясом. Он двух молодых женщин в жены себе взял. Когда запас еды кончился, они чело-вече мясо есть начали. Потом Тыней ушел искать большое озеро. На берегу озера он с женами жить стал. На берегу озера, в стороне на холмике толстую дуплистую лиственницу высмотрел. Под ее корнями земляной чум соорудил, длинные очажные палки положил, прямо к озеру дорогу сделал. Тыней изготовил берестяную лодку², стал сети ставить на озере. У Тынея двое ребят родились.

Богач своих людей послал:

— Ищите Тынея, мне сюда его череп принесите!

Люди искали, но нигде его найти не могли. Однажды они ходили по берегу и увидели места заготовки дров. Люди сказали:

— Здесь, видимо, не один год человек живет.

Богач говорит:

— Вы вечерами к берегу озера спускайтесь наблюдать.

Люди вечером увидели — на другом краю озера из воды вверх бе-рестяная лодка вышла, в ней человек сидит. Люди выстрелили. К лод-ке Тынея была привязана веревка. Тыней веревку дернул, и его жены из чума стали лодку за веревку тащить.

Люди богачу сообщили, что видели лодку в дальней части озера. Богач людям сказал:

— Берег озера заостренной палкой весь протыкайте!

Люди хоть и тыкали, но нигде пустого места не нашли, а в середи-не озера всегда видели сети Тынея, в лодке его самого часто видели. Тыней быстро передвигался. Сколько они его ни ловили, поймать не могли. Люди к своему богачу вернулись.

— Мы, — говорят, — не знаем, где он.

Богач сказал:

— Все до одного дерева простучите обухом топора, берег вокруг озера обойдите. Он где-нибудь да живет.

Долго ли, мало ли простукивали люди деревья; не очень далеко от берега они нашли толстую лиственницу, засохшую, без коры. Они к ней подошли, обухом топора ударили — глухо гремит. Люди острием топора рубанули.

— Хе, вы меня нашли! — сказал Тыней. — Моя голова уже седая стала; как старый орел я стал. Теперь можете меня убить, я свое уже отжил.

Люди срубили лиственницу, залезли к нему вниз, там его схватили и убили. Жилище внутри осмотрели — дети Тынея уже выросли, они, оказывается, покрылись шерстью. Жена Тынея сказала:

— Скажите богачу: он раньше Тынея уж очень сильно мучил, за это он его людей убил.

Эта сказка³ по-русски пусть будет написана, наши кеты ее забыли.

120. Про Антоску Бальбина и царя

На Тунгуске жили три брата. Одного звали Антон Верный — все, что ни скажет, все правда. Второй брат ветренный — ему верят и не верят. Третий — еще какой-то.

Антон пошел к царю¹ жаловаться. До Енисейска с ручной нартой шел, дальше — на ясачной подводе ехал. Царь знал, что Антон едет, говорит:

— Какого коня возьмет?

Антон хорошего коня не взял, совсем плохого не взял; на среднем двор три раза объехал.

Царь говорит:

— Найдет ли мои ворота?

Антон кругом все осмотрел, правильные ворота нашел. Вошел, идет, много дверей видит. Прикинул, правильные двери нашел. Там внутри много народу. Сидят, все одинаково одеты. Подумал Антон, к царю прямо подошел, узнал его. Говорит царю:

— Зачем народ свой, как собак, мучаешь? Или шкуру снять хочешь? Если я твоих собак буду мучить, заезжу их — хорошо будет? Твои люди много остяцкой пушнины даром берут.

Царь не верит:

— Сколько надо, столько мои люди берут.

Антон говорит:

— Покажи свои лабазы, где пушнину держишь, я сразу узнаю остяцкую пушнину.

Повел его царь, открыл сундуки. Антон сразу узнал:

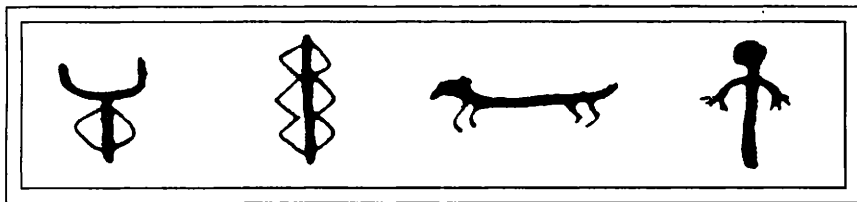
— Вот остяцкая пушнина, ко всем шкуркам ровдужные ремешки привязаны!

Увидел царь, что обманывали его люди остяков. Много даром, за полцены, пушнины у них взяли. Говорит царь своему цырку²:

— Не берите с них больше налога, не мучайте людей!

Поблагодарил он Антона. Потом пир устроил, угощал Антона. Тот уезжать стал, хотел царь ему самых лучших лошадей дать. Антон говорит:

— Не надо, мне бы только до Красноярска на любых доехать, дальше я поплыву. Не надо зря людей мучить!

СКАЗКИ

121. Каськет

Старик Эрохот жил на берегу галечной протоки, он лисичку воспитывал. Потом она от них ушла, перешла через галечную протоку, нашла лабаз инитов, залезла на лабаз, взяла рыбы и отнесла старику Эрохоту. Люди переночевали, утро настало. Она опять ушла к этому лабазу, залезла на лабаз и сбросила вниз тайменя — земля заколыхалась. У инитов Каськет живет. Инит Каськету говорит:

— Сходи наружу, посмотри!

Каськет отвечает:

— Да нет там никого.

Лисичка тайменя опять унесла старику Эрохоту, принесла ему. Инит вышел, нашел след лисички, погнался за ней, гонял*, гонял. Долго ли, мало ли гонял — лисичка ударилась о землю и трехногим конем стала, а инит в Каськета превратился. Каськет сел верхом на коня и вперед поскакал, скакал да скакал.

Каськет слушает — шаманское дерево¹ как косач² поет. Он туда посмотрел — люлька к дереву привязана. Он в нее прыгнул, качаться стал. Качался, качался — его вверх приподняло. Потом он вверх ушел в личине оленя³. Там наверху орлиное гнездо. Он маленьких орлят

трясти стал. Орлята запищали. Орлица⁴ прилетела к своим птенцам. Каськет орлице сказал:

— Дай мешочек для огнива!

Орлица ответила:

— Ты сходи к морю, от ерша мой коготь принеси, тогда я тебе мешочек отдам.

Каськет оттуда ушел. Долго ли, мало ли шел.

Каськет (лиси́чка)⁵ идет, идет, о землю ударился — Тьльгетом с лиственничкой стал. Тьльгет на лиственнице сидит. Откуда-то прилетел орел. Орел хотел поймать его, а Тьльгет у него выхватил один глаз. Тьльгет с лиственничкой опять Каськетом сделался.

Он шел, шел, к берегу моря пришел. Каськет взглянул: «Где же это ерш притаился?» Каськет сам с собой разговаривает: «Куда-то к какому-то ершу меня посылают!»

Немного погодя тель⁶ свой нос из моря наружу высунула.

— Внучёк, — она говорит, — что ищешь?

— Бабушка, послала меня орлица за ее когтем, сказала, что ерш его унес.

Тель сказала:

— Внучек, внучек, орлица хотела меня схватить, ее коготь у меня остался. Внучек, я его не отдам. Мои рога зимой ко льду примерзли. Если ты мои рога мне принесешь, тогда я отдам коготь.

Каськет ушел, на берегу моря в песке рога ищет. Много ли, мало ли времени прошло, он сам не знал. Взглянул вперед — на песке люди сидят. Они так пьянствовали! Каськет хорошенько их рассмотрел — а это литыси сидят. Каськет вымазал себя сажей, сделался похожим на литысей, подошел к ним, возле них сел.

Литыси так пили! Они Каськету водку наливают, полный рожок. Каськет сделал вид, что выпил, сам водку в сторону выплеснул, а пустой рожок за пазуху затолкал. Они тут пили-пили, литыси в песке вымазались. Каськет снова и снова водку в сторону выливал и рожок за пазуху заталкивал. Так они дали ему семь рожков. Винопитие кончилось, литыси ничего уже не видят. Тем временем Каськет к тель ушел. А литыси потом догадались: «Это, — сказали они, — с белого света человек у нас был, он с нами пьянствовал, а теперь куда-то исчез».

Каськет шел, шел, в то место пришел, где раньше тель в воде лежала. Каськет место вокруг осматривает, а тель из моря наружу высунулась. Каськет сказал:

— Бабушка, я принес твои рога.

Тель сказала:

— Ну вот, вот, очень хорошо!

Тель отдала Каськету коготь орлицы, а он отдал ей рога. Каськет в обратный путь отправился.

Долго ли, мало ли он шел, шел — то место, где Тыльгет и лиственничка, опять нашел. Тыльгет на гармошке играет⁷, ни на кого внимания не обращает. Он вниз взглянул — у комеля лиственнички оселок лежит. Он его засунул за пазуху и опять залез на лиственничку. А она как играла на гармошке, так и играет⁸.

Море поднялось. Каськет оселок из-за пазухи вытащил, на сук лиственнички оселок положил, а морская вода до оселка дошла и его взяла. Каськет на гармошке играет и играет, а откуда-то орел прилетел и на верхушке лиственницы сел. Тыльгет орлу его глаз отдал⁹. Каськет сказал орлу:

— Коготь орлицы я тебе не отдам.

Орел Каськета понес. Долго ли, мало ли они летели, прилетели к гнезду орлов. Каськет орлице сказал:

— Вот твой коготь.

Орлица его взяла, на палец надела. Орлица отдала огниво.

— Теперь, — говорит, — спустишь вниз к старику Эрохоту.

122. Хыпь

Старик и внук Хыпь жили. У внука жена Хунь была. К старику несколько лет горностай ходил, к невестке приставал¹. Все просил старика:

— Пошли куда-нибудь парня, чтобы он пропал.

Вот старик как-то говорит:

— Сходи за моим томаром, его доотэт когда-то давно утащил. Хыпь пошел, пришел к доотэту-старика:

— Мой дедка сказал, что у тебя где-то его томар есть, отдать велел.

Доотэт-старик говорит:

— Как отдам? Его найти надо, а у меня глаза нет, его даго вытащила. Сходи к ней, глаз возьми, тогда я томар найду.

Парень думает: «Что делать?» На небо к даго полетел, пришел к ней:

— Доотэт-старик его глаз велел отдать, он без него дедкин томар найти не может.

Даго говорит:

— Не дам я тебе глаз, пока мой коготь у тэль не возьмешь. Я летала, летала, налима хотела поймать; за спину схватила, а это не налим, а тэль была, мой коготь в спине у нее остался. Принеси коготь — глаз отдам.

Парню делать нечего, пошел, к краю моря пришел, на железный пень сел. Тэль вызвал:

— Отдай коготь, тэль! Даго глаз не отдает, а без глаза доотэт-старик томар не найдет.

Тэль говорит:

— Отдам я тебе коготь, если ты мой рог принесешь. Я тут плавала, плавала, кто-то мой рог отпил. Найди, принеси его.

Парню делать нечего. Искать рог надо. На белом свете рог не нашел, полетел туда, где ночь поднимается. Оглянулся — утренняя заря на этом свете поднимается. До земли литысей долетел, оглянулся — белый свет еле видно, так далеко залетел. К литысям прилетел.

Из земляного* гриба порошок взял, намазался, чтобы литыси не узнали, что он человек светлого мира². Зашел в чум к литысям, а они рог тэли топчут, прыгают. Из рога, как из стопок, вино пьют. Хыпь зашел, литыси вокруг него ходят, нюхают. Старший литысь говорит:

— Это человек, а не литысь, чужим пахнет.

Другой говорит:

— Нет, наш он, литысь.

Другие понюхали — не разобрали. Хыпь ни жив ни мертв стоит. Позвали они его гостевать, за стол посадили. Как до него рог дойдет, он его опрокидывает и в котомку бросает. Так все куски рога спрятал. Сам на улицу выскочил, сычом полетел. Литыси спали в это время. Проснулись — нет человека, нет рога. Гонять* его стали. Быстро летят, вот-вот догонят. Он в дупло березы прыгнул, сидит. Литыси прилетели, вокруг толпятся, нюхают, теплое место чувствуют. До березы добраться не могут, бояться березы³. Того литыся, что не признал человека, ругают. Потом решили: «Ну что ж делать, если утащил рог». Ушли своей дорогой.

Парень скорее полетел туда, где белый свет светит. Добрался, на край моря прилетел, на железный пень сел, тэль позвал:

— Достал я, бабка, рог твой кое-как, чуть сам не пропал.

Отдал он ей рог, она проверить захотела — крепкий ли. На реку ушла, зимний лед поддела. Лед разломила — крепкий рог. Парню коготь дала вытащить. Он еле вытащил — крепко тот застрял в спине, врос уже.

К даго полетел, на ногу ей коготь насадил. Та полетела, говорит:

— Хорошо, крепче прежнего сидит.

На свое место села, глаз отдала. У нее глаз в животе был, проглоченный.

Взял Хыпь глаз, обратно к доотэт-старикуну спустился. Глаз ему дал, тот томар отдал.

Взял парень томар, назад в свой чум пошел. Чум у него каменный был. Горностай у двери сидит, его бабу — Хунь караулит. Понял все Хыпь, вошел, дверь крепко закрыл, чтобы горностай не пролез.

123. Про мамонта

Старик Ыдат со своей старухой живет. Они лисичку¹ взрастили, которая потом от них ушла.

Лисичка, чтобы охотиться, Подкаменную Тунгуску перешла, там на лабаз залезла и рыбу утащила. Иньгет сказал:

— Лисичка ушла, рыбу утащила, старику Ыдату унесла.

Утром Ыдат проснулся:

— Смотри-ка, рыба лежит! Наша лисичка, видно, принесла!

Потом она опять ушла. Иньгет и сучка ждали. Лисичка снова пришла, на лабаз залезла, тайменя взяла и вниз сбросила.

Иньгет и сучка звук падения услышали:

— Выходите наружу! — говорят.

Люди посмотрели — лисичка опять рыбу утащила, старику Ыдату отнесла. Люди погнались за ней:

— Она нашу рыбу таскает!

Лисичка о землю ударилась и горностаем стала. Он ушел. Шел, шел, по берегу Подкаменной Тунгуски вверх ушел.

Долго ли, мало ли поднимался, смотрит — трехногий конек вверх идет. Он о землю ударился и человеком стал, верхом на коня сел. Конь побежал.

Он ехал, ехал, слышит — шаманский посох с бусами звенит, на нем люлька висит². Он в нее залез и покачал. Теперь он вверх в личине орла поднялся, вверх ушел. Там наверху орлиное гнездо на небесном дереве. Он орлят шевелить стал, чтобы они запищали. Большая орлица прилетела.

Он орлице сказал:

— Мешочек для огнива мне отдай!

Старуха-орлица говорит:

— Коготь мне принеси. В море ерш-рыба³ притаилась. Если ты мой коготь принесешь, тогда я тебе мешочек с огнивом отдам.

Он оттуда ушел. Пень стоит. Он сел, высматривать стал. Видит — в спину рыбы иголка воткнута. Он ее вытащил и в карман положил.

Потом он опять ушел. Шел, шел — к орлице вернулся, коготь ей принес.

— Бабушка, — говорит, — дай сюда палец!

Он насадил коготь ей на палец. Она мешочек с огнивом отдала. После этого он домой ушел, к старику Ыдату вернулся.

124. Про Каськета и старика Эрохота

Старик Эрохот со своей старухой живет на берегу Большого Енисея¹. Старики живут, рыбачат и белкуют.

Откуда-то к ним сирота Каськет пришел. Каськет сказал:

— Дедушка, я к вам внуком быть пришел.

Старик Эрохот своей старухе говорит:

— Теперь у нас внук будет!

— Старик, — она сказала, — теперь нам жить немного легче станет.

Старик на охоту ходил, белковал. Каскет тоже ходил, но ни с чем возвращался.

Старик Эрохот своей старухе говорит:

— Куда он ходит? Белок никогда не приносит. Ну-ка я по его следам пойду!

Каскет у костра сидит, ни на что не обращает внимания — какая там охота!

Старик Эрохот домой вернулся и старухе говорит:

— Старушка, наш Каскет потому без добычи возвращается, что он весь день у костра просиживает.

Старик Эрохот со старухой долго ли, мало ли жил, раздумывал.

— Старуха, — сказал он, — сколько же мы будем воспитывать этого Каскета?

— Старик, — ответила она, — а куда мы его денем?

Каскет снаружи слушает разговор стариков.

Старик Эрохот старухе сказал:

— Давай где-нибудь в дороге его заблудим.

Старуха возразила:

— Каскет, пожалуй, волшебный.

Старик Эрохот сказал:

— Иди прочь! Завтра мы на маленькую ходьбу* пойдём и там сильно кружить будем.

Каскет слова стариков все слышал.

Старики переночевали, утром в мешки еду положили. Старик Эрохот Каскету сказал:

— Каскет, пойдём!

Он согласился. Старики вышли, свои парки² надели.

Во время недолгого отсутствия стариков Каскет о землю ударился, колонком обернулся и в мешок старухи заскочил.

Старики долго ли, мало ли шли — Каскет слегка посвистывает.

Старуха Эрохота говорит:

— Старик, кто-то посвистывает.

Старик отвечает:

— Зря болтаешь, это какие-нибудь земляные птицы* свистят.

Старики долго ли, мало ли шли, старуха говорит:

— Может, это Каскет посвистывает?

Старик ответил:

— Мы ведь его где-то оставили.

Старик высмотрел место повыше. Старики заночевать решили.

Старик Эрохот сказал:

— Ну, теперь давай чай варить. Вот мы его и оставили, этого Каскета. Старуха, ты свой мешок сюда принеси.

Старуха ответила:

— Мой мешок уж очень тяжелый стал!

Старуха мешок развязала. Оттуда наружу глядят как блестящие камешки глаза Каськета.

Каськет засмеялся. Старуха вздрогнула.

— Старик, я, оказывается, Каськета весь день на плече таскала.

Старики начали чай пить. Старик думает: «Погоди же, я все равно что-нибудь сделаю с тобой!» А Каськет про себя смеется, он мысли старика насквозь видит.

Стемнело. Старик своей старухе говорит:

— У обрыва стели!

Старики легли, Каськета с края от себя положили.

— Старуха, ты лежи тихо!

Старик крепко уснул, а Каськет не спит. Старик устал, крепко уснул, храпеть начал. Каськет тихонько встал, подвинул старика к обрыву, старик в воду упал, а внизу течение его унесло. Каськет к старухе прижался, сон его взял. Старуха его расшевелила и говорит:

— Старик, Каськета столкни в воду!

Каськет едва удерживает смех.

Старуха утром встала, чай сварила.

— Вставай, старик, вставай!

Каськет встал. Старуха взглянула на него и сказала:

— А, внук Каськет! Это ты хорошо сделал.

Каськет со старухой жить стал.

125. Про Каськета и Тотаболя

Один — Каськет, а другой — Тотаболь (их имена).

— Беличью голову, голову, беличью голову, беличью голову, беличью голову, — Тотаболь плачет и просит.

— Ты же сам съел, Тотаболь, хватит тебе плакать! Ты видишь, опять литысей¹ много ходит, — говорит Каськет.

Вечером доотам² пришла:

— Хо, хо, хо, — каждый вечер он плачет, плачет!

Они вскочили — один под олатину нырнул, а Тотаболь под очажную палку залез. Она зашла, глядит — никого нет!

Она нашла поварешку, ее вверх подбросила.

— Милая внучка, — сказала она, — Расскажи мне, куда они ушли!

А поварешка ответила:

— Я жир котла Каськетов³ ела, тебе не скажу!

Она взяла ее, побила и сломала.

Она котел нашла и вверх дном его подбросила, чтобы он там упал, куда они ушли:

— Скажи мне, где Каськеты!

А котел ответил:

— Я не скажу! Я ведь жирную рыбу варил и жир ел!

Она его взяла, била, била, и котел сломался.

Она клейницу нашла, подбросила ее вверх и сказала:

— Милая внучка, расскажи мне!

Она ее подбросила вверх, и клейница воткнулась у комеля олатины. Она тут стала копать и Каськета нашла; взяла его и в свои штаны засунула. Тогда она снова клейницу взяла и вверх подбросила — та у очажной палки воткнулась. Она там стала копать и Тотаболя нашла. Она его взяла и тоже в свои штаны засунула и домой ушла. Она домой пришла и крикнула:

— Дочки, дочки! — по имени их зовет. — Я вам людей для игры принесла!

В Тотаболя она обычную иглу воткнула, а в Каськета толстую иглу воткнула⁴. Она сходила в лес, медведя убила, половину его сама съела, потом им кушанье приготовила. Каськету она жирное поставила. Сказала ему:

— Каськет, Каськет, кушай, кушай, много кушай!

Каськет Тотаболю говорит:

— Ты много не ешь, а то доотам нас съест.

Потом она опять ушла. Она ушла, а землянку на замок заперла. Каськет одной из дочерей говорит:

— Дай мне сверло твоей матери!

А она, Хинтыя, принесла ему это сверло. Каськет взял и каменный чум просверлил, дыру сделал и заткнул. Вечером доотам большого медведя добыла, половину его домой принесла. Потом она еду приготовила, сказала:

— Каськет, ешь, ешь!

А Каськет еду в рукав набил, а потом выбросил. Тотаболь же все-все съел. Потом они с Каськетом на улицу вышли, и Каськет Тотаболю сказал:

— Много не ешь!

Назавтра доотам опять ушла, одного медведя добыла. Она его домой принесла, еду приготовила; жирное мясо вынула, Каськету положила. Тотаболю тоже положила.

— Тотаболь, ешь, ешь!

Каськет делал вид, что ел, но потом через рукав еду вываливал, а Тотаболь все-все съедал.

Доотам ушла, а Каськет дочерей перебил и сварил их. Он, Каськет, через ту дыру наружу вылез и каменный чум открыл. Потом он развесил мясо дочерей по дороге.

Доотам домой возвращается — мясо висит. Она взяла его и проглотила. А висело-то мясо ее дочерей, оно висело! Она домой пришла,

а там Тотаболь лежит. Он через дыру не смог выбраться наружу; Каськет было тянул его, тянул, пока у Тотаболя голова не оторвалась. Каськет голову Тотаболя в карман положил, а сам ушел, долго он шел.

Доотам домой идет, она куски мяса нашла и проглотила их.

— Ху, ху, ху, — сказала она, — там и мой кусок мяса! Ху, ху, ху, дочки, вы мою долю не потеряйте!

Она думала, что ее дочери убили кого-то из них.

Она погналась за Каськетом. Каськет оглянулся — идет доотам. Каськет сказал:

— Роща с семью лиственницами пусть вырастет, пусть лиственницы вырастут!

Встала роща в семь лиственниц — Каськет на дерево залез.

Доотам к нему подошла:

— Каськет, сюда спустись, я тебя не съем!

— Я не спущусь! — Каськет ответил. — О, ты меня сама сруби!

— Чем же я срублю?

А он, Каськет, сказал:

— Когда-то раньше ты стариков Ыдатов съела, ты их топоры выблуй!

Она блевала, блевала, блевала — топор! Она начала рубить дерево.

А Каськет сказал:

— Мой отец когда-то зайца выкормил. Хоть бы он пришел!

Немного погодя заяц прибежал:

— Бабушка, ты чего рубишь?

— Я Каськета хочу достать.

— Бабушка, давай я рубить буду. Ты, бабушка, устала. Бабушка, ты ложись спать!

Она ему топор отдала. Сама легла отдыхать. Заяц взял топор и вбил в дерево те щепки, которые доотам отрубила.

— Бабушка, дерево упало, — закричал заяц и сам убежал.

Доотам вскочила:

— Зайчик, отдай мой топор, отдай мой топор! — она кричит. — Каськет, спустись сюда к бабушке!

— Ты сначала у комеля дерева ляг, рот палочкой растяни и глаза палочками расширь!

Она легла.

— Ты так лежи, а я к тебе соскочу!

Сам он немного спустился и сидит. Мелкие камушки у него в кармане были, он ими глаза доотам засыпал. Та ну кататься!

Он вниз соскочил, рогатиной рубанул ее, убил. Большой костер разложил, большой костер, и в костре ее сжег.

Он обратно пошел, туда, где Тотаболь лежит. Пришел, в семиушный котел его положил, из кармана голову вынул, Тотаболю приставил и его в этом котле качал, качал.

Тотаболь воскликнул:

— Чу, кто меня разбудил?

А Каськет ответил:

— Доотам чуть было тебя не съела.

Он ожил, и они пошли с Каськетом. Может быть, они и сейчас еще идут.

126. Кольтут

Жили старик со старухой, детей у них не было. Старуха старику говорит:

— Как будем жить? Детей у нас нет.

Старик из чума вышел, глины накопал, ногами ее размял, сделал семь глиняных чашек. Потом он их взял и в большой семиушный котел положил. Старик стал качать его. Качал-качал три дня, и у него руки отнялись.

— Старуха, качай ты! — сказал он.

Старуха тоже три дня качала, на западную сторону котел чуть было не повернулся — старик подпер его железной подпоркой. На утреннюю зарю котел повернулся¹ и оттуда семь мальчиков вышли.

Этих мальчиков старик со старухой вскормили; они большие стали. Старший брат собрался пойти для них жен сватать.

— Родители, — сказал он, — я пойду для братьев жен сватать.

— Ты куда пойдешь невест сватать?

— Я пойду к старухе Хосядам.

— Ну ладно, иди!

Он ушел вниз по течению реки к старухе Хосядам.

Долго ли шел, шел. Когда мороз наступил, он к матери² пришел.

Старуха спросила:

— Ты зачем пришел?

— Я пришел свататься.

— Что ж, разве на свете нет женщин, что пришел сюда сватать?

У меня невест нет.

А он стал сватать:

— Больших женщин дай мне, больших женщин дай мне!

Старуха за олатинами поискала, шесть мизгирей³ достала и ему отдала. Он их посадил за пазуху. Одного не хватает. Он еще стал сватать:

— Больших женщин дай мне, больших женщин дай!

Старуха заплакала. Плакала, плакала, вынула из-за олатины последнего маленького мизгирия и ему отдала.

— Ну, теперь иди домой. В дороге, если будешь ночевать, ты их из-за пазухи не вынимай; утром дальше пойдешь — тоже не вынимай,

пока домой не придешь. Когда домой придешь, ты их за олатинами посади и ложись спать.

Он пошел обратно. Шел, шел и пел: «Смерти⁴ семь девок везу, смерти семь девок везу!» Он заночевал, из-за пазухи их не доставал. Утром дальше пошел, домой пришел, в свой чум к братьям. Они ему говорят:

— Ну, что же ты нашел? Где твои женщины?

— У меня женщин нет.

Вечером, когда спать собрались, он тайком их из-за пазухи вынул, их всех за олатинами посадил и лег. Ночь прошла. Утром он тихонько из спального мешка вверх глянул — в чуме целых семь женщин сидят. Он своих братьев разбудил:

— Ну вставайте! Вы вчера, когда я устал, спрашивали, говорили: «Где женщины?» Вот они, женщины, которых я принес, вот они!

Братья обрадовались.

Он встал, раздал им этих женщин, каждому брату по одной женщине.

— Ну вот, теперь живите!

Потом они большой чум сделали, и все семь братьев в этом чуме живут, живут. Сами они на охоту ходят.

К ним, к этим женщинам, дотет⁵ стал ходить. Он приходит, вокруг чума ходит:

— Женщины, выходите, женщины, выходите! — говорит.

Женщины вышли, он их кровь через шею высосал, а потом ушел.

Братья вечером домой пришли, видят — у их жен крови нет, они побледнели. Они их спрашивают:

— Куда ваша кровь девалась? Вы ведь совсем побледнели!

Женщины им не сказали, что дотет их кровь высосал.

Потом они младшего брата дома оставили, чтобы женщин охранял, а сами в лес ушли. Днем дотет пришел, чум обошел, кричит:

— Женщины, на улицу выходите!

Младший брат женщинам сказал:

— Вы на улицу не выходите!

Женщины на улицу не выходят.

Дотет на улице чум ломать⁶ стал, кричит:

— Женщины, на улицу!

Младший брат на улицу выскочил, рогатиной его рубил, рубил, рубил — большой палец ноги дотета убежал. Он хоть и погнался за ним, но не догнал. Палец в прорубь нырнул и такое слово ему сказал:

— Завтра к вам семь человек из моего войска приедут.

Вечером братья вернулись и спрашивают его:

— Ну, что ты видел?

— Я видел дотета, он через шею их кровь высасывает. Я выскочил с рогатиной, рубил, рубил его. Один палец его ноги убежал, я его не

смог догнать, он в прорубь нырнул и такое слово сказал: «Завтра к вам войско придет!»

Старший брат-кольтут говорит:

— Завтра мы все дома будем дневать!

Они переночевали. Утром поели, немного посидели, из проруби выскочили семь дотетов: у первого одна голова, у второго — две, у третьего — три, у четвертого — четыре, у пятого — пять голов, у шестого — шесть, у седьмого — семь. Братья на улицу вышли, драться стали, бороться стали. Младший брат-кольтут с одноглавым дотетом схватился бороться. Дотет его бросил, кольтут упал на землю и умер. Второй кольтут схватил дотета, бросил его, он упал на землю и умер. Двуглавый дотет схватился с кольтутом; дотет его бросил, он упал на землю и умер. Третий кольтут схватился с дотетом. Кольтут бросил его, дотет упал на землю и умер. Трехглавый дотет схватился с кольтутом. Дотет кольтута бросил, кольтут умер. Четвертый кольтут схватился с дотетом. Кольтут схватил его, дотет упал на землю и умер. Пятиглавый дотет схватился с кольтутом. Дотет кольтута бросил, кольтут на землю упал и умер. Пятый кольтут с дотетом схватился. Кольтут дотета схватил, дотет на землю упал, умер. Шестиглавый дотет схватился с кольтутом. Дотет кольтута бросил, кольтут упал и умер. Шестой кольтут с дотетом схватился. Кольтут дотета бросил, дотет упал, умер. Семиглавый дотет с кольтутом схватился, дотет бросил кольтута, кольтут упал и умер. Седьмой кольтут схватился с семиглавым дотетом, столько бились-бились, что у них сила сравнялась. Ни один другого не может побороть. Они бились-бились, и оба упали. У кольтута лыжа стояла, он ее пнул ногой, эту лыжу:

— Ты, лыжа, покатись до двери дома моих родителей!

Кольтут и семиглавый дотет оба упали и умерли. Лыжа покатила к двери родителей. Старуха дверь хотела открыть, но дверь не открывается. Она старику сказала:

— С дверью что-то случилось, дверь не открывается.

Старик со старухой вдвоем дверь открыли, смотрят — одна лыжа кольтута, оказывается, к их двери прикатилась. Старик старухе говорит:

— Наших детей-кольтутов кто-то убил. Давай мы эту лыжу обратно повернем, на нее сядем, она нас по своей дороге обратно потащит.

Они повернули лыжу, сели на нее. Лыжа покатила, по дороге побежала. Приехали к чуму, а их дети, кольтуты, ведь на самом деле умерли. Там и дотеты лежат мертвые. Старик со старухой стащили дотетов в одну кучу. Старик нарубил сухих дров и над дотетами костер развел. Потом они своих детей, кольтутов, в одну кучу собрали, в большой семиушный котел положили и качать стали.

— Если кольтуты настоящей смертью мертвы, то пусть этот котел перевернется по направлению к западу, если же слабой смертью мертвы, то пусть он перевернется на сторону утренней зари!

Они качают. Котел чуть было к западу не свернулся — старик подпер его палкой. Котел перевернулся на восточную сторону. Эти кольтуты ожили и родителям говорят:

— Холодно! Как мы крепко спали. Кто нас разбудил?

Старик со старухой им говорят:

— Если бы не мы, то вас всех черви бы съели. Дотеты вас убили, вы без нас совсем бы пропали.

Их жены в чуме с испуга в обморок упали. Старик этих жен в тот же большой семиушный котел положил и тоже качал их.

— Вы, — сказал он, — слабо мертвые люди!

Они перевернулись с котлом в направлении утренней зари. Женщины из чума выскочили. Потом старик со старухой этих женщин им отдали.

— Теперь, — они говорят, — живите! Мы со старухой опять пойдем в свой чум, вы же живите в своем чуме!

Старики на лыжу кольтута сели, лыжа понесла стариков в их чум. Когда они приехали туда, они эту лыжу повернули, и лыжа обратно покатила к кольтуту. Старик со старухой, вероятно, до сих пор живут.

Это сказки⁷ конец.

127. Про сестру Вихря

Жили две сестры, жили они в небольшом стойбище. Их чум стоит в стороне от стоянки. Они всегда вместе — вместе спят, вместе дрова рубят. Долго ли жили, мало ли. Старшая сестра сказала Айсе:

— Я сейчас пойду в лес. Ягода, наверно, уже поспела. Ты ложись спать, одеялом укройся наглухо. Чей-нибудь шорох услышишь, не подавай ни малейшего звука.

Айса сразу легла. Сколько-то времени она пролежала, снаружи слышит какой-то шорох. Айса тихо лежит. Кто-то открывает дверь. Тихонько зашел, у очага сел. Айсу охватило любопытство. Она подняла тихонько конец одеяла. Из-под одеяла поглядывает: страшно, страшно. Это какая-то пожилая женщина сидит. Она на человека не похожа. У Айсы мелькнула мысль: «Это сестра Вихря». Айса вздрогнула, одеялом медленно наглухо закрылась. «Эта, — про себя думает, — теперь меня съест». А сестра Вихря догадалась, что женщина не спит. Ей говорит:

— Вставай, я тебя не съем.

Айса снова сжалась в комок. Сестра Вихря кинулась на нее, конец одеяла сдернула, посмотрела на нее.

— Ты, — она говорит, — очень красивая. Ты будешь женой моего брата, я тебя не съем.

Айса сказала:

— Не хочу, не хочу. Вы — людоеды.

Скорее одеялом закрылась. Сестра Вихря, недолго думая, бросилась на нее, стала ее щекотать, защекотала. Айса в обморок упала.

Сколько-то времени прошло, она очнулась, вокруг себя поглядела. Видит — в каком-то новом месте очутилась. Чум такой громадный, очаг длинный. За очагом впереди¹ сидит мужчина, брат Вихря, красивый вид у него. Сзади² сидит та женщина, которая меня³ щекотала. В очаге жарят мясо. С рожней стекает жир. Брат Вихря жует сырое мясо, со рта его кровь стекает. У Айсы все тело сжалось. Брат Вихря ей говорит:

— Ты теперь будешь моей женой.

— Никогда твоей женой не стану, вы — людоеды!

— Я на твою долю мясо всяких земляных птиц* принесу.

Мало ли, много ли времени прошло, этот брат Вихря об землю ударился, крыльями ударил о землю, как птица стал. В дымовое отверстие вылетел, за облака вверх улетел. Там, где он сидел, появилась шкура змеи, похожая на шкуру блестящего зверя. Брат Вихря сказал Айсе:

— Ну, теперь мы спать ляжем.

Айса ночью спит, видит сон: старшая сестра ей говорит:

— Ты за брата Вихря замуж не выходи. Ты будешь людоедов рожать, а их на земле и без твоих полно. Вот, сестра, как сделай: ты возьми у сестры Вихря шкуру, сожги ее, он тогда летать долго не сможет, а как приземлится, от разрыва сердца умрет.

Айса проснулась, посмотрела — змеиная шкура лежит. Сестра Вихря догадалась, что девушка что-то плохое задумала. Скорее схватила шкуру своего брата, быстро за пазуху затолкнула. Айса подумала-подумала: «Что мне с ней делать?» Немного времени прошло, догадалась: «Она меня щекотала!» Кинулась к ней, сзади ее поймала, ногами сжала, стала щекотать. Щекотала, щекотала — сестра Вихря в обморок упала. Айса бросила ее на спину, поглядела — та, видимо, умерла. Из-за пазухи у нее змеиную шкуру вытащила, отдышалась. Потом она большой костер сделала, шкуру в огонь бросила, сверху дрова положила.

В это время брат Вихря летает вверху за тучами. За каким-то небесным краем мясо разных земляных птиц ищет. Чувствует: на земле что-то плохое происходит. Приблизился к земле. С земли люди смотрят: «Ой, ой, какие тучи дождевые приземляются». Немного времени прошло, он крылатой птицей стал, его крылья гремят, шумят, как будто лед трещит. Скоро с его крыльев перья посыпались. На горах, куда падали перья, образовались воронки. Где перья падали, там озера образовались.

Как только он приземлился, его сердце разорвалось, он умер. Люди догадались, что людоед умер. Айса сказала:

— Теперь я пойду на свою родину.

Пришла на свою землю, сестре рассказывает:

— Шкуру людоеда я сожгла.

Айса вышла замуж за человека из своих, нарожала детей. Своим детям эту сказку⁴ рассказывала. А вы, будущие, своим детям рассказывайте. Пусть переходит эта сказка⁵ из поколения в поколение. Теперь пусть у русских она будет записана.

128. Как женщина с орлом жила

Жили старик со старухой, у них была одна дочь. Весна пришла, с юга орлы прилетели, стали гнезда вить. Только один орел себе гнезда не делает, он все время кружит над чумом стариков. Девочка на улице играет, а орел вверху парит. Орел крылья сложил и как камень вниз упал. Девочку когтями схватил и вверх улетел. Орел к озеру прилетел, вниз спустился, девочку на берегу посадил. Девочка сидит, плачет, орел ходит, об нее головой трется. Девочка успокоилась, перестала плакать. Посмотрела — большой каменный чум стоит. Орел к своему чуму подошел, дверь отбросил, потом к девочке вернулся, головой стал звать ее в чум. Девочка встала, в чум вошла. В чуме огонь горит, на тагане котел висит, в котле мясо варится. Она села. Орел наружу вышел, там о землю ударился, мужчиной стал. Он в чум зашел, как из воды вышел, с ней рядом сел, девочке сказал:

— Сними котел.

Девочка котел сняла, мясо вычерпала, они есть стали.

Орел ей сказал:

— Я тебя принес, чтобы ты была моей женой. Теперь мы вместе жить будем.

Они спать легли, жить стали. Каждое утро орел вставал, наружу выходил, об землю ударялся, орлом становился и на охоту улетал. Он своей жене много зверей приносил, она дома еду готовила, шкуры мяла, шубы, унты, рукавицы делала. Осень пришла, орлы на юг лететь собрались. Орел своей жене говорит:

— Я на юг полечу, а ты здесь зимуй, здесь холодно, я здесь замерзну.

Девочка заплакала. Он ей сказал:

— Зачем плачешь, я вернусь, я в орлином месяце¹ вернусь.

А женщина говорит:

— Что я есть буду? Зима долгая!

Он из хвоста перо вырвал, своей жене отдал, сказал ей:

— Береги это перо, когда есть будет нечего, ты это перо повари, суп получится.

Орел на юг полетел, она одна осталась. Она перо взяла, в тряпку завернула и под подушку положила.

Зима пришла, у нее продукты кончились, она голодать стала. Она котел повесила, воды в него налила, огонь развела, в воду перо положила. Вода закипела, вкусным супом запахло. Женщина села есть, слышит — снаружи кто-то ходит. Дверь открылась, женщина вошла. Женщина у костра села, жена орла посмотрела — а это колбасам. Колбасам сказала:

— Дома у тебя мужа нет, на охоту ты не ходишь. Чем живешь, откуда у тебя такой жирный суп?

Женщина сказала:

— Давай поедим.

Она мясо вынула и перо тоже достала. Она перо стряхнула и под подушку спрятала. Колбасам все видела, но ничего не сказала, молча есть стала. Утром женщина за дровами пошла. Колбасам пришла в чум, поискала, перо под подушкой нашла, в огонь бросила, а сама ушла. Женщина с дровами вернулась, а пера нет. Она посмотрела, а возле чума, оказывается, колбасам ходила. Женщина сама охотиться стала и так до орлиного месяца дождала. Орлы прилетели, а ее мужа нет. Она ждет, когда муж ее вернется. Однажды утром женщина на берег озера спустилась, смотрит — по снегу орел идет, перья на нем обгорели, обуглились. Он своей жене сказал:

— Зачем ты меня сожгла?

А она ему сказала:

— Не я тебя сожгла. Колбасам твое перо спалила.

129. Колбасам и хунь

У колбасам — дочь, у хунь — сын. Колбасам уговаривает:

— Подружка, — говорит, — давай искупаемся!

Они вниз к реке спустились. Колбасам уговаривает:

— Подружка, — говорит, — скорей ныряй!

Хунь нырнула. Колбасам рысью подскочила, сына хунь схватила и унесла. Куда-то принесла, воспитала его. Когда он вырос, она ему лук сделала и послала на охоту.

— Сынок, — она говорит, — ты на южную сторону этого озера не ходи¹, там подальше есть сенль².

Он ушел, следы оленей нашел, выследил их и убил восемь штук. Когда темнеть стало, он обратно пошел, белок добыл и двух глухарей. Потом он отправился домой. Пришел, белок снял, положил их, вошел в чум, сел, чаю выпил и лег спать. Он поспал, утром встал, выпил чаю, снова ушел, снова оленей нашел и убил десять штук.

Потом он подумал о том, что утром ему говорила колбасам: «Ты, — она говорила, — на южную сторону этого озера не ходи!» Он не послушался, все-таки пошел! Он вперед поглядел — пар из земли выходит. Он к этому месту подошел, вниз посмотрел — с сеткой маленькая колбасам, оказывается, туда ушла³. Он лыжи снял, о землю ударился, горностаем стал, залез на землянку и вниз смотрит⁴ — маленькая колбасам там как раз похлебку готовит. Он из-за пазухи мозговую кость вытащил и в котел сбросил. Колбасам поварешку вынула и облизала.

— Мама, откуда это у нашей похлебки такой навар?

Хунь ответила:

— Кормильца, моего сына, твоя мать увела⁵. Хоть бы теперь откуда-нибудь мой сын пришел и послушал.

Он вниз посмотрел: та, которая рассказывает, вроде бы его мать. Потом он с землянки спустился, о землю ударился, свои лыжи надел, домой пошел, луком по дереву ударил. Лук сломался. Он его отбросил, а половину взял. Потом он домой пошел, домой вернулся.

— Мама, мой лук сломался.

Его мать сказала:

— Завтра другой лук сделаем!

Он чаю выпил и лег спать. Поспав, он утром встал, выпил чаю и ушел. Он от дерева кусок крени крени отколол, обратно пошел, домой вернулся и полозья надставлять стал. Он все полозья приделал и отправился дрова заготавливать. Он много дров натаскал, нарубил, в одну кучу сложил. Потом он ушел, к лиственницам подошел, надрезал и много смолы набрал. Он домой вернулся — нет клейницы. Он снова ушел, с березы кору содрал и обратно пошел. Домой вернулся и клейницу сделал. Потом он костер развел, клейницу в огонь поставил. Клейница в огне загорелась.

— Мама, — говорит, — моя клейница загорелась.

Мать его быстро выскочила:

— Где она? — спрашивает.

— А она, — он отвечает, — в огне стоит.

Его мать быстро в огонь залезла. Он рогатину взял и затолкнул ее в огонь. А она закричала:

— Пель, пель, пеель! Мои букашки все сгорели⁶.

Она сгорела. Он тогда взял рогатину и разрубил колбасам на мелкие куски. Потом он ушел, на южную сторону озера пошел. Снег и дождь раздувало. Он вперед глядит — землянка стоит. Он подошел, лыжи снял, о землю ударился и ястребом обернулся. Маленькая колбасам вышла, вверх смотрит — ястреб сидит. Она зашла в чум:

— Мама, там наверну ястреб сидит.

Мать вышла, стала кидать в него палками, но так и не попала. Ястреб далеко отлетел. Колбасам вошла в чум и похлебку готовить стала.

Женщина обернулась — человек входит. Хунь поняла, что это ее сын вернулся. Маленькая колбасам наружу вышла. Сын сказал:

— Мама, — говорит, — эту колбасам я убью.

Его мать ответила:

— Ты эту колбасам не тронь. Я ее воспитала, я по своей воле ее воспитала, ты ее не трогай.

А сын говорит:

— Она вырастет и нас съест.

А мать говорит:

— Ну ладно, уведи ее.

Сын ее увел на малую ходьбу*. Когда они на место ночевки пришли, они похлебку сварили. Поели, у них похлебка осталась; они ее не вылили, а налили в пим колбасам и легли спать. Утром, когда рассвело, дров не оказалось. Он пошел дрова заготавливать и совсем ушел. Он небольшую деревяшку взял и этой палкой то одно дерево ударит, то другое ударит. Колбасам догадалась, что он не дрова заготавливать пошел. Она его в одном пиме догнать стала. Когда она его впереди увидела, она из земли гриб вытащила, ему вслед кинула, но не попала. Он подошел к реке и сказал:

— Раз уж про меня в сказке чудеса рассказывают — пусть я через реку переправлюсь!

Глядит — жердь от чума в воду упала. Он на жердь сел и переправился. Колбасам на полено села. А он говорит:

— Вези ее так, чтобы кричала, вези так, чтобы перевернулась.

Водяные колбасам за ноги стащили и съели ее. А сын хунь на гору к матери поднялся; они вершины двух листовенниц соединили и здесь чум построили. Все птицы к его дымовому отверстию прилетают. Сам он такой же маленький, как птица.

Сказке⁷ конец.

130. Хунь и кэлбэсам

Хунь и кэлбэсам жили. Летом котцы поставили. В жаркий день возле перегородки котца купаться стали. У кэлбэсам дочь была, у хунь — сын. Вот сами купаются, детей на берег посадили. Кэлбэсам говорит:

— Давай нырять будем.

Хунь нырнула, а кэлбэсам ее сына схватила, в лес с ним убежала. Хунь вынырнула, на берег поглядела — сына нет. Кэлбэсам ее сына утащила, а свою дочь здесь, на берегу, оставила. Хунь пришлось взять дочь кэлбэсам себе.

Стала она ее растить. А кэлбэсам ушла и на нижней стороне озера чум поставила¹. Кэлбэсам воспитывает сына хунь. Сын вырос, лук себе сделал, на дикого оленя охотиться начал. Сын на оленей охотит-

ся, а дочь кэлбэсам знай катается с наружной стороны чума на шкуре со лба оленя². Кэлбэсам станет сыну еду готовить, вшей соберет, в котел положит³. А он с охоты дичь приносит.

Как-то кэлбэсам говорит сыну:

— Пойдешь на охоту, верхней половины озера избегай.

На другое утро он встал и пошел как раз на верхнюю половину озера. Идет, идет, видит — впереди землянка стоит. К землянке приблизился, о землю ударился — в горностая превратился. На крышу землянки вскочил, через дымовое отверстие вниз смотрит, а внизу, в землянке его мать и девка сидят. У его матери пять пальцев, а у девки — четыре. Дочь похлебку варит. Сын через дымовое отверстие бросил в котел жир. Дочь попробовала похлебку и сказала:

— Мама, в нашем котле жиром запахло.

Мать отвечает:

— Дочка, откуда в нашем котле жир возьмется? Того, кто нам дать его мог, твоя мать куда-то дела.

Сын с крыши спустился, домой отправился. Вот идет. По пути свой лук сломал, склеенные части дерева расклеил. Домой пришел, своей матери-кэлбэсам крикнул:

— Мать, мой лук расклеился!

Развел большой костер, хиттын подвинул, стал разогревать. Рядом с костром жердь с развилкой на конце положил, сам крикнул:

— Мама, мой хиттын сгорел!

Кэлбэсам из чума выскочила с криком: «Хиттын моего сына огонь съел!» Она хотела было хиттын выхватить из огня, а парень ее рогулькой поддел, в огонь толкнул, сжег.

Потом сын к своей родной матери пошел. Они стали жить втроем. Как-то люди собрались на малую ходьбу*. Брат с сестрой тоже пошли. Ночь подошла, стали устраиваться на ночлег. Мороз сильный был. На ужин они сварили густой суп, поели, немного супа в котле осталось. Парень сказал:

— Ты остатки супа в пимы налей.

Она так и сделала. Назавтра сын встал, взял топор и пошел за дровами. Дочь кэлбэсам проснулась, прислушалась — стук топора издалека доносится, потом совсем не слышно стало. Она встала, хотела пимы надеть, а ноги не попадают — там суп замерз. Она босая погналась за парнем. Так он свою сестру и заморозил⁴.

Потом домой пошел к своей матери, стали жить. Долго ли, коротко живут, здесь и сказке конец.

131. Про хунь и колбасам

Жили хунь и колбасам¹, жили, жили. Колбасам утром пришла к хунь:

— Сватья, а сватья², пошли траву резать³!

Женщина ответила:

— А мне трава на что?

— Тебе не надо, а мне надо.

Пошли. Шли, шли. Далеко ли ушли, не знаю; нашли болото с травой. Там они стали траву заготавливать. Они траву резали, резали, а колбасам говорит:

— Полови вшей в моей голове!

Та начала вшей ловить, различных букашек убрала, не знаю, много ли, мало ли. Говорит:

— Ну хватит, темнеть стало, поедем домой!

— Сватья, я у тебя в голове тоже вшей поищу!

— Иди прочь, у меня на голове вшей нет!

— Нет, я буду искать!

— Ну ладно, ищи!

Она искала вшей. Колбасам вытащила из-за пазухи шило из ершовой кости и воткнула ей в ухо. Хунь умерла. Колбасам домой ушла. Домой пришла, а дети женщины спрашивают ее:

— А наша мать где?

— Ваша мать сзади идет!

Дети ждут свою мать, а ее все нет. Уж темно стало, а их матери все еще нет. Тогда они догадались, что колбасам убила их мать.

Старшая дочь своим братьям и сестрам говорит:

— Нашу мать колбасам убила. Теперь нам надо бежать!

Дочь женщины взяла старую ровдугу от парки, дырки в ней проделала, унесла к соседнему чуму, чуму колбасам, тихонько залезла на чум, дымовое отверстие ровдугой закрыла⁴, домой побежала к брату и сестре, их взяла, и они ушли. Шли, шли. Долго ли, мало ли они шли, вперед глядят — на той стороне реки бабушкин чум стоит! Она бабушке кричит:

— Бабушка, бабушка, приезжай за нами, за нами литысь гонится!

Старуха олатину от чума достала, бросила ее под гору в воду и сказала ей:

— Пльви на ту сторону, моих внучат осторожно сюда перевези!

Олатина поплыла, к ним приплыла, обратно повернулась и детям сказала:

— Ну, садитесь на меня!

Они сели на нее. Жердь поплыла через реку, к другому берегу приплыла. Старуха из чума вышла, к ним под гору спустилась, домой их привела и стала их воспитывать.

Старуха на охоту ходит, домой по полтора медведя приносит. Этим мясом они и живут. Когда мясо кончается, старуха снова уходит, опять полтора медведя приносит. Потом старшая сестра говорит:

— Бабушка, я схожу на охоту?

— Нет, ты меня медведю скормишь.

— Бабушка, я схожу!

Бабушка ее не пускает, а она плачет и все просит:

— Бабушка, я схожу на охоту!

Старухе надоело⁵:

— Ну ладно, иди уж, но я тебя предупреждаю — на седьмой след от моих ног не заскакивай⁶!

Она отвечает:

— Нет, бабушка, обещаю, я не заскочу!

Она наружу вышла, рогатину бабушки взяла, по тропе бабушки пошла. Дошла до места, где бабушкины семь отпечатков ног. На первый встала, медведей звать стала:

— Гремучий⁷, сюда, сюда, сюда!

Идет годовалый медведь. Она ему говорит:

— Уйди, а то я тебе рогатину в зад воткну!

Медведь убежал. Она прыгнула вперед, на второй отпечаток ног:

— Гремучий, сюда, сюда! Гремучий, сюда, сюда!

Двухгодовалый медведь идет. Она ему говорит:

— Я тебе рогатину воткну в зад, уходи!

Она на третий отпечаток прыгнула:

— Гремучий, сюда, сюда! Гремучий, сюда, сюда!

Трехгодовалый медведь идет. Она ему говорит:

— Иди прочь, не то я тебе бабушкину рогатину в зад воткну, уходи!

Медведь убежал. Она прыгнула на четвертый отпечаток:

— Гремучий, сюда, сюда! Гремучий, сюда, сюда!

Четырехгодовалый медведь идет. Она ему говорит:

— Уходи прочь, не то я тебе бабушкину рогатину в зад воткну, беги!

Медведь убежал. Она на пятый отпечаток прыгнула:

— Гремучий, сюда, сюда! Гремучий, сюда, сюда!

Пятигодовалый медведь идет. Она ему говорит:

— Уходи прочь, не то я бабушкину рогатину тебе в зад воткну!

Медведь убежал. Она на шестой отпечаток прыгнула:

— Гремучий, сюда, сюда! Гремучий, сюда, сюда! Гремучий, сюда, сюда!

Шестигодовалый медведь идет. Она ему сказала:

— Уходи прочь, не то я тебе рогатину бабушки в зад воткну!

Медведь убежал. Она на седьмой отпечаток прыгнула:

— Гремучий, сюда, сюда! Гремучий, сюда, сюда!

Семигодовалый медведь идет. А она свою рогатину схватила и назад побежала:

— Бабушка, бабушка, медведь меня сейчас съест!

Бабушка из чума вышла:

— Я тебе говорила — не ходи, а ты бабушку на смерть ведешь!

Бабушка с медведем схватилась. Они бились, бились — у бабушки сила кончается. Бабушка сказала:

— Под передним шестом⁸, в комеле его, шайтан стоит. Возьмите его и бросьте под ноги медведя.

Они этого шайтана принесли, бросили его под ноги медведя, медведь поскользнулся и упал. Потом внучка бабушки его рогатиной убила. Бабушка сказала:

— Теперь уж я тебя больше на охоту не пушу!

Вот они живут, живут. Старшая внучка своему младшему брату, мальчику, лук сделала и томар сделала. Потом она сказала:

— Бабушка, я уйду, совсем уйду!

Бабушка сказала:

— Ладно, иди!

Она младшего брата взяла и ушла, а средняя сестра осталась у бабушки.

Она ушла. Шла, шла, не знаю, долго ли, мало ли шла. У берега речки она о верхушку кочки споткнулась. Как споткнулась, оттуда колбасам выскочила:

— Кынь!* Ты куда идешь?

— Да так, просто иду!

— Я тоже с тобой пойду!

Колбасам обратно в свой дом залезла, корытце наружу вынесла, пополам расколола, юксы надела и пошла. Они шли, шли, шли. Много ли шли, мало ли шли, внучка вспомнила:

— Мой брат куда делся?

Она его было вытащила из-за пазухи — оказывается, его лук и томар сломались, через подмышку в него воткнулись, и он умер. Она плакала, плакала, плакала, покойника за пазуху положила и дальше пошла. Шли, шли. Вперед глядит — старая берлога! Она своего брата вытащила из-за пазухи, в эту старую берлогу затолкнула, а сама ушла!

Шли, шли, сели отдыхать. Она услышала, что топор где-то стучит⁹. Она колбасам говорит:

— Топор где-то стучит.

Колбасам говорит:

— Кынь! Чей топор стучит? Может быть, дятел дерево долбит?

Они туда пошли. Шли, шли, вперед смотрят — старик Ыдат с сыновьями, князь¹⁰, для лыж доски колют, обтесывают. Они к ним подошли. Те тешут, тешут доски. У одной доски конец раскололся. Те им говорят:

— Не знаем, кто вы такие. Но, может быть, у вас шило есть?

Колбасам вытащила шило из ершовой кости и отдала им. Они стали им дырки делать — кость сломалась. Хунь достала свое шило с медным ободком, они им дырки сделали. А колбасам сказала:

— Женщина мое шило украла, вы мне его отдайте.

Они отдали ей шило и пошли. Старик Ыдат с двумя сыновьями шли, шли, дошли до своего чума. Рядом со стариком Ыдатом чум старой женщины стоит. Хунь туда зашла, а колбасам зашла в чум к старику Ыдату.

Каждый вечер оба сына Ыдата ставят мишени и стреляют из луков, каждый вечер стреляют.

Хунь сказала:

— Пусть упадет томар младшего сына Ыдата через дымовое отверстие нашего чума!

Младший сын старика Ыдата в мишень выстрелил — его томар отскочил, упал через дымовое отверстие, а она взяла этот томар и вперед бросила¹¹. Младший сын старика Ыдата за своим томаром зашел. Нога у женщины вперед вытянута. Он ей говорит:

— Ногу подтяни к себе!

А она говорит:

— Моя нога далеко, я не уберу!

Он через ее ноги шагнул, а она его ногой вперед подтолкнула. Он сел, взял ее в жены.

Они живут и живут. Колбасам взял в жены средний сын старика Ыдата. Старик Ыдат для сыновей лыжи сделал. Для лыж младшего сына старика Ыдата изготовила подволоку его жена, подволоки среднего сына сделала его жена-колбасам, а старшему сыну подволоки сшила та старуха. Жили, жили. Долго ли жили, мало ли, женщина говорит:

— Я в гости схожу к брату!

А ее брат, который умер, пока она шла, и которого она в старую берлогу затолкнула, жив. Медведица пришла в эту берлогу, его нашла, каким-то образом оживила и воспитала. Он вырос, и они с медведицей трех ребят сделали. Медвежата большие, уже на улице играют.

Младший сын старика Ыдата своей жене сказал:

— Ты говорила: «Я пойду в гости», а почему не идешь? Сходи в гости!

Она оделась и пошла. Шла, шла, шла. Долго ли шла, мало ли шла, пришла туда, где ее брат с медведицей живет. У него трое детей-медвежат. Она у них один раз переночевала, второй раз переночевала и обратно идти собралась. Она трех детей своего брата домой унесла, в свой чум их привела. Медвежата на улице играют, на деревья залезают, сучья деревьев ломают, на чум залезают и с другой стороны чума вниз спускаются. А жена среднего сына старика Ыдата говорит:

— Я тоже схожу к детям брата!

Она коробку сделала¹², ушла к речке, маленьких рыбок руками наловила, трех поймала, в коробку положила, воды зачерпнула, домой понесла. Домой пришла, в чуме их поставила — трех маленьких рыбок.

— Сватья, сватья, не ты одна детей брата принесла, я тоже детей брата принесла!

Они спать легли.

Ночью старик Ыдат пить захотел, из этой коробки выпил — маленьких рыбок, трех маленьких рыбок, он проглотил! Утром колбасам встала, бросилась к своей коробке, а в коробке рыбок нет, старик Ыдат их, оказывается, съел. Она плакать начала:

— Хи-хи-хи, хи-хи-хи, детей моего брата съели, а детей брата женщины хорошей пищей кормят.

Жена младшего сына старика Ыдата детей своего брата обратно увела. Она шла, шла, а медвежата за нею бегут. Она их привела к родителям, потом одна домой отправилась. Она домой пришла к мужу и к старикам. Она, наверное, и теперь еще живет, до сих пор еще живет.

Сказке¹³ тоже тут конец.

132. Кэлбэсам и хунь

Кэлбэсам и хунь жили. Зимой дело было. Вот пошли они вместе. Шли, шли, отдохнуть сели. Стали искать в голове друг у друга. Сначала хунь искала у кэлбэсам, потом кэлбэсам стала у хунь искать. Она хунь в ухо иглу засунула, та упала — умерла. Кэлбэсам лыжи хунь взяла, убежала. Хунь лежит. Птицы увидели; прилетят, посвистят, назад улетят. Воды принесли в клювах, голову хунь смочили, она ожила. Видит — лыж нет, одни голички кэлбэсам лежат. След ее в лес ведет. Птицы ей рассказали, что кэлбэсам убить ее хотела. Хунь, делать нечего, голички надела, гонять* кэлбэсам стала. Гоняет, гоняет, говорит:

— Пусть одна моя лыжа кэлбэсам вперед потянет, другая — назад, а мой посох¹ пусть прямо по голове ее стукнет!

Так и стало. Кэлбэсам бежит, одна лыжа ее вперед тянет, другая назад, посох по голове стукнул. Упала она, встать не может. Тут хунь ее и догнала. Кэлбэсам говорит:

— Возьми свои лыжи, прости меня.

Хунь простила. Дальше вместе пошли. Идут, идут, слышат — топор стучит. Хунь говорит:

— Кто-то дерево рубит!

Кэлбэсам не верит:

— Это сыч дерево долбит.

Пошли они на стук, а там два брата, сыновья старика, дерево на лыжи раскалывают. Один брат старший, другой — младший. Хунь про себя говорит: «Хоть бы у одного из парней доска раскололась».

Один из братьев потесал немного, доска раскололась. Старший говорит:

— Женщины, вы куда-то идете, у вас, наверное, шило с собой есть? Дайте нам — нужно доску скрепить.

Кэлбэсам говорит:

— У меня есть!

Сама ребро ерша — это ее шило — отдала. Старший стал работать, кость сломалась. Хунь свое шило достала, настоящее. Кэлбэсам схватила его:

— Ты зачем мое шило украла?

Старший брат решил, что хунь — плохая баба. Доску скрепил, домой пошел. Кэлбэсам себе в жены взял. Младший брат хунь привел домой, с ней живет.

Льжи братья закончили, камусом оклеивать пора. Клея нет!

Старший брат говорит:

— Чем клеить будем?

Кэлбэсам говорит:

— Кынь, сейчас принесу!

Пошла в лес, лиственничной смолы принесла. Это ее клей. Старший брат этим клеем камус приклеил. У хунь рыбий клей был². Младший брат им приклеил камус к своим лыжам. Вот живут. Весной охотиться на дикого стали. От воды у старшего брата лыжи все расклеились, у младшего камус на лыжах хорошо держится. Тут старший брат спрашивает жену:

— Ты чем лыжи клеила?

Кэлбэсам сказала, что лиственничной смолой. Он думает: «Что за баба у меня нескладная!»

Перезимовали, лето настало. Хунь вздумала за братом сходить. Он в берлоге у медведей жил. Сам уж в медвежонка превратился; брат у него есть там. Медведи воспитывают их. Погостевала хунь у братьев, домой их принесла. Лабаз им сделали; вот живут.

Кэлбэсам тоже решила за своими братьями сходить. Ее братья — окунь и щука. Пошла на берег, братьев взяла, в чуман положила, воды налила. Старик ее³ ночью пить захотел, взял чуман, воду пить стал, братьев проглотил.

Медвежата у хунь жили, потом она их снова в лес отпустила. Летом женщины сидят, постели* скоблят. Видят — туча поднимается. Хунь в чум ушла, говорит:

— Уберите кэлбэсам с улицы!

Та сидит. Гром ударил, убил ее.

133. Про колмасам

Двоюродные братья¹ живут. У одного двое детей, а у другого, который на колмасам женат, одна дочь.

Двоюродные братья на маленькую ходьбу* пойти собрались. Женщины днем в печке хлеб пекли², а утром братья ушли на охоту. Женщины дома их ожидают.

Колмасам подруге говорит:

— Давай пойдём стельку заготовлять.

Женщина ответила:

— Ну ладно.

Женщины ушли стельку заготовлять, нарту они тоже с собой взяли. В течение дня женщины стельку заготовляли. Они много прутьев жимолости наломали³.

Колмасам сказала:

— Подружка, давай теперь костер разведем.

Женщины начали обдирать кору с жимолости. Они какое-то время прутьики жимолости обдирали.

— Ну хватит, — колмасам сказала. — Давай я у тебя в голове вшей поищу! Другую половину головы сюда поверни.

Она недолго поискала и в ухо ей острый пруттик жимолости воткнула. Колмасам женщину убила, на нарту положила, сверху прутьики жимолости положила, обратно ее потащила, домой пришла.

Старшая дочь женщины на улицу вышла.

— Где же наша мать? — она спросила.

Колмасам ответила:

— Она все еще жимолость ломает, потом придет.

Колмасам нарту к своей землянке подтащила. Дочь женщины увидела ее ноги, они на нарте из-под прутьиков виднеются. Девочка к себе домой ушла, а колмасам втащила женщину в свою землянку, раздела ее, в котел положила. Колмасам мясо варит. Еще сырое вытаскивает из котла и глотает, с губ кровь стекает.

Дочь женщины вошла в землянку колмасам. Та мясо глотает.

— Бабушка, — она говорит, — нашей мамы что-то все нет и нет.

Колмасам ответила:

— Ну, вечером она придет, куда она денется!

Девочка вышла, она догадалась, что ее матери в живых уже нет.

Дочь колмасам говорит:

— Те куски мы ведь тоже съедим⁴?

Она дочери ответила:

— Успокойся, никуда они не уйдут, мы их все равно съедим.

Дочь колмасам восклицает:

— Мама, а мясо-то какое жирное!

Много ли, мало ли времени прошло, дочь ждала свою мать, ждала. Маленькая девочка плачет:

— Как надолго наша мать ушла!

Старшая говорит ей:

— Нашей матери на белом свете уже нет, в живот колмасам попала.

Колмасам в землянке напротив мясо в котле варит, в возбуждении есть торопится. Девочка к ней опять зашла.

— Бабушка, — говорит, — уже совсем стемнело, а нашей матери все нет и нет.

— Внучата, — колмасам отвечает, — домой идите, она утром придет, никуда она не денется.

Дети домой ушли, старшая уложила младшую спать, а сама думает и думает: «Наш отец на малой ходьбе, хоть бы кто-нибудь пришел и нас бы унес!»

Девочка ровдужный азым сняла, положила на корытце, маленькие дырочки в нем понатыкала, потом вышла, к световому отверстию землянки колмасам поднялась и через ледяную крышу вниз посмотрела⁵. Колмасам с дочерью, оказывается, уснули, и костер потух.

Она вернулась домой в свою землянку, взяла ровдужный азым, ровдужное одеяло⁶, наружу вынесла, залезла, световое отверстие землянки колмасам потихоньку закрыла, на ледяную крышу ровдужный азым положила, выход чувала одеялом закрыла, потом обратно ушла в свою землянку.

Она думает: «Земляных зверей* много, хоть бы кто-нибудь к нам пришел и унес нас!» Тут у верхнего конца очажной палки колонок выскочил и им говорит:

— На мою спину садитесь!

Он детей схватил и у конца очажной палки вниз с ними ушел. Э, идут, э, идут!

Долго ли, мало ли шли, горностаи к ним пришел. Они на него сели, он их нес, нес и устал. Лисица пришла к ним, она несла их, несла и устала. Волк к ним пришел. Он их какое-то время нес и устал. Олень к ним пришел. Они верхом на олене ехали, ехали — олень устал. Медведь к ним пришел. Мишка их нес, нес и на берег галечной протоки с ними спустился. Мишка лапой на ту сторону показал. Дети туда взглянули — на той стороне галечной протоки, на мелкой гальке, чум стоит. Дети кричат:

— За нами переезжайте!

Эрохот-старик своей старухе говорит:

— Заднюю жердь сними!

Старики переехали к девочкам.

— Нашу мать, — говорят они, — колмасам съела на месте заготовки жимолости.

Старик Эрохот их перевез, и они у старика жить стали.

Колмасам дома проснулась, когда у нее пузырь наполнился, вверх взглянула — а еще ночь, звезды еще светят. Потом, когда ей сильно отлить захотелось, она наружу выскочила.

— Калесь! — она воскликнула⁷. — Ведь уже полдень настал, а я еще сплю! Эта негодяйка мою ледяную крышу одеждой закрыла.

Колмасам в землянку напротив заскочила, детей стала искать, одежду всю перевернула, тиску вниз сдернула. Поварешка ей на глаза попалась. Она ее подкинула — поварешка спинкой на землю упала. Колмасам ее разбила. Еще что-нибудь подыскивать стала. Корытце схватила, вверх подбросила. Чайник⁸ увидела, вверх подбросила — он перевернулся, она его тоже на землю швырнула⁹. Колмасам носом на клейницу наткнулась, та внизу у тагана стояла, носиком вверх. Она ее схватила, вверх подбросила. Клейница на конец очажной палки указала.

Колмасам говорит:

— Спасибо, спасибо, спасибо, хоть ты мне показала дорогу девочек.

Она очажную палку выдернула. Для колмасам дорога образовалась*.

— Спасибо, спасибо, теперь они от меня никуда не уйдут!

Она клейницу отбросила.

Колмасам погналась за девочками. Много ли, мало ли она шла, шла. «Их, — она говорит, — звери несут; как же мне их догнать?»

Сколько-то она шла и на берег Подкаменной Тунгуски вышла, на ту сторону смотрит:

— Внучата, зачем вы нас бросили, ваша мать вернулась, меня спрашивает: «Ты куда моих девочек девала?» Внучата, ко мне переезжайте, вернемся к вашей матери!

Старшая кричит:

— Да ты нашу мать съела, теперь нас съесть пришла!

— Внучата, зачем мне вас есть, ваша мать вернулась, дома вас ждет.

Старик Эрохот детям сказал:

— Переднюю жердь снимайте, на середине реки ее раскачайте, сильно ее наклоните, чтобы колмасам в воду скатилась.

Девочки к ней переплыли.

— Внучата, — она говорит, — эта лодка уж очень маленькая. Куда я в ней сяду? Ребята, потихоньку переплывайте!

— Бабушка, сядь же, сядь, не бойся!

Колмасам села, в середине лодки уселась. Старшая девочка гребет, большие взмахи делает.

— Внучата, медленнее гребите, медленнее, чтобы лодку не перевернуть!

Когда девочки до середины реки доплыли, они лодку раскачивать начали.

Старуха крикнула:

— Тише, потише, мы ведь не на мели сидим!

В это время девочки лодку еще сильнее раскачали, и старуха в воду скатилась. Девочки и говорят:

— Вот мы тебя и утопили!

Сами они переплыли к Эрохот-старикам и там жить стали.

А потом их отцы туда пришли. Сказка¹⁰ кончилась.

134. Хонь

Жили две женщины. Имя первой — Хонь. У Хонь был сын, два месяца ему. У второй женщины двое детей: мальчик и девочка, мальчику три года, девочке два года. Вторая женщина с детьми, значит, играет. Ее груди большие были, берет она их, значит, и треплет. Только вечер настанет, она их берет и треплет. Дети смеются, их смех раздается с земли до неба. Вот Хонь ей говорит:

— Подружка, перестань! Как бы кто-нибудь из хищников не услышал. На земле много их ходит и разнохивает.

Через день или два вечером к ним в чум женщина зашла, у дверей в уголке села. Хонь как только посмотрела на эту женщину, сразу догадалась, что не женщина это зашла, а литысь, четырехпалая.

На противоположной стороне чума вторая женщина опять свои груди берет и треплет. Дети опять смеяться стали. Хонь сказала:

— Подружка, довольно!

Литысь по сторонам посмотрела — ей все это не понравилось. Хонь на своего сына посмотрела, вся дрожит: литысь смотрит на ее сына, как бы не съела его! Его тело мягкое, сладкое — он еще одно только молоко ест. Но на глазах у всех литысь не может его проглотить. Хонь поняла, что чертовка их съесть хочет. Хонь мокрую стружку из люльки сына в тряпочку положила и наружу понесла, сказала:

— Бабушка, приподнимись немного.

Литысь немного приподнялась. Хонь прошла мимо нее наружу. В это время красный месяц начал подниматься над горизонтом. Хонь край двери приоткрыла и сказала:

— Бабушка! Твоих детей там за чумом огнем подожгли.

Литысь как сумасшедшая выскочила наружу и спросила:

— Где?

Хонь ей рукой показала. Литысь посмотрела в ту сторону и подумала: «Мой чум как раз там».

А возле чума женщин река текла. Когда литысь сюда шла, она перешла вброд, а обратно побежала как сумасшедшая через яму. Сначала вода ей до колен была, потом до грудей вода дошла, потом до рта вода дошла, потом она с головой под воду ушла, только кончики волос чуть видно было, потом только пузырьки булькают. Хонь подумала: «От смертельной опасности мы избавились; теперь и отсюда вперед¹ мы живы будем». Сказке² конец.

135. Женщина и чертовка

Было это в те далекие времена, когда землю нашу населяли черти.

И вот в то далекое время среди густого, темного леса на берегу быстрой и глубокой речки жили две семьи. В семье было двое мужчин, две женщины и двое детей. Вставая до зари, мужчины уходили на охоту. Главное оружие, которое находилось у каждого из них при себе, это луки и стрелы, отказы*. Во время их отсутствия жены их готовили дрова, варили пищу, мяли оленье шкуры, а вечером, в ожидании своих мужей с охоты, они разводили костер посреди чума, продолжая работать возле горящего костра.

Однажды вечером, когда мужчины допоздна задержались в лесу, в чум, где жили женщины, пришла чертовка. Зайдя в чум, она уселась на пороге и молча наблюдала за работой женщин. Женщины, искоса поглядывая на нее, заметили, что когда ее взгляд падал на детей, то у нее мгновенно разгорались глаза, а изо рта выделялась слюна. Это был признак нарастающего аппетита. За выделением слюны они услышали еле уловимый треск, как будто рвалась заячья невыделанная шуба. Тогда одна из сидевших женщин спросила ее:

— Бабушка, что это у тебя трещит?

— Да это старая заячья шуба рвется у меня.

Вторая женщина, которая была старше своей подруги, знала, что это рвется не заячья шуба, а раздувается ее живот от присутствия хо-рошей еды. Тогда она быстренько встала и пошла к двери, но на пороге ее задержала чертовка и спросила:

— Куда ты пошла?

— Я пошла за юколой, — ответила женщина, — чтобы накормить тебя.

И чертовка пропустила ее на улицу. Выйдя на улицу, она оглянулась вокруг себя в надежде увидеть или услышать возвращение мужчин. Так, потеряв надежду и опустив свои обессиленные руки, блуждая пустым, ничего не замечавшим взглядом, она продолжала стоять в каком-то необъяснимом оцепенении. Может быть, она еще бы простояла несколько времени в таком оцепенении, если бы не раздавший-ся голос чертовки, выведший ее из оцепенения.

— Почему ты так долго задержалась на улице? — спросила ее чертовка.

— Подожди, бабушка, — ответила она, — я снимаю юколу.

— «Юколу, юколу!» — передразнила ее чертовка и продолжала ждать, когда она вернется с улицы с юколой. В это время женщина, находившаяся на улице, увидела, как месяц встал за лесом, разбрасывая над собой красное зарево. Не медля ни минуты, она крикнула:

— Бабушка, у тебя горит юрта!

Чертовка, услышав ее слова, как обожженная вскочила с места и с быстротой белки выбежала на улицу. И тут она увидела, что над ее юртой стоит зарево от пожара. Она начала задыхаться от злости и, не теряя времени, побежала к своей горящей юрте в надежде спасти своих детей. И тут она встретила на своем пути речку, через которую она переходила некоторое время тому назад в мелком месте. И вот чертовка пошла в воду. Сначала вода дошла до колен, затем до пояса, потом до груди, наконец, до рта. Она закрыла рот и глаза и продолжала идти. В это время женщина, сидевшая в чуме, вышла на улицу вместе с детьми. Они видели, как чертовка скрылась под водой, видели, как выходили из воды пузырьки. Они были свидетелями, участниками смерти своего врага. Так женщина обманула чертовку и тем самым спасла жизнь своих детей, жизнь своей подруге и себе.

136. Про колмасам

Двое братьев живут на осеннем стойбище. Старший взял в жены женщину, а младший брат колмасам взял. Их мужья им сказали:

— Хлеб испеките на маленькую ходьбу*.

Колмасам говорит:

— Подружка, давай.

Женщины в течение дня хлеб пекли. На следующий день утром мужчины ушли на охоту, женщины дома остались, сидят и домовничают. Колмасам весь день только веселится, а вечером, когда стемнеет, громко смеется. Женщина ей говорит:

— Подружка, ты зачем смеешься, ребятишек напугаешь.

Колмасам на нее никакого внимания не обращает. Колмасам свои груди раскачивает, ребятишки хохочут, им смешно. Колмасам балует-ся. Женщина сказала:

— Не случилось бы чего! Наши люди далеко ушли, твой смех земляная* услышит.

Женщина наружу вышла, прислушалась. Вдали земляная кричит, смеется. Женщина в дом вернулась, своей подружке говорит:

— Сиди тихо, вдали кто-то кричит.

Колмасам еще громче смеяться стала, на улицу вышла — смех ее вдали эхом раздается. Потом вернулась и детям сказала:

— Не бойтесь, это бабушка идет, смеясь.

Женщина подумала: «Ну, теперь куда бежать?»

— Колмасам, подружка, тихо сиди! Что с тобой случилось?

Смех земляной слышен уже совсем близко от них.

Женщина собак вывела, лямки им надела¹, снаружи их привязала, обратно вернулась, из своего швейного ящика оселок вынула, за пазу-

ху положила, ребенка из люльки вытащила. Женщина сидит, а колмасам смеется. Женщина говорит:

— Тише, снаружи кто-то шуршит.

Немного спустя дверь открылась, кто-то внутрь ввалился, на землю сел; от макушки до земли шуба из целой медвежьей шкуры, шапка назад откинута². Руки земляной на груди скрещены.

— Вы, — говорит, — внучата, не бойтесь меня.

Колмасам ответила:

— Мы не боимся.

Женщина взяла корытце и сказала:

— Бабушка, приподнимись, я обмоченную ребенком труху вынесу.

Земляная приподнялась, женщина вышла, в корытце хорошую пищу положила, корытце перед земляной поставила. Земляная есть начала. В это время женщина запихнула ребенка за пазуху.

— Бабушка, — сказала она, — приподнимись, я опять вынесу труху.

Женщина вышла, лыжи надела, собак к своему поясу привязала, собакам направление указала, с собаками ушла.

Женщина шла, долго ли, мало ли шла. Собак быстро вперед гонит. Она устала. Вынула из-за пазухи оселок, полжила его поперек дороги, через него перешагнула и тогда опять быстро пошла. Дошла до мыса реки, на берег спустилась, в деревню зашла, к русским пришла. Русские спрашивают:

— Ты зачем пришла?

— Нас дома земляная съест.

Она в дом зашла, переночевала в доме русских.

А там в ее чуме литысь головы всем откусила — как куснет, так голова в сторону отлетает, а тела она проглатывает целиком. Потом она их головы на концы очажных палок насадила: на концы задних — головы собак, передних — головы людей, а прямо в середине — собачью голову.

Потом земляная вышла, женщину высматривать стала, а ее след найти не может. В чуме у входа чайник стоит. Она его подбросила, чтобы дорогу женщины узнать, он крышкой вниз упал³. Она по сторонам посмотрела — на месте, где дрова колют, топор воткнут. Она его схватила и чайник разбила. Она кинулась на место, где берут снег для приготовления воды, лопату схватила, подбросила — та перевернувшись упала. Земляная лопату сломала. Она снова по сторонам посмотрела — на жерди, где вешают лыжи, висят лыжи колмасам. Земляная туда кинулась, лыжу сдернула, высоко вверх подбросила, лыжа перевернулась и прямо на дорогу женщины на землю упала.

— Спасибо, спасибо, хоть ты мне сказала!

Она другую лыжу сдернула, надела их и сказала:

— Ну, теперь ты никуда от меня не уйдешь.

Земляная погналась за женщиной. Долго ли, мало ли она шла, до деревни дошла. А там женщина утром встала, на гору вышла, вперед смотрит — на мысу кто-то идет. Женщина русским говорит:

— Земляная идет.

Русские ей говорят:

— Пусть придет.

Русские все на горе стоят. Земляная на гору подымается — медведь не медведь, человек не человек. Она на гору поднялась, медвежью шубу с себя сняла (она ведь вспотела), русским говорит:

— Здорово! Не видели ли вы женщину? Ее люди ждут дома, она меня испугалась, когда я к ним в гости пришла.

Женщина сказала:

— Ты наших людей сожрала.

— Нет, нет, — та ответила, — иди домой, иди.

Женщина русским сказала:

— Убейте ее.

Русский обухом топора по лбу ее ударил; топорами ее зарубили. В животе у нее лежали люди и собаки тоже. Русский взял шубу из медвежьей шкуры. Женщина сказала:

— Ну, теперь пойдем в мой чум.

Когда они туда пришли, внутрь заглянули — вокруг очага головы людей стоят. Женщина все вещи на лабаз сложила, а сама с русскими ушла в их деревню; в деревне она своих людей поджидала. Люди с охоты⁴ вернулись, к своему чуму подошли, через дымовое отверстие внутрь заглянули — вокруг очага одни головы стоят. Муж колмасам догадался: «Моя жена, видно, что-то плохое сделала». Его старший брат ему сказал:

— Пойдем в деревню, твоя тетка⁵, наверно, там.

Они отправились в деревню. Женщина вниз с горы посмотрела — люди идут. Она русским сказала:

— Это мои люди идут.

Люди пришли в деревню.

Женщина заплакала: «Наших детей, — сказала она, — колмасам в беде не обороняла!»

Потом они из деревни ушли в свои места, там жить стали.

137. Две женщины на лесном стойбище

Женщины осенью остались в бангусь. У одной четверо детей, у другой двое. Та, у которой двое детей, — еще молодая. Вечером она шум поднимает: груди вытащит, трясет их, смеется. Другая женщина ее бояться стала — такая она дурная.

Однажды вечером сидят, слышат — дверь открывается, в костер кто-то дует. Старшая детей уложила, место, где головки их помещаются, загородила, закрыла. Кто-то спрашивает:

— Детки, можно к вам?

Та, что постарше, говорит:

— Заходи, заходи!

Вошла страшная¹. Младшая поднялась, вышла, сказав:

— Я принесу жир, сало.

— Спасибо, дочка.

Та, что постарше, говорит:

— Я тоже принесу.

Страшная ей говорит:

— Ты сиди тихо.

Женщина отвернулась, за пазуху детей затолкала, говорит:

— Порсу еще принесу.

Вышла, посветила себе, след увидела. Кал вместо порсы принесла. Доотэм бам считала, что все ее боятся. Старшая вышла, лыжи надела, ушла. Молодая с салом, жиром идет; крик, шум в бангусь слышится — доотэм бам убила детей и эту женщину. Кишки развесила на шестах там, где сидела. Головы детей на концы очажных палок поместила, а ее голову — в середину кострища.

Старшая к охотившимся людям пришла, все рассказала. Муж молодой женщины пошел в бангусь, только головы увидел. Пошел искать доотэм бам. Ищет, только слышит ее крик:

— Ху-ху!

Ночью сама пришла к нему, разговор с ним затевает; до утра говорили.

Утром он стал клей варить, говорит:

— Лыжу сломал, помоги починить!

Она сидит, все бормочет:

— Мамалла, мамалла!

Взяла она хиттын, стала клей разогревать. Он велел поближе к огню воронку поставить. Она не ставит. В третий раз просит воронку поближе к огню поставить.

— Я боюсь огня, как подойду!

Она нагнулась, он отказом ее поддел и в огонь толкнул. От нее все мошки, комары пошли. Она заревела. Он говорит:

— За жену свою наказываю.

Так от нее вся пакость пошла. До этого земля чистой была.

138. Ератник

Раньше люди жили в землянках. Осенью мужчины пошли на охоту, две женщины в землянке остались. Одна из них бездетная. Вече-

ром бездетная взяла лыжи, за дровами собралась — надо, чтобы огонь всю ночь горел. Идет, нашла сухую сосну. Хотела топором стукнуть, оглянулась — ератник* сидит, смеется тонким голоском. Женщина пошла дальше на лыжах. Где остановится у сухого дерева, стукнет топором — «хи-хи!» раздается. Она говорит:

— Сколько хожу, все деревья сырые попадают.

Много деревьев попробовала, назад домой побежала. В землянку вошла, говорит другой женщине:

— Уходи с детьми скорее! Я видела страшного, с четырьмя пальцами¹, волосатого.

Та детей за пазуху затолкала, по следу охотников побежала.

Вторая сидит на улице, нож точит. Он вокруг ходит:

— Хи, хи, хи!

Она повернулась:

— Ты кто такой?

— Ератник!

— Зачем пришел?

— Людей есть.

— Я тут одна. Отгадаешь загадку, тогда съешь меня. Я залезу на верхушку сосны, а ты слушай, что скажу. Будешь слушаться, дам оленя.

Тут рядом стояла оленья упряжка. Она песок в подол насыпала, говорит:

— Открывай шире рот, глаза, нос, уши!

Он открыл; глаза, рот растягивает. Женщина песок бросила.

Ератник говорит:

— Что-то сор попадает!

А она велит ему еще шире глаза открыть. Он попросил сор из глаз вынуть. Она все ресницы повыдергала, сама на санку прыгнула, поехала. Тот закричал, маленькие ератники прибежали. Она посредине тундры² прорубь сделала, сосновыми ветками прикрыла, чтобы незаметно было. Думает: «Не догонят, в случае чего оленя отпущу».

Маленькие ератники бегут, в воду падают. Баба пуще смеется. Старый идет, слепой, на ощупь. Лихо³ кричит, прорубь обошел, по дороге быстро погнался. Она теленка-оленья отпустила. Он добежал до оленя, схватил его. Она тем временем к своим людям добралась. Рассказала все, как было: что другая женщина к охотникам с детьми убежала, что страшный ератник гнался, а маленькие в прорубь попали, наказывала:

— Не ходите в ту тундру!

С тех пор люди бояться ератников стали.

139. Про старика Ыдохота

Старик Ыдохот живет с дочерью, по соседству живет колмасам с дочерью.

Колмасам к старику пришла и говорит:

— Старик, свою дочь уведи, уведи!

Долго ли, мало ли ходила к Ыдохоту. Старик сказал:

— У-у, какая она надоедливая, уши мне все прожужжала!¹

Колмасам ходила, ходила, и старик в конце концов свою дочь увел.

Изба стоит, он ее туда посадил.

— Я, — говорит, — снаружи немного похожу, а ты тут сиди!

Она отца ждала, ждала, а отца нет.

На улице голицы подвешены. Она посмотрела — ее отца нет. А тут медведь пришел и ей говорит:

— Эти перья мне ссучи! Если плохо ссучишь, я тебя съем.

Она плела, плела, хорошо сплела. Ночь прошла, медведь пришел. Она ему отдала свою работу. Медведь осмотрел — а хорошо ведь сплетено. Он привязал ей к поясу сбоку колокольчик. Сам лук взял.

— Теперь, — говорит, — побегай по избе, а я стрелять буду. Если я в язычок колокольчика попаду, то я тебя съем, а если не попаду, то не съем.

Она начала бегать. Он хоть и стрелял, но в язычок колокольчика не попал.

— Ну, — говорит, — живи, я в язычок колокольчика не попал.

Медведь ей полный сундук разных вещей принес и отдал, мотки ниток взял и ушел.

Колмасам дома сучку побила, чтобы узнать от нее о дочери старика. Спросила ее:

— Разве старик кости своей дочери не в мешке принесет?

Сучка ответила:

— Нет, не в мешке принесет, дочка старика живой вернется.

Колмасам сказала старику:

— Сходи за дочерью, сходи!

Старик говорит:

— Какая странная, — уже все уши мне прожужжала.

Он ушел к дочери, мешок взял, он ведь не знал, что его дочь жива. Пришел к дочери, зашел, а у дочери полно вещей! Они пошли домой, с дочерью домой пришли.

Колмасам увидела, что дочь старика теперь богатой стала, опять ему говорить начала:

— Старик, мою дочь уведи!

Старик ее увел, к той же избе привел и там оставил, а сам ушел.

Она сидит — медведь идет, полный мешок конопли ей принес и говорит:

— Сплети мне нитки из этой конопли! Если плохо сплетишь, я тебя съем, если хорошо сплетишь, не съем!

Медведь ушел.

К ней ночью мыши пришли, она мышам говорит:

— Подружки, пособите мне, эту коноплю быстро сплетите, мишка нам разные вещи подарит!

Ночь прошла, медведь пришел — ниток нет, конопли нет, мыши ее растаскали. Медведь, ничего не сказав, к ее поясу колокольчик привязал:

— Теперь, — говорит, — побегай по избе. Если я в язычок колокольчика не попаду, то я тебя не съем.

Она бежит, а он стреляет — в язычок колокольчика попал. Медведь ее схватил, съел, ее кости вместе сложил и ушел.

Колмасам дома старику говорит:

— Сходи за моей дочерью!

Старик ушел, пришел в избу, а девки нет, только кости вместе сложенные лежат. Старик эти кости в мешок собрал и отнес к колмасам.

— На, — говорит, — это кости твоей дочери.

140. Брат и сестра

Люди раньше воевали, убивали друг друга. Мертвых в одно место стаскивали¹. Брат с сестрой жили. Брат все не велит сестре на то место ходить, где убитые люди лежат. Среди убитых один раненый был, он в еретика превратился². Раны стали заживать, только пена выходит. Сестра все же пошла на то место. Видит — среди мертвых один живой, из ран пена идет. Он сестру подозвал, просит от ран что-нибудь принести.

У брата той девки звери были — заяц, лисица, репа³, конь. Девка домой пришла, больной сказала. Брат к своим зверям пошел, молока попросил. Принес молоко, сестре дает. Она потихонечку еретика отнесла, раны смазала, он здоровым стал. Еретик ее в жены себе хочет взять, но сначала они брата решили убить. Еретик научил ее:

— Дома с братом играть начни. Из волос своих веревку сплети, руки и ноги ему стяни накрепко.

Сестра так и сделала. Когда она брата крепко связала, а сама к еретика побежала, тот догадался обо всем. Пришла сестра с еретиком, хотят свадьбу играть, а брат говорит:

— Давайте я вам на трубочке поиграю.

Стал он играть. Его звери — заяц, лисица, репа, конь — услышали:

— Нашего брата убивают.

Пришли они к чуму. Конь стал дверь царапать. Еретик подошел, дверь открыл — конь его копытом ударил. Упал еретик мертвым, только один зуб выпал. Брат сестру к дереву привязал, сказал:

— Пока я вокруг света ходить буду, ты семь бочек слезами наполни.

Он ушел в другое царство, у старухи жить остановился.

Слуги того царя⁴ узнали, что человек жить пришел. Царь дочь своєю замуж выдал за него.

К сестре брат послал человека узнать, наполнила ли она семь бочек слезами. Человеку наказал сестру на землю не спускать. Тот прослушал, отпустил ее. Она зуб еретика нашла, схватила. Сестру к брату привезли, она говорит:

— Давай я вам постель постелю.

Сама зуб еретика в постель подложила. Зуб сквозь тело брата прошел, умер тот.

Когда его хоронили, сестра велела на семи лошадях камень привезти и сверху положить. Зайчиха про все узнала, зверей собрала⁵. Конь ударил копытом, камень сбил. Брата выкопали, зуб стали вытаскивать. Репка тащил — не мог вытащить, лисица тащила — не вытащила, конь тащил — не мог вытащить. Зайчиха дернула, зуб ее ударил, зайчиха умерла.

Брат встал, только и сказал: «Как долго я спал».

Пошел он со своими зверями домой. Сестра испугалась.

Он велел схватить ее, привязать к семи лошадям. Те лошади ее разорвали.

141. Старик рыбак

Жил старик со старухой. Старик котец поставил, домой вернулся, переночевал. На следующее утро он отправился к котцу, к котцу пришел, котец вычерпал — старик добыл одну щуку. Старик щуку взял, домой направился, домой пришел к старухе. Старуха щуку очистила, старик со старухой щуку съели; осталась только голова. Старики переночевали.

Утром старик ушел к котцу, а старуха во время его отсутствия щучью голову съела. Старик к котцу ходил и совсем ничего не добыл. Старик вернулся, старуху спрашивает:

— Щучья голова где?

Старуха отвечает:

— Я ее съела.

Старик со старухой драться стали, поссорились из-за щучьей головы. Старуха старика оттолкнула, взяла нарту, надела голицы и ушла.

Долго ли, мало ли она шла, вперед смотрит — землянка стоит.

Старуха подошла к этой землянке, голицы сняла и в землянку зашла — в землянке никого нет. Старуха вверх взглянула — наверху висит мясо и внутреннее сало. Старуха развела огонь, приготовила еду, поела, а потом наружу вышла, дров наготовила, дрова в землянку занесла, сама взяла топор, под дровами спряталась.

Немного погодя с улицы пришел человек:

— Лыжи с ног пусть снимутся, лыжи вверх пусть повесятся, — сказал он, — дверь пусть откроется.

Дверь открылась, он в землянку вкатился.

— Пусть загорится огонь!

Огонь загорелся.

— Пусть котел подойдет! Пусть котел снегом наполнится, пусть котел над костром подвесится, пусть снег в котле растает!

Снег в котле растаял.

— Пусть котел мясом наполнится.

Мясо в котел упало.

— Пусть котел вскипит, пусть котел снимется с костра, пусть котел с тагана снимется!

Котел снялся.

— Пусть подойдет корытце, пусть из котла мясо в корытце вычерпается, пусть мясо из корытца исчезнет!

Мясо из корытца исчезло.

— Если я на свое место лягу, меня съедят, если на другой стороне чума лягу, меня съедят, если в передней части лягу, меня съедят, если около дверей лягу, меня съедят, если на собачьем месте лягу, меня съедят!

Он покатился в угол возле дверей, где дрова. Он лег, заснул. Старуха выскочила, топором рубила-рубил, всего его изрубила на мелкие кусочки. Потом старуха на нарту мясо положила, внутреннее сало положила, голицы надела, домой к старику отправилась. Долго ли, мало ли старуха шла, вернулась домой. Из чувала землянки дымок чуть-чуть идет, чуть-чуть идет. Старуха залезла на землянку, через чувал вниз заглянула — старик как головешка худой стал; огонь в костре погас. Старуха плюнула. Старик заплакал. Плачет и говорит:

— Старуха меня бросила, костер погас!

Старуха спустилась вниз, открыла дверь, домой зашла, старика стала ругать:

— Ты помирать собрался!

Старуха вышла, мясо и сало принесла, в котел положила. Когда мясо сварилось, старуха его на корытце вычерпала. Старик со старухой есть стали, ели, наелись. Потом старик со старухой принесенное старухой мясо домой затащили и этим мясом теперь живут.

142. Про дятла и ворону

Семья Эт живет. Они жили, жили. Эты ночевать собрались. Жена Эта постелила детям, они спать легли. Мороз, мороз! На кухне дятел сидит, веревкой привязан. Ворон тут же сидит, в кухне сидит.

Старик со старухой легли, спят.

Ворон кричит:

— Дятел веревку перекусывает.

Старик проснулся:

— Старуха, дятла посмотри! Ворон говорит, что дятел веревку перекусывает, веревку перекусывает.

Старуха встала, на кухню посмотрела, на кухню идет — дятел тихо сидит.

Старик спрашивает:

— Ну, что?

Старуха отвечает:

— Дятел тихо сидит.

Старуха легла спать.

Ворон говорит:

— Дятел веревку перекусывает!

Старик говорит:

— Старуха, иди, ворон говорит, что дятел веревку перекусывает.

Старуха легла. Ворон снова говорит:

— Дятел веревку перекусывает!

Старик говорит:

— Старуха, иди убери ворона, он обманывает, он обманщик!

Дятел тихо сидит, веревку перекусывает.

Дятел веревку перекусил, веревка развязалась.

Утром старики встали, дети встали. Старик двери открыл: люди туда-сюда ходят.

Дятел тихо сидит.

Дверь открылась, дятел на улицу вылетел. Дятел мешки порвал, ветер поднялся, пурга пошла, тепло настало¹.

143. Медведь и бурундук

Медведь в лес пошел топорище рубить. Топорище срубил, домой пошел, шел, шел и заблудился. Темно стало, он под корнем упавшего дерева лег и уснул. Утром проснулся, встал, есть захотел. Медведь посмотрел — кедровка на дереве сидит, кричит. Медведь подошел, спрашивает:

— Есть шишки в этом году?

А кедровка говорит:

— В этом году шишек нет.

Медведь сказал:

— В этом году ты не помрешь.

Он вперед шагнул и пошел. До обеда шел, в мелкий лес пришел. Маленькие кедры стоят, на них так много больших шишек, что ветки вниз согнулись. Медведь на дерево залез, шишки вниз бросать стал,

шишек много сбросил, вниз слез, шишки жевать стал, орехи есть начал. Бурундук подошел и спрашивает:

— Ты что, приятель, делаешь?

А медведь говорит:

— Я заблудился, свою берлогу потерял.

А бурундук говорит:

— Я твою местность знаю, твой отец и твоя мать меня воспитывали, когда я сиротой жил. Я могу тебя на твою родину отвести.

Бурундук с дерева коры надрал, медведю глаза завязал, на голову ему сел и говорит:

— А теперь иди.

Медведь день шел, ночь шел, утром бурундук говорит:

— Стой.

Бурундук медведю глаза развязал.

— Теперь, — говорит, — ну-ка посмотри! Твои места?

Медведь глаза открыл и посмотрел: большая ель стоит, сучки на ней поломаны и кора поцарапана. По сторонам посмотрел — свою берлогу увидел. Медведь сказал:

— Ты хороший товарищ, ты меня домой привел.

Он бурундука взял, на лапу посадил и по спине погладил. От медвежьих когтей на спине бурундука пять черных полос осталось.

144. Мышка

Мышка вдоль берега бежала, бежала и клей нашла. Копалась она, копалась, клейницу нашла.

Люди:

— Тебе зачем клейница нужна?

Мышка:

— Для лодки.

Люди:

— Мышка, какой речки это устье?

Мышка:

— Это клейной речки устье.

Поплыла она, место, где чум стоял, нашла. Копалась, копалась, целую иголку нашла.

Люди:

— Мышка, какой это речки устье?

Мышка:

— Это иголочной речки устье.

Люди:

— Зачем тебе иголка нужна?

Мышка:

— Чтобы ею, как шестом, стоя отталкиваться.

Мышка плыла, плыла и половину иголки нашла.

Люди:

— Мышка, какой это речки устье?

Мышка:

— Иголочного ушка речки устье.

Люди:

— Зачем тебе половина иголки нужна?

Мышка:

— Чтобы ею, как шестом, сидя отталкиваться.

Плывет она, плывет, наперсток нашла.

Люди:

— Зачем тебе наперсток нужен?

Мышка:

— Чтобы служил мне шапкой от дождя.

Однажды мост¹ делали мышь и крохаль². Мост сделали, крохаль мышке говорит:

— Переходи через мост!

Мышка:

— Нет, крохаль, переходи ты!

Крохаль ей говорит:

— Нет, переходи ты!

Мышка пошла и в воду упала. А крохаль смеяться стал, пузырь его и лопнул. Мышка его съела.

Бежит она, бежит — люди в чуме живут, старушка у них болеет. Мышка людям говорит:

— Я ее вылечу. Старушку в мешок положите и меня в мешок пустите!

Мешок завязали. Мышка старухе глаза выковыряла, уши ее отгрызла и говорит:

— Выпустите меня.

Они ее выпустили, и она убежала, а люди говорят:

— Мышь старушку умертвила!

А мышка мышам говорит:

— Днем не ходите, ночью ходите!

Теперь мыши только ночью ходят.

145. Лиса

Шла как-то раньше лиса, видит — на дереве глухарь сидит, спрашивает его:

— Ты, кум, чего делаешь? Что ешь?

— Я пихточку, кедр ем.

— А как ты спишь?

— Я ночью на дереве сплю.

Лиса говорит:

— Зачем ночью на дереве сидишь? На земле надо в снегу спать.

Глухарь не слушает ее, наверху сидит. Лиса все вокруг дерева бе-
гает, облизывается. Тут глухарь говорит:

— Вижу, там человек с собакой идет.

— Ну, кум, прощай, — сказала лиса и сразу убежала.

Глухарь так и остался на дереве, сидя спит.

Лиса идет, идет, людей встретила. Люди на ветке* по речке идут,
лиса краем берега их гоняет*. Гоняет, гоняет, спрашивает:

— Почему меня к себе не берете в ветку? Я все равно гонять вас
буду. Вы мне место на носу дайте, я сяду.

Люди послушали ее, место на носу ветки дали, с собой взяли.
Дальше плывут. Лиса говорит:

— Надо на берегу посидеть. Песчаный берег найдем, прыгать бу-
дем, кто дальше допрыгнет.

Сама плохое задумала. Берег осматривает, видит — трясина, зы-
бун. Говорит:

— Тут прыгать будем, но только разом.

Люди согласились. К месту подъехали, боком пристали, прыгнули.
Лиса согнулась, нос подняла, до крепкого места допрыгнула. Люди
в зыбун по плечи попали. Лиса бегаёт, радуется, что людей обманула,
уши, носы им кусает. Сама снова в ветку прыгнула, поплыла, потом на
берег вытащила. Нашла в ветке клей сушенный¹. На берегу сидит, гры-
зет. Слышит шум, сучки трещат — старик² идет.

— Ты чего тут, лиса, делаешь?

— Я, дедушка, через реку ходила, два раза ныряла, две кучки клея
достала.

— Дай мне попробовать!

Лиса маленький кусочек кинула, сама боком, боком — в сторону;
клей изо рта не выпускает.

Медведь попробовал:

— Правда, вкусно! — Просит: — Дай еще!

Лиса говорит:

— Сам ныряй!

— Как я нырять буду, как потом вынырну?

Лиса говорит:

— А ты парку-тоними, подальше положи, чтобы в воду не скати-
лась.

Медведь послушался, шкуру снял, в сторону подальше положил,
чтобы в песке не испачкалась. Спрашивает лису:

— Ты как ныряла?

Лиса отвечает:

— Глубоко ныряй, по дну иди.

Тот нырнул, по дну идет, ищет клей. Лиса вслед кричит:

— Ты путем ходи, хорошо ищи!

Медведь вынырнул, говорит:

— Ничего нет, где клей?

— Обратно ныряй и не прямо иди, а наискось!

Тот опять на дно спустился, а лиса схватила шкуру, все жирные места обгрызает. Сухой клей бросила.

Медведь вынырнул, видит — лиса его шкуру грызет. Он назад скорее поплыл. Пока добирался, лиса всю шкуру кончала. Сама в колючие кусты убежала. Медведь за ней. Рассердился старик. Лиса меж колючих кустов бегают, старик за ней. Колючки все в него, голого, воткнулись. Он рухнул. А лиса вернулась сало доедать³.

Такая лиса хитрая, только глухаря не провела. И в капкан редко попадает! Копают вокруг, а в капкан не идет. А за глухарями все охотится. Как прыгнет — когда имеет, когда только хвост в лапах остается.

КОММЕНТАРИИ

№ 1

Фрагменты мифов о потопе, записанные В.И.Анучиным в начале XX в. (Центральный государственный архив Республики Узбекистан, ф. 1726, оп. 1, д. 2, № 157, 135, 156). Пересказ опубл. [37, с. 14–15].

¹ В оригинале *асук*.

² В оригинале *кот*.

³ Северный ветер, «низовка».

№ 2

Рассказал в 1972 г. по-русски П.Н.Каменских. Зап. Е.А.Алексеевко. Опубл. [28, с. 72].

Текст является фрагментом одной из версий о происхождении земли, характерные черты которой — участие в акте творения положительного и отрицательного персонажа и создание земли среди водного пространства.

¹ Какой кетский персонаж соответствовал русскому «чёрт», у информанта выяснить не удалось.

² Специальным вопросом было уточнено, что подразумевались насекомые.

№ 3

Рассказал по-русски в 1972 г. К.М.Тыганов. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Фрагмент мифа о происхождении месяца. Имеется несколько записей данного варианта (см. тексты № 4–6, а также пересказ мифа К.Доннером со слов И Ф.Дибикова [89, с. 94]).

Согласно информации В.И.Анучина, к месяцу ушла жена Еся — Хоседам, за что была изгнана им на землю, где стала мстить, губя людей, а месяц был наказан вечной обязанностью служить человеку — указывать путь и предсказывать погоду [37, с. 3–4]. Думается, что здесь упоминается неизвестная часть того же мифа, сюжет которого объясняет мотив преследования месяца Хоседам.

Аналогичный кетскому миф о происхождении солнца и месяца известен у хантов: муж, убегающий от двух своих жен к третьей, оказывается разорванным пополам в дверях ее дома: «Одна половина осталась тем двум женам, другая — третьей. Он стал с третьей женой жить, он месяц, а она солнце. Он когда вырост до

конца, тогда она одну половину вверх бросила. Если так — пусть будет луна, а сама стала солнцем» [66, № 6, с. 16–17].

¹ Бангдэхып (Бангрэхып) — Сын земли. Занимает важное место в кетском пантеоне, являясь связующим звеном между небом и землей (ср. мотивы его женитьбы на Дочери неба — Есьтехунь в № 38) В шаманской мифологии известен как покровитель, наделяющий шамана бубном и т. д.

² Образ волка-сторожа (кет *кыт*) присутствует и в других мифологических текстах (см. № 41, 44).

³ Мотив качания (на восточную сторону) с целью оживления характерен для кетской мифологии (см. № 41, 44, 125, 126) и ритуала.

⁴ Далее следует пересказ информантом другого мифологического сюжета — о месяце и его невестках.

⁵ В некоторых этнографических информациях длительное отсутствие месяца на небе объясняется, наоборот, нерадивостью и скупостью невесток. Третья невестка оказалась самой скупой, так как ничего не приготовила заранее и вынуждена была стряпать уже после прихода гостя [28, с. 83].

№ 4

Рассказал по-русски в 1972 г. в пос. Суломай П.Н.Каменских Зап. Е.А.Алексеенко. Опул. [28, с. 83].

Вариант текста № 3. Здесь месяц Кып изначально существует в качестве мужа Солнца. Обоим присущ ярко выраженный антропоморфизм. Разорванного пополам Месяца Солнце заставляет уйти от нее и занять на небе место «сзади».

¹ Кынсь — «дух», здесь — заменитель табуированного имени Хоседам (ср. № 8); сказитель на дополнительный вопрос, о ком идет речь, назвал дотэм бам (бам — «старуха», «жена») — женская ипостась злого существа дотэтга.

² Берестяная тиска-покрышка, закреплявшаяся над дверью. Дверь (кет. *элла*) сшивали из двух плотных слоев бересты, придавали ей прямоугольную или несколько расширяющуюся книзу форму, тщательно простегивали для прочности. В верхней половине двери стежки обычно шли горизонтально, в нижней — вертикальными рядами, образуя своеобразный орнамент. Стежки могли быть и в виде ломаной линии. Наружную сторону двери чума часто украшали резным узором по бересте. Рисунок называли «глаза двери» и считали его обязательным, так как иначе дверь будет «слепая». Дверь подвешивали с помощью палки с крючком на конце (или закрепляли за один из шестов на верхушке чума).

³ Имя широко известного мифологического персонажа (см. № 28, 121, 124, 125). Типологический анализ осуществлен В.Н.Топоровым [85].

№ 5

Рассказал в 1925 г. И.А.Дибиков (60 лет) на берегу Енисея близ Ново-Туруханска. Записала в 1925 г. Е.Д.Прокофьева Опул. [12, с. 174–176].

Можно предположить, что рассказчиком был житель северной части Туруханского региона (Е.Д.Прокофьева жила и работала среди селькупов с р. Турухан). Текст подвергся литературной обработке.

Вариант интересен как сказочная трансформация космогонического мифа. Присутствуют характерные «волшебные» предметы — оселок и гребень.

¹ Мотив трехногого коня встречается и в других кетских текстах мифологического происхождения (см. № 121, 123).

№ 6

Записал М.Ошаров, считавший сказку хантыйской. Опубл. [11, с. 160–163].

Вариант сюжета о небесных светилах. Текст отражает влияние русского фольклора: кетской Хоседам соответствует здесь мырак (ср. рус. *мерек* — «злой дух, нечистый, одержимый» [44, т. 2, с. 319]).

¹ Свадебный стереотип в кетском фольклоре (см. также № 40, 57). Этнографические данные о подобном элементе в свадебном обряде отсутствуют, однако существовало представление, что позволение перешагнуть через вытянутые ноги означало согласие на брачные отношения.

№ 7

Рассказал по-русски в 1972 г. в пос. Суломай П.Н.Каменских. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Широко известный сюжет, объясняющий пятна на луне. Возможно влияние русской сказки. По В.И.Анучину, пятна на луне — следы пребывания там Хоседам [37, с. 4]. Мифологический сюжет перекликается с бытовавшим у кетов запретом говорить о месяце плохо, смеяться над ним и даже показывать на него пальцем (иначе палец заболит). Ср. у хантов: «Месяц — ики. Над ним нельзя смеяться и дразнить. Мальчик и девочка пошли по воду и стали дразнить: „Мы-то здесь калачи едим, а ты там сохнешь!“ У девочки на коромысле были ведра, месяц утащил ее к себе вместе с ведрами. Она за тальник уцепилась, месяц утащил ее вместе с кустом» [66, № 5, с. 16].

№ 8

Рассказала О.В.Тыганова. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [7, № 85, с. 103–104]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

В основе этого распространенного сюжета лежит космогонический миф о Млечном Пути: таким на небе остался след от лыж Есьтехыпа — Сына неба (Еся), ушедшего охотиться на западную сторону легко одетым вопреки наказам отца и замерзшего там. Мать его, Хоседам, разгневанная гибелью сына, уходит от Еся на землю, чтобы там стать равной ему по силе злой богиней. В тексте ее имя табуировано, она именуется «мать», «старуха» и «жена бога».

В кетском фольклоре имеются и другие версии происхождения Млечного Пути: по В.И.Анучину, это дорога (след) мифического героя Альбы (Албакан), преследовавшего Хоседам [37, с. 7]; в варианте, приведенном К.Доннером, дорогу проложил легендарный шаман Дог (Дох), поднимавшийся к Солнцу, поэтому Млечный Путь назывался «след Дога» [89, с. 62]. Аналогичный мотив о сыне бога (Торума), не послушавшем отца и наказанном за это тем, что замерз и превратил-

ся в птицу, которая «высоко летает, но подняться до неба не может», известен у обских угров [66, с. 21].

¹ В оригинале *котлям* — распашная (халатообразная) одежда из сукна. В холодное время в качестве верхней одежды ее не носили.

² Зимой кеты надевали рукавицы из не очищенной от ворса оленьей шкуры. Котлям и ровдужные рукавицы создают образ легко одетого человека.

³ Длинные надставники к рукавицам в бытовой культуре кетов не зафиксированы, но есть сведения о рукавицах до локтя из шкуры, снятой чулком с передних ног медведя, у особой категории шаманов.

⁴ Т.е. «всяко может быть», «трудно предсказать», «смотри». Таким образом отец — Есь предупреждает сына о своем недовольстве его непослушанием. В этнографической информации по поводу этого сюжета О.В.Тыганова сообщила, что «Есь пугнул сына холодом за то, что не слушал его слов».

⁵ Т.е. Хоседам.

⁶ «Мусор земли» — метафора: умершие люди и люди, которым предстоит умереть, попадают в низовья реки, где расположен мир мертвых и правит Хоседам.

⁷ Букв. «Когда тебя мысль осенит, я буду догадываться».

№ 9

Рассказала в 1964 г. в пос. Ворогово сымская кетка Т.С.Латикова. Зап. и подстр. пер. Г.К.Вернера опубли. [9, № 66, с. 210]. Издан под названием «Бог».

Вариант текста № 8 о Сыне неба (Есьтехыпе). Космогоническое начало выражено только в заключительных словах «старухи» (подразумевается Хоседам): «Теперь я внизу богом буду, а тыверху богом будешь». Этиологический мотив о Млечном Пути отсутствует. Примечательно, что информантка, принадлежащая к обрусевшим кетам-югам (сымским кетам), назвала Еся за его особые качества «шаманом».

№ 10

Рассказал по-русски весной 1960 г. на оз. Някольда С.А.Пешкин. Зап. Е.А.Алексеенко. Публикуется впервые.

Созвездие Большая Медведица у кетов называется *Кай* — «Сохатый». Название осмыслялось мифом о небесной охоте, широко известным у охотничьих народов Сибири. Большая Медведица считалась созвездием одной из половин кетского общества — кетов Богдэденг.

Публикуемый фрагмент и второй вариант текста на этот сюжет (см. № 11) имеют черты модернизации: в числе участников охоты упоминаются русские; в других вариантах участвуют только кет, селькуп и эвенк; характерна и топонимическая привязка. Кеты так объясняли отдельные звезды Большой Медведицы: четыре звезды ковша — ноги сохатого, левая передняя (подбитая) несколько отодвинута в сторону. Три звезды впереди — нос и уши животного; звезды, составляющие ручку ковша, — это селькуп, кет и эвенк (последний). Точка возле средней звезды (Алькор) — это котелок кета. Кроме того, кеты выделяли еще шесть звезд, в которых видели стрелы селькупа и кета (три из них выходят за пределы созвездия Большой Медведицы).

№ 11

Рассказал весной 1960 г. на оз. Някольда П.И.Тапков. Зап. и пер. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Второй вариант текста о созвездии Большая Медведица (ср. № 10). Характерно личное восприятие рассказчиком мифологического сюжета. Оно связано с принадлежностью кетов Тапковых к роду Богдэдент.

№ 12

Рассказал по-русски в 1972 г. в пос. Суломай П.Н.Каменских. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Для этого рассказчика характерны тексты этиологического характера (см. № 16–19), где действует Есь. Сама роль творца остается неопределенной. Есь обычно «пускает» уже «готовых» людей, животных, птиц на землю.

№ 13

Рассказала В.С.Дорожкина. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [3, с. 175–187]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет» и издан под названием «Сказка про Дилтака, или Откуда жизнь вперед пошла».

От этой же сказительницы текст был записан по-русски составителем в 1959 г. (не опубликовано).

¹ Мотив огня, с помощью которого творец (Торум) спасает замерзающих людей и очеловечивает их, присутствует в хантыйском мифе, записанном А.Штернбергом в конце XIX или в начале XX в. [68, № 1, с. 63].

² Букв. «дощечки-камни».

³ В оригинале *корсук* (от рус. «горшок»).

⁴ Букв. «камень с ручкой».

№ 14

Рассказал по-русски весной 1960 г. на оз. Някольда О.А.Дорожкин. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Этногонический миф о происхождении экзогамного деления кетов на две половины — Богдэдент и Кэнтаан. Оба этнонима известны с XVII в.; первые — «богдэнцы» — в то время жили в низовьях Подкаменной Тунгуски, на побережье Енисея в районе устья р. Бахта, вторые (так называемый Хентянский род) с начала XVII в. жили на р. Елогуй.

¹ Образ коня (в вариантах — лося), возможно, связан с представлением о громе — крылатом существе с копытами и лебединой головой (см. [3, с. 193, 195]).

² Букв. «грома люди».

№ 15

Рассказала в 1978 г. в пос. Келлог Н.А.Ирикова. Зап. и подстр. пер. Э.И.Белимова опубл. [14, с. 59–60]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет» и издан под названием «Сказка о сыне бога».

Текст мифологического характера, этиологическое начало которого — возникновение смерти и происхождение собаки. Впервые пересказ мифа осуществлен В.И.Анучиным [37, с. 11–12].

Мифологический сюжет о посланном на землю сыне Еся (Есьтехып), научившем людей «неправильному» ритуалу захоронения (в земле, вместо того чтобы держать умершего в течение семи дней на лабазе; противопоставление верх–низ), в результате чего люди стали умирать, отражает первоначальные представления кетов о земном бессмертии людей. Далее всего эти представления сохранялись по отношению к шаманам. Умерших шаманов в течение семи дней держали в отдельном чуме в надежде на их «оживление». О.В.Тыганова рассказывала о двух таких случаях. Оба шамана «не ожили» из-за помех (отрицательного воздействия): в одном случае некстати залаяла собака, в другом — в чум, где он лежал, зашла молодая женщина.

Аналогичный миф о собаке, обманувшей людей, из-за чего те стали умирать, имеется у хантов [68, № 14, с. 75]. В отличие от кетского сюжета здесь обман был спровоцирован чёртом, а сама собака была посланцем бога Торума.

№ 16

Рассказал по-русски в 1972 г. в пос. Суломай П.Н.Каменских. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

¹ Зимние лыжи у кетов оклеивались подволокой из камусов (шкуры с ног) оленя, реже — лося. Камус обеспечивал скольжение и вместе с тем не позволял скалываться при подъеме.

№ 17

Рассказал по-русски в 1972 г. в пос. Суломай П.Н.Каменских. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Как и в предыдущем сюжете, Есь здесь выступает в роли культурного героя.

№ 18

Рассказал по-русски в 1972 г. в пос. Суломай П.Н.Каменских. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

№ 19

Рассказал по-русски в 1972 г. в пос. Суломай П.Н.Каменских. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Аналогичный сюжет зафиксирован у хантов [68, № 18, с. 76].

¹ Подчеркивая связь птицы с верхним, сакральным миром и Есем (богом), рассказчик сравнил рябчика с птицей Даг — мифической птицей огромных размеров с железными когтями. Близкий образ (птица Кярэс, Карэс) имеется в фольклоре хантов [66, № 157, 158, с. 157–158].

№ 20

Рассказала по-русски весной 1960 г. на оз. Някольда А.Н.Тапкова. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Текст этиологического характера. Превращение девушки в белку осуществляется не только волевым решением творца — Еся, но и действием рядовых людей: «старуха ее за бесем схватила, разорвала — так у нее хвост появился» (см. также № 21).

№ 21

Рассказала в 1960 г. К.Х.Бальдина. Зап. и пер. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Вторая версия происхождения белки из женщины. Текст имеет характер бытовой сказки, что подчеркивает и название, данное исполнительницей. Для нее более существенным оказался не этиологический мотив превращения старухи в белку, но все предшествующие этому обстоятельства. Следует заметить, что слова «старуха» и «старик» здесь и во многих других текстах вовсе не выражают возраст действующих персонажей, а соответствуют понятиям «жена», «муж».

¹ Имеются в виду шести остова чума, которые накрывались берестяными покрывками-тисками.

№ 22

Рассказал по-русски в 1972 г. П.Н.Каменских. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Как и в других аналогичных текстах этого информанта, в нем присутствует мотив творца — Еся, повелевшего глухарю оставаться зимовать среди людей, чтобы те не умерли с голоду. Характерно название, данное сказителем: «Про первого глухаря».

¹ На юг, в верховья Енисея.

№ 23

Рассказал в конце 1930-х годов студент Института народов Севера в Ленинграде Тетерин. Зап. и пер. Г.М.Корсакова опубл. [11, с. 155–156].

Вариант текста № 22; добавлены новые персонажи — утка и гусь — и мотив пребывания птиц в южных странах. Идея повеления творца — Еся здесь отсутствует.

№ 24

Рассказала У.К.Дибикова. Зап. и подстр. пер. Э.И.Белимова опубл. [14, с. 52–53].

Вариант текстов № 22 и 23. Этиологический мотив, касающийся особенностей оперения, дополнен объяснением различий в пищевом рационе птиц. Аналогичный кетскому сюжет известен у хантов [68, № 17, с. 76].

№ 25

Рассказал весной 1960 г. на оз. Някольда В.П.Дорожкин. Зап. и пер. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Фрагмент сюжета записан Г.К.Вернером в 1965 г. в пос. Ворогово. Опул. [9, № 69, с. 212].

Этиологический миф об обиженной детьми женщине, превратившейся в кукушку, известен у хантов [66, № 21, 22, с. 21, 22], ненцев [64, с. 144] и многих других народов Сибири.

¹ Орудия обработки шкуры.

² Подражание крику кукушки; букв. «одна дочь, один сын».

№ 26

Рассказала в 1979 г. А.А.Максунова. Зап. и подстр. пер. В.Г.Шабаева опубл. [14, с. 69–70]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

В отличие от текста № 25 этиологическая идея здесь выражена завуалированно: главным персонажем является не женщина, превратившаяся в птицу, а кукушка, что отражает более позднее осмысление мифа.

№ 27

Рассказала в ноябре 1986 г. в пос. Байкит О.В.Тыганова. Зап. и пер. совместно со сказительницей Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Текст представляет собой фрагмент мифологического сюжета, дополненный этнографической информацией рассказчицы о промысловом магическом ритуале.

¹ Сняла шкурку.

² Шкурку, завернутую в платок или новую ткань, держали на «чистой» половине чума, заткнув между шестом и берестой.

³ Магическое действие, целью которого была добыча соболя с наиболее ценившейся, черной (темной) шкуркой.

⁴ В оригинале *аськет*.

№ 28

Рассказал по-русски в 1960 г. П.Е.Коротких. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

В роли культурного героя, волей которого глухарь и заяц попадают в изготовленную для них ловушку, выступает распространенный сказочно-мифологический персонаж Каськет (см. № 4, 121, 124). Ср. также текст № 17, где аналогичная роль отведена Есю.

¹ Молодое деревце кедра, очищенное от веток, на которое вешали приклады (локуты ткани), шкурки пестрых белок и т.д.

² Информант перевел слово «кумэль» (относящееся, по всей видимости, к заговорной лексике) как «воронка». Воронка-клейница (хиттын) — волшебный предмет, служащий злым сказочным персонажам.

№ 29

Рассказал в конце 1930-х годов Тетерин — студент Института народов Севера в Ленинграде. Зап. и пер. Г.М.Корсакова опубл. [11, с. 156].

№ 30

Рассказал по-русски в мае 1960 г. на оз. Някольда О.А.Дорожкин Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Текст имеет характер этиологического повествования, но обнаруживает близкую сюжетную связь с преданием о шаманах, зимующих на цветном озере (ср. № 45) Специфичным здесь является мотив превращения людей—сородичей старого шамана в лебедей.

Почитание лебедей было характерно для кетов; известен обряд встречи первых лебедей (см. примеч. 3 к № 45) и их проводов; существовал запрет убивать лебедей.

№ 31

Рассказал по-русски в 1972 г. в пос. Суломай П.Н.Каменских. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Орел занимал особое место в представлениях и культах (в частности, шаманском) у кетов. Считался помощником шаманов [37, с. 54–55]. Известен сюжет об орле, укравшем себе жену у людей (см. № 128).

¹ Томам (Томамбам) — мать перелетных птиц, хозяйка южной стороны [37, с. 7]. Колеп — букв. «половина, часть, сторона».

² Из этнографических информаций известно об обычае выращивать орлят, вынутых из гнезда, в клетке. Кеты объясняли это необходимостью иметь перья для стрел, но подчеркивали и интерес к наблюдению за приручаемыми птицами.

№ 32

Рассказал весной 1960 г. на оз. Налимье О.А.Дорожкин. Зап. и пер. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Текст отражает позднее появление и заимствованный характер оленеводства у кетов. Аналогичные сюжеты были записаны Б.О.Долгих [45, с. 79].

¹ Сакральное число в кетской мифологии.

² Способ решения спорных вопросов: прав тот, у кого останется бóльшая часть кости. Мотив спора в сюжете о появлении оленей присутствует и в фольклоре хантов [68, № 20, с. 78–79].

№ 33

Рассказала в 1964 г. сымская кетка Т.С.Латикова. Зап. и пер. Г.К.Вернера опубл. [9, № 68, с. 211].

Текст мифологического характера. Традиционному мировоззрению кетов свойственно отношение к деревьям как к живым существам, уподобление их человеку. Известны умиловительные действия кетов перед тем, как срубить березу для изготовления берестяных тисок, и т.д. Аналогичный сюжет зафиксирован у хантов [66, № 207, с. 180].

¹ В этнографических информациях человеком, облегчившим участь людей (ибо «слышавшие» жалели рубить деревья и лишались возможности обогреться, готовить пищу на огне), был легендарный шаман.

Рассказал в 1925 г. И.А.Дибиков (60 лет) на берегу Енисея близ Ново-Туруханска. Зап. и лит. пер. Е.Д.Прокофьевой опубл. [12, с. 177–178].

См. также: пересказ В.И.Анучина [37, с. 4]; фрагмент сюжета, записанный Г.К.Вернером от сымской кетки Т.С.Латиковой в пос. Ворогово [9, № 64, с. 207–208]; текст, записанный А.П.Дульзоном от О.В.Тыгановой (см. ниже, № 35).

Альба — известный персонаж кетской мифологии. Р.В.Николаев сравнивает кетский цикл об Альбе с хакасским эпосом «Албынжи» и делает вывод о сложении последнего в дотюркский период на кетской основе [70, с. 145–151]. Популярность и живучесть образа может объясняться этимологической сущностью связанных с Альбой сюжетов, его ролью творца природных ландшафтов в регионе проживания кетов. В данном варианте основной акцент лежит на этимологии смерти.

¹ Т.е. на юг.

² Вероятно, «скрипкой» в переводе Е.Д.Прокофьевой назван кетский струнный смычковый инструмент кат.

№ 35

Рассказала О.В.Тыганова. Зап. и подстр. пер. А.П. Дульзона опубл. [7, № 77, с. 89–90].

В публикуемом предании об Альбе и его борьбе с Хоседам объясняется происхождение Енисея ниже устья Подкаменной Тунгуски, Осиновских порогов и островов на Енисее. В то время, когда Енисея еще не было (в этнографических информациях Енисей выше порога иногда именуется «другой рекой»), Альба прорубил каменный кряж, преграждавший путь «другой реке», вода хлынула через узкий проход (Енисей в районе «щек» выше порога). Камни Осиновских порогов, выступающие из воды, «образовались» из оленей и лосей, переплывавших реку Хоседам в этом цикле также приписывается созидательное начало: спасаясь от Альбы в образе налима, она «прорыла» русло Енисея; выныривая на поверхность глотнуть воздуха, образовала семь островов («где наличик дохнет, там тальниковый остров образуется»). К.М.Тыганов, от которого в 1972 г. составителем была записана одна из версий мифа об Альбе (не опубликовано), назвал четыре таких острова: Монастырский (за Осиновскими порогами), остров ниже пос. Сумароково, остров против р. Комса (Комсинский), остров выше пос. Алинское. С Хоседам мифология связывает и остров (или семь островов, семь больших выступающих из воды камней) в устье Енисея, где она обосновалась, убежав от Альбы (см. также [37, с. 4; 53, с. 151]). Острова эти воспринимались по-разному: то как место, где Хоседам поставила свой чум, то как отождествление ее самой (или семи ее «душ»). Сам Альба, не справившись с Хоседам, ушел на восточную сторону и превратился в каменный кряж («Я, — говорит, — сейчас поднимусь и на восточной стороне каменной россыпью сделаюсь»). Комментируя этот сюжет, О.В.Тыганова сказала, что Альба и еще два легендарных героя лежат сейчас где-то «на восточной, каменной стороне в виде трех хребтов».

¹ Т.е. с севера.

² В оригинале *альдонь* — изогнутый, наподобие сабли, нож шамана.

³ Кыньс — букв. «дух». В данном случае рассказчица дала следующее пояснение: «Чертовка это — Хоседам, но это имя он не вправе произносить».

⁴ Сюоксь — персонаж, отвлекающий Альбу игрой на музыкальном инструменте. В примечании к русскому тексту о Сюоксе сказано: «Великан, который Альбе не дает работать. Это Большая Красная гора ниже пос. Ворогово, где при проезде приношения оставляют. Из красных камешков, взятых здесь (охра. — Е.А.), краску изготавлиют» [7, № 77, с. 89].

⁵ Исторической этнографии кетов берестяные лодки не известны; название лодки в оригинале то же, что и для долбленки-ветки.

⁶ См. примеч. 6 к № 8.

⁷ Т.е. очередной потоп. Для кетской мифологии характерно временное членение мира на цикличные периоды исчезновения в результате наводнения (потопа) и последующего возрождения (см. № 1, 2).

⁸ Мифический Альба ушел на восточную сторону и превратился там в каменный кряж. На очередном витке времени, после очередного потопа, он (как и другие мифологические и легендарные герои) оживет.

№ 36

Рассказала О.В.Тыганова. Зап. и подстр. пер. М.Н.Валл опубл. [7, № 116, с. 121–122]. В кетском оригинале текст обозначен как «аська», т.е. «предание», «рассказ», но издан под названием «Сказка про Ольгита».

Интересный пример перенесения мифологических представлений об образовании мира (мотив превращения героев в элементы ландшафта) на историческую канву. В предании действует реальный герой — Ольгит, названный по родовому этнониму подразделения кетов экзогамной половины Кэнтаан, оказавшихся на самой северной периферии расселения своего народа — в бассейне Курейки. Для них стало характерно транспортное оленеводство.

¹ Т.е. по правому, высокому берегу Енисея.

² Мужчины, юноши и девушки до замужества заплетали волосы в одну косу и украшали ее однотипной косоплеткой.

³ Будущие поколения кетов, потомки.

⁴ Т.е. в тихой заводи.

⁵ Существовало представление о хозяине порога. У порогов кеты останавливались, обращались к хозяину с просьбой о благополучном прохождении опасного места, бросали в воду пищу, бисер, табак и т.д.

⁶ Порог Мельниковский известен на Подкаменной Тунгуске (интересно, что русский топоним объясняется кетской мифологемой). Ср. с мотивом сотворения порога в мифе об Альбе (№ 35).

№ 37

Рассказал по-русски в 1972 г. в пос. Суломай П.Н.Каменских. Зап. Е.А.Алексеенко. Публикуется впервые.

Роль творцов и культурных героев в этом тексте отводится необычным для темы созидания персонажам — хунь и кэлбэсам (см. № 129–133). Основная идея произведения — борьба двух противоположных начал: положительного (хунь) и отрицательного (кэлбэсам). Аналогичный миф зафиксирован у манси [68, № 126, с. 333].

¹ Осенью на охотничьи уголья кеты поднимались в верховья небольших речек-притоков. Хунь здесь пытается повернуть течение вспять, чтобы людям с грузом было легче добираться.

² Т.е. опять-таки чтобы легче было переносить грузы под горку.

³ Тетерев.

⁴ Две составные части сложного кетского лука были из листовенничной крени и березы.

№ 38

Рассказала О.В.Тыганова. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [7, № 82, с. 99–100]. В кетском оригинале текст обозначен как «аскет».

Сын земли — в оригинале Бангрэхып — один из ведущих персонажей кетской мифологии, являлся связующим звеном между землей и небом, что нашло выражение в мотиве женитьбы на Дочери неба или Солнце. По этнографическим данным, о Сыне земли обязательно рассказывал перед сеансом предсказания или лечения бангос (колдун, провидец), причем изложение длилось несколько часов. Публикуемый текст, а также другие сюжеты о Сыне земли (№ 3, 39), возможно, являются фрагментами мифологического цикла.

¹ Речь идет о месте, где размещалась супружеская пара.

² Ильгет — букв. «земной человек»; ср. кет. *илбанг* (*ильванг*) — «вселенная».

³ Священное дерево — коксь оксь — стояло с «чистой» (противоположной входу) стороны жилища. Здесь, вероятно, проявилось воздействие русской церковной обрядности, так как коленоприклонение и поклоны не были характерны для культовых действий кетов.

⁴ Подобное изображение «красоты» характерно для О.В.Тыгановой (см. № 60, 67); скорее всего, оно вызвано образами русской сказки.

⁵ В оригинале *Есьтехунь* — букв. «Дочь неба (бога)».

⁶ Наросты на стволе дерева. В варианте «Дочь неба» (№ 39) злокозненное действие этого персонажа выражено по-другому: муж Есьтехунь уходит от жены к ней.

⁷ Такие колбаски с застывшим рыбьим жиром кеты брали зимой в дорогу. Ср. аналогичный мотив в № 42.

№ 39

Рассказала в 1965 г. в пос. Ворогово Т.С.Латикова. Зап. и подстр. пер. Г.К.Вернера опубл. [9, № 65, с. 209]. Издан под названием «Дочь бога».

Сюжет мифологического происхождения, восходящий к циклу о Сыне земли (Бангрэхып), женившемся на Дочери неба (Есьтехунь). Ср. № 38.

¹ В оригинале *фыргынь*, сымский эквивалент известной колмасам.

² Ср. с мотивом убийства дотэтам на Сургутихе (№ 91).

№ 40

Рассказала О.В.Тыганова. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [9, № 61, с. 199–203]. В кетском оригинале текст обозначен как «аскет» и издан под названием «Сказка про Усеса».

Текст восходит к космологической мифологии (тема тепла; верхний мир с семью кругами — слоями; персонажи: Усесь — букв. «Теплое небо», «Теплый бог» — и Эт). Анализ сюжета в общем контексте мифологической традиции кетов и других сибирских народов см. у В.Н.Топорова [83, с. 151–154 и др.].

Само повествование выполняло магическую функцию: сказку рассказывали с целью вызвать потепление в морозный период, причем исполнителями должны были быть лица, родившиеся в летние месяцы. Характерна концовка текста: «Сказка про Усеся кончилась, господь бог пусть меня не накажет за то, что я ее рассказала» (О.В.Тыганова родилась в начале марта).

¹ Мотив с коробкой из лягушачьей кожи скорее всего связан с влиянием народной русской сказки.

² Котел с подарками — неперенный атрибут сваговства.

³ «Маленькие люди» — духи деревьев, растущих по берегам космической реки.

⁴ Эт — существо верхнего мира, помощник Усеся, поднимавший колмасам

⁵ Позволить перешагнуть через вытянутые ноги — знак согласия на брачные отношения; Усесь «подвинулся на свое место», т.е. на место женатого человека.

⁶ Плоские овальные блюда из дерева или рога хранились в ближайшей от входа, хозяйственной части чума.

⁷ Выражение «на семи солнцах и лунах высохла», возможно, связано с представлением о множественности светил: о ежедневно «новом» солнце, о солнцегне, горящем на каждом небе [28, с. 81; 37, с. 15].

⁸ Т.е. нет других членов семьи старшего возраста, родителей.

⁹ Задание Усеся девушке изготовить для него рукавицы и парку носят характер инициационного теста: в реальной жизни девушка считалась достигшей брачного возраста и могла быть просватана, если умела шить одежду и обрабатывать бересту для изготовления покрывок чума.

¹⁰ Не выделанной, не готовой для шитья рукавиц.

¹¹ Букв. «в нос запало». В традиционных представлениях кетов нос — орган мышления.

¹² «Планки засовывали между покрывкой и опорными шестами, чтобы тиски не вдавливались снегом; на их края подвешивают легкие вещи». — *Примеч А П Дульзона.*

¹³ Верхний край рукавиц стягивался вздержкой.

¹⁴ В оригинале *аськет*.

№ 41

Рассказала в мае 1960 г. на оз. Някольда А.Н.Тапкова. Зап. и пер. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Вариант сюжета об Усесе — Теплом небе (боге); ср. № 40. Кэлбэсам здесь отводится место не в человеческом коллективе, а рядом с людьми; новый персонаж в роли посыльного — лисица; отсутствуют доси. Новым является и мотив погони за Усесем, и образ волков-сторожей (ср. № 3).

¹ Бабушка — шаманка; человек — Усесь

² Характерный для образа кэлбэсам мотив (ср. у хантов: «А людоед катался на крыше, а там были гвозди вверх острием, он подцепился на них и так высох на солнце» [66, № 103, с. 97]).

³ Здесь посох — лыжная палка

⁴ Родителям, старикам.

⁵ Шкура со лба оленя

№ 42

Рассказала Т.Г.Толстых Зап и подстр. пер. В.С.Бибиковой опубл. [7, № 111, с. 111–113]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

Бангсель (женский образ, букв. «земля-олень») — персонаж шаманской мифологии, перевоплощенный образ шамана, действующего в пределах земного мира. Текст по сути своей является осмыслением шаманского действия: путешествие по шаманской реке с семью мысами (земное соответствие семи слоям верхнего мира), семикратное возрастание силы (мотив семи бубнов, семи рыболовных крючков с возрастающим, до семи, числом жал на них). Чрезвычайно ценный источник для изучения традиционного мировоззрения кетов.

¹ В своем производственном опыте кеты использовали антропометрические параметры индивида, для которого изделие предназначалось, например его рост, вес, расстояния при разных положениях рук, ног, пальцев и т.д. Изготовленные с учетом этих параметров лыжи, нарты, лодки-долбленки, луки становились как бы продолжением и дополнением физических возможностей человека и отличались особыми качествами; например, отмечая гибкость и эластичность зимних лыж кетов, местные русские говорили, что они «дышат». В тексте старик Ыдахат предлагает сыну отмерить в свой рост часть ствола срубленной осины якобы для того, чтобы изготовить для него лодку-долбленку.

² В примечании В.С. Бибиковой говорится: «Имя жены сына. Слово имеет значение „земляной олень“ и в то же время „мифическое существо“, которое ходит по земле и проверяет лабазы, где божки стоят (холый); ее муж тоже был бангсель». Холый (холай, холий) — священное место и имя его хозяйки

³ После рождения первого ребенка кеты переставали звать отца или мать по их имени, а именовали по имени ребенка по модели: отец (мать) сына (дочери), как это имеет место в данном случае.

⁴ Ср. аналогичный мотив в № 38 (примеч. 7).

⁵ Для лучшего звучания бубен перед камланием награвали около огня.

⁶ Заимствованный мотив (?).

⁷ Т.е. от длительного шаманства у нее пропал голос.

⁸ Букв. «открылся»; «открывшийся чум» — возможно, образ защищаемого духами верхнего мира жилища, благополучия живущих в нем.

№ 43

Рассказал по-русски весной 1960 г. на оз. Някольда В.П.Дорожкин. Зап. Е.А.Алексеенко. Публикуется впервые.

Вариант сюжета № 42. Космологический характер произведения выражает путешествие к Большой старухе (заменитель табуированного собственного имени Хоседам), к которой попадают умершие. Главным действующим лицом у В.П.Дорожкина является, однако, не Бангсель (см. № 42), а злокозненная кэлбэсам. Подобное переосмысление образа следует связывать с эволюцией мировоззрения кетов: для молодого поколения естественна синкретизация одинаково далеких

персонажей народной мифологии и шаманства. Смешение генетически разнородных образов обусловлено общей идеей «сверхъестественного», «волшебного», «сказочного».

¹ Т.е. убил сына.

² Заимствованный (возможно, литературный) мотив.

³ Жена героя идет в мир мертвых; кто имеется в виду под маленькими людьми — не вполне ясно.

⁴ Большая старуха — Хоседам?

⁵ Вероятнее всего, подразумевается шаманское пение, призванное оживить умершего мужа. Текст не закончен.

№ 44

Рассказала по-русски в 1969 г. на оз. Мундуйское Т.Н.Серкова. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Сюжет восходит к шаманским мифам. Герои его — легендарный шаман Дого (Дог), Есь (верховное начало пантеона) и Тыгылам (букв. «Нижняя мать»), т.е. Хоседам.

¹ Т.е. мудрый.

² Рассказчица пояснила, что это гром.

³ Т.е. со стороны, противоположной входу. Этот мотив имеет реальное соответствие в обряде встречи первых лебедей (см. также № 45, 46).

№ 45

Рассказал в 1960 г. в пос. Келлог Х.П.Бальдин. Зап. и пер. Е.А.Алексеевко с помощью К.Х.Бальдиной. Публикуется впервые.

Исполнитель сообщил, что на его памяти эту «сказку» пели шаманы. По его словам, Дог, Дого бат (*бат* — «старик»), был шаманом из рода Кэнтаан, к которому принадлежали и Бальдины. Уквол — представитель другой экзогамной половины кетов — Богдэденг (см. № 14).

У сургутихинского кета О.А.Дорожкина в 1960 г. был записан вариант текста на этот же сюжет (см. № 30), где действуют безымянные персонажи.

¹ На юг, в верховья Енисея.

² В тексте О.А.Дорожкина второй персонаж назван «племянником» первого, т.е. в соответствии с дуально-экзогамной организацией он должен был относиться к Богдэденг, как и в данном случае.

³ У кетов существовал обычай встречать весной первых лебедей: на стойбище ставили чум с двумя входами, чтобы они могли залететь и вылететь (см. также № 46).

⁴ Кеты Богдэденг.

⁵ Людям своего рода.

⁶ Т.е. на небе, в верхнем мире.

⁷ Елец — мелкая частичковая рыба, из которой кеты заготавливали на зиму порсу — муку из толченой сухой рыбы.

⁸ Следующий ниже сюжет о переходе Дога со своими людьми на небо и пребывании там является едва ли не самым распространенным в преданиях этого цикла (см. № 45, 46, 48).

Рассказал по-русски в 1972 г. в пос. Суломай К.М.Тыганов. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Текст относится к мифологическому циклу о легендарном шамане Доге. Мотив его возвращения в образ лебеда после зимовки на юге продолжен сюжетами о походе к Хоседам, чтобы отомстить за умершего сына, и о путешествии Дога с людьми на небо, в верхний мир, где они погибают от грома. Дог спускает в гагарьей шкуре (в образе гагары) своего сына, надеясь спасти. Сыну надо попасть в родные места Дога — на р. Келлог (приток Елогуя и одноименный современный поселок; бассейн Елогуя — историческая родина кетов Кэнтаан, к которым предания относят Дога — см. № 45), но он ошибочно попадает на р. Сым, где такие же сосновые боры, но живут не кеты, а юги. Они не понимают языка сына Дога, принимают его за гагару и убивают (см. также [3, с. 193–195]).

Текст насыщен ценными этнографическими подробностями и является важным источником для изучения традиционного мировоззрения и обрядности кетов. Путешествие Дога к Хоседам — художественное повествование, аналогичное ритуальным шаманским «путешествиям» к Хоседам при лечении больного. Смерть человека шаманы в большинстве случаев объясняли злокозненным действием Хоседам или ее помощников. Считалось, что к ней попадала ульвей (жизненная субстанция человека). Лечение в таком случае сводилось к отыскиванию и освобождению ульвей. Интересен мотив застрявшей на небе нарты жены Дога. Он присутствует и в фольклоре хантов [66. № 129–132, с. 147–149], но в их преданиях нарту отделяют и сбрасывают на землю, а у кетов спинка нарты — суклам застревает в верхнем мире, и ее иногда видно на звездном небе.

¹ С южной стороны.

² Мифологический образ смерти.

³ Приспособление наподобие охотничьей ловушки-силка.

⁴ Шаманская колотушка к бубну.

⁵ Хоседам хочет на оленях отправить Дога и его людей на небо, где они погибли (ср. также № 47, 48 и 51).

⁶ Символическая жена шамана, сопутствовавшая ему в его путешествиях в нижнем мире, дочь Хоседам. Среди культовых предметов шамана имелось ее изображение — антропоморфная фигура в женской одежде. Хранилась в изголовье постели шамана (отсюда название — «затылочная жена»; второе название — «походная жена»).

⁷ Букв. «громы кричат».

⁸ Букв. «соснового бора большая река». Имеется в виду р. Келлог.

⁹ В снятой чулком гагарьей шкуре у кетов хранились медные подвески с облачения и атрибутов шамана.

№ 47

Рассказала О.В.Тыганова. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [7, № 79, с. 92–94]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

Версия текста, записанного от К.М.Тыганова (см. № 46), содержит существенные мифологические детали и отражает незаурядные творческие данные исполнительницы. Сравнить оба текста с этой точки зрения тем интереснее, что О.В. Ты-

ганова и К.М.Тыганов находились в близких родственных отношениях и тесные контакты их продолжались в течение длительного времени.

¹ Берестяная подстилка в «чистой», сакральной части чума — за очагом.

² Т.е. стал взрослым человеком.

³ «При игре в камни <...> имеется один большой камень и несколько мелких; их в определенном порядке подбрасывают и ловят на лету, подобрав перед этим оставшиеся на полу». — *Примеч. А.П.Дульзона.*

⁴ Кынсь — букв. «дух»; в данном случае — заменитель табуированного собственного имени Хоседам.

⁵ Во время своих путешествий и сражений шаман разбивал тучи ножом (кет. *альдонь*), имеющимся на железном головном уборе.

⁶ Т.е. на «женском» месте, между входом и очагом.

⁷ Колотушкой.

⁸ «Походной женой» О.В.Тыганова называла «затылочного духа» — символическую жену шамана (см. примеч. 6 к № 46)

⁹ Хоседам притворяется, что Дог ее одолел, и обещает ему оленье стадо, чтобы заманить на небо. Ср. № 48, где обман раскрывается, а также примеч. 5 к № 46 и примеч. 1 к № 51.

№ 48

Рассказала О.В.Тыганова. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [7, № 80, с. 94–95] В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

Самостоятельное произведение на тему о путешествии Дога со своими людьми на небо и о гибели их от грома (см. № 45, 46). Этот же сюжет записан А.П.Дульзоном от В.С.Дорожкиной [3, с. 193–195]; может, однако, рассматриваться и как продолжение текста № 47.

Гром считался существом женского начала, живущим на южной части неба. Легендарный Дог встретил на своем пути на небе семь громов, из которых седьмая — мать шести остальных. Дог принял мать громов за маленького сироту-громчика и был наказан. Известен сюжет об упавшем с неба громе (см. № 14): съев его, голодавшие люди, мужчины и женщины, забеременели, в результате чего мужчины умерли, а женщины родили людей, которых стали называть еккаденг («грома люди») или богдэденг («огня люди»). Ср. варианты (№ 50, 51): сына Дога, упавшего на Сым, съели юги; все евшие гагару погибли (или погибли только забеременевшие мужчины).

¹ Сакральную чистоту верхнего мира может нарушить «грязь» — взятая туда ветхая женская одежда, старые лоскутки.

² В снежных ямах люди ночевали, если их заставала ночь далеко от стойбища.

³ Имеется в виду шаманское пение.

⁴ Букв. «сухой стала».

⁵ Способ расщепления ствола с помощью забитых в щель клиньев.

⁶ В оригинале *Усас есь* (Усесь) — «теплый бог».

⁷ Т.е. гремит вдали.

⁸ Гром — женский мифологический образ.

⁹ Шкурка гагары, в которой хранили медные шаманские подвески, подвешивалась к олатине — сакральному переднему шесту чума.

№ 49

Рассказала Т.П.Савенкова. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [6, № 28, с. 101–103].

Упрощенная трансформация одного из сюжетов о легендарном Доге (см. № 46–48). Герои не персонифицированы, они именуются «старик», «старуха», «сын».

¹ Чум — коническое жилище, углов не имеет, но два шеста, расположенные по обе стороны от среднего («переднего», сакрального) шеста на противоположной входу стороне жилища, именуются «передними угловиками»: примыкающее к этим шестам внутреннее пространство чума считалось «чистым», сакральным.

² В оригинале *лытись*, злокозненное лесное существо — литысь. Особенность произношения обусловлена принадлежностью рассказчицы к сымской группе кетов.

³ Здесь под «низзовскими» подразумеваются люди, живущие ниже по течению.

№ 50

Рассказал по-русски весной 1960 г. на оз. Налимье И.О.Бердников. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Кроме характерных для цикла о Доге сюжетов — путешествие к Хоседам и на небо (см. № 46–48) — текст включает самостоятельную тему о сыне Еся, обманувшем людей и оставшемся среди них собакой (ср. вариант Н.А.Ириковой о Сыне бога — № 15).

Аналогичный миф о собаке, лишившей людей бессмертия, зафиксирован у хантов [68, № 14, с. 75].

¹ В низовьях Енисея, на его правом, каменистом берегу.

² Так рассказчик поименовал помощников Хоседам; в народных представлениях литысь — достаточно независимые от нее существа.

³ Это представление долго сохранялось по отношению к шаманам (см. также примеч. к № 15).

⁴ Отношение к собаке как к «нечистому» животному у кетов связано с мифом о превращении в нее за обман сына Еся. Считалось, что собачий лай может помешать возрождению умершего шамана, любой сакральной церемонии. В данном случае лай помешал Догу вернуться на землю.

№ 51

Рассказала З.С.Максунова. Зап. и подстр. пер. В.Э.Шерера опубл. [14, с. 85–87]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

Вариант сюжета из цикла о путешествии легендарного шамана Дога к Хоседам и на небо (№ 46–48, 50).

¹ В оригинале *Хосерем бам*.

² Здесь Хоседам заманивает Дога на небо обещанием богатого улова и одновременно проклинает его, предрекая гибель на «дороге громов». Ср. № 45–47.

³ Пошаманил.

⁴ Место расположения чумов.

⁵ Ср. с мотивом об упавшем с неба громае (№ 14, 50, 52).

№ 52

Рассказала по-русски в 1958 г. в пос. Келлог Т.Х.Бурова (Бальдина). Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Сюжет относится к числу так называемых шаманских легенд и включает характерные для многих сибирских традиций мотивы: человек из другого мира невидим обычным людям, общаться с ним может только самый сильный шаман (у кетов таким и оказывается легендарный Дога). Заключительная часть представляет собой известный вариант путешествия Дога и его людей на небо (№ 48–51), но причиной неудачи этого похода оказываются взятые с собой собаки, которые считались существами «нечистыми» (ср. № 15, 50). Близкий текст записан от В.С.Дорожкиной и переведен А.П.Дульзоном [3, с. 189–195].

¹ Имеется в виду известный у кетов, селькупов, эвенков и ряда других сибирских народов обряд обновления (оживления) нового бубна.

² В цветовой символике кетов белый цвет выражал связь с верхним, сакральным миром (ср. белая ткань — жертва-подарок духам верхнего мира); черный — с нижним.

№ 53

Рассказал по-русски в 1958 г. на оз. Мундуйское Ф.А.Серков. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Текст относится к разряду «шаманских», отражает представление о мирах. Как и в № 52, основная идея: в чужом мире человек становится невидим рядовым людям, его голос принимают за треск огня, общаться с ним может только шаман.

¹ Для обитателей подземного мира, куда упал человек, его собственная земля является верхним миром, поэтому шаман «поднимает» его туда, завернув в шкуру белого оленя.

№ 54

Рассказал по-русски в 1972 г. в пос. Суломай П.Н.Каменских. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Жанр своего повествования сказитель определил как «говóр», подчеркивая этим его особую достоверность.

Эвенк встречает человека и поднимается с ним на небо в невидимый, но во всем подобный земному мир. Человек верхнего мира сказителем не назван, но судя по всему — это бог, демонстрирующий герою неизбежность воздаяния за плохое обращение с оленями.

№ 55

Рассказала в 1978 г. Н.А.Ирикова. Зап. и подстр. пер. Э.И.Белимова опубл. [14, с. 58]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

Образец рассказа о шаманах с идеей наказания за невыполнение их воли.

¹ Под «великой болезнью» подразумевается «русская болезнь» (скорее всего корь, эпидемии которой неоднократно свирепствовали на Туруханском Севере, унося целые семьи кетов). Среди культовых предметов кетов известны изображе-

ния «русской болезни» в виде тряпичной куклы в русском платье, обычно из ткани красного цвета.

№ 56

Рассказала В.С.Дорожкина. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [3, с. 141–151]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

От этой же сказительницы более короткий вариант записан по-русски составителем в 1959 г. (см. [23]).

Текст мифологического содержания, в котором раскрывается происхождение широко известного кетского обряда, именуемого «медвежьим праздником» (см. Предисловие). Идея родства медведя и человека выражена здесь мотивом брачной связи медведя и женщины (см. [23; 34; 61]).

¹ Фольклорный инициационный стереотип. Нерасчлененный пространственно-временной образ: подразумевается, что сын достиг возраста, позволяющего жениться, если он смог пройти расстояние в семь шагов отца (семь его следов).

² Т.е. лиственный и еловый лес.

³ Старик определяет это по отпечаткам на снегу.

⁴ Т.е. сватается; ср. обычай при сватовстве посылать пушнину в котле родителям невесты.

⁵ Добыв на охоте медведя, кеты подбрасывали отрубленную правую переднюю лапу зверя, чтобы узнать, кто из родственников явился в гости, сколько дней собирается гостить, что предпочитает из угощения. Непонятны слова «голову пусть отрежут, здесь пусть оставят», так как коллективное поедание головы мужчинами было одним из центральных моментов обряда. Очищенный от мяса череп вместе с другими основными костями по окончании церемонии уносили в лес и оставляли в дупле с восточной стороны дерева для возрождения.

⁶ Кайгусь просит поставить ему для угощения излюбленные людьми рыбные продукты, заготовленные впрок.

⁷ В тексте мотивируется существующий у кетов запрет для женщин есть определенные части туши медведя (голову и т.д.).

⁸ После коллективного поедания головы мужчинами наступал второй этап праздника — угощение гостя-медведя. Медведя олицетворяло изображение на бересте, кожа с носа и губ («мордочка»), челюсть или голова. В течение нескольких дней возле гостя ставили угощение.

⁹ Т.е. унесли от стойбища на берегу в лес. Возрождение добытого животного предполагало целостность основных частей скелета. Поэтому в тексте так много внимания уделяется связанным вместе (обвязанным саргой) ребрам.

№ 57

Рассказала В.С.Дорожкина. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [3, с. 157–163].

Кайгуси — сестра и брат — здесь выступают в антропоморфном облике.

¹ В верховьях каждой реки (положительное пространство) предполагался свой кайгусь — дух-хозяин этого места.

² В быту кетов известны различавшиеся по устройству мужские и женские кабели. Их устраивали после окончания массовой охоты на копытных (лося) на

больших стойбищах. Отпраздновать удачную охоту сюда съезжалось несколько семей. Сам ритуал качания воспринимался как одно из магических средств возрождения добытых животных.

³ Примеривание (соединение) волос — символ брачного обряда. Здесь и в ритуале — это мотив совместимости невесты и жениха.

№ 58

Рассказал по-русски в 1959 г. на оз. Мундуйское Ф.А.Серков. Зап. Е.А.Алексеенко. Публикуется впервые.

Распространенный сюжет о промысловом успехе, сопутствующем человеку, обретшему кайгусь (см. № 59–63). Здесь, как и в других фольклорных произведениях о кайгусе, эта идея выражена мотивом брачной связи человека и мифического лесного существа, имеющего женское обличье. Нарушение правил взаимоотношений, продиктованных кайгусь, ведет к ее уходу от людей и, соответственно, к лишению их промысловой удачи. В данном случае кайгусь, ставшая женой сына старика, уходит после того, как свекор, пытаясь заставить ее заговорить, спрятал поварешку и она, вынужденная черпать из горячего котла рукой, обожглась (аналогичный мотив о лесной женщине имеется в фольклоре хантов [66, № 177, с. 167]).

№ 59

Рассказала Т.Н.Серкова на оз. Мундуйское. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [2, № 25, с. 175–176]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

¹ «Слово „кайгусь“ рассказчица объяснила так: „такой мудреный человек; это — лесная баба, видом человек, все делает — обед, кушанье, а не говорит“». — *Примеч. А.П.Дульзона.*

² Т.е. за очагом, на передней («чистой») стороне чума, где располагались культовые предметы.

³ Букв. «чтобы у меня слово наружу вышло».

№ 60

Рассказала О.В.Тыганова. Зап. и подстр. пер. М.Н.Валл опубл. [7, № 115, с. 118–121]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

Аналогичный сюжет о встрече охотника в лесу с духом, со многими сходными деталями, известен у хантов [66, № 164, с. 159–160; № 165, с. 160].

¹ Варианты следующего ниже текста были записаны А.П.Дульзоном в качестве самостоятельных повествований от той же сказительницы [9, № 58, с. 187–188] и от М.М.Дибикова [6, № 17, с. 51–53]. Этот сюжет встречается и как составная часть других текстов цикла о кайгусе (см. № 61, 62).

² Т.е. на месте жены, женщины.

³ Лисица — «собака» кайгусь.

⁴ Смысл этих приготовлений раскрывается позже: пытаясь заставить кайгусь засмеяться, Дандукн щекочет ее, а куски бересты позволяют самому герою выдержать ее щекотку (см. также № 61 и примеч. 2 к № 62).

⁵ Ср. в тексте, опубликованном А.П.Дульзоном: еловая хвоя вспыхивает и «всякими голосами разговаривает», а пихтовая хвоя «только пухает (пух, пух —

говорит). Лесная баба подумала, что человек этот настолько мудреный, что, когда хвоя на его стороне вспыхнула, она на самом деле заговорила» [6, с. 51–53].

⁶ Подобное описание красоты героини (героя) является скорее всего индивидуальным творчеством рассказчицы (см. № 38, 67); воздействие русских фольклорных и литературных образов здесь очевидно.

⁷ Художественно-образное выражение отдаленного будущего, свойственное сказительнице О.В.Тыгановой.

⁸ Мотив об игольнице — символе связи женщины с родительским домом, семьей, а также знаке предназначенной ей трудовой роли — имеет и реальные этнографические корни: в игольницу зашивали пуповину родившейся девочки.

№ 61

Рассказала в 1959 г. О.В.Тыганова. Зап. и пер. Е.А.Крейновича. Публикуется впервые.

Более короткий вариант от той же сказительницы записан и опубликован А.П.Дульзоном [9, № 58, с. 187–188]. В публикуемой записи Е.А.Крейновича текст включает сюжет о завистливых родственниках, пытающихся отнять кайгусь (см. также № 62, 63 и версию, записанную А.П.Дульзоном [9, № 53, с. 169–171]).

¹ На осеннем стойбище кеты жили в землянках с осени до начала января. Охотники уходили на промысел, ежедневно возвращаясь к семьям или оставаясь ночевать в тайге во временном убежище (так называемая «малая ходьба»).

² Т.е. белку необычной расцветки, трехцветку.

³ Включенные в повествование стереотипы: «выйди наружу, за шалашом семь ступеней сделай», «сходи наружу, шесть соболей возьми, седьмого не трогай» — по своим функциям сходны с охотничьим заговором.

⁴ Сексуальная связь охотника и лесной женщины-кайгусь — условие промыслового успеха — распространенный сюжет в кетской, как и во многих иных мифологических традициях (ср. № 59, 63, 64, 66, 67).

⁵ Путь в иной мир, мир не-людей.

⁶ Этот мотив можно понять по-разному: как упущенное время и как нарушение наказа кайгусь не брать в чужой мир человеческую вещь (в своем посмертном инобытии человек, наоборот, должен быть окружен своими вещами).

№ 62

Рассказал по-русски в 1959 г. на оз. Мундуйское Ф.А.Серков. Зап. Е.А.Алексеенко. Публикуется впервые.

Вариант сюжета о кайгусь — лесной женщине и Уньгете (ср. № 61). Видимо, текст имеет более позднее происхождение: место белки-кайгусь здесь занял соболю, мотив брачной связи охотника и кайгусь выражен менее четко.

¹ Т.е. соболя необычной, редкой расцветки, трехцветку.

² Любовная игра здесь и в других аналогичных текстах передана как состязание. Проигравший подчиняется воле победившего.

№ 63

Рассказал по-русски в 1972 г. в пос. Суломай П.Н.Каменских. Зап. Е.А.Алексеенко. Публикуется впервые.

В виде самостоятельного рассказа здесь представлен сюжет, известный как составная часть цикла о кайгусь (см. № 60–62, а также вариант, записанный А.П.Дульзоном от О.В.Тыгановой [9, № 53, с. 169–171])

В устах П.Н.Каменских сюжет обретает реалистичность и конкретность: «Бунеев мужик жил с двумя бабами», «Толстых здешние — их родственники» (см. также № 61). Вместе с тем присутствует характерный для сказителя мотив магического наказания за зло: «Те люди сами себя портили. идут, видят впереди чумы, а дойти до них не могут»

№ 64

Рассказала в 1972 г. в пос. Суломай О.В.Тыганова. Зап. и пер. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

По свидетельству сказительницы, это произведение раньше исполнялось как песня. По своей семантике оно перекликается с заговором. Интересно также перенесение социальных норм человеческого коллектива на мифологическую канву (родовая принадлежность кайгусей).

¹ Здесь имеет место мотив магического воздействия музыки, звука.

² Человек кэтэ — Толстых, русская фамилия подкаменнотунгусских кетов из экзогамной половины Кэнтаан

³ Богдейгет (Богдей) — человек из экзогамной половины Богдеденг. Из текста следует, что кайгуси, как и люди, имеют аналогичную родовую принадлежность.

⁴ Волк — подставное название соболя, о котором сказительница сказала, что он — «собака» кайгусь.

⁵ Иносказательно: привораживаешь.

⁶ Иносказательно: кайгусь-Богдей дала согласие стать женой человека из рода Кэнтаан (см. также примеч. 3 к № 57).

№ 65

Рассказала О.В.Тыганова. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [9, № 60, с. 193–195]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

Дочь старика Ириса оказывается у кайгуся-медведя (ср.: «Мы в берлоге внутри зимовали») и сама превращается в «шерстистую женщину». Дочь просит родителей не плакать по ней и обещает, что у них всегда будет вдоволь еды (ср. с аналогичным хантыйским преданием о девушке и лесном духе [68, № 63, с. 184]). Распространенный во многих мифологических традициях (в том числе и америндейских) сюжет [35].

¹ Т.е. утянет в свой мир.

² Букв. «наше нутро оттает».

№ 66

Рассказал по-русски в 1972 г. в пос. Суломай П.Н.Каменских. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Исполнитель определил жанр повествования об ульгусе (водяном) как «говёр» (а не «сказка»), подчеркивая этим его большую достоверность. Он сообщил, что

слышал этот говор от своего отца и бабушки, и датировал действие временем «лет двести назад», так как «уже самоловами стали заниматься» (самолов — орудие рыбной ловли, появившееся у кетов под воздействием русской культуры)

Дочка старика и старухи попадает в водяной мир к ульгусю и его магери (Улемам — хозяйка реки), становится женой водяного Старикам за это воздается богатыми уловами. Текст содержит сентенцию, восходящую к промысловым предписаниям («Вы теперь рыбу хорошо добывать будете. Жесткие рыбы кости в реку сыпьте, мягкими собак кормите»). Близкий мотив встречается у хантов (но там речь идет о лесном духе и девушке) [68, № 63, с. 184].

¹ Т.е. вниз по реке на лодке плывет.

² Под «жесткими костями» подразумеваются основные кости скелета рыбы. Его целостность считалась необходимым условием для возрождения добытой рыбы, и потому их надо было собирать и «ссыпать» в реку.

№ 67

Рассказала О.В.Тыганова. Зап. и подстр. пер. М.Н.Валл опубл. [7, № 114, с. 116–117]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

Второй вариант сюжета об ульгусе-водяном (см. № 66), но с большими сюжетными и художественными подробностями и иной сентенцией.

Родителям девушки предлагается не плакать и не тосковать по дочери. В отличие от варианта П.Н.Каменских, старикам здесь воздается не только хорошими уловами, но и удачей в охотничьем промысле

¹ В оригинале *аськет*.

№ 68

Рассказала в пос. Сумароково З.Х.Бальдина. Зап. и подстр. пер. Р.С.Гайер опубл. [14, с. 34] под названием «Девушка и водяной леший».

В этом названии обнаруживается переосмысление традиционного кетского персонажа под влиянием русской мифологии. Видимо, название дано по инициативе самой рассказчицы. Ее же творчеством, похоже, является сентенция: «Тайге и воде нравятся хорошо живущие люди. Вы много пьете, потом сильно ругаетесь, поэтому вам рыба не попадается».

¹ В оригинале *ульгит* — букв. «водяной человек».

² В оригинале *аськет*.

№ 69

Рассказала в 1979 г. А.А.Максунова. Зап. и подстр. пер. В.Г.Шабаева опубл. [14, с. 71–73].

Сюжет в других вариантах не встречается; имеет характер бытового рассказа, но в кетском оригинале текст обозначен как «аськет» и назван «Сказка о медведе».

№ 70

Рассказала по-русски в 1972 г. О.В.Тыганова. Зап. З.Л.Пугач. Публикуется впервые.

Сходные мотивы в сюжетах о вскормленных людьми медведях известны у хантов [66. № 78, с. 59; 68. № 98, с. 254].

¹ По объяснению рассказчицы, лечить медведя могут только особые шаманы, духом-помощником которых был кайгусь-медведь. Возможно, имелось в виду тяжелое заболевание (множество ран), так как по более простому поводу медведь-выкормыш обращался за помощью к людям (ср. № 71, 72).

² Защитные доспехи — ошейник, браслеты, опояска из листовой меди, которые люди якобы надевали на медведя, отпуская его в лес (см. примеч. 2 к № 72).

№ 71

Рассказал по-русски в мае 1960 г. на оз. Някольда О.А.Дорожкин Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

№ 72

Рассказал по-русски в 1960 г. на оз. Някольда О.А.Дорожкин. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

¹ Согласно мифологическим представлениям кетов, в образе убитого медведя к людям в гости является умерший родственник. Гадая отрубленной лапой (подбрасывая ее на месте добычи), «узнавали», кто именно пришел, сколько дней он хочет гостить, что предпочитает из угощений и т.д. [23; 34; 61]. В данном случае полученная при гадании информация выходит за круг этих вопросов.

² Среди культовых предметов у кетов встречаются фигурки медведя из дерева с украшениями-доспехами из листовой меди в виде ошейника, браслетов, пояса (см. [30, с. 175, рис. 6а]).

№ 73

Рассказала по-русски в 1960 г. на оз. Някольда А.Н.Тапкова. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые

Из цикла «рассказы о медведях»; текст имеет характер нравоучительной информации о взаимоотношениях человека и медведя.

¹ Старик — одно из многочисленных эвфемистических названий медведя

№ 74

Рассказал Н.Н.Тыганов. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [2, № 2, с. 146–147]. Издан под названием «Осенью два охотника пошли белковать».

Вариант текста записан составителем от Б.А.Бердниковой [12, с. 176–177].

№ 75

Рассказала О.В.Тыганова. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [7, № 72, с. 79–80]. В кетском оригинале текст обозначен как «аська». Издан под названием «Рассказ про сироту старуху Хальк».

¹ Имеется в виду верховье какой-то реки, где располагались охотничьи угодья.

² По воде, на лодке.

³ Родовые этнонимы, характерные для подкаменнотунгусской группы кетов. Возможно, здесь речь идет о родовых тамгах, которыми убившие поместили свою добычу.

№ 76

Рассказала в 1956 г. Т.Х.Бурова (Бальдина). Зап. и пер. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Вариант сюжета записан составителем в 1956 г. от М.Д.Коротких [12, с. 177], см. также текст, записанный А.П.Дульзоном от Н.Н.Тыганова [2, № 1, с. 145–146].

Рассказ о девушке-сироте, обиженной людьми и ставшей впоследствии шаманкой.

№ 77

Рассказал в 1956 г. М.Д.Коротких. Зап. и пер. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Повествование из цикла «про сироту» с характерной для этой категории сюжетов сентенцией-концовкой (ср. № 76, 80).

¹ Досл. «руки».

№ 78

Рассказала О.В.Тыганова. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [7, № 78, с. 90–92]. В кетском оригинале текст обозначен как «аська».

Рассказ о невестке, зарытой в землю родственниками мужа после его смерти и вернувшейся к родителям с помощью выкормленного когда-то ими медведя-кайгуса (ср. № 77). Текст отражает также реальные связи в семейно-брачной сфере между елогуйской и подкаменнотунгусской группами кетов.

¹ Имеется в виду Хоседам — хозяйка мира мертвых.

² В космологических представлениях кетов земля, где живут люди, — средний мир вселенной.

³ Имеются в виду браслеты, которые были у выращенного медведя.

№ 79

Рассказала О.В.Тыганова. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [7, № 74, с. 82–83]. В кетском оригинале текст обозначен как «аська».

Бытовой сюжет о ленивой невестке, оставленной за лень людьми в тайге и возвратившейся к ним после того, как, пройдя ряд испытаний, стала другим человеком. Вариант сюжета записан составителем в 1961 г. от К.Х.Бальдиной (№ 80).

¹ Т.е. перекочевывают. В конце зимнего охотничьего сезона семья или семейно-родственная группа устраивала длительную стоянку (весновку). С образованием наста группа начинала обратный переход к месту осеовки, во время которого

останавливалась только на ночевки и в ожидании утренних заморозков, когда подтаявший снег становился твердым.

² На «верхнем», т.е. расположенном выше по течению реки (в оригинале — «переднем»; перевод отражает синонимичность этих понятий), конце кетского стойбища находилось жилище социально наиболее значимого в группе лица — уважаемого старика (старухи), шамана или бангос, обладающего даром предвидения.

³ Березовый нарост использовался в качестве трута, его перевозили на нартах в тлеющем состоянии.

⁴ Рассказчица назвала синов человекообразными существами, которые лазают по березам. Ср., однако, текст № 88: встретившийся герою лесной кайгусь предлагает ему сделаться товарищами, обменявшись лыжами; у кайгуса лыжи подшиты шкурой синов. Возможно, сины — мифологический образ бобров. Они были истреблены к XVIII в., но известно, что раньше их было так много, что кеты использовали их шкуру в качестве подволоки своих зимних лыж.

⁵ В оригинале *аська*.

№ 80

Рассказала в 1961 г. в пос. Келлог К.Х.Бальдина. Зап. и пер. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Вариант сюжета о ленивой женщине (см № 79).

¹ Изготовление лыж у кетов — мужское занятие; женской обязанностью были обработка камусов и шивание их в одно полотнище, которым оклеивали зимние лыжи.

² Т.е. «не забывайте рассказывать».

№ 81

Рассказала в 1961 г. в пос. Келлог К.Х.Бальдина. Зап. и пер. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Текст выражает народную этику семейных отношений, в частности поведенческие нормы молодой женщины в семье мужа. Из-за подстрекательства своих сестер женщина не выполняет обязательных бытовых предписаний и этим лишает своего мужа промысловой удачи. В концовке прямо формулируется функция текста — передача опыта молодому поколению.

¹ Кайгусь-кет — человек (мужчина), имеющий удачу (фарт); удачливый человек (ср. представления о кайгусе в № 56–64).

² После месячных женщина обязательно окуривала над огнем («очищала») свою одежду и постельные принадлежности.

³ Представление об отрицательном воздействии «нечистоты», связанной с особенностями женской физиологии. Женщина отказалась от ритуального очищения после месячных, и ее муж лишился охотничьей удачи.

⁴ Так извещали о неудачной охоте.

⁵ Т.е. с матерью мужа.

№ 82

Рассказал по-русски в 1972 г. П.Н.Каменских. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Рассказ мифологического происхождения об обиженном огне, потребовавшем (в представлениях кетов огонь — женский образ) человеческую жертву. Аналогичный миф-сказка известен у хантов [66, № 195 и 196, с. 176; 68, № 54, с. 180].

П.Н.Каменских намеренно выделил жанр своего повествования словом «говёр», подчеркивая его большую, чем у сказки, реалистичность. Это связано с долгое время сохранявшимися представлениями и ритуалом, обусловленными культом огня — семейного и родового охранителя.

¹ В этнографических информациях огонь обычно именуется Бокам (кет. *ам* — «мать») — Мать-Огонь; ср. Бангам (Мать-Земля), Улемам (Мать-Вода).

№ 83

Рассказала в 1956 г. в пос. Келлог Т.Х.Бурова (Бальдина). Зап. и пер. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Вариант этого сюжета был также записан А.П.Дульзоном от Н.Н.Тыганова из пос. Елогуй [2, № 3, с. 147–148].

Бытовой рассказ-поучение с сентенцией-концовкой, выражающей народные промысловые представления.

№ 84

Рассказала Т.Н.Серкова. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубли. [2, № 26, с. 177–178].

Текст выражает одно из промысловых предписаний — тщательно очищать (объедать) кости употребляемого в пищу животного, что в конечном счете объясняется такими реальными факторами, как пищевая экология, народная гигиена (в символическом плане здесь, видимо, имеет место проявление представлений о возрождении добытых животных, если люди соблюдают необходимые условия). Интересно переосмысление образа кайгусь — в переводе исполнительницы она названа «чертовкой» (в оригинале: лютысь).

Вариант этой сказки, где вместо кайгусь действует двузубая доотэм бам, явившаяся сначала в облике белки, а потом жены младшего брата, записан составителем в 1972 г. от П.Н.Каменских (см. № 90).

№ 85

Рассказала в пос. Верещагино У.К.Дибикова. Зап. и подстр. пер. Э.И.Белимова опубли. [14, с. 49].

Вариант под названием «Филин» записан А.П. Дульзоном от сымской кетки Т.С.Латиковой; см. ниже, № 86.

Текст из цикла «охотничьих рассказов» с прозрачной сентенцией — не бояться тайги, таежных животных и птиц.

¹ Яма в снегу — временное убежище при ночевке в тайге далеко от стойбища.

² Т.е. охотник, жертвуя огню соболей, просит о защите от злых духов.

№ 86

Рассказала в пос. Ярцево Т.П.Савенкова. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубли. [6, № 34, с. 109].

Вариант № 85.

¹ В переводе рассказчика — «чёрт» и «чёрт-крикун».

№ 87

Рассказал П.М.Дибиков. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [6, № 21, с. 61–63].

Повествование из цикла «охотничьих рассказов»; характерно, что рассказчик особо выделил его жанр как «асага» (усл. «бывальщина»). Сюжет рассказа составляет встреча двух охотников с представителем мира не-людей — карликом; основная идея — призыв лояльно (в данном случае — с доверием) относиться к этому миру, соседствующему с человеческим коллективом.

¹ Букв. «маленький, из маленького народа» (ср. № 92).

№ 88

Рассказала О.В.Тыганова. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [7, № 83, с. 100–101]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

В 1972 г. от той же сказительницы более короткий вариант текста был записан составителем (не опубликовано). А.П.Дульзон записал этот же рассказ от П.М.Дибикова из Пакулихи [6, № 20, с. 59–61].

Повествование из цикла «охотничьих рассказов» о встрече с представителем мира не-людей; идея та же, что и в № 87.

¹ В двух других упомянутых записях имя героя не названо.

² Стелька из плотной бересты, приклеенная на грузовой площадке лыжи, где ставят ногу.

³ В двух других записях персонаж именуется «человек», «человек без головы».

⁴ Возможно, имеется в виду подволока лыж из шкуры бобров. Звери были истреблены еще в XVIII в., но память о лыжах, оклеенных шкурой бобра, сохранилась. Об этом имеется этнографическая информация.

⁵ Т.е. в невидимый рядовым людям мир кайгусей.

№ 89

Рассказал по-русски в 1972 г. П.Н.Каменских. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

От этого же информанта сходный текст был записан Э.И.Белимовым и опубликован под названием «Баба-яга» (в оригинале «Доотамбам») [14, с. 45].

Идея повествования — не бояться и доверительно относиться к представителям чужого мира не-людей (см. также № 87, 88).

№ 90

Рассказал по-русски в 1972 г. П.Н.Каменских. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Сюжет повествования — встреча двух братьев-охотников с доотэм бам; идея — взаимоотношения человека с миром не-людей. Злокозненная доотэм бам приняла образ жены одного из охотников; более опытный старший брат распозна-

ет доотэм бам и убивает ее, а младший брат поддается на обман и погибает. Ср. также № 84.

¹ Конечный абзац — этнографическая информация, добавленная рассказчиком о главном персонаже повествования, мифологической злокозненной доотэм бам, и о запрете шуметь на промысле, поскольку населяющие лес звери и мифологические существа очень чутки. Чтобы не привлечь их внимание звяканьем дужки котла, ее снимали (при сватовстве дужку котла, в котором в чум родителей невесты приносили подарки — пушину, платки и др., — заменяли плетеной косичкой; возможно, это делалось тоже для того, чтобы не привлечь в этот важный момент свадебного ритуала злых духов).

№ 91

Рассказал М.М.Дибиков. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [6, № 19, с. 57–59]. В кетском оригинале текст обозначен как «асага».

Пересказ сюжета опубликован Р.В.Николаевым [71, с. 126]. В 1959 г. в с. Турханск от В.С.Дорожкиной составителем записан еще один вариант (не опубликовано). В нем действие происходит на р. Сургутиха (у Р.В. Николаева — на ее притоке, Мангутихе). Сургутихинские кеты с гибелью мифического женского персонажа связывают место старого мольбища — холай, находившееся на левом берегу, в низовье Сургутихи, недалеко от одноименного поселка.

№ 92

Рассказала в 1979 г. в пос. Верещагино З.Н.Дибикова. Зап. и подстр. пер. Э.И.Белимова опубл. [14, с. 67–69].

В отличие от предыдущего текста, который охарактеризован сказителем как «асага» и варианты которого к тому же имеют конкретную локализацию, этот текст несет черты архаической сказки и в оригинале обозначен как «аськет» (опубликован под названием «Сказка про великанов»).

Герой сказки — младший сын старика и старухи, — заблудившись, попадает к великанам, которые живут по подобию людей, и со временем заводит там семью. Великаны не могут жить среди обычных людей, и герой возвращается к родителям один, без жены и дочери.

¹ Букв. «большой», «из большого народа» (ср. № 87 о встрече с представителем «маленького народа»).

² У кетов были детские головные уборы из шкуры, снятой чулком с головы олененка. На ней оставляли уши; в отверстия на месте глаз вшивали лоскуты из цветного сукна.

³ Национальная игра, в которой участвующие старались отнять у водящего *куль* (*хуль*) — деревянную чурку длиной в ладонь человека. Информантка назвала развлечение «игра в мяч».

№ 93

Рассказала М.Хозова. Зап. и подстр. пер. Н.К.Каргера опубл. [8, с. 237–238] под названием «Сказка».

Одна из наиболее ранних записей рассказов о доотетах, выражающих активную позицию человека по отношению к этому злокозненному персонажу.

¹ Букв. «отцы». — *Примеч. Н.К.Каргера.*

² «Злой дух-женщина (старуха). Имеет человеческий образ, живет в лесу с семьей». — *Примеч. Н.К.Каргера.*

³ Букв. «матери». — *Примеч. Н.К.Каргера.*

⁴ «Выражение для обозначения отсутствия кого-либо». — *Примеч. Н.К.Каргера.*

⁵ Марамчанка (местн.) — корень лекарственной травы (аконит маньчж.), популярное лечебное средство.

№ 94

Рассказала по-русски в 1972 г. в пос. Суломая О.В.Тыганова. Зап. Е.А.Алексенко. Публикуется впервые.

Единственный известный пример сексуальной тематики в кетском фольклоре.

№ 95

Рассказала В.С.Дорожкина из пос. Сургутиха. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [3, с. 153–157].

Текст представляет собой пример мифологической идеализации героя-предка, выступающего как кормилец, обеспечивающий своих людей пищей, как воин-защитник и как человек, обладающий шаманским даром и магическими способностями. Наличие у героя черемухового посоха (кет. *бальн* — «черемуха») и железных доспехов, а также вторая часть повествования, включающая мотив борьбы с юраками, связывают этот текст с циклом преданий о Бальне (№ 96, 99 и др.), хотя само его имя не названо. Исторически и по данным фольклора известно, что у кетов глава (старшина, вождь) стойбища, объединявшего родственные семьи, совмещал хозяйственные, военные и идеологические функции.

¹ Кайгусем здесь именуется глава стойбища из семи семей (семь чумов), который своей игрой на варгане магически привлекал рыб, птиц, зверей, легко добывал их (с помощью черемухового посоха) и обеспечивал своих людей пищей.

² В оригинале *лымьль* — варган.

³ Для кетской традиции характерен запрет убивать лебедей.

⁴ Здесь — с севера.

⁵ Букв. «лебединая трава».

⁶ Припадок безумия, эксплицирующий богатырский экстаз и предшествующий становлению шамана.

⁷ Герой и его люди превращаются в камни; обычно подразумеваются каменные гряды и кряжи, расположенные за пределами расселения кетов.

№ 96

Рассказал в 1956 г. в пос. Келлог Ф.А.Бальдин. Зап. и пер. Е.А.Алексенко. Публикуется впервые.

Аналогичный текст записан в 1970 г. Э.И.Белимовым от Л.П.Тыгановой в пос. Суломая [14, с. 42–43]. В качестве составной части этот сюжет входит в тексты о Бальне, записанные А.П.Дульзоном от Ф.Н.Ламбина [2, № 6, с. 153–155] и М.М.Дибикова [6, № 16, с. 49–51]. См. также № 97.

Один из наиболее распространенных сюжетов героических преданий, где главными персонажами являются Бальна (ср. селькуп. Пальна) и его братья. Врагами братьев выступают эвенки; кеты противопоставляют им свою хитрость и ловкость и побеждают. Особо выделен мотив преследования безоружным младшим братом Белегыном вооруженного эвенка

¹ Т.е. чум, в котором в качестве опорных шестов использовано оружие. Ср. «Пять братьев Бальны чум сделали, военный чум сделали: снаружи каждая прилавка — пальма́, внутри каждая олатина — пальма́» [6, с. 49].

² Кеты объясняли, что таким образом можно приобщиться к силе и храбрости врага (ср. представление: проглотить глаза убитого медведя — приобрести его зоркость); см. об этом у К Доннера [89, с. 82].

№ 97

Рассказал по-русски в 1960 г. в пос. Келлог Ф.А.Бальдин. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Текст представляет собой пересказ нескольких основных сюжетов цикла о Бальне и его братьях: об обмане эвенков во время угощения и о преследовании безоружным Белегыном вооруженного пальмой эвенка, а также включает темы, относящиеся к преданиям о столкновениях кетов с «низовскими людьми» (ненцами), известным в качестве самостоятельных повествований (ср. № 102 и 104).

¹ Т.е. в верхнем течении.

² Т.е. в низовья, на Север.

³ Рассказчик — елогуйский житель; факторией он назвал место будущего пос. Келлог.

⁴ Т.е. еще не имел военного облачения. Ср. эпизод о малолетнем брате вождя, которого по ошибке убили свои же остяцкие воины (№ 104).

№ 98

Рассказал в 1958 г. В.П.Дорожкин на р. Сургутиха. Зап. и пер. Е.А.Алексеевко. Опул. [12, с. 181–182].

Сюжет предания — мирные и конфликтные отношения кетов с эвенками. Бальна и его брат Тогот (известный также как Тогет, Тогыт, Тогета) идут к эвенкам навестить младшего брата — Белегына, женатого на их женщине. Из-за вероломства эвенков-родственников возникает военное столкновение, в котором побеждают кеты.

№ 99

Рассказал Ф.Н.Ламбин. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [2, № 5, с. 150–152]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

Является составной частью предания о Бальне, записанного А.П.Дульзоном от В.С.Дорожкиной (см. № 100), в котором присутствует мотив погони Белегына, брата Бальны, за эвенком, вооруженным рогатиной (см. № 96, 97). Как самостоятельный сюжет записан составителем в 1956 г. от Ф.А.Бальдина в пос. Келлог (не опубликовано).

¹ В вариантах называется конкретное место действия: реки Пакулиха и Сургутиха, «против Алинского».

² В тексте В.С.Дорожкиной (№ 100) одна жена Белегына, старшая, — кетка, другая — эвенкийка.

³ Букв. «к дедушкам»; классификационное название мужчин, старших родственников и свойственников.

⁴ Звук от удара тетивы о стрелу.

⁵ Жена Бальны (в варианте В.С.Дорожкиной обе жены — Бальны и Тогета) воюет, давая раненому мужу окрепнуть.

⁶ «Когда от ушков стрел снег будет отваливаться» — образная временная характеристика: время, требуемое для того, чтобы на ушках стрел налипло столько снега, что он начинал обваливаться.

⁷ В оригинале *аськет*.

№ 100

Рассказала В.С.Дорожкина. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [3, с. 165–171].

Текст ярко отражает осознание кетами своего культурного сходства с пешими селькупам в противоположность оленным тунгусам и юракам.

¹ Возможно, речь идет о том, что кровь убитого сильного врага надо обязательно собрать, не допуская, чтобы она «ушла в землю», а затем отблагодарить духов (в том числе и духов воды) жертвой — кроплением крови. Ночью тунгусы не смогли бы собрать кровь и оставили ритуал поедания сердца до утра.

№ 101

Рассказала О.В.Тыганова. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [7, № 76, с. 86–88]. В кетском оригинале текст обозначен как «аська».

¹ Возможно, здесь имеет место неточность: из контекста далее видно, что эвенкийская мать с сыном должны жить не в низовье («на устье»), а где-то в верхнем течении Подкаменной Тунгуски; см. ниже: «Эвенки начали спускаться по Подкаменной Тунгуске на оленях».

² Потушенный очаг — образ разрушенной семьи, погибшего рода.

³ При зимних охотничьих перекочевках семьи самым тяжелым было прокладывание дороги в глубоком снегу и перетаскивание груза на ручных нартах.

⁴ «Вёрхом» — здесь «высоким местом, берегом».

⁵ Т.е. в низовье.

⁶ Т.е. реальные птицы (в отличие от птиц — духов, помощников шамана).

№ 102

Рассказал М.М.Дибиков. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [6, № 15, с. 45–49].

Широко известный в прошлом сюжет героического цикла, один из наиболее сохранившихся образцов художественного творчества кетов. Текст отличают образные сравнения, метафоры. Ср. также № 97 и 104.

¹ Образ большого стойбища кетов.

² «Становая дорога» — расстояние между двумя стоянками в кочевье.

³ Художественное свидетельство многочисленности прошедших по дороге кетов.

⁴ Чтобы в бою различать своих, юраки (ненцы) надели жгуты из белого подшейного волоса оленя (см. № 104). Но, может быть, в фольклоре кетов нашла образное выражение другая отличительная особенность чужой им оленеводческой культуры: капюшоны на глухой одежде ненцев по краю обшиты белым песцовым мехом; спущенный с головы капюшон образует на шее человека своего рода белое боа (устное сообщение Л.В.Хомич).

⁵ Женские нарты у кетов были большего размера, чем мужские, поскольку предназначались для транспортировки в кочевье большого объема груза — семейное имущество, продукты, малолетние дети. Выражение «остяцкой тетивы набралась полная женская нарта, а юрацкой тетивы набралась полная мужская нарта» означает, что в сражении остяков погибло больше, чем юраков.

⁶ Подошва в камусной обуви ненцев была из шкуры со лба оленя, чаще всего — светлая; подошва в кетской обуви была из шкуры с ног оленя — темных тонов.

⁷ Букв. «в безлесную землю».

№ 103

Рассказала по-русски в 1960 г. К.Х.Бальдина. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

¹ Букв. «спрашивать стали» Камлание в «темном чуме» — вид культового действия, своего рода спиритический сеанс.

² Отличительные черты иноплеменника, вообще «чужого» — иная одежда, особое произношение.

³ Человек приходил за кетским скребком — мотив, широко распространенный в героических сказаниях кетов (ср. № 97, 102)

№ 104

Рассказала О.В.Тыганова Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [7, № 84, с. 101–103]. В кетском оригинале текст обозначен как «аська».

Более короткий вариант под названием «Большое войско людей осеневали» от Т.Г.Толстых записала и перевела В.С.Бибикова [7, № 225, с. 165]. Часть предания (сюжет о чужом человеке в чуме) записана как самостоятельное произведение составителем от К.Х.Бальдиной (см. № 103). Мотив о младшем брате вожака, который, невзирая на запреты и уговоры, участвовал в сражении и был убит своими же людьми, присутствует в одном из преданий цикла о Бальне (см. № 97). Текст содержит сведения о военной организации кетов.

¹ Вид культового действия, так называемое камлание в «темном чуме».

² В оригинале *бакари* — обувь, сшитая целиком из камусов, характерная для оленеводческих соседей кетов — ненцев, энцев.

³ В версии Т.Г.Толстых имя младшего брата вождя Айгит [7, с. 165].

⁴ Т.е. с белыми жгутами вокруг шеи; см. № 102, примеч. 4.

⁵ Стрелы раньше метили тамгами, но, возможно, здесь речь идет об отличии кетских наконечников от ненецких.

⁶ Кровь брата, слизанная вожаком со стрелы, извлеченной из его груди [7, с. 165].

⁷ Букв. «за его тело цену взыщет».

⁸ В оригинале *аськет*, хотя в названии предания рассказчица употребила слово *аська*.

№ 105

Рассказал в 1958 г. на оз. Мундуйское Ф.Н.Ламбин. Зап. и пер. Е.А.Алексенко. Публикуется впервые.

Вариант текста от того же сказителя записал и перевел А.П.Дульзон [2, № 8, с. 160–162] Еще одна версия записана от К.Х.Бальдиной в 1960 г. и переведена составителем (не опубликовано).

¹ Обороты «не знаю когда», «не знай» рассказчик произносил по-русски.

² Здесь: северные соседи кетов — ненцы, энцы.

³ Достаточно необычный способ выпытать сведения, причиняя боль (прижигая руку горячей берестой) себе, а не тому, от кого зависит исполнение желаемого. Нюням предпочитает испытание болью себя, а не своей матери. Ср. мотив прижигания руки берестой с целью добиться правды в преданиях о Сясенгусе (№ 106, 107).

⁴ Древко сложного лука было из двух склеенных половин — березовой и лиственничной крени.

⁵ Фольклорные реминисценции кузнечного мастерства кетов (ср. также мотив «остяцкого скребка» — № 97, 102, 104).

⁶ В неопубликованном варианте, записанном от К.Х.Бальдиной, стрелы героя попадают в чум стариков. Он идет туда свататься, но узнает, что девушку увели «низовские». Мстить последним Нюням помогает русский.

⁷ Фольклорно-мифологический образ ловкого героя, не позволяющего врагу сразить его выстрелом из лука.

⁸ Букв. «за отца цену взял». В тексте, записанном от Ф.Н.Ламбина А.П.Дульзоном, вернувшийся сын оживляет умершую от горя мать [2, с. 162].

№ 106

Рассказала В.С.Дорожкина. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубли. [3, с. 195–207]. В кетском оригинале текст обозначен как «каль аськет».

«Военные сказки», где сын (Сясинкус, Сясенгус) мстит за убитого отца или за уведенную врагом в жены мать, близки по мотивам, образам и деталям к циклу о Нюняме (№ 105): испытание горячей берестой, многократное изготовление луков и др. Отличает их мотив добывания героем жены себе и братьям матери (в варианте № 105 о Нюняме этот мотив только намечен). Для сюжетов с Сясинкусом характерен образ женщины, колющей дрова.

¹ Т.е. сделала лук из одной — березовой — части.

² Художественный стереотип, возможно восходящий к обычаю зашивать пуповину девочки в игольницу (см. примеч. 8 к № 60), которую она после свадьбы брала с собой в дом мужа. Герой велит женщине вернуться в жилище ее похитителя-юрака и забрать игольницу.

³ Особенность оленеводческой культуры, характерной для ненцев и энцев.

⁴ Т.е. на место жены.

№ 107

Рассказал по-русски в 1960 г. на оз. Налимье О.А.Дорожкин. Зап. Е.А.Алексеенко. Публикуется впервые.

Вариант предания о Сясинкусе (№ 106), где герой мстит за отца, возвращает уведенную врагом мать и обретает себе жену. Мотив о луках отсутствует; новым здесь является мотив плачущего ребенка и перерезанной тетивы.

№ 108

Рассказала В.С.Дорожкина. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [3, с. 207–215]. В кетском оригинале текст обозначен как «каль аськет».

Текст, близкий по основным мотивам и образам к сюжетам о Нюняме и Сясинкусе—Сясенгусе (№ 105–107). Герой — Силеке — остается сиротой, выпытывает у родственников сведения о своих родителях, заставляет изготовить железный лук и в железных доспехах отца уходит мстить. Исполняет свой долг, одновременно добывая себе жену. Присутствуют уже известные мотивы: женщина с топором, ее возвращение за игольницей. Специфична концовка: сын убивает свою мать, невзирая на объяснения, что женой врага она стала не по своей воле, а насильно.

¹ Топоры, ножи и другие кузнечные изделия кетской работы высоко ценились на Енисейском Севере.

² Метафора, содержанием которой является временная характеристика.

³ В оригинале *Делесьтехунь* (Делесь — «Кровавое небо», «Кровавый бог»; хунь — «дочь») — персонаж кетского пантеона, ведающий войной, военными столкновениями.

№ 109

Рассказала в пос. Суломай Т.Г.Голстых. Зап. и подстр. пер. Е.А.Крейновича опубл. [60, с. 231–235]. В публикации Е.А.Крейновича текст назван «Кетское предание об одном из их сражений с юраками».

Две версии этого предания, записанные Г.Финдейзенем, опубликованы в обработке Э.Леви и А.Йоки [15, с. 125–135], а также в собственной транскрипции и переводе на русский А.П.Дульзоном [7, № 245, с. 194–198]. Еще один вариант, полученный от В.С.Дорожкиной (Сургутиха), А.П.Дульзон опубликовал под названием «Мать Боля» [3, с. 171–175].

Широко распространенный сюжет о мести врагам-юракам; отдельные мотивы и стереотипы присутствуют во многих текстах героического (военного) цикла.

¹ Подстилка из выделанной заячьей шкуры. На дно колыбели помещали «пеленку» из согнутого листа бересты, на которую насыпали труху из гнилушки. Поверх трухи укладывали заячью шкуру так, чтобы тельце ребенка выше поясницы находилось на ней, а не на трухе. Сверху ребенка накрывали еще одной берестяной пеленкой. — По примеч. Е.А.Крейновича [60, с. 235].

² «Имеются в виду следы топора, глубоко всаженного в дерево, что имеет место при колке дров мужчиной». — *Примеч. Е.А.Крейновича.*

³ «У вождей на луке имелся колокольчик, а также на пальмэ, чтобы их никто не трогал». — *Примеч. Е.А.Крейновича.*

⁴ Лук должен был находиться в «чистой» (за очагом), «передней» части жилища.

⁵ В примечании Е.А.Крейновича сказано, что метафора, переведенная как «половина обоих рукавов, о мой муж» (ср. в варианте А.П.Дульзона [3, с. 175] «с полрукавами — половина отвалилась — я мужа привела»), осталась не до конца ясной самой рассказчице — Т.Г.Толстых [60, с. 235]. Приведенная Е.А.Крейновичем лексика позволяет предположить, что выражение «пара рукавов» соответствует понятию «супруги» (единство двух людей), а «половина пары рукавов» — один из супругов (возможно, только муж); ср. русское выражение «моя половина» для одного из супругов.

⁶ Т.е. расправился, убил бы.

⁷ «Чтобы смерть принять, так как уже было поздно драться». — *Примеч. Е.А.Крейновича.*

№ 110

Рассказала О.В.Тыганова. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [7, № 81, с. 96–98]. В кетском оригинале текст обозначен как «аська».

Один из распространенных сюжетов о мести сына за убитого отца. В отличие от преданий о Нюняме, Сясенгусе и Силеке (№ 105–108), Бильгет вырос в семье врага, взявшего его мать себе в жены.

¹ Букв. «не как они сделана».

² Букв. «только глаза мелькали».

³ Бильгет просит мать запрячь оленей ее мужа-юрака. Юраки-ненцы пользовались санным оленним транспортом. Однако в тексте говорится, что Бильгет и его мать «вскочили на спины оленей, сели и поехали», т.е. воспользовались верховым способом езды. Верховое транспортное оленеводство было характерно для эвенков; оно зафиксировано как отдельные случаи и у кетов, имевших семейные связи с эвенками.

⁴ «Хоседам съела» — т.е. человек умер. В мифологических представлениях Хоседам — хозяйка стороны, куда уходят умершие, погубительница людей.

№ 111

Рассказала по-русски в 1960 г. на оз. Някольда А.Н.Тапкова. Зап. Е.А.Алексенко. Публикуется впервые.

Текст содержит краткий пересказ двух близких по сюжету (месть сына за отца) преданий.

¹ Шаманит.

№ 112

Рассказал П.Н.Каменских. Зап. и подстр. пер. Э.И.Белимова опубл. [14, с. 44]. В кетском оригинале текст обозначен как «каль аська» и опубликован под названием «Военный рассказ».

Текст выражает идею ловкости и смелости кетов, благодаря чему им удается победить более сильного противника.

№ 113

Рассказала О.В.Тыганова. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубли. [9, № 59, с. 190–192]. В кетском оригинале текст обозначен как «аська».

Этот же сюжет записан А.П.Дульзоном от П.Н.Каменских [7, № 87, с. 105–106] и Э.И.Белимовым от У.К.Дибиковой [14, с. 46–48].

Текст именуется «Про отца Ильгета», хотя главным героем является не он, а сам Ильгет. В противоположность матери и сестре, предавших и оскорбивших мужа и отца, Ильгет остается ему верен и спасает его от врага-соблазителя. В вариантах О.В.Тыгановой и П.Н.Каменских роль последнего отводится юраку-иноплеменнику, в версии У.К.Дибиковой это приписывается пришедшему «из леса» человеку. Разным оказывается и конец этой истории. В версиях сказительниц отец Ильгета убивает женщин (а у У.К.Дибиковой к тому же сразу обзаводится новой, молодой женой); П.Н.Каменских изобразил своего героя великодушным: на требования сына убить мать и сестру «он только ответил: „Успокойся, успокойся и молчи!“» [7, с. 106]. Близкий сюжет зафиксирован в селькупском фольклоре [6, № 49, с. 131–136].

¹ После рождения ребенка отца и мать звали не по их имени, а по имени ребенка, как в данном случае — отец Ильгета.

² Букв. «хорошо сделаны».

³ «Этим твоим носом ты не подумала» — кеты считали, что органом мышления является нос.

№ 114

Рассказал П.М.Дибиков. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубли. [6, № 22, с. 63–65]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

А.П.Дульзоном записаны и переведены еще два варианта «военной сказки»: от Н.М.Кукушкина (44 года) и М.В.Баякиной (20 лет); опубли. [6, №1, с. 13–15; № 24, с. 79–81]. М.В.Баякина — селькупка, и герой ее сказки не кет, а селькуп.

Публикуемый текст содержит реалистические этнографические детали.

¹ В варианте Н.М.Кукушкина землянка старика «военная» (укрепленная) — «землю засыпанная, полсажени земли насыпано» [6, с. 78]. О подобных землянках известно также из этнографических информаций селькупов и кетов.

² См. примеч. 1 к № 49.

³ В варианте Н.М.Кукушкина старик с женщинами переселяется из сгоревшей землянки в сделанный им «юрацкий» чум, т.е. чум, крытый не берестяными тисками, а оленьими шкурами.

⁴ Букв. «рот не видел». Концовка на манер русской сказки.

⁵ В оригинале *аськет*.

№ 115

Рассказала в 1960 г. К.Х.Бальдина. Зап. и пер. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Один из распространенных сюжетов о ловкости и хитроумии кетов, обеспечивающих им победу над численно превосходящим противником.

№ 116

Рассказал по-русски в мае 1960 г. на оз. Някольда В.П.Дорожкин. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Рассказ о ловком и храбром герое-богатыре, хитростью и силой победившем эвенков.

¹ Кора черемухи использовалась кетами вместо веревки.

² Имя Ологынтатсь переводится как «Бьющий куکش». Ср. № 97: изо рта убитого врага вылетает олан — птица кукша, сойка.

№ 117

Рассказала по-русски в 1960 г. на оз. Някольда А.Н.Тапкова. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Текст повествует о столкновении с селькупками — самодийско-язычными соседями кетов, исторически с ними связанными. Отношения кетов и селькупов в фольклоре обоих народов обычно выступают как мирные и союзнические в борьбе с общими врагами — эвенками и ненцами. Мотив военного столкновения из-за внезапного нападения на братьев, гостящих у сестры, которая вышла замуж за селькупа, хорошо известен по циклу о Бальне (см. № 99, 100), где кетам противостоят эвенки.

¹ Мотив спрятанного и оставшегося в живых после набега врагов ребенка известен в разных фольклорных традициях сибирских народов.

² *Кетó* — звательная форма от слова *кет* — «человек»; обращение мужчины к мужчине; на местах ныне распространено в качестве неправильного названия народа.

№ 118

Рассказала в 1979 г. в пос. Верещагино З.Н.Дибикова. Зап. и подстр. пер. Э.И.Белимова опубл. [14, с. 61–63]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

¹ В тексте реалистично представлен обряд сватовства. Котел с подарками — неперменный его атрибут. Возвращенный котел — знак отказа сватам (ср. также № 40).

² Букв. «своротилось».

³ Обласок — лодка-долбленка. В Туруханском регионе в этом значении чаще употребляется слово «ветка». В данном случае подчеркивается трудная жизнь женщины в семье мужа: не имея своей ручной нарты, она вынуждена перевозить ребенка в тяжелом обласке.

№ 119

Рассказала О.В.Тыганова. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [9, № 56, с. 178–182]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

Краткие варианты записаны А.П.Дульзоном от Н.Н.Тыганова на Елогуе [2, № 4, с. 148–149] и Г.К.Вернером в пос. Ворогово от сымской кетки Т.С.Латиновой [9, № 63, с. 206–207].

Публикуемый текст и оба его варианта — елогуйский и сымский повествуют о жизни сироты «у людей»; за кров и хлеб он вынужден исполнять самые трудные работы.

¹ Торговое посредничество в целом социально однородном кетском обществе было единичным явлением. Характерно, что сказительница понятие «богач» выразила русским словом «тольговый» (торговый).

² Мотив жилища со входом с берега реки или озера в кетском фольклоре более не встречается, но он широко представлен в устном творчестве селькупов и восточных хаңтов. С этим же регионом к западу от Енисея связывает и такая деталь, как берестяная лодка Тынея.

³ В оригинале *аськет*.

№ 120

Рассказала по-русски в 1972 г. в пос. Суломай О.В.Тыганова. Зап. Е.А.Алексеенко. Публикуется впервые.

Текст имеет черты народного исторического предания; типична идеализация действующих лиц — остяка Антона Бальбина и русского царя. Бальбины (Бальдины) — кетская фамилия; исконным местом жительства Бальдиных был бассейн Елогуя; контакты (в том числе и переселения) с подкаменнотунгусскими (суломайскими) кетами существовали с конца XVII в.

¹ В качестве соответствия русскому «царь» рассказчица использовала кетское *кан*.

² Это слово О.В.Тыганова не смогла объяснить; возможно, подразумевается «царек».

№ 121

Рассказала О.В.Тыганова Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубли. [9, № 57, с. 184–186].

Вяч.Вс.Иванов относит этот текст, равно как и другую его версию, записанную В.С.Бибиковой от А.И.Лямич (опубл. [7, № 113, с. 115–116]; см. ниже — № 123), к широко распространенному архаичному циклу мифов о разорителе гнезд [55, с. 132–143]. Им осуществлено детальное сопоставление этих двух вариантов кетского мифа и примыкающих к ним иных кетских текстов, а также реконструирована возможная исходная форма, обнаруживающая сходство с американскими индейскими мифами цикла о разорителе гнезда с орлятами.

¹ В оригинале *Каненг оксь* — букв. «дерево с бусами»; как и шаманский посох, оно символизировало связь верхнего и нижнего мира.

² Тетерев.

³ Вероятно, речь идет о шаманах категории *дадукс*, которые действовали в верхнем мире в образе оленя.

⁴ В оригинале *даг*. Даг (даго) — огромная мифическая птица с железными когтями, образ шаманской мифологии.

⁵ Лисичка — один из образов Каськета, в котором он продолжает свой путь.

⁶ *Тель* (кет.) — «мамонт»; рассказчица перевела как «акула». В представлениях кетов мамонт живет в воде, имеет длинный рог, который иногда вмораживает в лед. Женский образ, связанный, как и в других сибирских мифологических традициях,

с нижним миром [86, с. 96–97]. Ср., например, у хантов [66, № 150, с. 155; № 153, с. 156].

⁷ «Гармошкой» рассказчица назвала кат — струнно-смычковый инструмент.

⁸ Возможно, объяснение неожиданной трактовки (в переводе О.В.Тыгановой) образа «Тыльгет с лиственничкой» в женском роде («А она как играла...») следует искать в контексте представлений о женской персонификации центра земли как Пупка земли (*Бангтыль, Ильбангтыльтыгет*). В верхнем мире ему соответствует Пупок неба (Полярная звезда в зените). Лиственничка, шаманское дерево с бусами в таком случае являются осью, соединяющей эти центры мироздания.

⁹ Возможно, в оригинале ошибка и следует читать: «Тыльгет на гармошке играет... Каськет... орлу его глаз отдал». Не исключено, однако, что и Каськет, и лисичка, и Тыльгет — разные ипостаси одного и того же персонажа.

№ 122

Рассказал по-русски в 1960 г. на оз. Някольда П.И.Тапков. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Персонажи текста — Хыпь, Хунь, птица даго, мамонт тэль — позволяют связывать его происхождение с архаической мифологией. Хыпь и Хунь — известные герои космологических и шаманских мифов и сказок; даго (даг) — образ, связанный с верхним шаманским миром, тэль (тель) — с нижним.

В мотивах, образах и деталях обнаруживается сходство с текстами, записанными А.П.Дульзоном от О.В.Тыгановой (№ 121) и В.С.Бибиковой от А.И.Лямич (№ 123).

¹ Образ, связанный с сексуальной тематикой.

² В оригинале *кыныс кет* — «человек светлого мира», «кет».

³ В представлениях кетов береза — «чистое» дерево, опасное для литысей и других злокозненных существ. Спрятавшегося под березой литыся достигает небесная стрела (так кеты объясняют след от попавшей в дерево молнии). Аналогичный мотив встречается у хантов [66, № 139, с. 152].

№ 123

Рассказала А.И.Лямич. Зап. и подстр. пер. В.С.Бибиковой опубл. [7, № 113, с. 115–116]. В кетском оригинале текст обозначен как «аська» и издан под названием «Рассказ про мамонта».

Краткая версия текста о путешествии Каськета (№ 121) и Хыпь (№ 122) в верхний (орел), нижний (литыси) и водный (мамонт) миры.

¹ Лисичка, как и в № 121. — ипостась Каськета.

² Ср. с мотивом шаманского дерева в № 121. В рисунках на обечайке бубна у кетов знаком чума шамана могли служить изображения и посоха, и дерева [37, рис. 57, с. 60].

³ Ерш-рыба — ипостась мамонта тэль. Показательно, что в заглавии текста рассказчица употребила слово *тэль* и дала перевод «мамонт».

№ 124

Рассказала О.В.Тыганова. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [7, № 73, с. 80–81]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

Им же записан от А.П.Хозовой из пос. Сургутиха и опубликован вариант, где героем является не Каськет, а Культуська [6, № 6, с. 27–29]. В 1960 г. сказка о Культуське записана составителем от А.Н.Тапковой из Сургутихи (не опубликовано).

Каськет и Эрохот — распространенные персонажи цикла текстов мифологического характера. Типологический анализ В.Н.Топорова см. [83].

¹ Большой Енисей — кет. *Кэ улъс*; гидроним включает компонент *улъс* «река», характерный для мифологической лексики. Общераспространенное название Енисей — Кук. В современном кетском *улъс* употребляется в значении «большая река», «большой водоем» [41, с. 111].

² Букв. «шкурь».

№ 125

Рассказала А.П.Хозова. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубли. [6, № 5, с. 23–27]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

Вариант сказки под названием «Эруля и Тута» (ср. Тотаболь) записан Г.К.Вернером в 1965 г. от сымской кетки Т.С.Латиковой в пос. Ворогово [9, № 62, с. 205–206].

¹ В переводе рассказчицы — «земляные черти».

² В переводе рассказчицы — «баба-яга».

³ Т.е. Каськета и его брата.

⁴ Т.е. пригвоздила иглой.

№ 126

Рассказал И.П.Хозов. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубли. [6, № 26, с. 83–91]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

Сказка мифологического происхождения.

¹ Котел, повернувшийся (покачнувшийся) на утреннюю (восточную) сторону, — символ жизни, оживления, на западную — знак смерти, умирания (ср. № 3, 44, 41, 125).

² «Мать», «Большая мать», «Низовская мать» — названия-заместители табуированного собственного имени Хоседам. В шаманской мифологии Хоседам — мать символической жены шамана.

³ Мизгирь — ядовитый паук; слово употреблялось и в значении «малютка» [44, т. 2, с. 325].

⁴ Т.е. Хоседам.

⁵ В переводе рассказчика — «чёрт».

⁶ Букв. «топтать».

⁷ В оригинале *аськет*.

№ 127

Рассказала О.В.Тыганова. Зап. и подстр. пер. М.М.Костякова опубли. [14, с. 75–77]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

¹ «Впереди» — ближе к «передней», «чистой» части жилища за очагом; место расположения мужчин.

² «Сзади» — ближе к «задней», между входом и очагом, части жилища; место расположения женщин, хозяйственное место.

³ Спонтанный переход с повествования от 3-го лица на повествование от 1-го лица часто встречается в фольклоре кетов и других народов Сибири.

⁴ В оригинале *аська*

⁵ В оригинале *аськет*.

№ 128

Рассказала в 1979 г. З.Н.Дибикова. Зап. и подстр. пер. Э.И.Белимова опубл. [14, с. 65–66]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

¹ Месяц кетского календаря, приблизительно соответствует марту.

№ 129

Записал в начале XX в. В.И.Анучин; подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [7, № 247, с. 200–201]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

Наиболее ранняя по времени фиксации версия очень распространенного сюжета о злокозненной колбасам и хунь, где первая обманом похищает сына женщины, а ей оставляет свою дочь. Вырастая, сын женщины становится хорошим охотником, и колбасам живет припеваючи, в то время как женщина голодает. В отличие от других, более поздних вариантов этого сюжета, эта версия заканчивается мотивом гибели молодой колбасам (при переправе через реку), характерным для другого сюжета о хунь и колбасам (см. № 131–133). В.Н.Топоров, осуществивший подробный анализ образов в контексте енисейской, тюркской, монгольской традиций, усматривает здесь влияние иранского культурно-исторического комплекса [83, с. 149–160].

¹ В соответствии с традиционным для кетов пространственным дуализмом на южной стороне (= в верховьях рек) живут положительные персонажи.

² *Сеньль* — неизвестное современным кетам слово. Возможно, имеет место неточность записи (вместо *сен* — «олени»).

³ Рассказчик употребил русское слово «сетка». О чем идет речь, не ясно.

⁴ Имеется в виду дымовое отверстие над отопительным сооружением, через которое герой заглядывает внутрь землянки.

⁵ Дочь колбасам удивляется, что похлебка стала жирной. Хунь объясняет ей, что того, кто мог обеспечить ей наваристую похлебку, увела колбасам.

⁶ Ср. распространенный в сибирских и иных традициях мотив превращения злого женского персонажа при гибели в кошмару; об этом мотиве см. у В.Йохельсона [56].

⁷ В оригинале *аськет*.

№ 130

Рассказал в 1960 г. Ф.А.Бальдин. Зап. и пер. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Близкая версия этого сюжета была также записана составителем в 1960 г. от А.Н.Тапковой на оз. Някольда (не опубликовано). А.П.Дульзон записал сходный текст от М.М.Дибикова [6, № 18, с. 53–57].

Вариант сказки о хунь и кэлбэсам, обманом подменившей сына женщины своей дочерью (ср. № 129).

¹ Низовая, северная сторона — место отрицательного начала (ср. примеч 1 к № 129). В версии А.Н.Тапковой говорится: «сама с сыном женщины в тундру ушла, в другую сторону. Там в кочке (чум ее) жить стала».

² Мотив, часто сопутствующий образу кэлбэсам (ср. примеч. 2 к № 41 и вариант, записанный А.П.Дульзоном от М.М.Дибикова [6, № 18, с. 53]).

³ Знак кэлбэсам, образное выражение ее «нечистоты». Ср. «мать, когда варит, в котел вшей, блох, букашек всяких сыплет, приговаривает» (А.Н.Тапкова) или «лесная баба над котлом встала и трясет: „Трясу, трясу, трясу“» [6, № 18, с. 53].

⁴ В варианте, рассказанном А.Н.Тапковой, имеется этимологическая концовка. «побежала она за парнем. Суп замерзший из ноговичек комками отрывала, кидала. На соснах и сейчас есть (эти) лепешки».

№ 131

Рассказал в начале 1960-х годов И.П.Хозов. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опублик. [6, № 27, с. 91–99]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет» и издан под названием «Сказка о женщине и лешей».

Наиболее полная версия сюжета о злокозненной кэлбэсам и хунь, где первая обманом убивает женщину, а затем преследует ее детей. Сюжет, известный в фольклорной традиции селькупов [6, с. 145–150].

¹ Под воздействием русской мифологии персонажи сказки в подстрочном переводе Дульзона названы «женщина» и «лешая».

² Обращение друг к другу замужних женщин у кетов.

³ Имеется в виду растущая на болоте трава, которую заготавливают на стельки в мягкую обувь.

⁴ Таким образом девочка хочет имитировать звездное ночное небо, чтобы задержать погоню, когда колбасам проснется.

⁵ Букв. «у старухи уши оглохли».

⁶ Распространенный в сказках художественный прием для обозначения правил, регламентирующих поведение подростков: нельзя уходить в лес дальше, чем это возможно для их возраста. Ср. примеч. 1 к № 56.

⁷ Подставное название медведя.

⁸ В оригинале *сухос ънг* — название центрального опорного шеста чума, возле которого хранили культовые предметы.

⁹ Букв. «кричит».

¹⁰ Слову «князь» в оригинале соответствует кетское *кый*, употреблявшееся в значении «власть»: старшина рода («князец» — сиб.), представитель совета, администрации и т.д.

¹¹ Т.е. в «переднюю», «чистую» часть жилища, где размещались мужчины и старики.

¹² Берестяная посуда — чуман.

¹³ В оригинале *аськет*.

№ 132

Рассказала К.Х.Бальдина. Зап. в 1960 г. и пер. при помощи исполнительницы Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Вариант того же сюжета, что и № 131, интересный четкостью характеристик кэлбэсам и хунь как антиподов.

¹ Лыжная палка.

² Клей из сухих плавательных пузырей осетровых рыб; высоко ценился, был предметом обмена с эвенками и другими народами.

³ Т.е. муж.

№ 133

Рассказала О.В.Тыганова. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубли. [7, № 75, с. 83–86]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

Один из полных вариантов сюжета о кэлбэсам, обманом убивающей женщину (хунь) и преследующей ее детей. Более подробно здесь повествуется о погоне кэлбэсам за детьми; новое — с кэлбэсам расправляются сами дети. Сюжет обнаруживает черты детального сходства с селькупской сказкой [6, № 53, с. 145–155].

¹ В варианте, записанном составителем от той же рассказчицы в 1972 г. (не опубликовано), называется фамилия братьев — Бунеевы; имеется и топонимическая привязка — действие происходит на Подкаменной Тунгуске.

² В качестве хлеба использовались пресные лепешки — *нянь*. Их выпекали в глинобитных сводчатых печах с двумя отверстиями. Печь сооружали возле чума; ею могли пользоваться несколько семей. На коротких привалах нянь пекли в раскаленном песке (золе) костра.

³ Жимолостью (местн.) называли низкий кустарник, растущий на болотных местах; снятая с прутьев кора используется в качестве стелек для обуви.

⁴ Имеются в виду головы детей.

⁵ Имеется в виду лед, которым вместо стекла закрывали световое отверстие землянки.

⁶ Род спального мешка.

⁷ Непереводимое восклицание, выражающее раздражение, осуждение.

⁸ Букв. «чайный горшок».

⁹ Колмасам гадает, подкидывая поварешку и другие вещи, чтобы узнать, куда ушли дети. Те не желают отвечать (падают выпуклой частью вверх, что означает отрицательный ответ). Ср. с обычаем гадать отрубленной лапой медведя: если она падает ладонью вверх, то это означает утвердительный ответ, если тыльной стороной — отрицательный.

¹⁰ В оригинале *аськет*.

№ 134

Рассказал Ф.Н.Ламбин. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубли. [2, № 7, с. 156–157]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

Версия сюжета о хонь (хунь), которая своей мудростью спасает себя, подругу и ее детей от «чертовки» (в оригинале *литысь*; злокозненный персонаж отмечен «знаком колбасам» — четырехпалостью). Сказка несет информацию о традиционных поведенческих нормативах, нарушение которых наказывается (здесь наказание предотвращено хонь). Этот мотив имеет широкое распространение в фоль-

кlorных традициях сибирских народов [64, с.145]; сходство в деталях дают хантыйские сказки [66, № 101, с. 92].

¹ Т.е. в будущем.

² В оригинале *аськет*.

№ 135

Рассказал по-русски В.А Ламбин. Зап. А.П.Дульзона опубл. [2, с. 157–158].

Вариант отличают образные и бытовые детали, свидетельствующие о незаурядных способностях молодого исполнителя (племянник Ф.Н.Ламбина, от которого был записан текст № 134) и развитии его мировоззрения: идея наказания за нарушение обычных норм для него оказалась неактуальной.

¹ Имеется в виду чум; «юртой» называли любое жилище коренного северного населения местные русские.

№ 136

Рассказала О.В.Тыганова. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [9, № 55, с. 175–178]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

В этом варианте сказки, основной идеей которой является наказание за нарушение поведенческих нормативов, противопоставляются две невестки: мудрая жена старшего брата (рассказчица назвала ее не по имени, а *конасам* — «светлая женщина», т.е. «кетка») и колмасам. Последней отводится роль нарушительницы «человеческих» норм поведения, за что сама она и ее дети гибнут от «чертовки» (в оригинале этот персонаж именуется *сирис* — «земляная» и *литысь*). Как и другие произведения О.В.Тыгановой, текст отличают художественно-образные и бытовые детали. Специфично обращение *конасам* за помощью к русским.

¹ Т.е. надела упряжь.

² Глухая, с капюшоном одежда из медвежьей шкуры подчеркивает отчужденность образа — для традиционной одежды кетов характерен распашной халатообразный покррой.

³ Т.е. не показал дорогу. О гадании предметами см. примеч. 9 к № 133.

⁴ Букв. «охотящиеся люди» — мужья женщин, уходившие на малую хольбу.

⁵ Старший брат назвал свою жену не по имени, что запрещалось после рождения у нее первого ребенка, а классификационным термином *бель* (так именовались жены и мужья братьев и сестер говорящего, если они были старше его по возрасту).

№ 137

Рассказала в 1960 г. в пос. Келлог К.Х.Бальдина. Зап. и пер. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Близкую версию записал Э.И.Белимов от Л.П.Тыгановой в пос. Суломай [14, с. 40].

Вариант сюжета о двух женщинах на осеннем стойбище: умной (старшей, многодетной) и глупой (молодой). Последняя, нарушая правила поведения, вызывает появление злокозненной доотэм бам («страшной»), которая съедает эту женщину и двух ее детей. За жену мстит муж. Сюжет включает мотив, характерный для цикла сказок о кэлбэсам и хунь (см. № 129) и известный в фольклорных тра-

дициях ненцев, селькупов, хантов: появление кровососущих насекомых от сгоревшего злокозненного существа [53, с. 133–134].

¹ Имеется в виду доотэм бам.

№ 138

Рассказала в 1960 г. в пос. Верхне-Имбатское К.Х.Бальдина. Зап. и пер. совместно с рассказчицей Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Злокозненный персонаж поименован здесь исполнительницей «ератником» (от рус. *еретик*; «употребляется в народе не только в значении „вероотступник, раскольник“, но и как „колдун, портящий людей“, „вредный знахарь“» [44, т. 1, с. 521]), хотя характеристика его внешнего вида — «с четырьмя пальцами, волосатый» — типична для кетской мифологии. О еретике см. также № 140.

¹ Четырехпалость (уродство в целом) — общий признак злокозненных существ мира не-людей в ряде сибирских традиций.

² «Тундрой» местные жители называют заболоченное, открытое место в лесу.

³ Персонаж, скорее всего заимствованный из русской сказки («Лихо одноглазое»; ср. АТ 1137).

№ 139

Рассказала Т.Г.Толстых. Зап. и пер. В.С.Бибиковой [7, № 112, с. 114–115]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

Отдельные мотивы сближают текст с селькупской сказкой про лесную бабу, записанной А.П.Дульзоном от М.П.Педугиной в Томской области [6, № 53, с. 145–155]. Можно думать, что в обоих случаях сказалось воздействие русского фольклора. Персонажи сказки кетские — старик Ыдохот с дочерью, его антипод — злая колмасам с дочерью и медведь, которому отведена роль воздающего. Мотив и детали сходны с русской сказкой типа «Морозко» (АТ 480).

¹ Букв. «мои уши уже оглохли».

№ 140

Рассказал по-русски весной 1960 г. на оз. Някольда С.А.Пешкин. Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Мотивы, образы и детали этой сказки позволяют связывать ее с русским фольклором (ср. АТ 315) и народными верованиями местного русского населения.

¹ Известны этнографические информации о местах прежних сражений кетов с иноплемениками. В доказательство обычно сообщалось о найденных на этих местах наконечниках боевых стрел и костях.

² По представлениям кетов, в сретика превращался дурной человек.

³ Информант не смог объяснить, кто имеется в виду. Можно, однако, допустить, что этот образ имеет прототип в русской сказке «Посадил дед репку» (ср. ниже в кетском тексте: «Репка ташил — не мог вытащить, лисица ташила — не выташила, конь ташил — не мог вытащить»).

⁴ В оригинале *кан*.

⁵ Слово «заяц» в кетском языке относится к женскому именному классу.

№ 141

Рассказал М.М.Дибиков. Зап. и подстр. пер. А.П.Дульзона опубл. [6, № 13, с. 41–43]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

В сюжете сказки отражена реальная ситуация — голод, настигавший людей весной (об этом сезоне, в частности, говорит использование героиней лыж-голиц), когда кончалось добытое зимой мясо и мясные продукты, сушеная рыба, а рыболовный сезон еще не наступил. В реалистическую канву повествования включены волшебные элементы: действия различных предметов без участия человека, по одной его воле, провидение.

¹ Перечень мест отражает реальное членение пространства в кетском жилище.

№ 142

Рассказала У.Н.Каменских. Зап. и пер. М.Н.Валл опубл. [7, № 101, с. 109]. В кетском оригинале текст обозначен как «аськет».

Текст мифологического характера. Об этом свидетельствует имя персонажа, в семье которого происходит действие, — Эт, а также его функция вершителя погоды. Дятел (кеты считали его особой птицей, называли кайгусем) хитростью развязывает мешки с ветром, от снежной пурги становится теплее, и люди получают возможность заниматься своими делами.

¹ Аналогичный мотив — птица приносит людям тепло, развязав мешки с облаками, — записан у нганасан Б.О.Долгих [77, № 14, с. 57–58].

№ 143

Рассказала У.К.Дибикова. Зап. и пер. Э.И.Белимова опубл. [14, с. 56–57].

Сказка этиологического характера — о происхождении полос у бурундука от когтей медведя.

№ 144

Рассказала Т.С.Латикова. Зап. и пер. А.П.Дульзона опубл. [6, № 31, с. 105–107].

Аналогичный мотив известен в селькупском фольклоре [6, № 46, с. 125–127].

¹ Сказительница употребила русское «мост» из-за отсутствия этого слова в кетском языке.

² Крохаль — крупная утка из семейства нырковых. В селькупском варианте место крохали занимает рябчик.

№ 145

Рассказал по-русски в мае 1960 г. на оз. Налимье И.О.Бердников Зап. Е.А.Алексеевко. Публикуется впервые.

Фрагмент сказки, записанный от сымской кетки Е.С.Савенковой в пос. Ярцево, опубликовал А.П.Дульзон [6, № 43, с. 122].

¹ Клей из сушеных плавательных пузырей осетровых рыб; высоко ценился, был предметом обмена.

² Подставное название медведя.

³ Следующий абзац — комментарий рассказчика, которым он закончил повествование.

ГЛОССАРИЙ

- Азя́м** (местн. рус.) — верхняя одежда распашного (халатообразного) покроя. Кеты называли азямом традиционную одежду из сукна — котлям (см.).
- Айса́** — женское имя. В сказке Айса и ее старшая сестра противопоставляются представителям мира не-людей — брату и сестре Вихря.
- Ала́тей** (алатай; кет.) — берестяная покрывка — тиска (см.) — остова чума (см.). Существовали «передняя» алатей (ею закрывали верхнюю часть остова с противоположной входу стороны жилища), отмеченная сакральным отношением, и «задняя» (покрывка над входом), с которой связаны представления об отрицательном для человека начале.
- А́линское** — поселок на Енисее.
- А́ллэл, аллэл бам** (кет. *бам* — «старуха») — антропоморфная деревянная фигурка высотой 15–30 см; покровитель и охранитель семьи, очага. Женский мифологический персонаж. Ее изображения изготовлялись из крени (см.) растущего кедра. Отличались непропорционально большой круглой головой. Голова и туловище оклеивались мехом росوماхи, белки, колонка, медведя. Аллэлам шили и периодически меняли одежду и обувь, их угощали, одаривали бусами, низками цветного бисера, прося благополучия, помощи в родах, лечении женщин, детей и т.д. Фигурки использовались для гадания. Наследовались по мужской линии, не должны были попадать к чужеродцам. При плохом обращении могли отомстить, но и хозяйка могла наказать своих аллэлов за нерадивость.
- А́льба** — мифический герой-богатырь, создатель природного ландшафта в регионе проживания кетов: его борьбой с Хоседам (см.) объясняется возникновение Енисея ниже устья Подкаменной Тунгуски, Осиновских порогов, скал и островов в устье Енисея. Сам Альба превратился в каменистый кряж на правом берегу Енисея; предполагается, что он, как и другие мифологические и легендарные герои, оживет после очередного потопа.
- Альдóнь** (кет.) — изогнутый наподобие сабли нож на железном головном уборе шамана (см. корона). Шаман использовал его в качестве боевого оружия, а также разрубал им встречавшиеся во время путешествий в верхнем мире препятствия — облака, льды, горы и т.д.
- Арги́ш** (местн. рус.; кет. *итанг*) — обоз из оленьих упряжек при перекочевке семьи или семейной группы на зимнем охотничьем промысле. Итанг безоленных кетов составляли следующие друг за другом на лыжах люди, тянущие с помощью грудной лямки, часто вместе с собакой, груженные ручные нарты. Кетское итанг («аргиш») означало также само расстояние, которое проходила группа от одной стоянки (см. стойбище, стан) до другой.
- Арги́шть** — отправляться в путь, перекочевывать с места на место.

Ари́ны — енисейскоязычный народ, расселявшийся в XVIII в. в долине Енисея севернее Красноярского острога.

Ассаны — енисейскоязычные обитатели низовьев Ангары в XVII в.

Байкит — поселок на правом берегу Подкаменной Тунгуски, районный центр Эвенкийского автономного округа Красноярского края. К Байкитскому району относятся подкаменнотунгусские (суломайские) кеты.

Бакари́ (местн. рус.; кет. *сасынг-тэсинг*) — зимняя обувь с союзкой (вставка, закрывающая переднюю и боковые части головки) и высокими (до паха — у мужчин, до колен — у женщин) голенищами. Типична для оленеводческих культур, известна у ненцев, энцев, нганасан, оленных хантов, манси и др. У кетов камусная обувь вместе с глухой меховой одеждой (см. сокуй) вошла в быт с распространением среди части их транспортного оленеводства самодийского типа (с середины XVII в.). Характерно, что в фольклоре человек, обутый в бакари, распознается как чужак.

Бакла́ниха — поселок на правобережье Енисея в Туруханском районе Красноярского края, где с 1960-х годов проживают кеты, переселившиеся из прежнего своего центра — Пакулихи, располагавшегося в верховьях одноименной реки.

Ба́льнины см. Бальдины.

Ба́льбины см. Бальдины.

Ба́льдины — фамилия елогуйских кетов из рода Кэнтаан (см.).

Бальна́ (**Бальнэ**) — легендарный национальный герой. Вместе с братьями — Белэгыном (см.) и То́нгытом (То́гетом; см.) — борется с тунгусами. Черемуховая палица — знак героя, а само имя героя связано с названием черемухи (кет *бальн*). В предании Бальна выступает не только как воин, наделенный незаурядной силой, но и как глава сообщества родственников, ревнитель традиций. Некоторые сюжеты рисуют Бальну «мудренным» человеком, способным оказывать магическое воздействие на животных, рыб и таким образом обеспечивать пищу своих людей. Жена Бальны в преданиях выступает как смелая помощница. Родиной Бальны считается р. Елогуй; местные кеты Бальдины (см.) считают его своим предком, гордятся этим родством.

Ба́нгдэ́хып см. Бангрэхып.

Бангбс (кет. *банг* — «земля») — особые специалисты (чаще — женщины), наиболее близким соответствием которым может быть рус. «колдун», «знахарь», «провидец». Сферой их действия считался земной мир, а помощниками — такие его обитатели, как крот, летучая мышь (в засушенном виде бангос давали их людям в качестве талисманов). Их действие в некоторых случаях (при лечении женских болезней, родах) признавалось более эффективным, нежели шаманское. Специального облачения и атрибутов бангос не имели.

Ба́нгрэ́хып (**Бангдэ́хып**) — Сын земли, мифологический персонаж. Символ связи между нижним и верхним мирами. Покровитель шаманов и сам первый шаман. Известно о существовании мифологического цикла об этом персонаже, но зафиксированы только его фрагменты, а также несколько сказочных сюжетов с этим героем. Иконография: антропоморфное изображение на наружной стороне обтяжки бубна [30, с. 177–178; 51, рис. 85, 88–90, 92].

Бангсе́ль (букв. «Земляной Олень») — фольклорно-мифологический персонаж, олень-важенка (см.). Ее образ принимает шаман, путешествующий в пределах среднего — земного — мира. Бангсель — название бубна (ездового животного) шаманов этой категории. В сказках мифологического характера Банг-

сель — Дочь неба (см. Есьтехунь) и жена Сына земли (см. Бангрэхып) — покидает его и в образе важеньки возвращается к отцу — Есю (см.).

Ба́нгусь — букв. «земляной чум», землянка (см.).

Беба́ см. бепь.

Белёгин см. Белегин.

Белёгин (Белегын, Белеген) — младший брат легендарного Бальны (см.).

Белёгын см. Белегин.

Бельма́ — искаженное название р. Вельмо, притока Подкаменной Тунгуски (см.).

Бепь (беба — зват. форма) — классификационный термин родства — мужа и жены людей из класса *bisen*, в который входят старшие сестры и братья говорящего.

Бесём см. бэсем.

Беся́м см. бэсем.

Бильгёт — герой «военных» преданий, содержанием которых является месть сына за убитого юраками (ненцами) отца.

Бог — этому русскому слову обычно соответствует Есь (см.) — мифологический персонаж, верховное начало кетского пантеона, олицетворенное небо.

Бо́гдденг (Богдэенг, Бокдэенг) — букв. «люди огня»; название одной экзогамной (родовой) половины кетского общества; известна с XVII в. на реках Подкаменная Тунгуска и Бахта. Мифологический Каськет (см.) — человек этого рода.

Богдэй (Богдий) — см. Бодейгет.

Богдэйгет (букв. «человек из рода богдей») — этноним, обозначающий принадлежность к экзогамной половине Богдденг (см.).

Бо́гдэенг см. Богдденг.

Бо́кдэенг см. Богдденг.

Большая ходьба (местн. рус.) — охотничий сезон, возникший с развитием товарного пушного промысла, начинался после зимнего солнцеворота и характеризовался кочевьем всей семьи.

Бубен (кет. *хась*) — один из главных шаманских атрибутов, материализованное выражение семантического образа шамана, а также степени его становления, связи с мирами, определенными духами-помощниками и покровителями. Как и у ряда сибирских народов, у кетов бубен символизировал вселенную, а также ездовое животное шамана — оленя.

Булум — женское имя; дочь старика Ириса (см.), ставшая женой кайгуся-медведя (см.).

Бунеевы — фамилия подкаменнотунгусских кетов, считавшихся выходцами с р. Сым (см.). Уньгет (см.), женой которого становится лесной дух кайгусь (см.), — один из них.

Бэсем (бесем, бесям) — кетское название распахнутой халатообразной одежды, матерчатый верх которой простеган вместе с подкладкой из заячьих шкур (кет. *бэсь* — «заяц»). Носили ее преимущественно женщины, пожилые люди и дети. Длинные, запахивающиеся на левую сторону полы одежды закрывали ноги при сидении. Подкладкой бэсема могли служить сшитые в одно полотнище шкурки, снятые с беличьих голов.

Ва́женка — уже телившаяся самка оленя, т.е. животное в возрасте не менее двух лет. Известна мифологическая важенька Бангсель (см.).

Варга́н (кет. *пымыль*) — язычковый музыкальный инструмент из дерева (березы) или кости. В фольклоре известен как инструмент героя (шамана, богатыря).

Легендарный Бальна (см.) своей игрой привлекал рыб и животных, чтобы обеспечить людей пищей.

Вáрка (местн. рус.) — лакомое блюдо, крошево из вываренной в небольшом количестве воды жирной рыбы (осетровых, сиговых пород), смешанной с жиром. Продукт заготавливали впрок; могли добавлять толченую черемуху. Варка подавалась как угощение (например, на медвежьем празднике).

Век (местн. рус.) — идиома, употребляемая в значении «всегда», «постоянно», «долго».

Вельмó — приток р. Подкаменная Тунгуска (см.).

Верешáгино — поселок на правом берегу Енисея в Туруханском районе Красноярского края.

Верх (кет. *утэ*) — при пространственных обозначениях по горизонтали — юг; местность в верхнем течении Енисея, его притоков и вообще за пределами Туруханского Севера (по представлениям кетов, Москва и Петербург находятся «вверху»). Мифологически — сторона положительного начала, жизни (ср. низ).

Верхне-Имбáтское — крупный поселок на правом берегу Енисея в Туруханском районе Красноярского края. С начала XVII в. известен как центр инбатской группы кетов и одно из первых ясачных зимовий Мангазейского уезда.

Верховские, верховские люди (кет. *утрэренг, утэденг*) — люди, проживающие вверху (см.), приехавшие оттуда.

Вéтка (местн. рус.; кет. *дыльтий*) — лодка-долбленка, изготовленная из целого ствола осины. Незаменима в труднопроходимых местах и на мелководье. Бытовали ветки на одного, двух человек, на человека с собакой. Упомянувшиеся в преданиях ветки из бересты этнографической действительности кетов не известны; они были характерны для соседей кетов — эвенков, селькупов, хантов. См. облас.

Вешалá (местн. рус.) — хозяйственное сооружение (перекладины на стойках) на стойбище. К ним подвешивали лыжи, охотничье снаряжение, упряжь.

Вóрогово — старинный русский поселок на левом берегу Енисея на юге Туруханского района Красноярского края; известен как центр проживания сымской группы кетов-югов (см.).

Гагáра (кет. *бит*) — водоплавающая птица из семейства нырковых. В мифологии — дух-помощник шамана. В образе (шкуре) гагары легендарный шаман Дог (см.) спустил на землю своего сына. В снятой чулком шкуре гагары кеты хранили оставшиеся в семье от шамана-предка металлические подвески с его костюма; их подвешивали к священному жертвенному дереву (см. коксь оксь) или к «передней» сакральной олатине (см.) внутри чума.

Голи́цы (местн. рус.; кет. *локтак*) — широкие лыжи без подволоки (камусной обтяжки), изготовленные из ели. Использовались осенью, по мелкому снегу, но особенно весной, когда на снегу появлялся наст, обдиравший подволоку.

Голи́чки см. голицы.

Голóмо (от эвенк. *гóломо*) — углубленная в землю коническая постройка с земляным покрытием; жилище курейских кетов, функционально соответствующее землянке-бангусь (см.).

Гоня́ть, гнать (местн. рус.) — идти по следу, преследовать добычу (в преданиях — врага).

Даг (*да́го, дах*) — мифическая птица огромных размеров с железными когтями, символ верхнего мира (см. архаический миф о разорителе гнезд — № 121).

Типологический аналог — орел. В шаманской мифологии известна особая категория шаманов — даг. Сферой их действия был верхний, сакральный мир. К.Доннер упоминает железное изображение птицы даг среди шаманских атрибутов, а также то, что эта птица при необходимости могла закрыть собой солнце [89, с. 81].

Да́го см. даг.

Данду́кн — мужское имя; охотник, получивший в жены лесную женщину-кайгуся.

Да́ром (местн. рус.) — идиома, употребляющаяся в кетской лексике в значении «как бы не так», «нет уж», «хватит», «пустяк», «ничего» и т.п.

Дах см. даг.

Делесь — букв. «Кровавое небо (бог)»; мифологическое олицетворение заката.

Делесьтеху́нь — Дочь Делеса (см.); фольклорно-мифологический образ, связанный с мотивом кровопролития, войны.

Денг, дэ́нг (кет.) — люди, народ.

Ди́кий (местн. рус.) — дикий олень.

Ди́лтак — имя культурного героя, обеспечившего «очеловечение» людей после того, как они стали использовать огонь.

Дисл — человек, встретившийся с представителем лесного мира не-людей и наказанный за нарушение этики отношений с этим миром.

До́г (Дого бат, Дох) — легендарный шаман рода Кэнтаан, местом жительства которого признавался левый приток Енисея — Елогуй, исконная территория кетов этого рода. Известен цикл преданий о путешествиях Дога в верховья Енисея к Томам (см.), на север — к Хоседам (см.), о переходе его с сородичами на небо, борьбе там с громами, о сыне Дога, которого он, пытаясь спасти от огня, «пустил» на землю в виде гагары.

Дого бат (кет. *бат* — «старик») — Дог-старик; см. До́г.

До́батам (дотодам, доотадам, до́ботем) — женское злокозненное существо, живущее в тайге, в горах. Пугает людей своим криком. Способна погубить человека, но и он, если не испугается, может справиться с ней, победить хитростью, умом, смелостью. Еще в 1987 г. верещагинские жители показывали яму на старой аэродромной площадке, где, считалось, жила доотам. Она покинула свое обиталище, испугавшись геологических гусеничных вездеходов и другой техники. Знакомые с русским фольклором молодые исполнители называют ее «бабой-ягой», но иногда доотам употребляется как замена запретного для произнесения имени Хоседам (см.).

До́отам бам (кет. *бам* — «старуха») — доотам-старуха; см. доотам.

До́отэм бам см. доотам.

До́отэт (до́тэт) — мужское злокозненное существо, муж доотам (см.).

До́ботэт бат (кет. *бат* — «старик») — доотэт-старик; см. доотэт.

До́рога образовалась (открылась) — фольклорный образ, обычно означающий доступность персонажу какого-то иного, чем его собственный, мира.

До́си (мн. ч.; рус. адапт. кет. *досьн*) — антропоморфные культовые фигуры. Березовые (реже — словые) бревна или жерди длиной от 0,5 до 5 м, оканчивающиеся острой, грубо высеченной головой. Зарубками изображалось лицо и семь пар косых ребер. Стояли на родовых священных местах — холай (см.). Число их увеличивалось при очередном ежегодном посещении места сородичами. Считались сыновьями одноименной хозяйки места — Холай (см.) и защитниками рода (семьи), которому принадлежало священное место. В отличие от круглоголовых культовых изображений из дерева (см. аллэл) одежда досям

не полагалась (ср. «голые доси мерзнут» — [7, с. 104, 105]). Своей семантикой связаны с широким кругом «речных» символов.

Дотет см. доотэт.

Дотот см. доотэт.

Дб́тэт см. доотэт.

Дох см. Дог.

Ёккыт (кет.) — гром; считался живым существом женского начала, живущим в южной части неба. Мифологический образ неопределенен — крылатое существо с копытами (иногда более четко — конь, лось); птица. Известен сюжет (№ 14) об упавшем с неба громе, съев который голодавшие мужчины и женщины забеременели; мужчины умерли, а женщины родили людей, которых стали называть еккаденг — «грома люди» или бокдэденг — «огня люди» (см.). Легендарный шаман Дог (см.) сражался с громами. Возможно, здесь прослеживается мотив межродовых противостояний, конфликтов.

Елэц — мелкая рыба частиковой породы. Массовый промысел этой рыбы загородкой — котцом (см.) имел существенное хозяйственное значение, так как позволял приготовить впрок рыбные продукты — жир, порсу (см.).

Елогуй — левый приток Енисея; с начала XVII в. известен как место расселения кетов-инбаков.

Ельцбый см. елец.

Ёльчик см. елец.

Енисейск — в начале XVII в. казачий форпост на Енисее; ныне город районного значения в Красноярском крае.

Енисейцы — арины, котты, ассаны, пумпоколы, юги (см.), носители родственных кетскому аринского, коттского, ассанского, пумпокольского, югского (сымского) языков.

Ератник см. еретик.

Ерэтик (ератник; местн. рус.) — злокозненный персонаж, насылающий порчу; иногда — покойник, бывший при жизни злым колдуном, знахарем и т.д.

Есь (кет.) — верховное начало кетского пантеона, бог (см.) и одновременно — обожествляемое небо. В окончательном формировании образа Еся-бога возможно влияние православной мифологии. Компонент *есь* — отличительный признак лексики, выражающей небесные природные явления или признававшиеся таковыми их олицетворения и персонификации (см. Делесь, Усесь).

Есьтеху́нь — Дочь неба (бога), персонаж мифологического цикла.

Есьтехы́п — Сын неба (бога), персонаж мифологического цикла.

Забо́р (местн. рус.) — рыболовная ловушка, перегородивающая реку (см. котец).

Затылочная жена («походная», «ходовая» жена) шамана — дочь Хоседам (см.).

Считалось, что она сопровождает и помогает шаману при его путешествиях в земном мире, однако известны сюжеты, где она вместе с Хоседам строит козни своему мужу. Изображение ее в виде антропоморфной фигуры в женской одежде находилось в изголовье постели шамана (отсюда название «затылочная жена», «затылочный дух», кет. *тыхытын кынсь*).

Земляня́я (кет. *сирис*) — злое женское лесное существо, являющееся людям в одежде из медвежьей шкуры. Сюжеты с «земляной» выражают идею необходимости соблюдения поведенческих норм, принятых в коллективе людей.

Землянка (кет. *бангусь*; см.) — углубленное в землю каркасное стационарное жилище кетов. Каркас составляли наклонные бревна, опирающиеся на две пары центральных опорных стропил. Неглубокая прямоугольная яма имела рас-

коп со стороны входа. Покрытием служили плашки, еловые стволы, расколотые пополам бревна, засыпанные землей, дерном. Для отапливания жилища сооружался чувал (см.). В землянке кеты жили в холодное время года — с осени и до начала основного этапа охотничьего сезона — так называемой большой ходьбы (см.). Две-три землянки располагались, как правило, на берегу реки или озера. В землянке размещались одна или несколько родственных семей.

Земляные (звери, птицы и т.д.) — т.е. относящиеся к среднему (земному) миру.

Идат (Ыдат) — имя старика (упоминается только в названии текста, рассказанного З.Н.Дибиковой), дочь которого терпела побои от мужа и была отмщена братом Силеке (см.).

Илимка (местн. рус.; кет. *асель*) — большая лодка с крытой берестой частью, используемой для жилья. На илимках кетские семьи отправлялись осенью по притокам Енисея к местам охотничьего промысла. Передвигались бечевой или под парусом (весной, вниз по течению). На зиму илимки вытаскивали на берег.

Ильгет — герой «военных» преданий, содержанием которых является месть сына за отца врагу-соблазнителю и женщинам, предавшим мужа и отца (№ 113). Имя встречается и в общем значении — «человек земли, вселенной» (№ 38).

Инит (Иньгет) — персонаж архаичного мифологического цикла о Каськете (см.). Известны иниты — семья (родовая группа?) Иньгета.

Иньгет — возможно, «относящийся к инитам» (этимология не ясна); см. Инит.

Ирис — имя старика, дочь которого вышла замуж за лесного духа — медведькайгуса (см.).

Кайгусь — мифологический персонаж, обеспечивающий промысловый успех. Хозяин (хозяйка) промысловых животных, законодатель охотничьей этики, обрядовых и поведенческих предписаний, регулирующих отношения людей с объектами промыслового мира. Ипостаси: 1) женское существо, мать белок, соболей; выступает как в зооморфном, так и в антропоморфном обличье; 2) медведь (медведица), в распоряжении которого находятся звери. Брачная связь кайгуса с человеком — условие промыслового успеха. Изображением кайгуса служили шкурки редкой расцветки (белка-альбинос, пестрый соболь и т.д.) или антропоморфная фигура, обтянутая такой шкуркой.

Кэлбэсэм см. кэлбэсам.

Калмесэм см. кэлбэсам.

Каменная сторона — высокий и каменистый правый берег Енисея.

Камлание в темном чуме (кет. *унат, унат кусь*) — особый вид шаманского ритуала. Действо, которое В.И.Анучин определил как «чистейший спиритический сеанс» [33, с. 31], осуществлялось для общения живых с умершими. Камлание происходило в темное время суток и года в специально сооруженном чуме или обычном, но тщательно закрытом от проникновения света жилище. Роль шамана сводилась к созыву и сбору ульвей (невидимый двойник, жизненная субстанция — «душа» человека). Присутствующие спрашивали их об обстоятельствах и причине смерти, о посмертном существовании. Те отвечали «голосом шамана» (или стуком в котел, в который, считалось, они собирались) и в свою очередь задавали вопросы о жизни родственников. Предполагалось, что шаман в это время находился в бессознательном состоянии («спал»). Во время сеансов в темном чуме рядовые люди могли общаться со своими духами-охранителями. Сакральное чувство камлания в темном чуме не вызывали, отношение к нему точнее всего выражает определение самих кетов — «игра» [28, с. 118–119]. Обряд этот известен у ряда сибирских аборигенов, в том числе у ближайших соседей кетов — селькупов.

- Кáмус** (местн. рус.; кет. *sacъ*) — шкура с ног копытных (олени, лося) с гладким коротким ворсом. Использовался на лыжные подволоки (см.) и для шитья обуви. Высоко ценился в кетской среде, был предметом обмена и подарков.
- Камыс** см. камус.
- Кас** — река на левобережье Енисея.
- Кáськет** (сымск. *Хáсингет*) — фольклорно-мифологический персонаж, в том числе архаичного цикла о разорителе гнезда. Широкий круг внешних параллелей — америндейских, обско-угорских, самодийских, южносибирско-тюркских. Образец северносибирского трикстера [55; 83; 85]. Имеется этнографическая информация о кáскетях — «песчаных людях», живших между Подкаменной Тунгуской и Ангарой, занимавшихся рыболовством, добычей косуль.
- Кат** — смычковый музыкальный инструмент.
- Кéллог** (рус. адапт. кет. *кэль елук* — «кривой Елогуй») — левый приток Енисея и поселок, где проживает группа елогуйских кетов.
- Кеты** (рус. адапт. кет. *кет* — «человек, мужчина»; мн. ч. *дэнг*) — этноним.
- Кéгл** — имя старухи с Подкаменной Тунгуски, сосватавшей невесту сыну на р. Елогуй и задумавшей погубить ее после его смерти.
- Клейница** — см. хиттын.
- Кокн ульс** (кет.; букв. «река соснового бора») — р. Келлог.
- Кокóра** — нижняя часть ствола дерева с корневищем.
- Коксь оксь** — жертвенное дерево (чаше — кедр), ставившееся на священном месте иazole чума шамана. Символ шаманского чума и мирового дерева, соединяющего нижний и верхний миры; от него начинался подъем шамана в верхний мир.
- Кóлбасам** см. кэлбэсам.
- Кóлмасам** см. кэлбэсам.
- Кóлътуты** — семь мальчиков, волшебным образом возродившихся в бездетной семье из семи глиняных чашек, помещенных в раскачиваемый котел (символ возрождения, пересотворения).
- Кóмель** — прилегающая к корню часть дерева; нижний конец бревна.
- Кóнэнг** — родовое подразделение кетов Кэнтаан (см.).
- Копы́л** см. копылья.
- Копы́лья** (ед. ч. *копы́л*) — парные стояки, соединяющие в ручных нартах и оленьих санках полозья и поддерживающие настил.
- Корона шаманская** — головной убор из железа и меди в виде обода, соединенного одной-двумя перемычками. Являлся знаком доступности шаману верхнего мира. Детали на короне — ответвления рогов, фигуры птиц, изображения облаков — символизировали образ, принимаемый шаманом при перевоплощении, или среду, где осуществлялись его действия. Отогнутый наподобие сабли отросток спереди изображал оружие шамана (см. альдонь).
- Косáч** (местн. рус.) — мужская особь тетерева.
- Кóбес** — кетское название р. Пакулиха, левого притока Енисея.
- Котéц** (местн. рус.) — рыболовная ловушка в виде загородки из тонких еловых жердочек, скрепленных кедровым корнем (см. запор), и собственно котца с плетеной мордой (см). Использовались в период открытой воды и подледно. Важная роль летнего котцового лова, когда заготавливали рыбные продукты (порсу, юколу, рыбий жир) впрок, нашла отражение в народном календаре кетов («котцов месяц»). Одним котцом поочередно могли пользоваться несколько семей, составлявших население стойбища (иногда уже изготовленные продукты поровну делились между ними).

- Котла́м** — распашная одежда из цветного сукна, одинаковая по покрою в мужском и женском вариантах; носили с поясом, украшали цветными бейками. См. азым.
- Котля́м** см. котлам.
- Котты́** — енисейскоязычный народ, обитатели правобережья Енисея в бассейне Ангары. М.А.Кастрен в середине XIX в. встретил пять последних коттов, помнивших свой язык.
- Крень** (местн. рус.) — часть ствола наклонно растущей ели, кедра, лиственницы, естественный изгиб которых удобен для изготовления полозьев нарт и санок, древка лука, других изогнутых деталей.
- Кроха́ль** — утка семейства нырковых.
- Куле́ма** (местн. рус.) — ловушка даящего типа на мелких зверьков; у кетов появилась под воздействием охотничьей культуры русских.
- Куньт** — имя человека, своей сексуальной силой напугавшего семь злокозненных доотэм бам (см.).
- Курга́н** (местн. рус.) — колдобина, яма с оставшейся от весеннего разлива водой.
- Куре́йка** — 1) правый приток Енисея на севере Туруханского района Красноярского края; в бассейне этой реки расселена самая северная — курейская группа кетов; 2) поселок на левом берегу Енисея напротив устья р. Курейка.
- Курья́** (местн.) — старое русло реки, старица.
- Кынч** — сказочный богатырь остяков, военный предводитель, вождь. Кетское соответствие слову «вождь» — *кын 'с'* (кынсь, кынсь, кынч) употреблялось также в общем значении «дух» и «русский» [15, с. 50; 41, с. 60]. Использованием слова кынч в значении «вождь» могли выражаться неординарные качества вожака (предводителя) — предвидение, способность понимать магические знаки и т.д.
- Кынь** (кет.) — неперебиваемое слово, характерное восклицание злокозненной кэлбэсам (см.).
- Кыры́н** — имя отца девушки с Елогуя, отданной замуж на Подкаменную Тунгуску за сына старухи Кёгл (см.).
- Кыт** — кетское название лука (см.), употреблявшегося как охотничье и боевое оружие.
- Кэлбэсам** (калбэсэм, колбасам, калмесэм, колмасам) — злокозненный женский персонаж. Частое русское соответствие при переводе — «чертовка», «лесная баба», «баба-яга». Ее отличительный признак — четырехпалость. Живет рядом (иногда вместе) с людьми, обманывает их, может погубить. Распространенный персонаж сюжетов, где ее антиподом является женщина хунь (см.). В.Н.Топоров видит в этих сюжетах трансформацию архаических прототекстов (см. Усесь), а имя и мифологему Калмесэм считает енисейским заимствованием из древнеиранского источника (Ахура-Мазда) [83].
- Кэнта́ан** (Кэньтан) — название второй экзогамной (родовой) половины кетского общества (ср. Богдеденг). Этноним известен с начала XVII в. для одной из групп кетов, живших на р. Елогуй (см.).
- Кэ́тэ** — фольклорное обращение к человеку рода Кэнтаан (см.).
- Ла́баз** (местн. рус.) — хозяйственная постройка для хранения вещей и запасов продуктов. Лабазы сооружались на стойбищах и в тайге — на охотничьих угодьях. Имели различную форму и устройство — в виде открытого настила на столбах, свайного амбара с двускатной крышей и т.д. — в зависимости от срока и сезона использования.

Листвень — распространенное местное название лиственницы.

Литись см. **литысь**.

Литысь (**литись**, **лютысь**) — лесной дух (аналогия русскому лешему); злокозненное существо, распространенный персонаж сказочных сюжетов и бытовых (преимущественно охотничьих) рассказов. Образ недостаточно индивидуализирован.

Лоб — шкура со лба оленя, лося. Особая прочность позволяла использовать ее в качестве подошвы зимней обуви. В сказках на шкуре со лба катается дочь злой **кэлбэсам** (см.).

Лопатка (кет. *хатбул*) — шаманский атрибут. Использовалась как орудие гадания и в качестве колотушки к бубну. Колотушка начинающего, камлающего еще без бубна шамана была из сырого (гнилого) дерева, в дальнейшем ему полагалась колотушка из кедра, обтянутая с тыльной стороны мехом. Наружная сторона колотушки разделялась на две различные по цвету части — красную (небо, верхний мир) и черную (земля, нижний мир). После смерти шамана наследовалась родственниками по мужской линии.

Лобпять (местн. рус.) — одежда, мягкое имущество (сумки, подстилки из оленьей шкуры и т.д.).

Лук (кет. *кыт*) — орудие охоты, окончательно вытесненное огнестрельным оружием только в 1930-х годах. Кетский сложный лук (состоит из двух частей: верхней — березовой и нижней — из лиственничной крени) славился на Енисейском Севере, был предметом обмена с другими народами. В «военных» преданиях лук используется в качестве боевого оружия. Стрелы различались формой наконечников и материалом (железо, рог, дерево) в зависимости от назначения.

Люди белого света (кет. *кыныренг*), «чистые люди», «светлые люди» — определение «мира людей», противостоящего «не-людям». Часто выступает в значении «кетский народ», «кеты».

Лютысь см. **литысь**.

Мадуйка — адаптированное русское название поселка на берегу озера Мундуйское (см.).

Малая ходьба (местн. рус.) — начальный этап охотничьего сезона (с осени до середины декабря), когда женщины, дети и нетрудоспособные оставались на стойбище в землянках (см.), а охотники осваивали ближайшие уголья, возвращаясь домой ежедневно или с одной-двумя ночевками в тайге (ср. большая ходьба). В народном календаре кетов этот период известен под названием *табинг* (*табанг* — «лес»), которое переводится обычно как «пешая охота».

Маленькая ходьба см. **малая ходьба**.

Мангүтиха — верхнее и среднее течение левого притока Енисея — Сургутихи.

Морда — плетенная из тальниковых прутьев рыболовная ловушка, использовалась как часть котца (см.) и самостоятельно.

Мудренный, **мудрый** — распространенное выражение: не рядовой, обладающий особыми качествами, непредсказуемый и др.

Мундуйское озеро — озеро за полярным кругом в бассейне р. Курейка, место расселения курейских кетов.

Налим — хищная рыба. Кеты добывали ее преимущественно котцом (см.) подледно осенью и в начале зимы (до образования очень толстого льда). Существовали определенные предписания и запреты, связанные с культом налима. Мифологическая Хоседам (см.), спасаясь от Альбы (см.), превращается в на-

лима. В быту прочная шкура налима использовалась для изготовления непромокаемых мешочков, в которых держали порсу (см.) и другие продукты.

Нарта ручная (кет. *ut суль*) — средство перевозки груза. При перекочевках в тайге на нартах перевозили малолетних детей, больных и старых. В помощь человеку в нарту впрягали собак. Соединение частей в нарте (полозьев. копыльев, настила и спинки) было не пазовым, как в оленьих санках, а привязанным (использовались расщепленный кедровый корень и ровдужные ремни), что обеспечивало ей особую подвижность и проходимость через бурелом, в чаще и т.д. Женские, более крупные нарты отличались от мужских четырехкопыльностью и наличием особой спинки-задника — суклам (см.). У хозяйки семьи задник нарты был украшен резьбой с мифологическим сюжетом (изображение вселенной), и это свидетельствовало о ее высоком социальном положении. Такая нарта называлась «чум кормящая четырехкопыльная». Переходила по наследству невестке.

Наст — осевший после оттепели и отвердевший от мороза снег. При ходьбе по насту кеты пользовались лыжами без меховой подволоки — голищами (см.). Короткое время наста (ночь, утро) люди использовали при возвращении с охотничьих дорог на берег к землянкам (см.).

Низ (кет. *тыхэ/тыгэ*) — при пространственном обозначении по горизонтали — север; местность в нижнем течении Енисея, любой реки. Мифологически — сторона отрицательного начала, мира мертвых, самой Хоседам (см.). Ср. верх.

Низовский человек, низовские люди (кет. *тыхыренг*) — живущие в низовьях Енисея и любой другой реки; люди с севера (например, ненцы). Тыхырам (букв. «Низовская мать») — подставное имя Хоседам (см.).

Ногови́цы (кет. *кинэнг*) — деталь одежды, закрывавшая голень и половину бедра. При коротких натазниках являлись необходимой составной частью традиционного мужского и женского костюма. Летние ноговицы были из ровдуги (см.), зимние — из сукна или камусов (см.). До конца XIX в. ноговицы использовались вместе с короткой кожаной обувью — черком.

Нюням — персонаж «военных» преданий, сюжетом которых является месть сына за отца (см. Ильгет, Силеке, Сясинкусь).

Ня́кольда — адаптированное русское название озера в верховьях р. Мангутиха. Одно из мест расселения сургутихинских кетов.

Облас (**обласбк**; рус.) — лодка-долбленка, изготовленная из одного ствола дерева, или берестянка. Название, более распространенное к западу от Енисея; в Туруханском регионе чаще употребляется слово «ветка» (см.).

Одеяло (местн. рус.; кет. *усенть*) — спальный мешок из оленьей шкуры.

О́лан — кетское название птиц — сойки, кушки [41, с. 82].

Ола́тина (рус. адапт. кет. *алатэй*) — шест остова чума.

Ольгит — имя героя мифологического предания и родовой этноним — название подразделения кетов Кэнтаан (см.), переселившихся на Курейку (Ольгит — Серковы).

Орда́ — народ, племя, род (в зависимости от контекста).

Оселбк — брусок или камень для затачивания и правки лезвия ножа, отказа (см.) и т.д. Часто упоминается в сказках в качестве волшебного предмета, создающего преграду преследующим людей злокозненным персонажам.

Осиновские пороги — узкое место на Енисее в южной части Туруханского района вблизи пос. Ворогово (см.). Горный кряж здесь образует высокие щеки на обоих берегах, течение реки стремительное, с водоворотами. Считалось, что

устье прорубил легендарный Альба, борющийся с Хоседам. Подплывая к порогу, кеты останавливались и осуществляли умиловительные действия по отношению к Улемам (Мать-река, Мать-вода) — бросали в реку угощение, подарки (монеты, бисер и т.д.).

Острога́ (кет. *ель*) — орудие рыбной ловли. Трезубый железный наконечник с жальцами на зубцах, насаженный втулкой на длинную рукоять. Острогой лучил рыбу (тайменя, хариуса, налима, щуку) в темное время на порожистых мелких местах. Для освещения использовали факел из бересты. В шаманской мифологии острога — оружие шамана; ее изображение из железа могло быть на парке (см.) шамана.

Остя́ки (кет. *остыган*) — старое название кетов, данное им русскими служилыми людьми в XVII в. по аналогии с угроязычными обскими остяками-хантами. В 1920-х годах утвердилось новое наименование — кеты (от *кет* — «человек»), ставшее самоназванием народа.

Остяцкий скребок (кет. *сюнгт*) — орудие труда, используемое при обработке шкуры (для соскабливания мездры). Состоит из березовой рукояти и собственно скребка — плоской железки с расширяющимися, противоположно загнутыми концами, заточенными по рабочему краю. Скребок вставлен поперечно в отверстие посредине рукояти. Женщина скребет шкуру движением от себя попеременно то одним, то другим концом скребка. Кетские скребки пользовались успехом у селькупов, эвенков. В фольклоре нашло отражение известное с давних времен кузнечное мастерство кетов.

Отка́з (местн. рус.; кет. *аттэс*) — орудие, заменявшее топор и служившее для охоты на крупного зверя. Состоял из черенкового железного прямоспинного ножа-наконечника и длинной (до 2,5 м) рукояти из березы. В фольклорных текстах упоминается и как боевое оружие.

Па́кулиха — адаптированное русское название левого притока Енисея, а также бывшего поселка в среднем течении этой реки. Жившие здесь кеты ныне сосредоточены в приенсейском поселке Бакланиха (см.).

Пальма́ (местн. рус.; кет. *усь*) — орудие охоты на крупного зверя, известное также под названием «рогати́на». Представляла собой массивный нож с широким (25–35 см) железным обоюдоострым лезвием, насаженным на длинную (1,5 м и более) рукоять. Чаще всего пальма использовалась при подъеме медведя из берлоги; в фольклоре фигурирует как боевое оружие.

Пальни́к (местн. рус.; кет. *кун*) — боровая птица, мужская особь тетерева (см. также *коча́ч*). В шаманстве — дух-помощник; изображения пальников на шестах стояли на священных местах — холай (см.).

Панцирь — защитные доспехи воинов из железа. Панцирем в текстах называется также одежда из плотно прилегающих друг к другу щитков и кольчуга из нескольких рядов скрепленных металлических колец. Неполное одеяние воина выражают такие обороты, как «полпанциря», «два кольца». По этнографическим данным, кеты находили железные доспехи (отдельные их детали) на местах, считающихся полем прежних сражений. Интерес представляют данные о плавильной печи, в которой выплавляли железо для панцирей. Защитная одежда из железа могла быть и у женщин — жен военных предводителей.

Парка (кет. *хагьт*) — зимняя распашная одежда из одной оленьей шкуры мехом наружу. Короткая (выше колен) парка была удобна при выслеживании зверя, когда кеты проходили на лыжах десятки километров. Женская парка по покрою не отличалась от мужской, но была более длинной. С конца XIX — нача-

ла XX в. вошли в употребление парки, кроенные из двух и большего количества шкур, а парка из одной шкуры сохранялась в качестве промысловой одежды мужчин еще в 1970-е годы.

Пасть (местн. рус.; кет. *ки*) — ловушка давящего действия, распространившаяся у кетов под влиянием охотничьей культуры русских. Употреблялись пасти при охоте на росомах (особенно вблизи лабазов с запасами продуктов), зайцев, глухарей и т.д.

Пимы (местн. рус.) — меховая обувь.

Подволбка (местн. рус.) — меховая обтяжка зимних лыж, сшитая из оленьих и лосиных камусов (см.). Гладкий ворс обтяжки обеспечивал скольжение, а при подъемах, наоборот, не давал лыже скатиться вниз.

Подкаменная Тунгуска — крупный правый приток Енисея.

Порса (местн. рус.) — истолченная в порошок просушенная и прокопченная рыба. Заготовленную на зиму порсу хранили в непромокаемых мешках из кожи налива, в берестяных коробах. Из порсы готовили густое варено типа каши, заправляли ею бульон, добавляли в муку при выпечке лепешек.

Постель (местн. рус.; кет. *си*) — шкура оленя, снятая осенью или зимой, т.е. прочная, с наиболее длинным и густым ворсом. Использовалась в качестве подстилки, а также для шитья парки (см.).

Пумпокблы (рус. адапт.) — енисейскоязычные жители верховьев Кети и бассейна Чулыма, известные по русским историческим документам начала XVII в.

Пучка (местн. рус.) — борщевник, зонтичное растение с полым стеблем.

Пушальня (местн. рус.; кет. *унянг*) — ставная самодельная рыболовная сеть из крапивной пряжи; ее ставили недалеко от берега на вешках. Грузилом служили камни, закрепленные в обруче из тальника, поплавки были из прошитой в несколько слоев или свернутой рулоном бересты. Использовались весь период открытой воды и подледно (в первые зимние месяцы). Пушальни были до 10 м длиной, высотой (шириной) до 1 м; размер ячей зависел от объекта промысла (от двухперстной до шестиперстной). В семьях имелось несколько таких сетей; изготавливали их обычно мужчины, чинить могли и женщины.

Ратта — поселок в верхнем течении р. Таз (см.), место давних этнокультурных контактов левобережных (реки Елогуй, Сургутиха) кетов с селькупами, восточными хантами.

Ровдуга (местн. рус.; кет. *хэлэт*) — очищенная от ворса, продымленная и выделанная оленья шкура (замша). Из ровдуги у кетов была летняя одежда (парка, нагазники) и обувь, мягкая утварь (кисеты, сумки и т.д.); реже встречались ровдужные покрывки для чума.

Рогатина (местн. рус.; кет. *усь*) см. пальма́.

Рожень (кет. *кых*) — заостренная палка из березы. На нее нанизывали куски мяса, рыбу и пекли возле костра с подветренной стороны. Таким же образом доводили до готовности испеченный в золе хлеб (лепешки — *нянь*). Рожень у костра (очага) — символ благополучия семьи. Образ поваленных рожней и потушенного огня связан с гибелью людей, вымиранием рода.

Салтись (кет.) — кремень, использовавшийся вместе с железным огнивом (кресалом) для высекания огня.

Самолбв (рус.) — самодельная крючковая снасть для ловли «красной» (осстровой) рыбы. Состоял из бечевы (длинника) и прикрепленных на поводках крючков (от 20 до 50 штук). Снасть закрепляли с помощью грузил крючками вниз; приманкой служили вьюны. Самоловы были заимствованы кетами у местных русских.

- Санка** (кет. *суль*) — средство для переезда и перевозки груза в оленьей упряжке. Для них характерны три-четыре пары высоких, косо поставленных копыльев (см.) и пазовое соединение всех частей. В зависимости от назначения санки разделялись на ездовые, грузовые, особые женские (со спинкой-задником), санки с ящиком (для перевозки продуктов и посуды). В каждой упряжке было по два (редко по три) оленя. Санный аргиш (см.) перемещавшейся на зимнем промысле семьи состоял из пяти-восьми упряжек. Если оленей не хватало для всей семьи, в санках ехали мужчины — охотники и старики, а подростки и женщины перебирались с места на место с ручной нартой (см.), используя в помощь собак. Оленьи санки, как и само транспортное оленеводство, были заимствованы частью кетов у северных самодийцев — ненцев, энцев.
- Сарана́** (кет. *кох*) — лилейное растение, луковицы которого шли в пищу. Собирали сарану в начале лета; для выкапывания луковиц существовали специальные лопаточки. Сарану ели сырой, пекли на рожнях, варили; зимой сушеной сараной заправляли мясные отвары.
- Сарга́** (местн. рус.) — связочный материал, расщепленный кедровый корень, тальниковая кора и т.д., используемые для скрепления деталей.
- Светлые люди** — определение «мира людей», противостоящего «не-людям». Часто выступает в значении «кетский народ», «кеты».
- Селькúпы** (северные) — самодийскоязычные соседи кетов, издавна связанные с ними территориальными и семейно-брачными отношениями. Для этих народов характерна большая культурная близость: сходство хозяйственно-бытового уклада, дуальная экзогамия. В исторических преданиях селькúпы почти всегда выступают как союзники кетов в их борьбе с эвенками и ненцами.
- Серкóво** — населенный пункт на р. Курейка (см.), основателями которого считаются кеты с русской фамилией Серковы, выходцы с Елогуя.
- Сíвер** (местн. рус.) — ветер с низовьев Енисея, северный ветер.
- Силекé** — имя героя «военных» преданий, содержанием которых является месть сына за отца (см. также Ильгет, Нюням, Сясинкусъ).
- Сíны** — возможно, мифологический образ бобров (они были истреблены к XVIII в., но известно, что раньше их было так много, что кеты оклеивали шкурой бобра свои зимние лыжи). О.В.Тыганова охарактеризовала их как «человекоподобные, сказочные существа, лазающие по березам» (№ 79).
- Соку́й** — длинная (до шиколоток), глухая, без разреза спереди мужская одежда из оленьего меха. Отличительная ее особенность — край спинки вместе с затылочной частью капюшона. Надевали ее поверх парки при переездах на оленьих санках. Этот вид одежды был утрачен кетами вместе с транспортным оленеводством.
- Сохáтый** (кет. *кай*) — лось. Так же именуются созвездия Большая Медведица и Малая Медведица. Семантика названий связана с мифом о небесной охоте, распространенным у ряда охотничьих народов Сибири (селькúпов, эвенков, северных алтайцев, бурят). Кетская особенность — родовые истоки мифа: Большая Медведица была созвездием кетов Богдеденг, Малую Медведицу считали «своей» кеты Кэнтаан (см.).
- Стан** (кет. *итанг*) — 1) народная мера расстояния между двумя стоянками. Букв. «перетаск за день»; компонент *танг* имеет самостоятельное значение «лямка» (см. аргиш); 2) стоянка (см. стойбище).
- Старик и старуха** — обычные персонажи кетских сказок, рассказов и преданий. Как и в бытовой речи, эти лексемы чаще обозначают не возраст, а семейное положение (муж и жена) действующих лиц.

- Стойбище** — место, где одна или несколько семей на тот или иной срок (в зависимости от хозяйственной деятельности в данный сезон) ставили свои жилища. Более постоянными и многочисленными были летние стойбища возле рыболовных котлов (см.), насчитывавшие два-семь и более чумов (см.), а также места осеенок во время «малой ходьбы» (см.), где обычно располагались несколько землянок (см.). Временные (на 3–5 дней) стойбища из одного-двух чумов были характерны для периода «большой ходьбы» (см.). Их население составляла объединившаяся на охотничий промысел группа родственных семей (или одна семья). Стоянки менялись по мере освоения ближайших охотничьих угодий. См. также «стан». В героических преданиях упоминаются особым образом («полукругом», «мысом») организованные «военные» стойбища с жилищем предводителя в средней части.
- Столбовая** — приток Подкаменной Тунгуски (см.), территория расселения подкаменнотунгусской (суломайской) группы кетов.
- Сугла́н** — сходка, сбор «инородцев» (коренных жителей); место сбора.
- Сукла́м** (кет.) — спинка-задник у ручной женской нарты (см.). Она имела особый мифологический и общественный статус: у женщины, достигшей положения хозяйки семьи, наружная сторона суклам была покрыта резьбой или рисунком с традиционным изображением вселенной (см. [37, с. 68–69; 51, с. 84–90, рис. 73–76, 78]). При переездах возле спинки помещались семейные охранители — аллэлы (см.) и другие предметы домашнего культа. Достигнув нетрудоспособного возраста, женщина передавала свою суклам старшей невестке, что было знаком возросшего социального статуса последней.
- Сулома́й** (рус. адапт. кет. *Сүлем кай* — «Красный яр») — поселок на р. Подкаменная Тунгуска, центр подкаменнотунгусской группы.
- Сумарьково** — поселок на левом берегу Енисея ниже устья Подкаменной Тунгуски, место жительства отдельных кетских семей, преимущественно выходцев с Подкаменной Тунгуски.
- Сургу́тиха** — левый приток Енисея и одноименный поселок вблизи ее устья; центр расселения сургутинской группы кетов.
- Сык, сюк** (кет.) — овальное блюдо («корытце»), выдолбленное из кости или березового наплыва. В нем замешивали тесто, подавали на стол вареное мясо, рыбу и т.д. На дне с наружной стороны ножом делали зарубки-углубления, изображавшие глаза блюда.
- Сым** — левый приток Енисея, впадающий в него возле поселка Ярцево Енисейского района Красноярского края. Бассейн реки с XVII в. известен как территория расселения южных (сымско-касских) кетов.
- Сымско-касские кеты** — кеты, территорией расселения которых были реки Сым и Кас.
- Сясенгу́сь (Сясинку́сь)** — герой «военных» преданий, основной сюжет которых — месть сына за отца (см. также Силеке, Нюням, Ильгет).
- Сясинку́сь** см. Сясенгу́сь.
- Тага́н** (рус. местн.) — треножник, устанавливаемый над костром.
- Таз** — река в Обь-Енисейском междуречье, впадающая в Обскую губу.
- Тальник** — кустарник ивовой породы. Гибкие ветки его использовались для изготовления плетеных ловушек, а особым образом обработанная кора — в качестве скрепляющего (связочного) материала.
- Таниньга́** — имя дочери Ырохота (см.), которая становится женой духа воды (ульгуся; см.).

- Тель** (тэль; кет.) — «мамонт»; хтонический образ, символ нижнего мира, персонаж архаических текстов о разорителе гнезда (см. Каськет).
- Тесло** — орудие обработки дерева: палка-рукоять с железным, прогнутым внутрь наконечником, имеющим на торце режущую кромку.
- Тильгет** (Тыльгет) (букв. «кусок оленьего сала») — образ, сопутствующий сюжету о Каськете (см.); иногда — ипостась (трансформация) самого Каськета.
- Тиска** (кет. *кояль*) — крышка из сшитых полос вываренной и выделанной бересты. Широко использовалась в быту — для покрытия чума, жилой части лодок-илимок (см.), лабазов и т.д. Тиски из плотной бересты стелили на землю в летнем чуме, ими закрывали края снежной ямы при строительстве землянки (см.) и т.д. Выделка прочных и эластичных тисок требовала умения и навыков. Девушка могла быть просватана, если она обладала таким опытом.
- Тобет** (Тогéта, Тóгот, Тóгыт, Тóбигыт) — герой цикла «военных» преданий о борьбе кетов с иноплеменниками, средний брат легендарного Бальны (см.).
- Тогéта** см. Тогет.
- Тóгот** см. Тогет.
- Тóгыт** см. Тогет.
- Тóбигыт** см. Тогет.
- Тойбл** (кет.) — вид берестяной утвари. Наиболее распространены тойолы в виде круглого плоскдонного короба с крышкой, использовавшиеся для хранения чая, сахара, покупной чайной посуды. Их украшали орнаментом (чаще — характерные вильчатые фигуры), выполненным охрой. Чтобы рисунок не стерся, поверхность покрывали слоем рыбьего клея. Такие разрисованные тойолы (*иринг тойол*) очень ценились, упоминания о них имеются в сказках. Для хранения рыбьего жира, масла изготавливались тойолы с прямоугольным дном и четырьмя трапециевидными стенками. Они покрывались крышкой из нескольких слоев бересты. С нижней стороны к крышке был пришит широкий ободок, который плотно охватывал снаружи верхний край тойола.
- Толсты́х** — фамилия кетов, уроженцев Подкаменной Тунгуски, принадлежащих к родовому подразделению Кэнтаан (см.).
- То́мам** — мифологический персонаж высшего уровня — хозяйка юга, теплой земли на юге (в верховьях Енисея). Мать перелетных птиц, которые ежегодно пережидают у нее зиму. Вместе с птицами к Томам уходил зимовать легендарный шаман Дог (см.); весной он возвращался с первыми лебедями. Провожая осенью птиц, кеты обращались к Томам с просьбой снова на следующий год послать их людям. Исходным началом осмысления образа Томам могло быть непосредственное олицетворение юга и явлений природы, связанных с этой стороной света. Мифологически — альтернатива Хоседам (см.).
- Тома́р** (местн.; кет. *суом*) — стрела с тупым округлым утолщением на переднем конце, составляющим одно целое с древком, или такой же формы насаженным наконечником из дерева или кости. Применялась при охоте на белку, колонка (тупой наконечник не портил шкуру мелкого зверька). Стрелы с такими наконечниками использовались также при стрельбе по цели во время состязаний, а также в качестве детских игрушек. Имеются сведения о томарах, в наконечниках которых были просверленные отверстия; при полете такая стрела издавала характерный свист, вспугивающий зверька. В фольклоре томары упоминаются и как боевые стрелы.
- Тотáболь** — персонаж текстов мифологического характера, где главный герой — Каськет (см.), возможно младший брат последнего. Погибает, не послушав-

шись советов Каськета, но оживает после того, как тот покачал его в семишном котле (ритуал оживления).

Тунгуска — 1) женщина-эвенкийка; 2) сокращенное название р. Подкаменная Тунгуска.

Тунгусы — старое название эвенков.

Туруханск — населенный пункт на месте впадения в Енисей Нижней Тунгуски (бывш. село Монастырское, Ново-Туруханск), центр Туруханского района Красноярского края.

Туяс (местн. рус.) — короб из бересты; в фольклоре упоминаются туяса, использовавшиеся в качестве ведра.

Тыгылам (букв. «Нижняя Мать») см. Хоседам.

Тыльгет см. Тильгет.

Тыней — герой сказки о сироте, покинувшем обижавших его людей и проживавшем в старом земляном жилище с выходом в озеро. Пользовался берестяной лодкой. Жилище с выходом в озеро, лодка-берестянка — реалии культуры западных соседей кетов — тазовских, кетских селькупов, восточных хантов.

Тэль см. тель.

Угór (местн. рус.) — высокий берег, возвышенность.

Уквол — легендарный шаман кетов из рода Богдээнг (см.). Известны предания о его путешествии вместе с Догом (см.) в образе лебедя на юг, за пределы расселения кетов. Там Уквол, не внявший советам старшего спутника, погиб от рук «утиных людей» — югов.

Ульвэй (кет.) — название души человека, его двойник, невидимый рядовым людям.

Ульгет — младший сын предводителя кетов, по ошибке убитый своими же воинами.

Ульгысь (ульгусь) — водяной дух. Персонаж сказочных сюжетов и бытовых рассказов, где ему отводится роль хозяина речной фауны. Вступая в брак с женщиной, он обеспечивает ее родственников постоянной промысловой удачей (см. также кайгусь).

Уньгет — герой сказочного сюжета, где женой охотника становится лесная кайгусь (см.), но покидает людей из-за несоблюдения ими правил взаимоотношений с лесным миром. Известна фамилия семьи Уньгета — Бунеевы (см.) — реальные жители Подкаменной Тунгуски.

Усьес (кет.) — букв. «Теплый Есь (бог)»; мифологическое имя особой ипостаси верховного начала — Еся (ср. альтернативную ипостась *Тайесь* — «Холодный Есь»). Персонаж архаических текстов.

Хальк — героиня сказки об обиженной людьми старой женщине, лишившейся выращенной ею лисички. В заключительных словах старухи Хальк выражается идея воздаяния за причиненное сироте зло.

Хйттын (кет. *хит* — «клей», *тын* — «котел») — приспособление для разогревания клея. Представляет собой палочку с развилкой на верхнем конце, где закреплялась берестяная воронка с клеем. Палочку втыкали в землю возле костра и разогревали находившийся в воронке клей. В сказках клейнице отводится роль помощницы злокозненных персонажей.

Хблай (хблэй, хблй; кет.) — родовое или семейное священное место и имя его духа-хозяйки, символической матери родового шамана. Ежегодные посещения места сородичами были приурочены к дням летнего солнцестояния перед началом рыболовного сезона, однако особая идеологическая значимость обрядовых действий у холай как общеродового и единственного в году сакрального праздника предполагает более широкую их служебную направленность, неже-

ли только обеспечение успешного рыболовного промысла. Мифологическое осмысление образа Холай противоречиво — родовой покровитель и одновременно опасное для забывших ритуал людей начало. В культе холай у кетов в наибольшей степени проявляются трансформации и синкретизм, характерные для символической культуры народа конца XIX — начала XX в. Со священными местами связана культовая скульптура — деревянные антропоморфные изображения самой Холай (или ее личина, вырезанная на стволе дерева), ее сыновей — досей (досьн) (см.), зооморфные фигуры из дерева (медведь, птицы на высоких шестах).

Хб́лий см. хóлай.

Хб́лый см. хóлай.

Хонь см. хунь.

Хорéй (местн.) — длинная палка, которой управляют оленями при езде на нартах.

В тексте № 114 говорится о хорее юрака (см.) с железным наконечником, названным в оригинале *усь* — копые, рогатина (см.), пальма́ (см.).

Хб́седам (Хб́седэм, Хб́серя́м) — отрицательное начало кетского пантеона; жена Еся (см.), изгнанная им. Главным в осмыслении этого образа было признание непосредственной причинной зависимости между действиями Хоседам и смертью людей. Постоянным местом пребывания Хоседам (= страны, куда попадают умершие) считался север, низовья Енисея. С последним связано одно из эвфемистических имен Хоседам — Тыгылам, Тыхыря́м (*тыгэ/тыхэ* — «низовье», «север»; *ам* — «мать»). Негативное восприятие севера и природных явлений, с ним связанных, сказалось на формировании образа Хоседам, однако генезис его, видимо, имеет иные корни, нежели непосредственное их олицетворение; возможно, здесь представлен трансформированный вариант первоначального образа Матери-Земли. В сказках мифологического происхождения вместо Хоседам иногда фигурирует доотэм (см.).

Хб́седэм см. Хоседам.

Хб́серя́м см. Хоседам.

Хунь (хонь; кет.) — букв. «дочь», «кукла»; фольклорно-мифологический персонаж широко распространенного цикла о женщине (хунь) и злюкозненной кэлбэсам (см.). Известно несколько сюжетов с этими героями: кэлбэсам обманом подменяет сына женщины своей дочерью; убивает женщину и затем преследует ее детей; обманывает мужчину, собиравшегося жениться на Хунь, и сама становится его женой и т.д. В конечном счете добрая хунь выходит победительницей в противостоянии злой кэлбэсам. В шаманской мифологии известна Есьтехунь (Дочь неба, бога), в образе важеньки покинувшая своего мужа — Сына земли (см. Бангрэхьп).

Хы́пь (Хы́п; кет.) — букв. «сын»; распространенный персонаж сказок мифологического происхождения, восходящий к образу Сына земли (Бангрэхьп; см.).

Ча́га (кет. *кутам*) — нарост на березе. В сухом, растолченном виде его заваривали вместо чая. Отвар чаги обязательно входил в рацион питания беременных.

Чува́л (кет. *сонгол*) — отопительное устройство в землянке (см.) в виде расположенной перед кострищем загородки из тонких жердочек и трубы (также из жердочек, скрепленных обручами, или выдолбленной колоды). Труба и загородка промазывались смешанной с травой глиной, предохранявшей от обгорания. На чувале могла быть нарисована личина — изображение Матери-Огня.

Чум (кет *кусь*) — коническое жилище с остовом из шестов и берестяными покрьшками. Основу остова составляли два центральных опорных шеста *сухо-*

санг, верхний конец одного из них входил в развилку другого. Два сухосанга, равно как и третий, прислонявшийся к ним шест *котэнданг* (*котэнг* — «переднее», «чистое» место в чуме против входа, за очагом), считались сакральными. В фольклоре образ упавших шестов символизировал гибель семьи, рода. Распределение мест между членами семьи и размещение имущества в одном чуме и возле него регулировались нормативами, обусловленными общими представлениями о дуализме мифологического пространства.

Чумán (местн. рус.; кет. *ыхт*) — распространенная утварь из бересты в виде низких открытых коробов. Изготавливали их, складывая определенным образом (сгибали на углах) прямоугольные листы бересты. Чуманы имели преимущественно прямоугольную форму, удлинненную или квадратную, реже — круглую; размер утвари зависел от назначения. В них чистили и мыли рыбу, из них умывались и кормили собак. Были чуманы длительного пользования (большие, из нескольких слоев бересты, заменявшие корыто) и временные сосуды, которые выбрасывали после использования (например, служившие чашкой для чая на привале).

Ы́дахат (Ы́дохот) см. Эрохот.

Ы́рохот (Ы́рогот) см. Эрохот

Ыськет (Иськат) — эвфемистическое название вскормленного в семье медведя.

Эрохот — персонаж архаического космологического сюжета, определяемого важнейшими противопоставлениями: холод / тепло, верх (верхний мир, небо) / низ (нижний мир, земля), и трансформированных сказочных текстов (см. также Усесь, Бангсель, кэлбэсам). В.Н. Топоровым высказано предположение о возможной связи имени Эрохот с центральноазиатским обозначением Будды [83, с. 151–157].

Эт — существо верхнего мира, имеющее отношение к Усесю — Теплому богу (см. Усесь); возможно, связан с ним родственными отношениями. Персонаж архаического космологического сюжета.

Этль — персонаж бытового сюжета, мать сына, жена которого оказалась лентяйкой, но после ряда испытаний исправилась.

Юги (рус. адапт. кет. *югын*) — название группы сымско-касских кетов (см.). Язык югов (сымский) считается наравне с кетским самостоятельной ветвью енисейской языковой семьи. Носителей сымского ныне не существует, они окончательно ассимилировались в русской среде во второй половине XX в.

Ю́гын см. юги.

Юкола (местн. рус.; кет. *ит*) — заготовленная на зиму вяленая рыба. Более всего на юколу шли щука, язь, крупный лещ. Рыбу распарывали, вынимали внутренности и, сделав ножом поперечные надрезы, в распластанном виде подвешивали для просушки. Сухую рыбу отваривали себе и собакам; из нее готовили суп, запавленный мукой. Размоченную юколу разогревали на рожне, ели в сухом виде.

Юкса (местн. рус.) — крепление к лыжам из сыромятной кожи.

Юраки (местн. рус.; кет. *дыхыденг*) — название самодийскоязычных северных соседей кетов — енисейских ненцев. В кетском фольклоре юраки выступают всегда как враги кетов.

Юрта (местн. рус.) — так русские называли традиционное жилище кетов — чум, землянку.

Я́рцево — населенный пункт в Енисейском районе Красноярского края вблизи устья р. Сым; прежний центр сымской группы кетов.

СВЕДЕНИЯ О РАССКАЗЧИКАХ

Записи публикуемых текстов производились в разное время разными собирателями. Необходимые сведения обо всех исполнителях, к сожалению, отсутствуют. Здесь дан общий список дикторов кетского фольклора преимущественно конца 1950-х — 1980-х годов. Более подробные данные приводятся лишь о некоторых из них.

Бальдин Ф.А., 1906 г. рожд., житель пос. Келлог на р. Елогуй: № 96, 97, 130

Бальдин Харлампий Петрович, 1887 г. рожд., житель пос. Келлог на р. Елогуй. Обаятельный приветливый человек, прекрасно владевший родным и русским языками. Мастерски изготовлял долбленки, санки, лыжи. Любимый Елогуй, лес и «вольный воздух» были для него предпочтительнее поселковой жизни даже в преклонные годы. Интерес и уважение к традициям своего народа он привил детям и внукам. Обладал артистизмом и незаурядными исполнительскими способностями. В сборник включена записанная от него одна из самых полных версий о легендарном шамане Доге — № 45.

Бальдина З.Х., 1944 г. рожд., жительница пос. Сумароково на р. Енисей: № 68.

Бальдина Клавдия Харлампиевна, 1927 г. рожд., жительница пос. Келлог на р. Елогуй. Выросла в большой семье Харлампия Петровича и Анны Васильевны Бальдиных, давшей несколько незаурядных знатоков языка и фольклора (Г.Х.Николаева, З.Х.Бальдина, Т.Х.Бурова).

Одинаково хорошо владеет родным и русским языками. Окончила 8-летнюю школу. С детства помогала взрослым в рыбной ловле, рано научилась метко стрелять, овладела основными женскими занятиями (обработка шкур, бересты и др.). Работала библиотекарем в разъездном Красном чуме. Многодетная мать, воспитавшая и давшая образование всем детям.

Никогда не отрывалась надолго от любимых занятий — охоты и рыбной ловли, а, вырастив детей, уже немолодой, вместе с мужем-охотником на несколько месяцев уходила из поселка в тайгу на свои промысловые угодья.

Обладая прекрасной дикцией и несомненным исполнительским талантом, Клавдия особенно любила сюжеты, выражающие семейную этику, поведенческие установки в промысловой деятельности, обеспечивающие гармонию отношений человека и природы.

Включенные в настоящее издание тексты — № 21, 80, 81, 103, 115, 132, 137, 138 — были записаны Е.А.Алексеевнѳ от К.Х.Бальдиной в начале 1960-х годов, когда К.Х.Бальдина принимала участие в работе Туруханского отряда Северной экспедиции Института этнографии АН СССР.

Бердников И.О., 1915 г. рожд., житель пос. Сургутиха на р. Сургутиха: № 50, 145.

Бурова (урожд. Бальдина) Тамара Харламповна, 1939 г. рожд., жительница пос. Келлог на р. Елогуй.

Родилась в многодетной семье Харлампия Петровича и Анны Васильевны Бальдиных, известной знатоками кетского языка и народной культуры, в том числе фольклора. Прекрасно владеет родным и русским языками. Еще будучи студенткой Игарского педагогического училища, летом 1956 г. охотно помогала в сборе этнографического материала, записи и переводе фольклорных текстов. Наши контакты продолжились и в последующие годы.

Тамаре выпал трудный жизненный путь: она рано овдовела (муж, работавший в сейсмологической партии, трагически погиб), одна воспитывала дочь и осиротевшую племянницу. Дочь — Валентина Ивановна Бурова получила педагогическое образование, преподает в Келлоге кетский язык.

Тамара известна как одна из лучших мастериц по изготовлению меховой обуви и других изделий, пользующихся большим спросом, особенно у новоселов на Севере.

Общение с Тамарой позволяет говорить о ней как о добром, с развитым чувством собственного достоинства человеке, самоотверженной матери.

В настоящее издание включены три текста, полученные от Т.Х.Буровой в 1956 г. (№ 76, 83) и 1958 г. (№ 52).

Дибиков Михаил Михайлович, 1890 г. рожд., житель пос. Пакулиха на р. Пакулиха, пос. Верещагино на Енисее.

Представитель смешанной кетско-селькупской, оленной черноостровской группы. Прекрасно владел кетским и селькупским языками. Русский язык освоил в 1920-е годы, включившись в работу создававшихся на местах национальных потребительских (торгово-заготовительных) обществ. Был инициатором расширения их функций, в частности организации в них пунктов ликвидации неграмотности. Михаил Михайлович до преклонного возраста не оставлял охоты и рыболовства, пользовался уважением как один из лучших промысловиков (в качестве такового он в 1939 г. был делегирован на ВСХВ в Москву).

Мудрость и деловые качества М.М.Дибикова особенно проявились в трудное послевоенное время, когда он возглавлял многонациональный колхоз в Пакулихе. Ему пришлось заботиться не только о коренных северянах, но и об оказавшихся здесь не по своей воле спецпереселенцах (поволжские немцы, прибалты). Основной состав северян и переселенцев — женщины, дети, старики — в промысловые занятия включались с трудом. Усилиями и авторитетом М.М.Дибикова к концу 1950-х годов в Пакулихе был создан колхозный центр с необходимыми поселковыми учреждениями и жилыми постройками. Расположенный на дюне, окруженный сосновым бором, он выглядел очень привлекательно. Однако из-за трудностей связи с районным центром (Пакулиха мелководна и летом часто пересыхает) жители в дальнейшем были переселены в приенисейские поселки Верещагино и Бакланиху.

Михаил Михайлович запомнился как высокий, подтянутый, моложавый в свои 70 лет человек. Подкупала его деликатность и внутренняя интеллигентность. Михаил Михайлович очень помог нам с транспортом, заинтересованно относился к нашей работе и, несмотря на занятость, не отказывался от длительных бесед.

М.М.Дибиков был женат на русской, их сын Павел, получивший педагогическое образование, в 1987 г. жил с семьей в Верещагино. В свое время он, как и отец, был информантом А.П.Дульзона, который опубликовал несколько его текстов [6, № 20–22, с. 59–65].

В настоящее издание включены три из семи опубликованных А.П.Дульзоном фольклорных произведений, полученных от М.М.Дибикова в конце 1950-х годов [6, № 13–19, с. 41–59] — № 91, 102, 141. Один текст — о последней войне кетов с юраками (№ 102) — характеризует М.М.Дибикова как знатока и незаурядного исполнителя фольклора. Сообщенный им вариант этого распространенного сюжета содержит редко фиксировавшиеся художественные стереотипы, свойственные устной традиции кетов.

Дибиков П.М., 1923 г. рожд., житель пос. Верещагино на р. Енисей: № 87, 114.

Дибикова Зинаида Николаевна, 1900 г. рожд., жительница пос. Верещагино на р. Енисей.

Выходец из оленней черноостровской смешанной кетско-селькупской группы. потомственный охотник и прирожденный натуралист. Большая часть ее жизни прошла на таежных угодьях. Трижды была замужем, родила 13 детей, из которых к 1987 г. в живых оставался один 55-летний сын.

Известна как знаток кетского языка и фольклора; владела русским и (менее) селькупским языками.

В 87 лет (1987 г.) она сохраняла мироощущение человека, для которого природа является жизненной средой («Я родиной интересуюсь — какие тундры, болота есть, все осмотрю, какие листочки-иголки. Болотные березочки чашеватые, карлики»). Зинаида Николаевна замечала малейшие изменения в экологической обстановке, например, что стало меньше куликов, а два ворона почему-то уже несколько лет предпочитают жить в селе, а не в лесу, где «есть их пастбище». Свой интерес к живому миру Зинаида Николаевна выразила словами: «мне как-то всех жалко». Это необычное для исконного охотника чувство у нее выражалось в желании всегда иметь рядом живое существо, наблюдать за ним и ценить как друга, скрашивающего одиночество. У Зинаиды Николаевны, например, долго жил дикий гусь. Она «таскала» его в нарте со стойбища на стойбище. «Закутаю, сидит. Пока чум поставлю, лопать разложу, он гуляет...» Сшила ему пимы кульком («чтоб лапа растопырилась»), «чтоб ноги не ознобил». Гусь, орел, лебедь «понимают язык», а вот зайцу в этом было отказано: «Кого она слышит? Выйдет — бежит без ума!» Записанная от З.Н.Дибиковой этнографическая информация о прирученных животных корреспондирует с любимыми кетами фольклорными сюжетами о «вскормленных медведях».

В настоящее издание включены три текста — повествовательное поучение о взаимоотношениях людей с иным для них миром (в данном случае — великанов) — № 92, рассказ о мести брата за сестру, подвергавшуюся притеснениям в семье мужа, — № 118 и сказка с некоторыми чертами волшебной (присутствие магического пера) — № 128. Все три текста записаны в 1979 г. Э.И.Белимовым.

Дибикова У.К., 1927 г. рожд., жительница пос. Верещагино на р. Енисей: № 24, 85, 143.

Дорожкин Владимир Прокопьевич, 1930 г. рожд., житель пос. Сургутиха на р. Сургутиха.

Жил с родителями на внутренних угодьях сургутихинских кетов — озерах Налимье, Някольда. В семье были родственники (по браку) из селькупов с р. Таз (пос. Ратта), притоком связанной с оз. Някольда. Семья имела оленей, и зимние поездки на Таз были обычны. Пребывание в селькупоязычной среде сказалось на произношении и лексике Владимира. В школьные годы ему неоднократно доводи-

лось добираться на лодке через систему речек и озер из пос. Сургутиха, где находился интернат, к родителям на летние каникулы, а осенью совершать обратный путь. В его умении ориентироваться на местности (в половодье, когда земли вокруг не видно совсем), точно рассчитывать расстояние и время составителю довелось лично убедиться при трехдневном переезде на долбленке с оз. Някольда в пос. Сургутиха (1960 г.). С детства Владимир был приобщен к рыбной ловле, охоте, умело управлял оленьей упряжкой: Он отличался веселым характером, добродушием.

Записанные от него во время весновки на оз. Някольда (1960 г.) тексты кратки, для них характерны новации (переосмысления и синкретизация образов), связанные с эволюцией мировосприятия у молодежи. В сборник в память о В.П.Дорожке (он умер, не дожив до 40 лет) включены четыре его текста — № 25, 43, 98, 116.

Дорожкин О.А., 1900 г. рожд., житель пос. Някольда: № 14, 30, 32, 71, 72, 107.

Дорожкина Вера Сергеевна, 1888 (?) г. рожд., жительница пос. Сургутиха на р. Сургутиха.

Представительница смешанной кетско-селькупской, оленней черноостровской группы. В совершенстве владела кетским и селькупским языками; русский знала слабо, что затрудняло общение с ней.

Восемь текстов в конце 1950-х годов записал от В.С.Дорожкиной и опубликовал А.П.Дульзон в качестве приложения к очеркам по грамматике кетского языка [З, с. 140–215]. Эти тексты и личные впечатления позволяют сделать вывод, что В.С.Дорожкину можно назвать выдающейся сказительницей, знатком редко фиксировавшихся у кетов крупных фольклорных произведений. В одном из них — о культурном герое Дилтаке (№ 13) — усматривается фольклорное авторство. В исполнении В.С.Дорожкиной А.П.Дульзоном записан самый полный текст широко распространенной легенды о кайгусе верховьев реки (№ 56), осмысляющей ритуал по случаю добычи медведя (так называемый «медвежий праздник»). Речитатив и песенная форма были свойственны исполнению В.С.Дорожкиной героических сказаний. Несмотря на языковые трудности, Вера Сергеевна охотно общалась и в меру своих возможностей старалась быть понятой. По встречам осенью 1959 г. в Туруханске (она приезжала туда лечиться) она запомнилась как приветливый, доброжелательный человек.

В настоящий сборник включены семь текстов замечательной сказительницы, опубликованные А.П.Дульзоном, — № 13, 56, 57, 95, 100, 106, 108.

Ирикова Н.А., 1949 г. рожд., жительница пос. Келлог на р. Елогуй: № 15, 55.

Каменских Павел Николаевич, 1916 г. рожд., житель пос. Суломая на р. Подкаменная Тунгуска.

Фамилия Каменских (Каменские), видимо, связана с такими дошедшими до нас из документов XVII в. названиями, как закаменное (закаменское) зимовье, закаменные остиаки (топоним «камень» относится к месту Асиновских порогов на Енисее, образовавшихся, согласно преданию, после того, как мифический Альба прорубил лежащий «поперек земли» камень). Каменские, известные только на Подкаменной Тунгуске, составляли особую экзогамную группу, заключавшую браки в обеих родовых половинах (Кэнтаан и Богдэденг). Этот факт дает повод предполагать, что предки Каменских жили за пределами известного кетоязычного ядра, из которого сформировались современные кеты (характерно, что суломайские кеты называли их «совсем особым народом»).

В 1972 г. в Суломае оставались только двое Каменских — Павел Николаевич и его старшая сестра Ульяна Николаевна. Павел Николаевич хорошо говорил по-кетски и по-русски, хотя дикция не была четкой. Работа в качестве информанта ему нравилась. В определенной степени он сам определял интересующие его сюжеты. Чаще всего это были тексты мифологического характера: о возникновении земли и земного ландшафта, о небесных светилах, о появлении на земле первых людей, животных, птиц (их обычно «пускает» на землю Есь — верховное начало кетского пантеона). Он заявил себя не только как знаток фольклора, но и как ревнитель точного определения жанра произведения. Некоторые из них в его исполнении воспринимаются как притча. Характерен текст о Матери-Огне, потребовавшей в наказание за обиду человеческой жертвы (№ 82). Заканчивая его, Павел Николаевич выразительно подчеркнул достоверность сюжета: «Это не каска (сказка), это говор!» Стремление включить сюжет в реальную действительность, придать ему бытовой характер свойственны рассказчику. Характерен зачин: «Бунеев мужик с двумя бабами жил...» и концовка: «Толстых здешние — их родственники» (текст № 63, где речь идет о встрече охотника с лесной женщиной — кайгусь).

По числу представленных в настоящем издании текстов П.Н.Каменских занимает второе (после О.В.Тыгановой) место: № 2, 4, 7, 12, 16–19, 22, 31, 37, 54, 63, 66, 82, 89, 90, 112. Несовершенная дикция рассказчика, видимо, была причиной того, что лингвисты реже обращались к П.Н.Каменских как к информанту, чем этнографы.

Каменских Ульяна Николаевна, 1918 г. рожд., жительница пос. Суломай на р. Подкаменная Тунгуска.

Сестра Каменских Павла Николаевича (см.). В отличие от него Ульяна Николаевна часто привлекалась лингвистами, более всего для записи бытовых текстов. В настоящем сборнике представлен записанный у нее М.Н.Валл сюжет, известный и в других сибирских мифологических традициях: о птице — вершителе погоды (№ 142).

С именем Ульяны Николаевны Каменских связан один очень интересный и существенный этнографический факт. Во время полевой работы собирателя осенью 1972 г. она показала нехарактерное для кетской культовой скульптуры изображение «затылочного духа» — символической жены шамана. Эта фигура из дерева с заостренной, скошенной назад крупной головой досталась ей от шаманки Кутнам (Кутнак). Ее изготовил немой старик Каменский. Об этом знали люди, у которых фигура хранилась до того, как перешла к Кутнам, умершей в годы Первой мировой войны. А имя этой шаманки упоминает В.И.Анучин, работавший у кетов в начале XX в. по поручению Императорской Академии наук и конкретно — Музея антропологии и этнографии (МАЭ) [37, с. 32]. Сведения Ульяны Николаевны Каменских из Суломай о сохраненном ею уникальном предмете объединили время, пространство и усилия собирателей разных поколений.

В легендах о великом шамане Доге его символическая жена, «затылочный дух», — дочь самой Хоседам. Она сопровождает шамана и помогает ему в его путешествии в земном мире (отсюда второе название — «походная жена»), но одновременно не упускает возможности отстаивать интересы матери (см. № 46, 47). Второй раз вещь довелось увидеть в 1986 г. в Байките, районном центре Эвенкии, куда с 1960-х годов входит пос. Суломай. В числе других немногочисленных кетских экспонатов скульптура, изображающая «затылочного духа», поступила в формировавшийся тогда сельский краеведческий музей.

Коротких М.Д., 1886 г. рожд., житель пос. Келлог на р. Елогуй: № 77.

Коротких П.Е., 1912 г. рожд., житель пос. Келлог на р. Елогуй: № 28.

Ламбин Филипп Николаевич, 1895 г. рожд., р. Курейка, оз. Мундуйское.

Родился в районе современного г. Игарка. Семья матери жила вблизи русской деревни Денежкино, что на правом берегу Енисея, ниже устья Курейки. Отец — выходец с более южной территории кетов, возможно с Подкаменной Тунгуски. Это мнение Ф.Н.Ламбина находит подтверждение в том, что кеты Ламбины (кет. *Ламтылььыт*), по историческим данным, относились к роду Богдэденг, территорией которых в начале XVII в. были низовья Бахты и Подкаменной Тунгуски. Филипп Николаевич прекрасно владел кетским и русским языками, говорил по-селькупски. В свое время он окончил три класса церковноприходской школы в Туруханске, но, по собственному признанию, русский освоил только в армии (1940–1943). До образования колхоза (первое послевоенное десятилетие) семья Ламбиных постоянно находилась на оз. Ирбакан, занимаясь преимущественно подледным рыболовством и охотой. Владели небольшим числом оленей, впоследствии утраченными. Весной выходили на р. Курейку, а после спада воды — на побережье Енисея между деревнями Денежкино и Горошиха. На Мундуйском озере основным занятием также оставалось рыболовство, подсобным — охота. Жили в теплое время в чуме, а в холодное время в *голомо* (эвенк. *голомо*) — углубленной в землю конической постройке с земляным покрытием. Функционально она соответствовала известной в более южных районах кетской землянке *бангусь*. Голомо, в котором Ф.Н.Ламбин с женой жили весной 1958 г. во время охоты на ондатру, видимо, было последним жилищем подобного типа у курейских кетов. Ранней весной и летом 1959 г. они жили на так называемом Большом заказнике Мундуйского озера в чуме или в небольшой однокамерной постройке, выстроенной для рыбаков. До открытой воды на озере занимались преимущественно охотой (на зайцев, куропаток) ловушками. Жена Филиппа Николаевича, Прасковья Николаевна, — селькупка по происхождению.

Филипп Николаевич запомнился как мягкий, общительный человек, открытый для бесед о прошлом родного края и кетов. В фольклоре его более всего привлекали сюжеты героического характера о борьбе его народа с врагами (тунгусами, юраками), которых кеты побеждали не силой и числом, а умом, смелостью и ловкостью. Действие в его исполнении часто оказывалось привязанным к конкретным местам — устью р. Мундуйка, окрестностям оз. Пашкино, острову посредине Мундуйского озера. Филипп Николаевич был одним из немногих информантов, способных воспроизводить произведение речитативом или в песенной форме (предание о мстящем за отца Нюняме, песня о Пикуле и т.д.).

В настоящий сборник включены три текста, полученные от Ф.Н.Ламбина: № 99, 105, 134.

Латишкова Татьяна Семеновна, 1884 г. рожд., жительница пос. Ворогово на р. Енисей.

Сымская кетка, одна из последних носителей сымского (югского) языка. Родилась поблизости от с. Ярцево, позднее переселилась в Ворогово. Хорошо знала родной и русский языки. В 1920-х годах, занимаясь на курсах по ликвидации неграмотности, обучилась начальной грамоте. Вырастила пятерых детей. В середине 1960-х годов она продолжала жить в однокамерной срубной постройке, характерной для стационарных жилищ, появившихся у кетов-югов в начале 1930-х годов.

Татьяна Семеновна Латишкова была доброжелательным, открытым человеком и с большой ответственностью относилась к роли информанта. Особо доверитель-

ные, сердечные отношения у нее сложились с Генрихом Каспаровичем Вернером, ныне ведущим специалистом по енисейскому языкознанию, приезжавшим в Ворогово в 1964–1965 гг. для изучения югского языка.

Интенсивная русификация кетов-югов сказалась и на характере текстов, полученных от Т.С.Латиковой; этим объясняется краткость, близкая к пересказу, упрощение образов и т.д.

В настоящем издании представлено четыре образца фольклора сымских кетов, записанных от Т.С.Латиковой: № 9, 33, 39, 144.

Лямич А.И., 1915 (?) г. рожд., жительница пос. Суломай на р. Подкаменная Тунгуска: № 123.

Максунова А.А., 1927 г. рожд., жительница пос. Верещагино на р. Енисей: № 26, 69.

Максунова З.С., 1942 г. рожд., жительница пос. Келлог на р. Елогуй: № 51.

Пешкин С.А., 1935 г. рожд., житель пос. Сургутиха на р. Сургутиха: № 10, 140.

Савенкова Т.П., 1903 г. рожд., жительница пос. Ярцево на р. Енисей: № 49, 86.

Серков Ф.А., 1885 г. рожд., оз. Мундуйское: № 53, 58, 62.

Серкова Т.Н., 1900 г. рожд., оз. Мундуйское: № 44, 59, 84.

Тапков П.И., 1928 г. рожд., житель пос. Сургутиха на р. Сургутиха: № 11, 122.

Тапкова А.Н., 1925 г. рожд., жительница пос. Сургутиха на р. Сургутиха: № 20, 41, 73, 111, 117.

Толстых Т.Г., 1902 г. рожд., жительница пос. Суломай на р. Подкаменная Тунгуска: № 42, 109, 139.

Тыганов К.М., 1910 г. рожд., житель пос. Суломай на р. Подкаменная Тунгуска: № 3, 46.

Тыганова (урожд. Латикова) Ольга Васильевна, 1917 г. рожд., жительница пос. Суломай на р. Подкаменная Тунгуска.

Ведущий информант по кетскому языку, фольклору и этнографии. Смолоду владеет русским языком — научилась от «деда», старшего брата своей матери, в семье которого она, осиротев, жила с детства до замужества. Главными заповедями деда были труд, трезвость, уважение обычаев. Такое же отношение он старался привить молодым. Ольга с детских лет была включена в четкий хозяйственный ритм семьи и ее духовную жизнь. Зимой кочевали на охотничьих угодьях по притокам Подкаменной Тунгуски, весь период открытой воды проводили на енисейских «песках», занимаясь рыбной ловлей. Свой чум обычно ставили вблизи русских деревень Сумароково и Бахта. В 1915–1920-х годах каждое лето у них жил ссыльный русский, который обучил деда начальной грамоте. В Суломай семья переехала в 1927 г., в то время там было три постройки — лавка с жилым помещением для продавца, амбар и баня. Кетские семьи жили в чумах. В 1933 г. в Суломае впервые заработала начальная школа и в числе других учеников (все — переростки) в 1934 г. в первый класс пошла Ольга.

Окончив два класса, она в 1936 г. вышла замуж за Петра Тыганова — опытного охотника, выходца из уважаемой (в ней было несколько братьев) семьи. Большое влияние на его развитие оказала встреча с будущим известным этнографом-сибиреведом, собирателем нганасанского и энецкого фольклора Борисом Осиповичем Долгих. На Подкаменную Тунгуску он приезжал из Красноярска совсем молодым для подготовки и проведения переписи 1928 г. Борис (так, вспоминая, его называли кеты еще в 1986 г.) подолгу находился на рыболовецких стойбищах братьев Петра, жил в их илимке, чуме. Он интересовался обычаями, сказками ке-

тов. Петр рассказывал сам и водил к старикам, а Борис, в свою очередь, учил его читать и писать, совершенствовал в русском языке. По инициативе и при прямом участии Петра и Бориса несколько суломайских мужчин впервые подстригли волосы, и это стало примером для других.

В 1938 г. Петр и Ольга Тыгановы сами построили себе дом, двускатная крыша которого сначала была из берестяных покрышек (первый дом кетской семьи, принадлежавший старшему брату Петра, в Суломае появился в 1933 г.). Петр работал председателем сельского совета (в Туруханске он окончил специальные курсы); в этой должности ему пришлось провозжать односельчан на войну.

Зимой 1942 г. семья Тыгановых (в ней было трое сыночек) совершила свою единственную «большую ходьбу». Они ушли в тайгу в первых числах января и до весны в деревню не возвращались. Взрослые и старший — шестилетний — сын передвигались на камусных лыжах, младших везли на нарте, используя помощь впряженной в лямку собаки. Ольга помогала свекрови перетаскивать груз, оставленный на старой стоянке, а потом вместе с мужем белковала до новой кочевки. В 27 лет Ольга осталась вдовой (младшему сыну было четыре года): Петр умер, вернувшись с фронта после полученного под Сталинградом тяжелого ранения, прожив дома только 22 дня. Чтобы содержать семью, Ольга бралась за любую работу: подряжалась заготавливать дрова и сама тащила с лесной делянки тяжелые нарты, работала уборщицей, санитаркой, справлялась в отсутствие специалистов с фельдшерскими обязанностями. Но она никогда не оставляла своих любимых занятий — охоты и рыбной ловли. После мужного дежурства в короткий световой день урывала несколько часов, чтобы «сбежать в лес с ружьем». К 30 годам ей дважды выпало обнаружить берлогу, а затем присутствовать при добыче зверя, один на один встречаться с росомахой. Она единственная из женщин отваживалась «бурундуковать»: массовый выход зверьков из зимних убежищ приходится на время весеннего наста, способного выдержать не только человека или собаку, но и медведя (те в эту пору начинают покидать берлогу); опасаясь его, другие женщины предпочитали не рисковать. Летом семья была с рыбой — в курье всегда находились несколько ставных сетей. Проверять их Ольга ездила на лодке-долбленке по два раза в день. Свою любовь и знание Леса и Реки Ольга передала сыновьям.

Жизнь проверила Ольгу Васильевну на стойкость, верность себе и смелость (черты, присущие многим кетским женщинам). Незаурядный, талантливый в любом деле человек, она известна и как выдающийся знаток языка, фольклора и саомытной культуры своего народа, обладает прекрасной памятью, интуицией и требовательностью к себе как к информанту (при возникавших сомнениях она всегда советовалась с уважаемыми ею другими знатоками — Татьяной Григорьевной Толстых, Карпом Михайловичем Тыгановым и др.).

С Ольгой Васильевной в разные годы работали многие лингвисты и этнографы. Она всегда охотно соглашалась стать информантом, была четка в работе, а иногда сама инициировала ее, используя каждый час (и в преклонном возрасте она оставалась хозяйкой в семье младшего сына — Владимира, занимаясь не только каждодневными домашними делами, но и огородом).

Для исполнения Ольгой Васильевной фольклорных произведений характерны присущая ей эмоциональность и несомненный артистизм. Сведения, полученные от Ольги Васильевны Тыгановой, имеют первоклассное источниковое значение. Блестящим образцом может быть рассказ о медвежьем празднике, опубликованный с лингвистическими и этнографическими комментариями Е.А.Крейновичем

[61, с. 6–111]. Он отражает событие 1947 г., когда в образе обнаруженной молодой женщиной медведицы, по представлению кетов, к ней в гости явилась из инобытия мать.

В настоящем издании представлены 30 текстов, записанных от О.В.Тыгановой разными собирателями, — № 8, 27, 35, 36, 38, 40, 47, 48, 60, 61, 64, 65, 67, 70, 75, 78, 79, 88, 94, 101, 104, 110, 113, 119, 120, 121, 124, 127, 133, 136.

Эти тексты отражают все основные сюжетно-тематические и жанровые группы кетского фольклора. Верность народной фольклорной традиции характерна для Ольги Васильевны Тыгановой, творческие новации (например, описания «красоты») вызваны образами русской сказки (№ 38, 60, 67). Автобиографические подробности получены составителем от О.В.Тыгановой во время нескольких полевых сезонов, преимущественно в 1972 и 1986 гг.

Хозов И.П., 75 лет, житель пос. Бакланиха на р. Енисей: № 126, 131.

Хозова А.П., около 70 лет, жительница пос. Сургутиха на р. Сургутиха: № 125.

Хозова М., год рожд. неизв., жительница пос. Черноостровское на р. Енисей: № 93.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МАЭ	—	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
СЭ	—	Советская этнография
ТГПИ	—	Томский государственный педагогический институт
MSFOu	—	Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Записи кетского фольклора

1. *Богораз В.Г.* Кастрен — исследователь палеоазиатов. — Памяти М.А.Кастрена. Л., 1927. (Один кет. текст, записанный Н.К.Каргером, с подстр. рус. пер.)
2. *Дульзон А.П.* Кетские сказки и другие тексты. — Уч. зап. ТГПИ. 1962, т. 20, вып. 2. (Кет. тексты с рус. подстр. пер.)
3. *Дульзон А.П.* Очерки по грамматике кетского языка. Ч. 1. Томск, 1964. (Приложение: кет. тексты с рус. подстр. пер.)
4. *Дульзон А.П.* Кетские сказки и другие тексты. — Уч. зап. ТГПИ. 1964, т. 21, вып. 1. (Кет. тексты с рус. подстр. пер.)
5. *Дульзон А.П.* Кетские сказки и другие тексты. — Уч. зап. ТГПИ. 1965, т. 22. (Кет. тексты с рус. подстр. пер.)
6. *Дульзон А.П.* Кетские сказки. Томск, 1966. (Кет. тексты с рус. подстр. пер.)
7. *Дульзон А.П.* Сказки народов Сибирского Севера. Вып. I. Томск, 1972. (Кет. тексты с рус. подстр. пер.)
8. *Каргер Н.К.* Кетский (енисейско-остяцкий) язык. — Языки и письменность народов Севера. Т. III. М.—Л., 1934. (Один кет. текст с рус. подстр. пер.)
9. Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. Л., 1969. (Кет. тексты с рус. подстр. пер.: I. имбацкие тексты; II. сымские тексты.)
10. *Остыганна аськэтан* — Кетские сказки. Сост. и обраб. Г.Х.Николаевой. СПб., 1998.
11. Сказки народов Севера. М.—Л., 1951. (Три кет. текста в рус. лит. пер.)
12. Сказки народов Севера. Сост., предисл. и примеч. М.Г.Воскобойникова и Г.А.Меновщикова. М.—Л., 1959. (Семь кет. текстов в рус. лит. пер.)
13. Сказки народов Сибирского Севера. Вып. II. Томск, 1976. (Кет. тексты с рус. подстр. пер.)
14. Сказки народов Сибирского Севера. Вып. IV. Томск, 1982. (Кет. тексты с рус. подстр. пер.)
15. *Donner K.* Ketica. Materialien aus dem Ketischen oder Jenissei-ostjakischen, bearb. und hrsg. von Aulis J.Joki. — MSFOu. 1955, vol. 108. (Приложение: кет. тексты с подстр. нем. пер.)
- 15a. *Donner K.* Ketica II. Supplement. Bearb. und hrsg. von Aulis J.Joki. — MSFOu. 1958, vol. 108, 2. (Приложение: кет. тексты с подстр. нем. пер.)
16. *Findeisen H.* Neue Untersuchungen und Materialien zum Problem der westsibirischen Altasiaten sowie über der Ursprung der Altasiaten überhaupt. — Zeitschrift für Ethnologie. 1927, Bd. 59. (Кет. расск. в нем. пер.)
17. *Findeisen H.* Zwei ketische (jenisseiostjakische) Erzählungen von der Steinigen Tunguska (Westsibirien). — Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. 1941, Bd. 71.

18. Northern Lights. М., 1976. (Два кет. текста в англ. пер.)
19. Архив полевых записей В.И.Анучина. 1905–1908. — Центральный государственный архив Республики Узбекистан, ф. 1726, оп. 1, д. 2. (Кет. тексты с рус. подстр. пер.)
20. Архив Лаборатории языков народов Сибири Томского педагогического университета. 1948–1980 гг. (Кет. тексты с рус. подстр. пер.)

2. Использованная литература

21. Айзенштадт А. У кетов и селькупов. — Музыка Сибири и Дальнего Востока. Вып. 1. М., 1982.
22. Александров В.А. Русское население Сибири в XVII — начале XVIII в. (Енисейский край). М., 1962.
23. Алексеенко Е.А. Культ медведя у кетов. — СЭ. 1960, № 4.
24. Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967.
25. Алексеенко Е.А. [Рец. на:] Дульзон А.П. Кетские сказки. Томск, 1966. — СЭ. 1967, № 4.
26. Алексеенко Е.А. Этнографические элементы в кетском фольклоре. — Фольклор и этнография. Л., 1970.
27. Алексеенко Е.А. Кетский обрядовый фольклор. — Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974.
28. Алексеенко Е.А. Представления кетов о мире. — Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.
29. Алексеенко Е.А. Кетская проблема. — Этногенез народов Севера. М., 1980.
30. Алексеенко Е.А. Шаманская нарта (*коссул*) у кетов. — Сб. МАЭ. 1981, XXXVII.
31. Алексеенко Е.А. Шаманство у кетов. — Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981.
32. Алексеенко Е.А. Кеты. — Этническая история народов Севера. М., 1982.
33. Алексеенко Е.А. Этнокультурные аспекты изучения шаманства у кетов. — Этнокультурные контакты народов Сибири. Л., 1984.
34. Алексеенко Е.А. На медвежьем празднике у кетов. — СЭ. 1985, № 5.
35. Алексеенко Е.А. Мифологические параллели культу медведя у кетов. — Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки: Духовная культура. Вып. 2. СПб., 1995.
36. Антропология кетов. [Авторы: Гохман И.И., Башлай А.Г., Беневоленская Ю.Д., Давыдова Г.М., Жомова В.К., Хить Г.Л.]. — Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982.
37. Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков. — Сб. МАЭ. 1914, т. II, вып. II.
38. Вайда Э. Актантные спряжения в глаголе кетского языка. — Вопросы языкознания. 2000, № 3.
39. Вернер Г.К., Вернер И.Г., Николаева Г.С., Николаев Н.Е. О песнях современных сымских и имбатских кетов. — Сказки народов Сибирского Севера. Вып. IV. Томск, 1982.
40. Вернер Г.К. Новый кетский алфавит. Красноярск, 1989.
41. Вернер Г.К. Словарь кетско-русский и русско-кетский. СПб., 1993.
42. Вернер Г.К. *Аб бисебаан и'ль* — Песнь о моем брате (Эпическая поэма). Книга для чтения в старших классах кетских школ. Красноярск, 1999.

43. Вестник статистики. М., 1980, № 7.
44. *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.
45. *Долгих Б.О.* Кеты. Иркутск, 1934.
46. *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.
47. *Долгих Б.О.* К истории родо-племенного состава кетов. — Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982.
48. *Дульзон А.П.* Кетские топонимы Западной Сибири. — Уч. зап. ТГПИ. 1958, т. 18.
49. *Дульзон А.П.* Былое расселение кетов по данным топонимики. — Вопросы географии. 1962, № 58.
50. *Иванов С.В.* Мамонт в искусстве народов Сибири. — Сб. МАЭ. 1949, т. 11.
51. *Иванов С.В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. — Тр. Института этнографии. Нов. сер. 1954, т. XXII.
52. *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* К вопросу о реконструкции кетского эпоса и его мифологических основ. — Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. М., 1962.
53. *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Комментарий к описанию кетской мифологии. — Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М., 1969.
54. *Иванов Вяч.Вс., Молошная Т.Н., Сегал Д.М., Топоров В.Н., Успенский Б.А., Цивьян Т.В.* Кетские песни и другие тексты. — Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М., 1969.
55. *Иванов Вяч. Вс.* Кетско-американские связи в области мифологии. — Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982.
56. *Иохельсон В.* Натуралистический сюжет о происхождении комаров и прочих гадов в сибирско-американских мифах. — Сб. МАЭ. 1918, т. V, вып. 1, 2.
57. *Казакевич О.А.* Языковая ситуация у коренных малочисленных народов Туруханского района: Кеты и селькупы. — Язык в контексте общественного развития. М., 1994.
58. *Кошелев Я.Р.* О кетских сказках. — *Дульзон А.П.* Кетские сказки. Томск, 1966.
59. *Крейнович Е.А.* Кетские загадки. — Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М., 1969.
60. *Крейнович Е.А.* Кетское предание об одном из их сражений с юраками. — Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М., 1969.
61. *Крейнович Е.А.* Медвежий праздник у кетов. — Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М., 1969.
62. *Крейнович Е.А.* Обряд кормления «дорожной старухи» у кетов. — Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М., 1969.
63. *Кривоногов В.П.* Кеты на пороге III тысячелетия. Красноярск, 1998.
64. *Куприянова З.Н.* Собрание и изучение фольклора кетов в советское время. — Языки и фольклор народов Крайнего Севера. Л., 1973.
65. Легенды и сказки хантов. Записи, введ. и примеч. В.М.Кулемзина и Н.В.Лукиной. Томск, 1973.
66. Материалы по фольклору хантов. Записи, введение и примечания В.М.Кулемзина и Н.В.Лукиной. Томск, 1978.
67. Мифологические сказки и исторические предания энцев. Запись, введение и комментарии Б.О.Долгих. М., 1961.
68. Мифы, предания, сказки хантов и манси. Перевод с хантыйского, мансийского, немецкого языков. Состав., предисл. и примеч. Н.В.Лукиной. М., 1990 (Сказки и мифы народов Востока).

69. *Николаев Р.В.* Некоторые вопросы этногенеза кетов в свете данных фольклора. — Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973.
70. *Николаев Р.В.* Общие элементы в кетских и хакасских эпических сказаниях. — СЭ. 1974, № 1.
71. *Николаев Р.В.* Фольклор и вопросы этнической истории кетов. Красноярск, 1985.
72. *Николаев Р.В.* Фольклор как источник по традиционным религиозным воззрениям кетов. — Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985.
73. *Пелих Г.И.* Происхождение селькупов. Томск, 1972. (Селькупские сказки — приложение I; хантыйские сказки — приложение II.)
74. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Сост. Г.М.Василевич. Л., 1936.
75. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. Состав., предисл. и примеч. Г.А.Меновщикова. М., 1974 (Сказки и мифы народов Востока).
76. Сказки и мифы эскимосов Сибири, Аляски, Канады и Гренландии. Состав., предисл. и примеч. Г.А.Меновщикова. М., 1985 (Сказки и мифы народов Востока).
77. Сказки и предания нганасан. Запись и подготовка текстов, введ. и коммент. Б.О.Долгих. М., 1976 (Сказки и мифы народов Востока).
78. *Старостин С.А.* Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков. — Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982.
79. *Старостин С.А.* Сравнительный словарь енисейских языков. — Кетский сборник. Лингвистика. М., 1995.
80. *Терешкин Н.И.* Очерки диалектов хантыйского языка. М.—Л., 1961.
81. *Топоров В.Н.* Библиография по кетскому языку. — Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М., 1969.
82. *Топоров В.Н.* О типологическом подобию мифологических структур у кетов и соседних с ними народов. — Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М., 1969.
83. *Топоров В.Н.* О следах старого иранского культурно-исторического переживания у енисейских кетов. — Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания. М., 1970.
84. *Топоров В.Н.* Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии (1–2). — Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.
85. *Топоров В.Н.* Енисейский образ трикстера (кетское — Каскет, югосыымское — Хасингет) в свете ареальных и типологических параллелей. — Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985.
86. *Топоров В.Н.* Мамонт. — Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 3. М., 1988.
87. *Хелимский Е.А.* Keto-Uralica. — Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982.
88. *Шейкин Ю.И.* Кетско-селькупские народы Енисея. Кеты. — Музыкальная культура народов Северной Азии. Якутск, 1996.
89. *Donner K.* Ethnological Notes about the Jenissey-Ostjak (in the Turukhansk Region). — MSFOu. 1933, vol. 66.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
<i>Мифы и мифологические сказки</i>	
1. О потопе	56
2. Сотворение земли	57
3. Бангдэхып-месяц	57
4. О Солнце и Месяце	57
5. Сказка о Месяце	58
6. Месяц и Солнце	60
7. Отчего появились пятна на месяце	63
8. Про Сына неба	63
9. Есь	64
10. Большая Медведица	64
11. Сохатый	65
12. Первые люди на земле	65
13. Откуда жизнь вперед пошла	65
14. Упавший с неба гром	74
15. Как человек стал смертным	74
16. Про первого оленя	75
17. Про первого зайца	75
18. Про первого медведя	76
19. Про рябчика	77
20. Белка	77
21. Старик и старуха	77
22. Про первого глухаря	79
23. Глухарь, утка и гусь	80
24. Почему у глухаря и косача глаза красные	80
25. Кукушка	81
26. О кукушке	81
27. Соболь	82
28. Глухарь и зайчиха	82
29. Шаман и зайцы	84
30. Лебеди	84
31. Про орла	85
32. Про оленей	85
33. Деревья	86
34. Богатырь Альба и Хосядам	86
35. Альба	87
36. Ольгит	89
37. Хунь и кэлбэсам	90
38. Сын земли	91
39. Дочь неба	92
40. Про Усеся	93
41. Теплая сказка	98
42. Бангсель	100
43. Кэлбэсам	102
44. Дог	103
45. Дог	104
46. Про Дога	107
47. Как Дог ходил убивать Хоседам	108
48. Как Дог с громами воевал	110
49. Гагара	112

50. Дог	113
51. Дог	115

Легенды, бытовые рассказы, поучения

52. Невидимый человек	117
53. Про упавшего вниз человека	119
54. Про тунгуса	119
55. О шамане	120
56. Кайгусь верховья реки	120
57. Кайгуси верховья реки	127
58. Кайгусь	130
59. Про кайгусь	131
60. Про Дандукна	132
61. Кайгусь	135
62. Кайгусь	138
63. Про кайгусь-жену	139
64. Кайгусь скалистой горы	139
65. Старик Ирис	139
66. Про ульгуса	141
67. Про Танингу	142
68. Девушка и водяной	144
69. О медведях	144
70. Рассказы о вскормленных медведях	145
71. Случай в лесу	146
72. Медведь-выкормыш	146
73. Не надо бояться медведя	147
74. Охотники в берлоге	147
75. Про одинокую старуху Хальк	148
76. Сирота	148
77. Про сиротку	149
78. Про старуху Кёгл	150
79. Про сноху Этли	153
80. Ленивая жена	155
81. Глупая жена	157
82. Говор про огонь	159
83. Рыбы головы	159
84. Кайгусь — беличья мать	159
85. Про двух охотников	160
86. Филин	161
87. Про сохатого	161
88. Про Дисла	162
89. Про доотам	163
90. Как два брата доотэм бам встретили	164
91. О старике-дототе	164
92. Про великанов	166
93. Старик и доотеты	167
94. Куньт	167

Героические сказания и исторические предания

95. Кайгусь верховья реки	169
96. Бальна	171
97. Бальна	172
98. Бальна	174
99. Бальна	175

100. Бальна	177
101. Рассказ о том, как Бальна с эвенками воевал	180
102. Последняя война	182
103. Слепая старуха и чужак	184
104. Про Ульгета	184
105. Нюням	186
106. О Сяинкусе	188
107. Сяенгусь	195
108. Про Силеке	196
109. Сражение с юраками	200
110. Про Бильгета	202
111. Мечь сына за отца	205
112. Война кетов с эвенками	206
113. Про отца Ильгета	207
114. Старик с заячьей паркой	209
115. Как старик-остяк юраков обманул	210
116. Ологынтатсь	210
117. Война с селькупами	211
118. О дочери старика Идата	211
119. Тыней	213
120. Про Антоску Бальбина и царя	215

Сказки

121. Каськет	216
122. Хьпъ	218
123. Про мамонта	219
124. Про Каськета и старика Эрохота	220
125. Про Каськета и Тотаболя	222
126. Кольтут	225
127. Про сестру Вихря	228
128. Как женщина с орлом жила	230
129. Колбасам и хунь	231
130. Хунь и кэлбэсам	233
131. Про хунь и колбасам	234
132. Кэлбэсам и хунь	239
133. Про колмасам	240
134. Хонь	244
135. Женщина и чертовка	245
136. Про колмасам	246
137. Две женщины на лесном стойбище	248
138. Ератник	249
139. Про старика Ыдохота	250
140. Брат и сестра	252
141. Старик рыбак	253
142. Про дятла и ворону	254
143. Медведь и бурундук	255
144. Мышка	256
145. Лиса	257
Комментарии	260
Глоссарий	308
Сведения о рассказчиках	327
Список сокращений	336
Библиография	337

Научное издание

**МИФЫ,
ПРЕДАНИЯ, СКАЗКИ
КЕТОВ**

Редактор *Н.Г. Михайлова*

Художник *Э.Л. Эрман*

Технический редактор *О.В. Волкова*

Корректор *И.И. Чернышева*

Компьютерная верстка *Н.А. Важенкова*

ЛР № 020297 от 23.06.97

Подписано к печати 16.11.01

Формат 60×90 ¹/₁₆. Печать офсетная

Усл. п. л. 21,5. Усл. кр.-отг. 21,5. Уч.-изд. л. 24,3

Тираж 1000 экз. Изд. № 7966. Зак. № 4822

Издательская фирма

«Восточная литература» РАН

103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"

121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

